

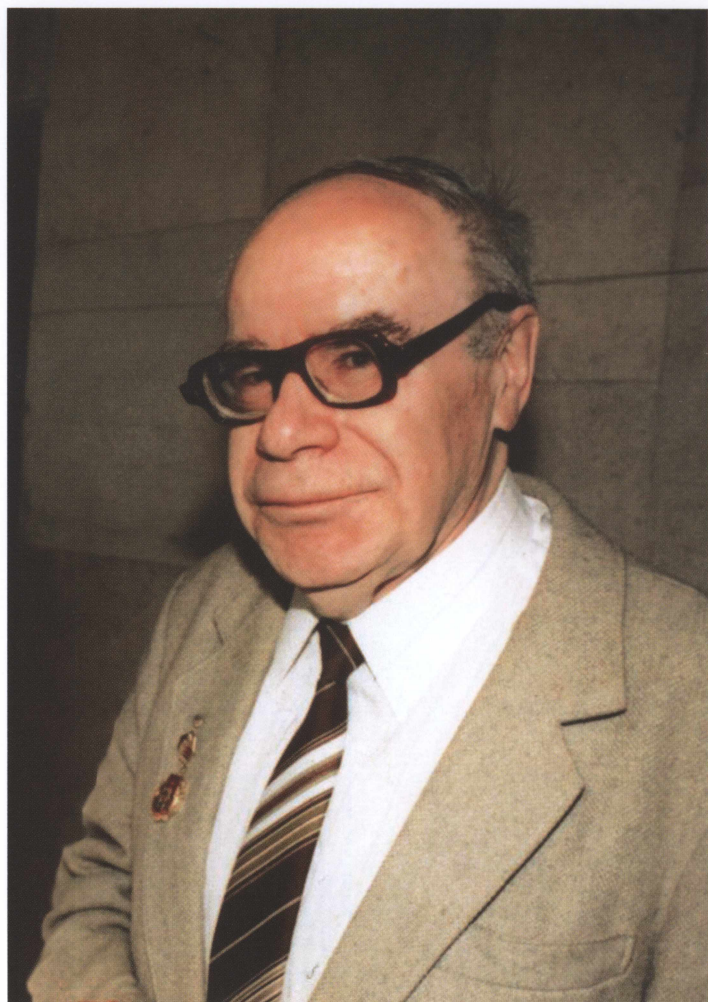
Связь веков

Исследования по источниковедению
истории России до 1917 года

Связь веков

Исследования
по источниковедению истории России
до 1917 года

**Александр Александрович
ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ**

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Связь веков

**Исследования
по источниковедению истории России
до 1917 года**

Памяти профессора А.А. Преображенского

Сборник статей

Москва
РОСПЭН
2007

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

д. и. н. А. В. Семенова (ответственный редактор),
к. и. н. Д. В. Лисейцев, к. и. н. Н. И. Никитин,
д. и. н. Н. М. Рогожин

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

д. и. н. Н. В. Козлова, д. и. н. Э. Г. Истомина

Связь веков: Исследования по источниковедению истории
С24 России до 1917 года. Памяти профессора А. А. Преображенского:
сборник статей / Отв. ред. А. В. Семенова; Российская Академия
наук, Институт российской истории. — М. : «Российская полити-
ческая энциклопедия» (РОССПЭН), 2007. — 446 с.

Сборник посвящен памяти крупного российского историка профессора А. А. Преображенского. В сборнике публикуются статьи по различным аспектам истории России феодального периода, источниковедению и историографии. Публикуются исследования о роли православной церкви в истории России, феодальном городе, об истории российского предпринимательства, отношениях власти и различных сословий, аграрной истории и внешней политике России.

Работа подготовлена в Центре истории русского феодализма ИРИ РАН.

ISBN 978-5-8055-0188-4
ISBN 978-5-8243-0906-5

© Институт российской истории
РАН, 2007
© «Российская политическая
энциклопедия», 2007

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник статей посвящен памяти известного российского историка, доктора исторических наук, профессора Александра Александровича Преображенского, возглавлявшего на протяжении многих лет отдел истории феодального периода Института истории СССР АН СССР (ныне Институт российской истории РАН). Тематика статей сборника так же широка, как и круг научных интересов Александра Александровича. Среди авторов — коллеги, ученики историка и представители молодого поколения исследователей.

Открывается сборник статьей о жизненном и творческом пути профессора Преображенского, где особенно подчеркивается существенный вклад ученого в отечественную историческую науку, в том числе в разработку крупных теоретических проблем. Сфера интересов ученого включала различные аспекты истории России феодального периода, особенно XVII–XVIII вв., источниковедение и историографию. Много внимания он уделял популяризации исторических знаний.

Ряд статей сборника посвящен роли православной церкви в истории России, феодальному городу, истории Государева двора и приказной системы, промышленности и торговле России эпохи феодализма, истории российского предпринимательства.

Проблема власти, абсолютизм и дворянство — еще одно направление статей настоящего издания. Ряд материалов посвящен аграрной истории XVIII–XIX вв. Присутствуют в сборнике также статьи, анализирующие источники по истории внешней политики России этого времени, а также работы по политической истории России более позднего периода.

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ (1925–2002): УЧЕНЫЙ И ГРАЖДАНИН

А. А. Преображенский был одним из наиболее крупных и ярких представителей отечественной исторической науки. Его перу принадлежат около 500 работ, которые получили широкую известность и заслуженное признание как у нас в стране, так и за рубежом. По общему мнению, исследования Преображенского отличали постановка крупных теоретических проблем, широта и доказательность выводов и обобщений, сделанных на основе тщательного анализа большого круга архивных источников, патриотическое звучание. Примечательная сторона трудов ученого — живой интерес к человеческим судьбам, поэтому его работы содержат яркие характеристики людей разного социального положения. Привлекает читателей выразительность и ясность стиля работ Преображенского, чуждых штампам, нарочитому наукообразию и усложненности, что ныне часто воспринимается как признак «научного» слога. А кроме того его работы имеют осязаемое патриотическое звучание.

Александр Александрович родился 18 ноября 1925 г. в городе Орехово-Зуево Московской области в семье юриста и учительницы. В начале 1943 г. из 10-го класса средней школы он ушел в ряды Красной Армии, был тяжело ранен. После длительного лечения в госпитале его направили на работу в г. Челябинск на оборонный завод. Без отрыва от производства Преображенский окончил 10-й класс вечерней школы рабочей молодежи с золотой медалью.

Осенью 1945 г. он стал студентом Московского государственного историко-архивного института (МГИАИ) и уже на студенческой скамье начал заниматься в научных

---

* При написании статьи были использованы также материалы, подготовленные ведущим научным сотрудником Института российской истории РАН, доктором исторических наук, ныне покойным И. А. Булыгиным.

кружках: сначала под руководством А.И. Андреева на кафедре вспомогательных исторических дисциплин, а затем в кружке по истории СССР, которым руководил Н.В. Устюгов. Маститые ученые обратили внимание на любознательного и трудолюбивого молодого человека и во многом способствовали его творческому росту. Преображенскому прочили аспирантуру Института истории АН СССР, так как он с отличием окончил МГИАИ, а его доклады на научных конференциях, заседаниях кружков и в семинарах неизменно получали высокие оценки. Не случайно ему была присуждена персональная стипендия академика С.К. Богоявленского. Однако тогдашнее руководство Историко-архивного института и Главное архивное управление МВД СССР рассудили иначе: Преображенскому дали назначение на работу в Красноярск. Не исключено, что это было связано с некоторыми фактами биографии его близких родственников (отец был репрессирован в 1937 г., дядя и тетя по материнской линии также находились в заключении по пресловутой 58-й статье).

Александр Александрович проработал около трех лет в качестве начальника Государственного архива Красноярского края. Но он не оставил мысли о научной работе и поступил на заочное отделение аспирантуры Института истории АН СССР. Затем он уволился из архивных органов, вернулся в Москву и перешел в очную аспирантуру по сектору истории СССР до XIX в. Института истории АН СССР. В ноябре 1953 г. А.А. Преображенский успешно защитил кандидатскую диссертацию и был зачислен в штат института, причем на него возложили обязанности ученого секретаря сектора. В 1969 г. А.А. Преображенский защитил докторскую диссертацию и около 15 лет возглавлял сектор (позднее отдел) истории СССР периода феодализма, добившийся под его руководством больших научных успехов. Его сотрудники подготовили и опубликовали много ценных исследований, ставших крупным вкладом в отечественную историческую науку, в том числе по таким проблемам, как история собственности в феодальной России, национальная политика, общественная мысль и др.

Как заведующего отделом А.А.Преображенского характеризовали терпимость к инакомыслию, чуткость и доброжелательность в отношениях с товарищами по работе, постоянная готовность оказать им помощь. «Командно-административные» методы руководства всегда были чужды Александру Александровичу, и хотя иные из его подчиненных злоупотребляли этой «мягкостью», в целом она, безусловно, шла на пользу общему делу, как и еще один исповедуемый Преображенским принцип — «не мешать», т. е. не сбивать коллектив с налаженного рабочего ритма ненужными «инициативами», давать сотрудникам возможность заниматься прежде всего теми проблемами, которые в данный момент их больше всего интересуют. Об эффективности такого подхода говорит тот факт, что именно сектор феодализма всегда имел в Институте самый объемистый «портфель» подготовленных к печати трудов. Это порождало немало проблем с их публикацией, но неизменно свидетельствовало о высоком творческом потенциале возглавляемого Александром Александровичем коллектива. При содействии и умелом руководстве А.А.Преображенского выросла большая группа молодых ученых, по сей день успешно занимающихся изучением отечественной истории.

* * *

Первые научные труды самого Александра Александровича относятся к 1951 г. Тогда вышла в свет его статья об отношениях Русского государства со Средней Азией в XVII столетии¹, в основу которой была положена курсовая работа, выполненная под руководством Н.В.Устюгова на исходе учебы в МГИАИ. В том же году был опубликован обнаруженный им в фондах Государственного архива Красноярского края рапорт камчатского военного губернатора В.С.Завойко о нападении англо-французской эскадры на Петропавловск-Камчатский в 1854 г.² В дальнейшем

---

¹ Из истории сношений России со Средней Азией в XVII в. // Исторические записки (далее — ИЗ). М., 1951. Т. 36. С. 269–286.

² Рапорт камчатского военного губернатора о нападении англо-французской эскадры на Петропавловский порт в 1854 г. // Исторический архив (далее — ИА). М.; Л., 1951. Т. VII. С. 96–118.

А. А. Преображенский сосредотачивает свое внимание на изучении истории России XVII–XVIII вв., хотя в сфере его научных интересов находились и некоторые темы, относящиеся как к более раннему, так и к более позднему периодам отечественной истории.

Особое место в творчестве Преображенского заняли труды о прошлом Урала и Сибири, среди которых в первую очередь нужно назвать две капитальные монографии: «Очерки колонизации Западного Урала в XVII — начале XVIII в.» (М., 1956) и «Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII века» (М., 1972). В них он по-новому поставил и успешно решил ряд крупных, совершенно не изученных или недостаточно разработанных проблем истории этого огромного региона, охватывающего европейскую и азиатскую части страны и сыгравшего столь видную роль в судьбах России. Прежде всего, несомненной удачей Преображенского является само объединение в его исследованиях Урала и Сибири, убедительно показавшее общность социально-экономических процессов в обоих регионах, их тесную взаимосвязь. Особенно наглядно они видны на начальном этапе присоединения Сибири к России, неизменно привлекавшем внимание Александра Александровича в течение многих лет. В его монографии «Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII века» обстоятельства похода Ермака был посвящен специальный очерк, где автор не только привел ряд дополнительных и веских доводов в пользу традиционной, наиболее обоснованной точки зрения о хронологии похода. Высказал он и ряд важных соображений о роли различных социальных сил в присоединении Сибири и по другим аспектам данной проблемы, введя в научный оборот целый комплекс русских дипломатических документов конца XVI — начала XVII в.

Характерно, что позднее, в развернутой рецензии на книгу Р. Г. Скрынникова «Сибирская экспедиция Ермака» (Новосибирск, 1982) А. А. Преображенский, отметив несомненные заслуги автора в разработке этой «вечной темы» отечественной историографии и вместе с тем указав на ряд достаточно спорных положений и уязвимых мест его кон-

цепции, пришел к выводу о преждевременности закрытия «векового спора» по поводу «сибирского взятья»¹. Многоаспектность и, следовательно, неисчерпаемость этой проблемы были хорошо показаны А. А. Преображенским и в статье «У истоков народной историографической традиции в освещении присоединения Сибири к России»². Исследовав демократические тенденции в освещении «сибирского вопроса», он уделил пристальное внимание создателям и носителям этой традиции — участникам «сибирского взятья» и их потомкам. Так, наряду с историей отдельных крестьянских семей, воссозданной в монографии «Урал и Западная Сибирь...», А. А. Преображенский показал длительное существование на восточной окраине страны целых служилых «династий», ведущих свое происхождение от «ермаковских казаков» и ясно сознававших, «кто проложил России путь на Восток»³.

Миграция населения на Урале и в Западной Сибири в XVII в. — еще один вопрос, постоянно находящийся в поле зрения А. А. Преображенского. Этот вопрос занимал центральное место уже в первой его монографии, где детально рассматривался ход заселения русскими Сылвенско-Иренского поречья и складывания Кунгурского уезда, который как бы связал воедино русские владения по обе стороны Уральских гор, знаменуя тем самым один из важнейших этапов русской колонизации в XVII в.⁴ Дальнейшие исследования А. А. Преображенского внесли существенные поправки в представления историков о путях и формах крестьянских миграций за Урал. Итоги их изучения Александр Александрович сформулировал следующим образом: «Безоговорочное причисление если не всех, то подавляющей

---

¹ Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII века. М., 1972. С. 15–55; *Он же*. Некоторые итоги и спорные вопросы изучения начала присоединения Сибири к России // История СССР. 1984. № 1. С. 101–118.

² Проблемы истории общественной мысли и историографии: К 75-летию академика М. В. Нечкиной. М., 1976. С. 376–384.

³ Там же. С. 380.

⁴ Преображенский А. А. Очерки колонизации Западного Урала в XVII — начале XVIII в. М., 1956. С. 27–63.

массы появившихся по своей инициативе в Сибири людей к разряду беглых, к тому же бежавших “из феодального поместья или вотчины” Европейской России, сомнительно и ... не вполне отвечает истине. Тенденция во что бы то ни стало видеть Сибирь XVII — начала XVIII в. в качестве места укрытия именно крепостных крестьян соблазнительна, однако она страдает серьезными преувеличениями»¹. Этот вывод стал одним из ключевых моментов в сибиреведении и по сей день оказывает воздействие на разработку его кардинальных проблем.

А. А. Преображенским было отмечено «любопытное социально-географическое размежевание сфер колонизации между государственной и крепостной деревней. Черносошные крестьяне, основная масса которых обитала в Поморье, заселяли Урал и Сибирь, крепостные светских и духовных феодалов центральной полосы России уходили на территории южных уездов, Поволжья и Дона»². Вместе с тем несомненной заслугой Александра Александровича явилось то, что он не ограничился констатацией этого факта, а предпринял успешную попытку выявить на начальном этапе освоения Сибири роль Поволжья (видимо, вторую после Поморья) в налаживании тесных связей с Зауральем³. Продолжая тему сысков беглых, выдвинутую одним из его учителей, ученый первым разработал этот сюжет на урало-сибирском материале.

Раннему периоду колонизации Сибири посвящена и подготовленная под редакцией А. А. Преображенского публикация «Верхотурские грамоты» (составитель Е. Н. Ошанина). Это очень ценное, но являющееся, к сожалению, из-за малого тиража библиографической редкостью издание. Во введении к нему Александр Александрович сделал ряд замечаний, принципиально важных не только для анализа публикуемых материалов, но и для понимания всего отражаемого ими периода сибирской истории. Замечания эти

---

¹ Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь... С. 68.

² Там же.

³ Преображенский А. А. Среднее Поволжье и первоначальное освоение Сибири // Вопросы истории. 1981. № 10. С. 77–89.

касаются дискутируемого с давних времен вопроса о роли государственного начала в колонизации. «Документы свидетельствуют о том, — писал Преображенский, — что поселение новых жителей за Уралом осуществлялось далеко не хаотично и случайно... И главное, о чем свидетельствуют ... документы, — это признание присоединения и освоения Сибири первоочередной проблемой общегосударственного значения, независимо от лиц, занимавших тогда русский престол»¹.

Правительственная политика на восточной окраине страны длительное время изучалась А. А. Преображенским попутно с другими вопросами сибирской истории, но глубоко и детально, а главное — очень взвешенно, без крайностей в оценках. Он, в частности, обратил внимание на более существенную, чем полагало большинство исследователей, роль московских властей в подготовке присоединения Сибири к Русскому государству в результате похода Ермака, а также показал «известную гибкость внутривластного курса» царского правительства по отношению к эксплуатируемым трудовым массам Урала и Зауралья в XVII в. Таким образом, А. А. Преображенский внес большой вклад в разработку концепции государственного феодализма применительно к этим регионам². Исследуя господствовавшие в них формы феодальной ренты, ученый отметил их различие на Урале (где, как и в Поморье, деревня находилась преимущественно на денежном оброке) и в Сибири (где преобладала отработочная рента на «десятинной пашне») и выявил определенную закономерность миграционных потоков, которые были более интенсивными в те сибирские селения, где преобладала оброчная система, особенно в денежной форме. Исследователь объяснял это интенсивным развитием товарных отношений и налоговой политикой правительства, заинтересованного в получении «звонкой монеты»³.

---

¹ Верхотурские грамоты конца XVI — начала XVII в. М., 1982. Ч. 1. С. 4–5. Частично эти взгляды нашли отражение и в указанной статье А. А. Преображенского о Среднем Поволжье (Вопросы истории. 1981. № 10. С. 89).

² Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь... С. 32–39; История Урала с древнейших времен до 1861 г. М., 1989. С. 203–205.

³ Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь... С. 82–100.

Проблемы формирования всероссийского рынка и развития буржуазных связей, занимавшие важное место в творчестве А. А. Преображенского применительно к Уральскому и Западно-Сибирскому регионам, разрабатывались им на базе материалов, имеющих исключительно важное значение и для собственно региональной истории. Большой интерес в этой связи представляют его работы о деятельности в XVII в. предпринимателей Тумашевых, создавших на Урале металлургические предприятия мануфактурного типа. Очень важны и те разделы его монографии «Очерки колонизации Западного Урала...», где речь идет о втягивании Кунгурского уезда в формирующуюся систему всероссийского рынка, а также исследование практики найма в крестьянских хозяйствах Урала и Западной Сибири в XVII — начале XVIII в. и особенно — контингента наемных работников, среди которых, в частности, встречались служилые люди¹, порой безоговорочно зачислявшиеся некоторыми сибиреведами лишь в разряд эксплуататоров-грабителей². Нельзя не отметить и важный для понимания сибирской истории вывод А. А. Преображенского о значительном воздействии происходивших в XVII в. на восточной окраине России процессов на социально-экономическое развитие «коренных» областей страны, о содействии освоения Сибири углублению общественного разделения труда и росту товарного производства во всем государстве³.

---

¹ Преображенский А. А.. О наемном труде в крестьянском хозяйстве на Урале в конце XVII — начале XVIII в. // К вопросу о первоначальном накоплении в России XVII–XVIII вв. М., 1958. С. 38–52; *Он же*. Очерки колонизации Западного Урала. С. 96–217; *Он же*. Предприниматели Тумашевы в XVII в. // Русское государство в XVII в. М., 1961. С. 110–130; *Он же*. Урал и Западная Сибирь... С. 212–230.

² Очерки истории СССР. XVII в. М., 1955. С. 865–866.

³ Преображенский А. А. К проблеме общественного разделения труда в Русском государстве XVII в. // Историческая география России, XII — начало XX в. М., 1975; *Он же*. О наемном труде в крестьянском хозяйстве на Урале в конце XVII — начале XVIII в. // К вопросу о первоначальном накоплении в России XVII–XVIII вв. М., 1958. С. 38–52; *Он же*. Очерки колонизации Западного Урала. С. 96–217; *Он же*. Предприниматели Тумашевы в XVII в. // Русское государство в XVII в. М., 1961. С. 110–130; *Он же*. Урал и Западная Сибирь... С. 212–230.

В связи с разработкой А. А. Преображенским истории классово-сословного строя феодальной России отметим еще несколько концептуальных положений, имеющих особое значение для сибирской истории. Изучая сословную политику царского правительства на Урале и в Сибири XVII в., он пришел к заключению о слабости сословных перегородок на восточной окраине страны, несмотря на их укрепление к концу столетия¹. Проанализировав положение различных категорий сибирского крестьянства, он не раз высказывал мнение о неправомерности сближения государственных и монастырских крестьян Сибири по своему социально-экономическому положению с крепостными центра страны². В 1950-е годы такое отождествление было широко распространено, теперь же отстаиваемая А. А. Преображенским точка зрения о более мягких формах феодальной зависимости и эксплуатации на восточной окраине получает развитие в работах все большего числа исследователей, в том числе и в коллективных обобщающих трудах³.

В работах Александра Александровича нашли яркое отражение многие неизученные или малоизвестные эпизоды классовой борьбы на Урале и в Западной Сибири XVII — начала XVIII в., в частности, Кунгурское восстание 1703 г.⁴ Наибольший интерес, однако, вызывает исследование им тех социальных конфликтов на восточной окраине России, которые хронологически совпадали с вспышками классовой борьбы в европейской части страны, зачастую являясь их прямым следствием и проявлением, а также новых черт социального протеста, отражавших вступление России в «новый период» ее истории: выступления уральских и сибирских крестьян против регламентации торговли (принудительных цен на хлеб и т. д.), против таможенных барье-

---

¹ Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь... С. 176–177.

² Там же. С. 178–211.

³ См., напр.: Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск. 1982. С. 92–97; Горюшкин Л. М., Миненко Н. А. Историография Сибири дооктябрьского периода (конец XVI — начало XX в.). Новосибирск, 1984. С. 64–68.

⁴ Преображенский А. А. Очерки колонизации Западного Урала... С. 241–273.

ров и других форм стеснения торгового оборота¹. При этом особое значение ученый придавал отражению классовой борьбы в идеологических представлениях крестьян, включая выраженные в форме церковного раскола и связанные с «крушением прежних представлений крестьян о справедливом царе»².

Большой интерес вызывает приводимый А. А. Преображенским в этой связи материал «об определенной осведомленности» коренных народов Урала и Сибири «в административном устройстве и налоговой политике государства», свидетельствующий о довольно быстрой (вопреки мнению ряда видных историков) адаптации аборигенов к меняющимся в ходе русской колонизации условиям жизни³. Отнюдь не идеализируя взаимоотношения коренного и русского населения региона, А. А. Преображенский акцентирует внимание на красноречивых примерах добрососедских отношений переселенцев с аборигенами в XVII–XVIII вв.⁴ и отмечает тот «исторический парадокс», что «цивилизованные» западноевропейские державы того времени уже всю вели истребительные войны, очищая от «дикарей» целые континенты... А варварски-азиатский российский царизм в отсталой стране к присоединенным народам старался не применять насильственных методов»⁵. Материал этот подается так убедительно, что он вполне закономерно стал широко использоваться в последующем не только в научной, но и в популярной литературе и публицистике⁶.

Нельзя не остановиться и на некоторых качествах А. А. Преображенского как исследователя — тех, которые наиболее наглядно раскрываются в его работах по истории Урала и Сибири. Прежде всего, здесь следует назвать удивительную, становящуюся все более редкой по нынешним временам эрудицию, глубочайшее знание предмета исследу-

---

¹ Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь... С. 321–350; История Урала... С. 205–227.

² История Урала... С. 219.

³ Там же. С. 218.

⁴ Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь. С. 167.

⁵ Там же. С. 171.

⁶ См., напр.: Нестеров Ф. Связь времен. М., 1987. С. 103.

дования по первоисточникам, в особенности по архивным материалам. Александр Александрович проявил себя глубоким знатоком архивных фондов при исследовании и глобальных проблем сибирской истории, и столь, казалось бы, мелкого вопроса, как неизвестный ранее автограф сибирского летописца Саввы Есипова; свободно оперировал огромной массой малоизученного документального материала и в первой монографии о колонизации Западного Урала, и в вышедшем через 33 года коллективном обобщающем труде «История Урала с древнейших времен до 1861 г.», ответственным редактором и автором разделов которого он являлся.

Отметим еще одну сферу научных интересов А. А. Преображенского — историю «Русской Америки», тесно связанную с историей не только Урала и Сибири, но и северорусского Поморья. Опубликованные по этой теме работы Александра Александровича также поражают глубоким знанием архивных материалов (они в основном и посвящены им) и обозначают контуры серьезного капитального исследования участия русских людей в освоении «Нового Света»¹. И, надо полагать, научная общественность вправе надеяться на появление со временем еще одной крупной работы А. А. Преображенского — на сей раз по истории «Русской Америки».

Наряду с исследованием истории Урала и Сибири А. А. Преображенский много внимания уделял разработке общих проблем отечественной истории периода позднего феодализма. Среди них следует особо выделить такую сложную и важную проблему, как генезис капитализма в России. Можно сказать, что большинство работ А. А. Преображенского в той или иной степени связано с этой проблематикой и направлено на ее исследование. Проблема генезиса капитализма в России имеет почти столетнюю давность в нашей историографии. Особенно активно ее изучение велось в советское время, однако и до сих пор она не получила общепринятого решения и является дискуссионной.

---

¹ Преображенский А. А. Документы по истории Российско-Американской кампании // ИА. 1959. № 2; и др.

В наиболее полном и законченном виде свою концепцию генезиса российского капитализма А. А. Преображенский изложил на Всесоюзной дискуссии о переходе России от феодализма к капитализму, состоявшейся в 1965 г., а также в специальном разделе докторской диссертации¹. В своем выступлении он раскрыл как теоретическое, так и конкретно-историческое содержание проблемы. В теоретическом плане А. А. Преображенский обращал внимание на то, что генезис капитализма охватывает длительный исторический период и проходит через определенные стадии, от низших форм к высшим, и критиковал положенный в основу дискуссии коллективный доклад, в котором не учитывались названные положения. В нем генезис капитализма в России укладывается примерно в одно столетие, с 60-х гг. XVIII в. до 60-х гг. XIX в., в то время как в западноевропейских странах он охватывал два-три столетия, а то и больше.

В докладе по существу игнорировалась и низшая стадия генезиса капитализма в России, когда новые буржуазные отношения еще не выступают, как правило, в чистом виде и опутаны старыми крепостническими отношениями. Он полагал, что сам феномен всероссийского рынка мог быть порожден только эпохой генезиса и становления капитализма. Говоря о конкретном историческом содержании этой эпохи, он отмечал следующие черты, присущие XVII в. В сфере экономики зарождалась и постепенно развивалась мануфактура, шел процесс вложения торговых капиталов в производство, хозяйство феодалов и крестьян все теснее связывались с рынком. Формировался и достаточно устойчивый рынок рабочей силы. В сфере классовой борьбы для этого периода были характерны крестьянские войны, которых наша история не знала раньше, а в сфере надстройки — начало становления абсолютизма, кризис церковной идеологии и др. Все это, по мнению А. А. Преображенского, позволяет говорить о том, что со второй по-

---

¹ Переход от феодализму к капитализму в России: Материалы Всесоюзной дискуссии. М., 1969. С. 213–222; *Преображенский А. А.* Урал и Западная Сибирь... С. 212–225.

ловины XVII в. обозначаются качественные изменения, присущие эпохе генезиса капитализма¹.

Вскоре после выступления на Всесоюзной дискуссии вышли в свет еще две работы, в которых А. А. Преображенский изложил свои общие взгляды на генезис капитализма, — это статья (в соавторстве) «Начальный этап генезиса капитализма в России»² и «О генезисе капитализма в России XVII–XVIII вв.»³ В первой из них приводится большой фактический материал о развитии капиталистических отношений в промышленности, сельском хозяйстве и торговле, об изменениях в государственном строе, где на смену сословно-представительной монархии приходит абсолютизм, об определенных сдвигах в классовой борьбе и идеологии. Во второй подводятся некоторые итоги обсуждения темы, определяются основные точки зрения на проблемы, сложившиеся в историографии, намечаются пути дальнейшей ее разработки.

Для понимания общеисторических взглядов ученого важна и его работа «К проблеме исторического прогресса в России (от средневековья до конца XVIII в.)»⁴.

Важная работа А. А. Преображенского, имеющая обобщающий характер, под названием «XVII столетие и генезис капиталистических отношений в России» вышла в 1989 г. Она явилась ответом на суждения, высказанные в ходе ведущейся на страницах журнала «Новая и новейшая история» дискуссии о генезисе капитализма в Европе, в которых отрицается так называемое раннее, с XVII в., начало генезиса капитализма в России. Еще раз подвергнув проблему обстоятельному анализу, особенно ее спорные вопросы, А. А. Преображенский пришел к следующему выво-

---

¹ Переход от феодализму к капитализму в России. С. 213–222.

² Булыгин И. А., Индова Е. И., Преображенский А. А., Тихонов Ю. А., Троицкий С. М. Начальный этап генезиса капитализма в России // Вопросы истории. 1966. № 10. С. 65–90.

³ Преображенский А. А. О генезисе капитализма в России XVII–XVIII веков: (Некоторые историографические итоги и теоретические проблемы) // Историческая наука на Урале за 50 лет. Свердловск, 1967. С. 22–30.

⁴ Социально-экономическое развитие России: Сб. статей к 100-летию со дня рождения Н. М. Дружинина. М., 1986. С. 49–62.

ду: «Итак, оценивая место XVII столетия и начала XVIII в. в исторических судьбах российского капитализма, следует сказать, что исключение этого периода из процесса генезиса капиталистических отношений нам представляется неправомерным. Это время характеризуется углублением и расширением сферы товарного производства, раннебуржуазными формами производства, началом складывания все-российских рыночных связей, включая и рынок рабочей силы. Особенностью генезиса капитализма в России было отсутствие массовой насильственной экспроприации непосредственных производителей»¹.

* * *

А. А. Преображенским глубоко исследованы и другие важные стороны русского исторического процесса, включая классовую борьбу в период позднего феодализма. Наиболее мощным и ярким проявлением народного протеста были крестьянские войны, которых Россия не знала до этого. Однако, несмотря на большие успехи, достигнутые советской исторической наукой в их изучении, до сих пор целый ряд важных проблем остается дискуссионным: общий характер крестьянских войн, их движущие силы, идеология, историческое значение. Работы А. А. Преображенского внесли существенный вклад в их понимание и решение. Среди них назовем прежде всего коллективную статью «Лозунги и требования участников крестьянских войн в России XVII–XVIII вв.», в которой сделан вывод о сочетании вооруженной и идейной борьбы народа против угнетателей. Несмотря на присущую лозунгам крестьянских войн ограниченность, неразвитость и нечеткость позитивных целей, все же идейные представления борющихся трудящихся масс резко противостояли феодальной идеологии господствующего класса крепостников. Все содержание и формы классового сопротивления трудящихся указывали на то, что борьба в конечном счете была на-

---

¹ Преображенский А. А. XVII столетие и генезис капиталистических отношений в России // Новая и новейшая история. 1989. № 2. С. 117.

правлена против феодальной системы в целом и тем самым способствовала приближению более прогрессивного буржуазного общественного устройства страны¹.

А. А. Преображенский обращался и к городским движениям, причем к той их стороне, которая до него мало затрагивалась в историографии, — это осуществление восставшими своей власти на тех территориях, которые временно оказывались под их контролем в ходе восстаний. В статье «Классовая борьба в России XVII — начала XVIII в. и социальный опыт народных масс: (к постановке проблемы)» он проанализировал Псковское и Новгородское восстания середины XVII в. и Астраханское восстание начала XVIII в. и заметил, что всем им были присущи те зародыши организованности и сплоченности, которые будут характеризовать классовые бои более позднего времени. Как подчеркивал А. А. Преображенский, восставшие совсем неплохо управляли городом и округой, вырабатывая определенные нормы жизни без царских администраторов и дворян. Для этих норм характерна тенденция к осуществлению справедливого устройства общества на демократических началах, стремление править в обстановке гласности и совета с народом. В частности, восставшие жестоко карали, невзирая на лица, за такие преступления, как взяточничество. Такие тенденции присущи всем рассмотренным восстаниям, проходившим на разных территориях и в различное время, что свидетельствует о назревшей необходимости изменения существующего строя. Следовательно, делал вывод ученый, нельзя признать правильным выдвинутый некоторыми исследователями тезис, согласно которому борьба народных масс велась не столько «за» те или иные идеалы общественного устройства, сколько «против» существующих порядков².

---

¹ Индова Е. И., Преображенский А. А., Тихонов Ю. А. Лозунги и требования участников крестьянских войн в России XVII–XVIII вв. // Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. М., 1974. С. 239–269.

² Преображенский А. А. Классовая борьба в России XVII — начала XVIII в. и социальный опыт народных масс: (К постановке проблемы) // Феодализм в России. М., 1987. С. 252–253, 259, 263–265.

В творчестве А. А. Преображенского нашла отражение и тема русского абсолютизма. Соответствующая статья была помещена в журнал «История СССР» в рамках шедшей на его страницах дискуссии. В ней убедительно, на фактах доказывается, что в процессе складывания абсолютизма в России существенную роль играло русское купечество и вообще посадское население, хотя некоторые историки склонны игнорировать или вообще отрицать эту роль¹.

История феодальной земельной собственности — еще одна важная тема в сфере научных интересов А. А. Преображенского. Впервые в общем плане она была поставлена им в статье «Структура земельной собственности в России XVII–XVIII вв.»². В дальнейшем он расширил хронологические рамки исследования, дополнил его новым, в частности, большим законодательным материалом, что нашло свое выражение в работе «Об эволюции феодальной земельной собственности в России XVII — начала XIX века»³. А. А. Преображенский выявил многообразные перемены в феодальной земельной собственности на протяжении рассматриваемого периода, отметив ее количественный рост и распространение на новые территории. Ученый подчеркивал, что по мере утверждения абсолютизма происходило упрощение иерархии класса феодалов и фактическое слияние поместной и вотчинной форм земельной собственности. Крупное помещичье землевладение латифундиального типа занимало господствующие позиции, в то время как широкие круги дворянства все чаще продавали и закладывали свои владения. Вместе с тем, постепенно вырисовывались и противоборствующие тенденции. Все чаще нарушалась земельная монополия господствующего класса. В деревне получали распространение арендные опера-

---

¹ Преображенский А. А. О некоторых спорных вопросах начального этапа генезиса абсолютизма в России // История СССР. 1971. № 2. С. 108–117; Он же. К изучению самосознания русского купечества XVII в. // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования, 1987 год. М., 1989. С. 208–215.

² Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1966 год. Таллин, 1971. С. 128–136.

³ Вопросы истории. 1977. № 5. С. 46–52.

ции, купля-продажа и другие земельные сделки, совершаемые лицами из непривилегированных сословий. Одним из каналов перехода земельных угодий в руки нарождающейся буржуазии было промышленное предпринимательство. Как показал А. А. Преображенский, развитие неотвратимо шло в направлении превращения частной поземельной собственности из сословной в бессословную¹.

* * *

Многие общие вопросы истории России периода позднего феодализма освещались А. А. Преображенским в главах и разделах, написанных им для таких капитальных обобщающих трудов, как 4-й том «Всемирной истории» (М., 1958), «Очерки истории СССР. Период феодализма. Вторая четверть XVIII в.» (М., 1957), «История народного хозяйства СССР: Курс лекций» (М., 1960), 3-й том «Истории СССР с древнейших времен до наших дней» (М., 1967), выдержавшая четыре издания «История Москвы: Краткий очерк»; «Москва. Иллюстрированная история» (М., 1984), «Рабочий класс от зарождения до начала XX в.» (М., 1983. — 2-е изд., испр. и доп. М., 1989), «История Урала с древнейших времен до 1861 г.» (М., 1989); 4-й том «Истории Европы» (М., 1994).

Александр Александрович Преображенский являлся ответственным редактором 3-го тома многотомной «Истории крестьянства России с древнейших времен до 1917 г.» (М., 1993). Том посвящен российскому крестьянству периода позднего феодализма (середина XVII в. — 1861 г.). В этом капитальном обобщающем труде подведены итоги изучения проблемы в отечественной историографии. Причем А. А. Преображенский провел не только колоссальную редакторскую работу и выступил в качестве автора, но и проявил немалую твердость и настойчивость в том, чтобы столь важный труд был доведен до издания.

Работой, ставшей своего рода итогом творческой научной деятельности А. А. Преображенского на определенном ее рубеже, явилась коллективная монография «Эволю-

---

¹ Вопросы истории. 1977. № 5. С. 62.

ция феодализма в России. Социально-экономические проблемы» (М., 1980), в которой ему принадлежит большинство разделов, относящихся к XVII — первой половине XIX в. Здесь нашли отражение как его общие теоретические взгляды на отечественную историю названного времени, так и конкретно-историческая разработка ее наиболее существенных проблем. Общие итоги развития страны на протяжении двух с половиной веков существования феодальной формации сводились к следующему. Территория ее значительно увеличилась, границы раздвинулись и на юге достигли Черного моря, а на востоке — Тихого океана. В демографических процессах обнаруживалась вполне явственная тенденция к перемещению населения за пределы старинных областей России. В сельскохозяйственном производстве, наряду с явлениями прогресса (вовлечение в хозяйственный оборот новых земель, усовершенствование техники земледелия, улучшения в животноводстве и др.), все более явственно обнаруживалось тормозящее влияние отживших производственных отношений. Хозяйства как феодалов, так и крестьян активно втягивались в товарно-денежные отношения, все шире применялся наемный труд, что вело к подрыву земельно-вотчинного режима в деревне. В развитии промышленности XVII век был выделен как определенный рубеж, когда шел рост мелкотоварного производства, а мануфактура превращалась в устойчивую форму крупного производства. В XVIII в. продолжался рост мануфактурного производства, особенно заметный в металлургической и текстильной промышленности. В первой половине XIX в. начался промышленный переворот. Все это, по мнению А. А. Преображенского, свидетельствовало о кризисе феодально-крепостнических форм промышленного производства. Важные изменения происходили и в сословно-классовой структуре общества. С одной стороны, шел процесс все большей консолидации и обособления классов и сословий, присущих феодальной формации, с другой — начиналось формирование классов нового буржуазного общества. Наивысшего обострения достигает классовая борьба крестьянства, что в

конечном счете и определило падение крепостного права. Все социально-экономическое развитие страны свидетельствовало о кризисе феодально-крепостнической формации и ее близком конце¹.

* * *

Необходимо отметить ценные труды А.А.Преображенского в области источниковедения и публикации источников. Вкус к архивным разысканиям и источникам, привитый ему учителями еще на студенческой скамье, сопутствовал всей его последующей научной работе. Нередко исследователь шел по архивной «щелине», разбирая и изучая неописанные документы. Будучи в Красноярске, он основательно изучил уникальное рукописное собрание известного библиофила Г.В.Юдина и со временем сделал достоянием науки не только обзор этой коллекции, но и ввел в научный оборот немало почерпнутых в ней важных источников². Изыскания в других центральных и местных архивах и музеях привели А.А.Преображенского к открытию новых ценных материалов и документов. Обнаружение в ЦГАДА следственного дела о Кунгурском восстании, а также других данных о ранних выступлениях приписных крестьян и мастеровых Урала в начале XVII в., во многом по-новому представило эту проблему³. А.А.Преображенским опубликованы ценные документы крестьянских общин. К ним относится расходная книга земского целовальника одной из волостей Вятского уезда, которая дала возможность заглянуть в

---

¹ Буганов В. И., Преображенский А. А., Тихонов Ю. А. Эволюция феодализма в России. Социально-экономические проблемы. М., 1980. С. 141, 144, 162, 219–220, 245, 250, 263, 267–268, 290–291, 294–295.

² Преображенский А. А. Коллекция Г.В.Юдина в Государственном архиве Красноярского края // АЕ за 1958 год. М., 1960. С. 267–292; *Он же*. Из истории библиотеки Г.В.Юдина в Красноярске // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1962. С. 221–234; *Он же*. Документы об Аляске и Российско-Американской компании в коллекции Г.В.Юдина // История СССР. 1981. № 1. С. 100–111.

³ *Он же*. О Кунгурском восстании 1703 г. // ИА. 1955. № 4. С. 153–178; *Он же*. Классовая борьба уральских крестьян и мастеровых людей в начале XVIII в. // ИЗ. М., 1956. Т. 58. С. 246–272.

повседневную жизнь крестьянской общины в течение целого года, были выявлены и введены в научный обиход и такие редкие источники, как отпускные и проезжие грамоты, которыми пользовались уходящие из родных мест на заработки или для поселения жители поморских уездов¹.

Исследователь почти 30 лет назад выдвинул задачу реконструкции крестьянских архивов. Плодотворность этой идеи была практически доказана А. А. Преображенским путем собирания и основательного использования уникальных материалов из архива уральских крестьян Иртеговых². А. А. Преображенский опубликовал ранее неизвестные документы о составе акционеров Российско-Американской компании начала XIX в.³, о русско-японских отношениях конца XVII — начала XIX в.⁴, о намерениях русской буржуазии освоить в торговых целях Северный морской путь в конце XIX — начале XX в.⁵ К числу счастливых находок А. А. Преображенского относятся также отчет инспектора народных училищ Симбирской губ. И. Н. Ульянова за 1871 г., неизвестный отзыв купца Баркова о смерти А. С. Пушкина и т. д. О них сообщалось в газетах «Известия», «Советская Россия», «Вечерняя Москва» и др. Александр Александрович Преображенский является ответственным редактором фундаментальной публикации «Письма и бумаги императора Петра Великого» (в 1992 г. опубликован т. XIII, вып. 1).

---

¹ *Преображенский А. А.* Расходная книга земского целовальника Совеьской волости Вятского уезда 1674–1675 гг. // АЕ за 1966 год. М., 1968. С. 407–424.

² *Он же.* О земельных сделках уральских крестьян в XVII в. // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963. С. 219–224; *Он же.* Об источниках по истории крестьян Урала и Западной Сибири XVII — начала XVIII в. // Уральский археографический ежегодник за 1970 год. Пермь, 1971. С. 9–33.

³ *Преображенский А. А.* Список акционеров Российско-Американской компании // ИЗ. М., 1960. Т. 67. С. 295–298.

⁴ *Он же.* Первое русское посольство в Японию // ИА. 1961. № 4. С. 113–148; *Он же.* О русско-японских отношениях начала XIX в. // Феодалная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972. С. 415–422. Здесь опубликован один из самых ранних японских документов в русских архивах.

⁵ *Преображенский А. А.* Буржуазия Енисейской губернии о торговле по Северному морскому пути в конце XIX — начале XX в. // АЕ за 1961 год. М., 1962. С. 439–452.

Значительное место в творчестве А. А. Преображенского занимают историографические работы. Из них прежде всего надо отметить те, что посвящены отдельным ученым. Это и давно признанные корифеи исторической науки, наставники и старшие товарищи Александра Александровича (Б. Д. Греков¹, А. И. Андреев², Н. В. Устюгов³ и др.) и его ровесники, близкие друзья и просто коллеги по работе (В. И. Буганов, И. А. Булыгин, Н. Ф. Демидова, В. Т. Пашуто, С. М. Троицкий, А. И. Юхт и др.), без которых трудно себе представить развитие нашей науки во второй половине XX в. Незадолго до своей кончины Александру Александровичу удалось свести эти материалы (в основном уже публиковавшиеся в разных изданиях) в одну книгу, названную им «Историк об историках России XX столетия» (М., 2000) и посвященную памяти супруги — Прасковьи Сергеевны Преображенской, тоже историка, преподавателя Историко-архивного института, более полувека, со студенческой скамьи делившей с мужем все радости и беды.

Эта книга вызывает большой интерес у всякого, кто хоть сколько-нибудь знаком с развитием отечественной историографии за последние полвека. Словно живые предстают перед нами ученые, известные большинству современных историков лишь по именам да научным работам и ставшие в значительной мере уже легендарными. А. А. Преображенский не только дал глубокий анализ творчества многих отечественных медиевистов, но и сделал общим достоянием свои впечатления о встречах с ними в неформальной обстановке, раскрыл мало уже кому известные черты характера своих коллег. И все это изложено в столь доброжелательном и уважительном тоне, что не может не подкупать читателя, даже когда речь идет о человеческих слабостях персонажей. Но в автобиографическом очерке

---

¹ Борис Дмитриевич Греков // Изв. М., 1953. Т. 43. Без подписи.

² Преображенский А. А. Творческий путь А. И. Андреева // АЕ за 1978 год. М., 1979. С. 113–121.

³ Преображенский А. А. Николай Владимирович Устюгов // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства. М., 1965. Сб. VI. С. 3–14; Он же. Творческий путь Николая Владимировича Устюгова // Города феодальной России. М., 1966. С. 7–22.

А. А. Преображенский сформулировал и те принципы, которыми, по его мнению, должен руководствоваться современный историк и которые воспринимаются теперь как своеобразное завещание ученого. Некоторые из них уместно здесь воспроизвести. «Всегда желательна та или иная степень новизны. Однако вымученная погоня за новизной, нагнетение модных словес не дают должного результата. Не хочу идеализировать прошлых десятилетий. Но сейчас наметилась опасная тенденция игнорирования предшествующей литературы по той или иной проблеме...» (с. 309). «... Без перспектив в науке не обойтись. Двигаться вперед, творить, но не терять завоеванного, достигнутого. Трудно все это, но иначе нельзя. ... Сейчас в науке царит разброд в методологической области. ... Не отрицая свободы выбора тех или иных теоретических ориентиров, замечу, что возможности марксистско-ленинской методологии далеко не исчерпаны. При творческом, освобожденном от догматизма подходе этот метод еще в состоянии послужить познанию исторического процесса. Не секрет, что встречаются работы, исключаящие Россию из мирового цивилизационного поля... А наш народ относят к разряду неполноценных, способных лишь к рабскому повиновению или бессмысленному бунту. Опасно то, что подобные взгляды распространяются в школе, молодые поколения получают отравленную ядом неверия и безысходности духовную пищу. С этим мириться ни в коем случае нельзя...» (с. 310).

Важный вклад в историографию А. А. Преображенский внес и теми работами, в которых анализировалось развитие исторической науки за какой-то определенный период¹. Александр Александрович принимал участие и в подготовке обобщающих историографических трудов². Это, как он говорил, позволяло ему «держать руку на пульсе историче-

---

¹ Преображенский А. А. Изучение социально-экономической и политической истории СССР периода феодализма в X пятилетке // История СССР. 1981. С. 74–91; *Он же*. Новая советская литература о социально-экономической и политической истории России XIII–XVIII вв. // Ежегодник по истории социалистических стран Европы. Берлин, 1986. На нем. яз.

² Изучение истории феодализма в России // Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1966. Т. IV. С. 271–308. Совместно с А. А. Зиминым.

ской науки», обогащало не только читателей, но и самого автора. Не случайно в научных кругах было давно подмечено, что опубликованные А. А. Преображенским обзоры и рецензии отличаются творческим подходом, свежими мыслями и новым фактическим материалом.

Выражением признания больших научных заслуг А. А. Преображенского явилось приглашение его в состав авторского коллектива по написанию учебника истории СССР для учащихся 7-х классов средней школы. В 1980 г. вышел пробный вариант учебника. Он прошел широкую апробацию в школах страны, получил признание и с 1985 г. был принят в качестве стабильного учебника, после чего вышло уже несколько его изданий, в том числе с переводом на другие языки. А. А. Преображенский принимал также активное участие в подготовке для педагогов средней школы специальных трудов о последних достижениях советской исторической науки¹.

Прекрасным дополнением к школьному курсу отечественной истории явилась вышедшая в 1991 г. в издательстве «Детская литература» книга А. А. Преображенского «История раскрывает тайны». В ней нашли достойное отражение наиболее яркие эпизоды и тайны нашего прошлого, а также передана суть работы историка, показаны важнейшие методы исторического исследования, глубоко раскрыто понятие «вспомогательные исторические дисциплины», что делает это издание важным подспорьем как для учителя истории, так и для каждого школьника, решившего стать историком. А для школьного курса «Москвоведение» столь же ценным пособием явилась книга А. А. Преображенского «Наша древняя Москва», выпущенная издательством «Просвещение» в 1997 г. в серии «История для детей». Насыщенная интересными фактами из истории нашей столицы, книга написана ярким и вместе с тем простым, доступным даже младшим школьникам языком и охватывает период до начала XX в.

Вклад А. А. Преображенского в популяризацию исторических знаний заслуживает отдельного рассмотрения.

---

¹ Новое в исторической науке. М., 1984; Новое в советской исторической науке. М., 1988.

Александр Александрович был широко известен как прекрасный лектор и пропагандист; его лекции по линии общества «Знание» прослушали тысячи москвичей. А. А. Преображенский выступал также на телевидении, в популярных журналах («Новый мир», «Наука и жизнь», «Международная жизнь»), в газетах «Труд», «Правда», «Советская культура», «Московские новости», «Литературная Россия», «Независимая газета», «Утро России» и др. Такие выступления имели особую значимость в последнее время, когда волна воинствующего дилетантизма выплеснула в эфир и на страницы периодических изданий массу псевдонаучных сенсаций и «теорий», преподносимых без всяких на то оснований как «новое слово» в исторической науке. Александр Александрович справедливо полагал, что историки не имеют права устраниваться от формирования общественного мнения в стране, и в меру своих сил и возможностей давал отпор попыткам исказить наше прошлое в угоду очередным политическим установкам, он твердо стоял на позициях просвещенного патриотизма.

Нельзя в этой связи не упомянуть еще ряд его работ, рассчитанных на широкий круг читателей. В брошюрах «Патриотизм — историческая память народа» (М., 1985) и «Во славу Отечества: (Патриотические традиции русского народа)» (М., 1989), в статье на ту же тему в журнале «Преподавание истории в школе» (1993, № 1) и в последней прижизненно изданной книге «Веков связующую нить...» (М., 2002) А. А. Преображенский дает ответ на мало кого занимавший ранее вопрос: «Существовала ли живая связь времен в памяти народной»? Помнили ли, в частности, русские люди в XIV, XVI, XVIII вв. о ратных подвигах своих предков? Оказалось, что вопреки представлениям о крайне низком культурном уровне населения России того времени память о славных деяниях предков в русском обществе никогда не угасала и служила источником твердости и решительности в борьбе с врагами.

Надо сказать, что тема русских патриотических традиций была не слишком популярна в «перестроечные» годы, ориентировавшие нас главным образом на «примат обще-

человеческих ценностей», а призывы к усилению патриотического воспитания, к национальному возрождению русского народа воспринимались в либеральных кругах в лучшем случае с иронией и нередко даже на самом высоком уровне квалифицировались как «шовинизм». Тем не менее, показательно, что вопреки широкому распространению среди московской и питерской интеллигенции «нигилистических» настроений по отношению к нашему прошлому, в 1990 г. на Всесоюзном конкурсе произведений научно-популярного жанра первая премия была присуждена работе А. А. Преображенского «Во славу Отечества». И это не могло не вселить надежду на то, что и для русского народа национальное возрождение вполне возможно.

Весьма актуальной оказалась и выпущенная Александром Александровичем в том же 1990 г. брошюра «Народ не безмолвствовал». Она посвящена демократическим традициям в России, идеям народоправства, вошедшим в плоть и кровь русских людей и особенно ярко проявившимся во время народных восстаний в XVII–XVIII вв. А. А. Преображенский знакомит читателей с богатым социальным опытом наших предков, имевших, как оказалось, очень четкие традиции и формы «мирского», т. е. общинного, вполне демократического самоуправления, никак не согласующиеся с усиленно распространявшимися в литературе и публицистике последних лет представлениями о якобы извечно «рабской» сущности русского национально-го характера.

Авторы этой статьи, разумеется, не претендовали на всестороннюю характеристику творчества А. А. Преображенского. Добавим лишь, что ученый немало сделал для изучения истории не только русского, но и других народов нашей страны. Тридцать лет Александр Александрович проработал в редколлегии журнала «История СССР» (в 1960–1966 гг. — в качестве заместителя главного редактора). Как ответственный редактор А. А. Преображенский дал «путевку в жизнь» десяткам работ своих коллег — монографиям, коллективным трудам, сборникам статей, публикациям источников. В качестве официального оппонента

он выступил по десяткам докторских и кандидатских диссертаций. Нельзя также не отметить его постоянное участие в деятельности ученых и научных советов, выступления на всероссийских и международных конференциях, симпозиумах и т. п., а также большую общественную работу, которую он постоянно вел еще со студенческих лет. По его собственному признанию, «учебе и работе это не слишком содействовало», но «общественная работа дисциплинировала, учила не отсиживаться и отмалчиваться» и потому являлась «школой принципиальности»¹. Принципиальность была характернейшей чертой Александра Александровича до конца его дней, как и четкая гражданская позиция по всем вопросам, какие ставили перед ним наука и жизнь.

А. А. Преображенского не стало 11 сентября 2002 г. Тяжелая болезнь подточила его силы на 77-м году жизни, не дав возможности осуществиться многим замыслам ученого. Но работы, подготовленные с его участием, продолжают выходить. Посмертно были изданы 2-й выпуск 13-го тома «Писем и бумаг императора Петра Великого», а также «Гистория Свейской войны» — капитальная публикация Т. С. Майковой, выполненная под редакцией Александра Александровича и при его неустанной поддержке. Он отдал много сил, добиваясь выхода в свет этих трудов. В 2005 г. была, наконец, издана «Северная энциклопедия», одним из ведущих авторов которой был А. А. Преображенский. Продолжают трудиться на поприще исторической науки его коллеги и многочисленные ученики, с глубоким уважением и благодарностью вспоминая своего старшего товарища и учителя. Его мысли, чувства и замыслы в той или иной степени находят отражение и в их трудах, олицетворяя преемственность наших историографических традиций, ту самую связь времен, которая ни при каких обстоятельствах не может, не должна распасться.

---

¹ Преображенский А. А. Историк об историках России XX столетия. М., 2000. С. 301.

РОЛЬ ЦЕРКВИ В ФОРМИРОВАНИИ И РАЗВИТИИ РУССКОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО ЕПАРХИАЛЬНОГО ГОРОДА XVI–XVII вв.

Основополагающее значение и роль Православной Церкви в создании и развитии Российского государства прослеживается буквально с первых веков проповеди христианской идеи на Руси. В XI в. в «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона уже были сформулированы особые отношения светской и духовной власти¹. Православная Церковь на Руси стала вассалом и духовником государства одновременно. Соратником и духовником Ярослава Мудрого был митрополит Иларион, вдохновителем Куликовской победы Дмитрий Ивановича стал Преподобный Сергей Радонежский, образцы гражданского мужества явили собой митрополит Филипп Колычев и Патриарх Гермоген. Московский великий князь и затем царь воплощал в себе одновременно функции «священства» и «царства». Более того, русскому православному царю представлялась возможность реализовать замысел Творца на земле.

В XVI–XVII вв. христианское и государственное сливаются в одно понятие «Святая Русь». В это время власть митрополита, а затем патриарха и власть царя простирались на всю территорию России. Обе администрации дополняли и дублировали друг друга в управлении государством, в годы кризисов оказывали взаимную поддержку, и это единство было залогом выживаемости и жизнестойкости. Как справедливо отметила Е. Б. Емченко, основная тема Стоглавого собора 1551 г. — не отражение полемики между «нестяжателями» и «иосифлянами», а «священство» и «царство», их «согласие». Главное — это устройство православного царства, где каждый должен строго подчиняться закону православной веры, а царю предоставляется

---

¹ *Иларион. Слово о законе и благодати. М., 1994.*

право следить за его соблюдением. Интересно, что, определяя порядок суда и управления в церкви, Стоглав копировал земское (государственное) управление¹.

А основой системы государственного управления средневековой России на протяжении более двухсот лет была приказная система госучреждений.

Патриарший двор также имел общегосударственное значение и сложился из домена московских митрополитов, традиционно имевших на своих землях вассалов (бояр, окольных и служилых людей), обязанных воинской и гражданской службой митрополиту и государю. Окончательно Патриарший двор оформился после Смуты, когда его возглавил патриарх Филарет. Состоял двор из Патриарха, Патриаршей боярской думы и шести приказов: Дворцовый приказ (управлял вотчинами); Казенный (финансами, — денежными сборами с подведомственных церковных учреждений); Разрядный приказ (ведал назначением высшего духовенства и патриаршими служилыми людьми, их испомещением и судом); Духовный приказ (являлся судебным отделением Разряда по церковным и брачно-семейным преступлениям); Приказ церковных дел занимался надзором за благочинием и поведением духовенства; Судный приказ — ведал судом в патриарших вотчинах.

В административном отношении русская церковь, как и древневосточная, делилась на епархии. Известно, что в начале XVI в. их было уже 10, к началу XVII в. — 19, а к концу XVII в., в 1686 г., на Руси существовало 12 митрополий, 7 архиепископий, 3 епископии². Надо отметить, что процесс образования новых епархий явно не поспевал за постоянным увеличением территории государства.

Ведомству епархиального архиерея по духовным и некоторым другим делам подлежали церкви и духовные лица; монастыри и монашествоующие и церковное имущество. Архиерей обладал властью духовно-правительственного и духовно-судебного характера в подчиненной ему епархии.

---

¹ *Емченко Е. Б.* Стоглав. Исследование и текст. М., 2000. С. 25–47.

² См.: *Перов И.* Епархиальные учреждения в русской церкви в XVI–XVII вв. Рязань, 1882. С. 25–47.

Управлял своей епархией епископ с помощью штата духовных и светских чиновников, полностью находившихся в его распоряжении. Вполне естественно, что, обладая таким широким кругом властных полномочий, епископ, а вместе с ним монастыри и приходы имели огромное влияние на жизнь не только обширной епархии, но и в большей степени на развитие центрального епархиального города, являвшегося местом проживания епископа и его штата. Не следует забывать, что основной ячейкой, формировавшей духовное и общественное сознание средневекового человека, был церковный приход.

Епископы Московской Руси были не только духовными архипастырями, но являлись и очень важными, с обширными правами и полномочиями государственными чиновниками. Они управляли большими территориями, владели вместе с подчиненными им монастырями значительным имуществом крестьян, им на основании царских жалованных грамот принадлежала в их землях административная, финансовая и судебная власть, а царские чиновники не имели прав даже въезжать в архиерейские владения.

В то же время они, как и другие помещики, должны были в своих землях отбывать различные государственные повинности: доставлять даточных людей на войну; отдавать денежные налоги на военные издержки; поставлять провиант на государевых служилых людей; давать нуждающемуся государству займы и т. д.

При обсуждении всех важных государственных дел присутствие епархиальных архиереев на Земских соборах было обязательным. Архиереи и монастыри являлись царскими и всеобщими молитвенниками, одновременно они были и крупнейшей финансовой силой в стране. Без их благословения и одобрения нельзя было начать и завершить какое-либо общегосударственное дело.

Как же осуществляли свою власть епархиальные архиереи и какое влияние они оказывали на формирование и развитие центрального епархиального города? Известно, что послемонгольские города Северо-Восточной Руси являлись преимущественно княжескими центрами. Основан-

ная в 1177 г., с 1340 г. (после кончины Ивана Калиты) Коломна стала домениальным городом главы династии московских князей и, активно развиваясь, превращалась в центр, сомаштабный Москве. В XIV–XV вв. — это домен старшего князя московского дома Калитовичей. Средневековая Коломна в XIV — первой трети XVI в. — это город, который вполне может быть рассмотрен как своеобразная модель, своего рода образцовое, показательное хозяйство «на пример». Можно также говорить о том, что модель отношений духовной и светской власти в Московском государстве проходила апробацию также сначала в рамках коломенской кафедры¹.

Таким образом, Коломна была одним из центров религиозной жизни и идеологии средневековой Руси². Бурный рост церковной жизни пришелся в Коломне на вторую половину XIV в. По инициативе московского князя учреждение Коломенской епархии произошло в период между 6 декабря 1352 г. (поставление владимирского епископа) и 11 марта 1353 г. — смерть митрополита Феогноста. Для обособления новой кафедры существовали реальные причины: стремление каждого крупного князя иметь своего епископа (т.е. стремление московского князя); заинтересованность московского князя в церковном обособлении недавно приобретенных земель в отдельную епархию (г. Коломна — от Рязанского княжества, г. Можайск — от Смоленской епархии); внутрицерковная потребность в создании викарной (помощник епископа) кафедры близ Москвы. Упразднена коломенская епархия была в 1799 г., просуществовав почти 500 лет³.

Таким образом, у митрополита, в лице коломенского архиерея, появился помощник и временный заместитель,

---

¹ Мазуров А. Б. Средневековая Коломна в XIV — первой трети XVI вв. Комплексное исследование региональных аспектов становления единого русского государства. М., 2001.

² Булгаков М. Б. Структура и динамика населения г. Коломны в первой половине XVII в. // Русский город. М., 1981. Вып. 4: Москва и Подмосковье. С. 141–156.

³ Более подробно см.: Мазуров А. Б. Когда была основана Коломенская епархия? // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1996. № 4.

имевший свою кафедру в 100 верстах от Москвы. Первоначально коломенский епископ даже жил в Москве, где имел свой двор (недалеко от митрополичьего и великокняжеского), упоминаемый в жалованных грамотах.

Коломенские владыки с переселением епископа Сарского и Подонского на московские Крутицы ок. 1460 г. утрачивают значение наместников по управлению митрополией и становятся в основном епархиальными архиереями. Во второй половине XVII в. — Коломна центральный город Коломенской епархии, объединявшей 15 городов. О чем Павел Алеппский записал: «Говорят, будто епархия эта бедна и мала. Да поможет ей Бог! Она больше области трех патриархов: Антиохийского, Александрийского и Иерусалимского». В XVI—XVII вв. в Коломне действовало 6 монастырей и 48 церквей, а население составляло от 3,5 до 4 тыс. чел.

Используя данные писцовых книг г. Коломны (5 кн.) и свидетельства Павла Алеппского (1653 г.) можно реконструировать двор и деятельность коломенского епископа. Резиденция находилась при коломенском соборном храме Успение Пресвятой Богородицы, являвшемся его кафедральной церковью. Двор владыки располагался напротив царского двора на Соборной площади. И был очень велик и обнесен кругом деревянной стеной («замет»)¹.

За створчатыми воротами на дворе епископа стояли многочисленные постройки: кельи казёные, владычные, мастерская, «посередине двора стояла палата каменная, под нею погреб да хлебня»². Здесь же, «на дворе», епископ занимался делами, творил суд и расправу. Там же, заседал коломенский «священный собор» (т. е. собрание священников города), имевший представительские функции. В здании канцелярии имелось казнохранилище епископа, еще одно казнохранилище помещалось в верхнем ярусе над притвором соборной церкви.

---

¹ Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в первой половине XVII в. М., 1897. Вып. 2. С. 149.

² РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 200. Писцовая книга г. Коломны 1577/78 (далее — ПК 1577/78 гг.). Л. 78 об.

П. Алеппский отмечает, что он и патриарх Макарий были поражены богатствами коломенского епископа — несколько сундуков, полных серебряных и золотых монет¹. Это и понятно, поскольку именно епископу принадлежала власть и особое право собирать в свою казну окладные и неокладные пошлины с духовных и светских лиц своей епархии. При этом царь назначал духовных и светских лиц, которые должны были помогать епископу в управлении монастырями и церквями. На епископском дворе было много и хозяйственных построек: два ледника, погреб, сушило, две поварни, житница, упоминается и «конюшенный двор с комнатою» и сенями, а вокруг двора «замет»².

Была на епископском дворе и тюрьма «с железными цепями и тяжелыми колодками для преступников». Воевода коломенский не имел никакой власти ни над епископскими слугами, ни над епископскими крестьянами, провинившимися в чем-либо («в убийстве или воровстве»), «епископ коломенский распоряжался в воеводствах с властью, не допускающей прекословия»³.

При встрече с епископом все, включая воеводу, снимали свои колпаки, кланялись и спешили получить благословение, целовали руку и стояли все время, пока он был на ногах, и выслушивали их советы и наставления. Когда епископ появлялся в общественном собрании, его окружали несколько монахов и 5–6 слуг, а впереди него несли его посохи. П. Алеппский пишет и о том, что коломенскому владыке принадлежало 300 воинов, которых он использовал для своей охраны, выгод и надзора. Причем содержание им шло от его угодий, они же должны были всюду сопровождать владыку.

В распоряжении епископа были как органы его архиерейской власти, так и собственно бояре, дворяне, дворецкие, дьяки, тиуны, десятильники, волостели и др. Помимо большого штата церковников был свой приказной аппарат, состоявший из стряпчих, подьячих и других должностных

---

¹ Путешествие... С. 149.

² ПК 1577/78 гг. Л. 79.

³ Путешествие... С. 150.

лиц, имелись и «казенные мастера»: кузнецы, плотники, иконники и пр., которые из «домовой казны епископа годовое жалование денежное и хлебное емлют», а также и многочисленный штат домовых работников и прислуги¹.

Рядом с двором коломенского владыки находилось «67 дворов владычных бояр и дьяков и детей боярских и приказных и всяких людей», в них проживали 69 чел. коломенского епископа. Среди них упоминаются: владычные дворецкий, дьяк; повара, портных дел мастера, бочарник, иконники, мельник, погребной ключник, кожевник, серебрянник, масленник, свечник, т.е. люди различных ремесленных специальностей². Таким образом, епископ формировал свой штат, который обслуживал его «дом» и помогал ему в управлении городом и епархией, из светского городского населения, что при высокой степени материальной самостоятельности церкви давало широкие возможности для автономии и в сфере управления.

Владыке коломенскому в XVI — первой половине XVII в. принадлежали две белые слободки на посаде: на Ямках и на Репне у Троицы, в которых жили «владычни крестьяне», освобожденные от несения государственного тягла по жалованным тарханно-несудимым грамотам. Одна из таких грамот была выдана князем Иваном Васильевичем III по челобитью епископу Вассиану Топоркову (1525–1542 гг. на коломенской кафедре) 3 августа 1538 г³.

Судя по этим грамотам, владычные слободки возникли в Коломне в начале XVI в. (начали формироваться с конца XV в.). В грамоте упоминаются 30 владычных дворов, которые расположены в двух слободках: у Троицы — 25 дворов, на Ямках — 5 дворов. Среди хозяев дворов, как уже оговаривалось, преобладали люди, занимавшиеся ремеслом (22 чел. из 38), в основном обработкой продуктов земледелия и животноводства.

---

¹ Булгаков М. Б. Структура и динамика населения г. Коломны... С. 146.

² ПК 1577/78 гг. Л. 79–79 об.

³ Грамота подтверждалась затем в 1542 г. (при епископе Феодосии), в 1551 г. (тоже при Феодосии) и в 1584 г. уже царь Федор Иванович пожаловал своего богомольца, епископа коломенского Иова.

Уже через 40 лет после выдачи этой жалованной грамоты по писцовой книге г. Коломны 1577/78 гг. количество населенных дворов увеличилось более чем в 1,5 раза, а всех дворов в три раза. За столь короткий срок коломенские епископы стали обладателями посада средних размеров. В конце XVI в. коломенскому владыке принадлежало 123 двора (населенных, т. е. 131 чел., и еще о 25 узнаем в числе владельцев лавок на торгу).

Восстановление государственности после Смуты проходило по образцам досмутного периода. После нового челобитья коломенского епископа царь Михаил Федорович пожаловал в 1627 г. коломенскому владыке Рафаилу и его «дому» новую государеву грамоту о подчинении его ведомству в Большом Микулинском стану и других местах сел, деревень с мельницами, лесами и угодьями, а также выданную и на епископскую мельницу, находившуюся на Коломенском посаде, и на дворы в коломенских городских слободках, против старинных книг Д. Житова со товарищи (1577/78 гг)¹.

По данным сыска 1640 г. видно, что количество дворов осталось почти прежним, а численность населения, зависимо от владыки, стало увеличиваться. После «великого разоренья» и обеднения населения многие посадские тяглецы из черных слободок и сотен «закладывались» к крупным феодалам, выплачивая им оброк и становясь феодально-зависимыми людьми, чтобы «избыть тягло», которое при Михаиле Федоровиче стало для них настоящим бедствием.

Итак, коломенские епископы в XVI — первой половине XVII в. принадлежали к средним духовным феодалам, обладавшим значительным дворовладением в г. Коломне и имевшим в своем подчинении приказной аппарат и множество зависимых от них людей. Их материальное положение в этот период было намного лучше и устойчивее некоторых других архиереев русской церкви. Так, самыми бедными вотчинными владыками (кроме Крутицкого) были

---

¹ *Троицкий Н.* Царские жалованные и патриаршие настольные грамоты, данные епископам Коломенским и Каширским // ЧОЛДП. М., 1882. Кн. IX. Сентябрь. С. 242–247.

еще и Псковский и Тверской архиепископы. Псковский архиепископ в середине XVII в. имел только два двора бобылей¹. Тверской епископ был самым крупным землевладельцем тверского посада, где в 1626 г. жили государевы дворяне, дети боярские, стрельцы, пушкари, посадские люди, рассыльщики и 252 места пустой владычной земли отдавались под лавки и огороды. Архиепископских же крестьян и бобылей находим только 28 чел.²

Наиболее состоятельными были митрополит Ростовской и Ярославский, архиепископ Суздальский и Тарусский, архиепископ Рязанский и Муромский.

Помимо епархиальных архиереев крупными феодалами, обладавшими значительным землевладением в городе, были и средневековые монастыри. Монастыри и монашеские г. Коломны также подлежали ведомству коломенского владыки. В XVI–XVII вв. в Коломне действовало шесть монастырей. Четыре из них располагались непосредственно в городе: Брусенский монастырь, основанный в 1552 г. в честь взятия Иваном Грозным Казани и к концу XVI в. только достраивавшийся; «Девич монастырь» и Петропавловский или Рождество-Предтеченский монастырь, находившиеся в конце XVI в. в запустении; Спасский монастырь, являвшийся одним из богатейших и влиятельнейших монастырей Коломны в XVI–XVII вв. и располагавшийся на посаде за торгом.

Напротив города через Москву-реку находился Бобренев монастырь — один из древнейших монастырей Коломны, известный с конца XIV в. Материальное положение монастыря оставалось достаточно плачевным и после Смутного времени. Так, среди документов Печатного приказа в записной беспошлинной книге имеется запись от 20 июня 1615 г. По челобитной игумена этого монастыря Авраамия не велено царем с его монастырской вотчины брать «пятинные деньги для пуста», т. е. в годы разорения монастырские вотчины опустели, и выплачивать пошлыны

---

¹ *Смирнов П.* Города Московского государства в первой половине XVII в. Киев, 1919. Т. 1. Вып. 2. С. 209.

² Там же.

полностью в государственную казну монастырь был не в состоянии. Тогда ему и была назначена пошлина «для бедности — 25 алтын»¹. Тем не менее, П. Алеппский, посетивший монастырь в середине XVII в., восторженно описывает его внешний вид: «против города стоит великолепный монастырь, весь выбеленный, с высокими куполами»².

И еще один монастырь, который располагался вне города, «за посадом у Оки усть Москвы» — Голутвин (т. е. на южном рубеже Коломны). История этого монастыря уходит в глубокую древность. Это единственный из коломенских монастырей, о котором есть летописные указания. А связано это с тем, что монастырь был основан Сергием Радонежским в 1385 г. по просьбе князя Дмитрия Донского. Закладка монастыря произошла в год примирения рязанского князя Олега с Дмитрием Донским на р. Северке. Содержание и строительство монастыря обеспечивалось большими земельными угодьями, которые возрастали за счет вкладов князей и бояр, уже в конце XV в. у Голутвина монастыря было свое подворье в Москве³.

Также по данным, предоставленным писцовой книгой г. Коломны 1577/78 гг., можно узнать о численности представителей черного духовенства в городе. Так, в Коломне в конце XVI в. их было всего 25 чел., четверо из которых имели начальствующие чины.

Как и коломенский владыка, монастыри имели свои дворы на посаде и зависимых от них людей в городе. Так, в Коломне на посаде имелось 9 монастырских осадных дворов, в которых проживало 11 дворников. Больше всего дворов было у Спасского монастыря: три двора осадных на посаде, «которые дали христолюбцы», имелась купчая грамота на двор, что «в городе у Николы у Гостиная, возле двора Безсона Бохтеярова». Спасский монастырь был единственным из коломенских монастырей, у которого была своя слободка Алексея чудотворца человека Божия, а в

---

¹ Документы Печатного приказа (1613–1615 гг.). М., 1994. С. 296, 424.

² Путешествие... С. 151.

³ Шепелев Н. И. Богоявленский Старо-Голутвин монастырь // Материалы для энциклопедии «Коломенский край». Коломна, 1998. Вып. 4. С. 40–51.

ней три двора ремесленников¹. Все это еще раз подтверждает большое значение и влияние этого монастыря. Имелись свои дворы на посаде и у других монастырей: Бобренева и Голутвина. Всего людей, зависимых от монастырей, находим 19 чел.

Самыми богатыми дворовладельцами страны в начале XVII в. в Замосковном крае были, помимо московских монастырей, Ярославский Спасский (307 дворов), Суздальский Спасо-Ефимьевский (200 дворов), Нижегородский Печерский (89 дворов) и другие монастыри. К крупным дворовладельцам в городе принадлежал, например, Суздальский Покровский девичий монастырь (88 дворов) или Рождественский монастырь во Владимире (16 дворов). Коломенские же монастыри, имевшие менее 10 дворов в городе, считались мелкими².

На коломенском посаде были монастырские «подворья», т. е. городские владения, таких крупных известных на Руси монастырей, как Симонов и Чудов монастыри Москвы, а также Живоначальной Троицы Сергиев монастырь, и Угрешский монастырь Николы Чудотворца. Им принадлежали 5 из 9 осадных дворов посада, в которых проживали дворники. Люди, которые жили на Симонове и на Троицком дворах, упоминаются и среди торгового люда Коломны в мясном и рыбном рядах Коломны³.

Наиболее тесные связи с жизнью русского города XVI–XVII вв., а точнее с населением городских посадов имело приходское духовенство. Русский приход до XVIII в., помимо прочего, был мелкой земской единицей, иногда — миром, он имел не только церковное значение, но и государственное: функции земского управления и удовлетворения религиозных потребностей в приходе переплетались. Так, обширные церковные трапезные служили местом для собраний органов общинного самоуправления и общинных сходов для обсуждения текущих дел и проведения праздничных церемоний. В церкви хранилась

---

¹ ПК 1577/78 г. Л. 95 об.–96, 161 об.–163.

² *Смирнов П.* Указ. соч. С. 236–237.

³ ПК 1577/78 г. Л. 95 об.–96, 127–127 об., 129 об.

мирская казна, выборный сотский был часто и церковным старостой. Особенно важно то, что эти социально-религиозные функции соотносились не только с насущными проблемами местного населения, но и осуществлялись с его участием. Писцовые книги, описывая общинные церкви, сообщали, что они сооружены на мирские средства, стереотипной фразой: «все строение мирское». Мир сооружал церковь, выбирал священников и весь остальной церковный причт и отводил им землю для ведения церковного хозяйства. Можно сказать, что церковно- и священнослужители целиком зависели от посада города и существовали в значительной мере на средства, размер которых определялся зажиточностью прихожан¹.

Как уже говорилось, всего в Коломне находилось около 48 церквей: каменная Соборная церковь Успения Пречистые Богородицы Донской являлась кафедральным собором коломенского епископа. На государевом дворе — каменная Воскресенская церковь; за государевым двором — храм верховных апостолов Петра и Павла «древяной»; на соборной площади церковь чудотворца Николы Зарайского, «что под колоколы», на которой были установлены сложной конструкции часы с боем (настоящая редкость в средневековой Руси). В городе — еще две деревянные церкви Иоанна Богослова и Алексея Чудотворца; два храма поставления князя Михаила Кубенского; 8 монастырских церквей и 24 — приходского поставления. Нужно отметить, что 15 церквей (большинство приходских) не действовали, т. е. стояли без пения. Церковный причт в основном был немногочислен: несколько попов, иногда дьякон или пономарь и просвирицы².

По писцовой книге г. Коломны 1577/78 гг. численность белого духовенства города составляла 35 чел. Священнослужители в Коломне были только при трех ружных и 11 неружных церквях, остальные (около 20) стояли в запустении. Дворы священников начали пустеть и при руж-

---

¹ Клибанов А. И. Духовная культура средневековой Руси. М., 1994. С. 15.

² ПК 1577/78 г. Л. 47об., 53 об., 77.

ных церквях. В Коломне священнослужители городских церквей (15 чел.) владели дворами в городе; священнослужители посадских церквей показаны «во дворах» на посаде, т.е. собственниками не являлись. И только один протопоп церкви на государеве дворе являлся собственником дворов и в городе, и на посаде.

По данным писцовой книги 1623/24 гг. «всего на Коломне и в городе и на посаде, и в слободах белого духовенства 26 человек»¹. Это снижение численности духовенства было связано с последствиями Смуты. После Смуты соответственно с изменением численности белого духовенства сократилось и количество приходских церквей. Так, вместо упоминаемых в писцовой книге 1577/78 гг. 24 приходских церквей осталось только 11.

Приходские священники, как и другие представители духовенства, имели зависимых от них людей. «За попами» по писцовой книге 1577/78 гг. в Коломне жили 16 чел., из которых четыре были описаны под заголовком «изстари государева данья» при Соборе Михаила Архангела². 13 из 16 чел., «живших за попы», имели свои дворы, а остальные жили у священников. Книга 1623/24 гг., описывая положение Коломны после Смуты, указывает на то, что в Коломне на церковной земле проживали бобыли — 11 чел., прежде бывшие посадскими людьми, и только 3 крестьянина³. Распространение бобыльства после Смуты вполне объяснимо. Состояние бобыльства в податном отношении было более льготным, чем тяглового человека: для него была характерна большая определенность условий при порядке бобыля за владельца (размер оброка и сроки платежей фиксировались навсегда) и большая свобода деятельности.

Если суммировать число духовенства и зависимых от него людей Коломны на 1578 г., то общая цифра будет равняться 330 чел. (дворовладельцам). Таким образом, духовенство и зависимое от него население, составлявшие

---

¹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 201. Писцовая книга г. Коломны 1623/24 г. (далее — ПК 1623/24 г.). Л. 168 об.—169.

² ПК 1577/78 г. Л. 108 об.

³ ПК 1623/24 г. Л. 115.

более $\frac{1}{3}$ всего беломестного населения города (658 дворов и келий), являлись одним из основных компонентов социальной структуры русского средневекового города (одним из основных городообразующих элементов).

Данное соотношение значительно снизится, если рассмотреть численность духовенства и зависимого от него населения, например, в нескольких рядовых городах Коломенской епархии. Так, по приправочной книге 1588/89 гг. в Туле находилось 50 лиц белого духовенства, которым принадлежало 5 дворов и 15 келий в городе, а также 27 дворов и 3 места дворовых на посаде. Черного духовенства насчитывалось 17 чел. в 17 кельях (при 1 монастыре). И зависел от духовенства только 61 чел. В Дедилове в конце XVI в. имелось 24 чел. белого духовенства, которые владели тремя дворами, одной кельей и тремя дворовыми местами в городе, а также 16 дворами на посаде. В Кашире же в конце XVI в. духовных было только четыре чел. в четырех дворах, а на церковной земле проживало 18 чел. «торговых людей» и 10 чел. государевых плотников¹.

Церковь имела тесную связь с торгово-ремесленной деятельностью города. Все зависимые от духовенства люди принимали деятельное участие в торговле и занимались промышленной деятельностью. В Коломне по писцовой книге 1577/78 гг. торговали из них 73 чел., имевшие 77 лавок и 4 полки на коломенском торгу; 60 чел. занимались различными ремесленными специальностями, т. е. большее количество из всех зависимых людей занимались торговлей — около 37,8%, а ремеслом — 32%, если сравнивать со всем населением Коломны. Люди, зависимые от духовенства, составляли 20,7% всех жителей, владели 20,2% всех лавок и представляли 33,1% всего числа ремесленников города².

В первой четверти XVII в. по писцовой книге 1623/24 гг. владельцев лавок среди одних только крестьян владыки Рафаила было 53 чел., им принадлежало 73 торго-

---

¹ Чечулин Н. Д. Города Московского государства в XVI в. СПб., 1889. С. 255–259, 261.

² Там же. С. 170.

вых помещения. Владычные крестьяне явно преобладали над другими группами беломестного населения Коломны как по числу торговцев (41%), так и по количеству торговых помещений (45%), т.е. участие зависимых от духовенства людей в торговой и ремесленной жизни города в конце XVI в., будучи достаточно значительным, только еще более усилилось¹.

По данным «роспросных» речей беломестцев епископских слобод 1640 г. в 30 ремесленных, промысловых и торговых специальностях владычных слуг было задействовано 114 чел., которые на местном рынке составляли сильную конкуренцию посадским тяглецам².

Посадская община города упорно боролась со своим сильным противником, епископом, за приписку к тяглу его людей, численность которых постоянно увеличивалась. В этой борьбе правительство поддержало интересы посада, т.к. это было связано с исправным поступлением в государственную казну налогов, в которых оно сильно нуждалось после разорения. Хотя по сыску 1640 г. епископ отдал в тягло только 41 двор, по строению 1649 г. из его слободок на посаде и из городских дворов было взято в тягло еще 108 дворов крестьян и бобылей, т.е. епископские слободки были приписаны к посаду³.

Хорошо известны и все подробности борьбы тяглых посадских людей Ярославля, Нижнего Новгорода, Владимира, Суздаля и других крупных религиозных центров России с беломестцами духовных феодалов, которая до середины XVII в. также шла с переменным успехом⁴.

Церкви и монастыри города пользовались расположением своих прихожан, которые щедро одаривали их свои-

---

¹ Булгаков М. Б. Структура и динамика населения г. Коломны... С. 152.

² *Он же*. Промыслово-торговая деятельность населения коломенских епископских слобод в первой половине XVII в. // III конференция «Города Подмосковья в истории российского предпринимательства и культуры», Серпухов, 3–4 декабря 1999 г.: Доклады, сообщения, тезисы. Серпухов, 1999. С. 13–16.

³ *Он же*. Структура и динамика населения г. Коломны... С. 147.

⁴ См. сборники статей: Русский город. М., 1990. Вып. 9; Города феодальной России. М., 1966.

ми вкладами. Так, писцовая книга 1577/78 г. предоставляет нам множество имен вкладчиков Спасского монастыря. Среди них богатый дворовладелец и дьяк Андрей Шерефединов, пожертвовавший в монастырскую церковь к образу Спаса 8 гривен серебряных; образ Эммануила, обложенный серебром; медное большое паникадило; «ризы комчаты белые, оплечь отлас золотной», свечи поставные и большой колокол — благовестник для монастырской колокольни был «данья Ондreja»¹.

Свои вклады в монастырь делали и старцы. Так, например, велико пожертвование старца Варлаама Юшина: «царские двери да 4 образа местных да 4 пядей обложил» и свеча поставная. Вклады в монастырь делались и в качестве памяти по своим умершим родственникам: «дань по Анне по Колтовской, по Михаилу Шерефединову» и т. д. От боярина Семена Шерефединова монастырь получил две деревни (сельцо Семеновское в Городецком стане и сельцо Алексеевское там же), да одну деревню (сельцо Михеевское) от дьяка Андрея Шерефединова по своему племяннику Михаилу².

У Голутвина монастыря вкладчиков и покровителей было даже больше, чем у Спасского, очевидно, это связано с древностью монастыря и с его значением. Среди подробно описанного имущества монастыря в писцовой книге 1577/78 г. упоминаются дары и Сергия Радонежского: «ризы Сергия чудотворца положенья», «ризы Сергия чудотворца — комка бела куфтерь, ветхи». Кроме влиятельных вкладчиков таких, как царь Иван Васильевич и коломенские владыки, можно указать, что в той же роли выступали и люди более скромного достатка (старцы и старица по своим родителям, пономарь, вдова Ксения и др.)³.

Являясь крупными феодалами-землевладельцами, монастыри выполняли в городе, помимо непосредственно религиозных функций (моления, заступничества и др.), не

---

¹ ПК 1577/78 г. Л. 151, 153 об., 157–157 об., 159 об.

² Там же. Л. 153 об., 162.

³ Там же. Л. 184 об.

менее важные и социальные. Они занимались составлением летописей, перепиской книг и их сохранностью, писанием икон. Причем к этой деятельности привлекались и мирские люди, получавшие благословение на богоугодное дело. Так, большая библиотека имелась в церкви Брусенского монастыря.

Голутвин монастырь был богат не только своей церковной утварью, иконами, но и ценнейшей библиотекой, располагавшейся в церкви Богоявления. Ее фонд насчитывал 137 рукописей (22 из них были пергаменными). Библиотека действительно была очень крупной, тем более, если учесть, что в городе во всех книгохранилищах находим около 400 книг, т. е. основной фонд сосредотачивался в Голутвине монастыре. Огромная для удельного города библиотека Старо-Голутвина монастыря с множеством однотипных книг, явно превышавших потребности обитатели, создавалась, возможно, при участии и местных монахов-переписчиков¹. И только о Голутвине монастыре писцовая книга 1577/78 г. сообщает, что он поставлял церковные, в основном богослужебные, книги в свои монастырские села². Это один из примеров заботы монастыря о зависимых от него селах, о том, чтобы церкви там не стояли без пения и службы проходили исправно.

Большая библиотека была и в соборной церкви. Она насчитывала 108 книг на бумаге и на пергаменте (кроме тетрадей), среди которых 12 дал из своей кельи бывший владыка Иосиф (1565–1569 гг.) и одна из которых была напечатана в типографии: «треодь постная печатная»³. По мнению академика М. Н. Тихомирова, она была напечатана за 10 лет до «Апостола», изданного Иваном Федоровым, и являлась одной из первых печатных книг Москвы⁴. Все книги хранились в храме в «дву сундуках». В основном —

---

¹ Мазуров А. Б. Живопись и книжная культура средневековой Коломны XVI — начала XVII вв. // Материалы для энциклопедии «Коломенский край». Коломна, 1997. Вып. 3. Ч. 1. С. 54–55.

² ПК 1577/78 г. Л. 181.

³ Там же. Л. 69 об.

⁴ Ефремицев Г. П., Кузнецов Д. Д. Коломна. М., 1977. С. 39.

это сборники богослужебных текстов такие, как служебник, триодь, октоих, третоидом и минеи. Были и сочинения отцов церкви — Маргарит, Шестоднев и сочинения о самоусовершенствовании монахов, расположенные ступенями: Лествицы и книги для чтения вне богослужебного круга (т. н. «четыи»): «книга Василия Великого», «книга прибыльная владыки Саватия», «Зерцало», «две книги о латынях». Некоторые книги упоминаются в дорогах окладах: «евангилье треть, оболочено бархатом тоусинным, застенки и спни серебряны»¹.

Таким образом, при храмах и в монастырях, являвшихся «книжными очагами, центрами учености и распространения культуры», шла основная культурная жизнь города XVI–XVII вв.

Содействуя распространению и укреплению христианства, монастыри значительную часть своих доходов тратили на благотворительные цели, выполняя таким образом функцию общественного призрения. Так, во время неурожая, стихийных бедствий открывались монастырские житницы; здесь могли найти приют и еду обездоленные, при обителях существовали также и богадельни. В конце XVI в. в Коломне было значительное число нищих, живших при одном монастыре и четырех церквях, — не менее 48 чел. Некоторые из нищих старцев по трое владели одной лавкой на торгу, двое из них обозначены в книге ремесленниками (масленник и портной мастер). Писцовая книга 1577/78 гг. показывает, что в Коломне на посаде было шесть келий нищих при трех церквях да богадельня².

При подходе неприятеля православные обители становились неприступными крепостями и могли сдерживать его натиск, находясь в осаде много месяцев. А в кризисные годы (например, в Смуту) монастыри служили основным прибежищем, в котором укрывались жители городов и соседних сел.

Церковь оказала большое влияние на формирование и развитие не только социально-экономической сферы жизни

---

¹ ПК 1577/78 гг. Л. 68 об.

² Там же. Л. 29, 30 об.

русского средневекового города, но и его внешнего облика. Хорошо известно, что в XVI и особенно в XVII в. широкий размах приобретает каменное строительство в городах. Причем в основном оно проводилось архиерейскими домами. Каждый епископ стремился обустроить свой двор каменными палатами и трапезными и поощрял желание горожан построить новую каменную церковь в своем приходе или обновить старую (деревянную). Неслучайно в писцовой документации этого периода встречаем множество указаний на ведущееся в городе церковное строительство. Так, например, в XVII в. были созданы кремль Ростова с постройками на его территории (звонница, некоторые храмы), каменные стены, башни, церкви и палаты Савво-Сторожевского, Спасо-Евфимьева и других монастырей¹. Активно шло строительство и в Коломне: перестроен кафедральный Успенский собор, построена каменная теплая Покровская церковь на епископском дворе и т. д. Постройка новых церквей удивительно украшала город и во многом формировала его территорию: пространственное развитие посадов русского средневекового города шло не только по улицам и слободам, но и по приходам. Таким образом, церкви, монастыри, резиденции высшего духовенства играли важную роль в структуре русского средневекового города, а в некоторых случаях они становились определяющими градообразующими факторами.

В заключение можно сделать следующие выводы:

1. Несмотря на автономность церкви от государства и в сфере управления, и в сфере финансов духовенству и зависимым от него людям, составлявшим значительную часть населения центрального епархиального города, приходилось ежедневно взаимодействовать с горожанами. С одной стороны, они проникались их заботами и тревогами, а с другой — активно защищали собственные интересы в соперничестве с ними в разных сферах. Включение духовенства в городскую жизнь шло на нескольких уровнях: контактирование с местными властями; использование епи-

---

¹ Русское православие. Вехи истории. М., 1989. С. 172.

скопом в своем распоряжении целого штата подчиненных ему светских приказных людей, детей боярских, ремесленников и др.; взаимоотношения с простыми горожанами — жителями городского посада.

2. Основная роль церкви в развитии русского города XVI–XVII вв. заключалась в формировании его социальной структуры, в активном участии в его торгово-экономической деятельности (при создании конкуренции жителям посада), в осуществлении ряда социальных и общественных функций и в преобразовании его внешнего облика.

3. В период Смутного времени влияние церкви в городах только усилилось. Наблюдался рост количества вкладчиков, повышение числа зависимого от духовенства населения, увеличение церковного каменного строительства в городах и т. д. Церковь в первой половине XVII в. стала настолько могущественной, что единственной возможностью для дальнейшего развития города в XVII в. в условиях постоянного роста налогов и сокращения численности населения посада стала последовательная борьба горожан с привилегиями беломестцев. Это противоборство за приписку белых слобод в тягло шло на протяжении всего XVII в. при поддержке государства и окончилось победой тяглового городского населения.

И, пожалуй, самое главное, что основную роль в градообразующем начале в XVI–XVII вв. осуществляла не государственная, а церковная администрация.

МАТЕРИАЛЫ О КУПЕЧЕСКОМ БЫТЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ МОСКВЫ*

Бытовая сторона жизни торговых людей русского Средневековья (особенно для периода ранее XVII в.) пока остается недостаточно изученной. И прежде всего из-за весьма ограниченной источниковой базы. В письменных источниках XII–XIV вв. практически нет свидетельств об условиях жизни первых представителей купечества Москвы. Лишь с конца XV в. появляются лаконичные упоминания об усадьбах московских купцов (например, о дворе гостей-сурожан Весяковых при описании пожара на Большом посаде). Поэтому в процессе реконструкции купеческого быта той ранней поры приходится полагаться в основном на археологические материалы, широко используемые при изучении торговли средневековой Москвы¹. При выделении среди остатков раскопанных жилищ комплексов, которые могли принадлежать купцам, археологи ориентируются на находки импортных изделий, привозных монет, торгового инвентаря. В результате археологических раскопок в Зарядье остатков купеческой усадьбы XVI в., были обнаружены: металлические гири, безмен; деревянные счетные бирки; обломки среднеазиатской, татарской и арабской глиняной посуды; ножи с клеймами западноевропейских мастеров; несколько свинцовых товарных пломб, прикреплявшихся к рулонам сукна².

---

* Статья написана в рамках исследовательского проекта «Торгово-ремесленный люд средневековой Москвы».

¹ См.: *Латышева Г. П.* Торговые связи Москвы в XII–XIV вв.: (по материалам археологических раскопок 1959–1960 гг. в Московском Кремле) // *Древности Московского Кремля*. М., 1971. С. 213–229. (Материалы и исследования по археологии СССР; № 167); *Колызин А. М.* Торговля древней Москвы (XII — середина XV в.). М., 2001.

² *Беленькая Д. А., Розанова Л. С.* Ножи с клеймами из Зарядья // *Древности славян и Руси*. М., 1988. С. 24–25.

Лишь с XVII в. при локализации купеческих усадеб Москвы можно использовать материалы переписных книг, а также планы города. Пока не обнаружено никаких следов писцовых описаний столицы России XVI в. Они сохранились лишь для более позднего периода, после Смуты начала XVII в. Самая ранняя из дошедших до нас переписей московских дворов, датирующаяся 1620 г. и не имеющая начала, содержит лаконичные сведения о владельцах, расположении и общих размерах усадеб. И.Е.Забелиным были обнаружены выписки из пошлинных книг Печатного приказа 1620 г. и описание городских рядов 1626 г. с информацией о торговых лавках. Опубликована также переписная книга Кадашевской слободы 1630–1631 гг. В переписной книге Москвы 1638 г. зафиксирован состав городского ополчения с перечнем вооружения¹. До нас дошли лишь отрывочные письменные свидетельства о быте и жизни в кругу семьи, духовных интересах торговых людей Москвы, без реконструкции которых невозможно дать полное представление о купеческом мире русского средневековья.

Дома торговцев, как и других представителей московского населения (боярства, ремесленников), сооружались в XII–XIV вв. исключительно из дерева. Древнейший (по письменным свидетельствам) купеческий каменный дом был построен в Москве родоначальником известной династии Таракановых. Согласно Львовской летописи, в 1471 г. «Торокан купец заложи себе палаты кирпичны в граде Москве у градной стены у Фроловских ворот, единого лета и сведе»². По утверждению В.П.Выголова, использование при описании строительства палат глагола «сводить» свидетельствует о «наличии в них сводчатых перекрытий»³. Он же опроверг распространенное в литературе мнение о локализации усадьбы Таракана слева от Фроловских во-

---

¹ См.: Переписная книга города Москвы 1638 г. М., 1883.

² ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 20. Ч. 1. С. 282; Аналогичное известие помещено в Софийской II летописи. См.: Там же. СПб., 1853. Т. 6. С. 191.

³ Выголов В. П. Архитектура Московской Руси середины XV века. М., 1988. С. 105.

рот при въезде в Кремль¹. Там же в 1485–1486 гг. появились каменные палаты обоярившейся семьи гостей-сурожан Ховриных-Головиных. Напротив своего двора великокняжеский казначей В.Г.Ховрин еще около 1440 г. поставил домовый каменный храм Воздвиженья Честного Креста, а после его гибели во время пожара — новую одноименную церковь, в технике смешанной каменно-кирпичной кладки. В Кремле до конца XV в. проживали и другие богатейшие московские купцы — Антоновы, Афанасьевы, Г.Петров, переселенные по повелению Ивана III в 1490-е гг. на посад². В ряде же провинциальных городов (например, в Великом Устюге и Муроме) представители купечества сохраняли за собой в крепости небольшие по площади осадные дворы и в XVII в.

В отличие от стран Западной Европы, каменное строительство в средневековой Руси не приобрело массового характера. До XVII в. в русских городах возводились из камня и кирпича преимущественно немногочисленные оборонительные сооружения и культовые здания. Последние заметно выделялись на фоне окружавшей их деревянной жилой застройки, которая особенно страдала от нередких губительных пожаров, но обходилась горожанам значительно дешевле. Каменное же строительство требовало гораздо больших средств, чем сборка домов и прочих сооружений из деревянных срубов, обычно продававшихся в готовом виде. Заказчиками городских каменных храмов наряду с феодальными аристократами порой являлись представители купеческой верхушки. Во второй половине XV в. некоторые из именитых гостей (В.Д.Ермолин, Ховрины-Головины) даже выступали в Москве в роли строительных подрядчиков. Очевидно, такого рода подрядные работы были

---

¹ Выголов В. П. Указ. соч.; ср.: Забелин И. Е. История города Москвы. М., 1990. С. 194; Скворцов Н. А. Археология и топография Москвы. М., 1913. С. 169.

² См.: Флоря Б. Н. Изменения социального состава населения Московского Кремля в конце XV — начале XVI в. // Средневековая Русь. М., 1996. Вып. 1. С. 111–119.

для них и выгодным, и престижным делом, на что уже не раз указывалось в литературе¹.

Конечно же, не только дом, но и стол зажиточного купца заметно отличался от пищевого рациона рядового торгово-ремесленного населения. Богатый московский гость Дмитрий (в иночестве — Дионисий) Ермолин, принявший на склоне лет постриг в Троице-Сергиевском монастыре при игумене Досифее (1446–1447), протестуя против монастырских порядков и положений общежительного устава, отказывался участвовать в общей, довольно скромной и однообразной трапезе. «Что имам сотворити, яко хлеба вашего и варения не могу ясти? А ведаешь сам, яко вырастохом во своих домах, не таковыми снадми питающися», — объяснял свое поведение старец Дионисий («Слово о Дмитрии Ермолине» из III расширенной Пахомиевской редакции «Жития Сергия Радонежского»). Когда же хлеб, мед, пиво, рыбу и прочие кушанья приносили из трапезной прямо в его келью, он выбрасывал снадь, говоря с пренебрежением, что «собаки наши такова... не ели»².

Сохранились лишь отдельные упоминания о сельских усадьбах зажиточных купцов, появившихся не позже XIV в. Самые ранние свидетельства о купеческом землевладении в Московском княжестве относятся к эпохе Дмитрия Донского, когда упоминаются села москвича-суроужанина Некомата. Под 1375 г. в летописях помещено сообщение о бегстве из Москвы в Тверь неполадивших с московским князем сына тысяцкого Ивана Васильевича Вельяминова и богатого гостя-суроужанина Некомата (судя по имени, видимо, грека по происхождению). Вскоре Некомат отправился в Золотую Орду за ярлыком на великое княжение для тверского князя Михаила Александровича. Он успешно справился с поручением нового

---

¹ *Перхавко В. Б.* Купечество и каменное строительство в Москве во второй половине XV — XVI веке // Российское купечество от Средних веков к Новому времени. Научная конференция. Москва, 2–4 ноября 1993 г.: Тезисы докладов. М., 1993. С. 15–17; *Он же.* Зодчий и книжник Василий Ермолин. М., 1997; *Он же.* Московские купцы-строители XV века // ОИ. 1997. № 4. С. 3–13.

² *Клосс Б. М.* Избранные труды. М., 1998. Т. 1: Житие Сергия Радонежского. С. 443.

благодетеля, вернувшись в Тверь в июле 1375 г. с ханским ярлыком и ордынским послом Ачихожею. Но в августе Дмитрий Иванович разбил войска Михаила Александровича и силой заставил его отказаться от великого княжения, затем приказал конфисковать села Ивана Васильевича и Некомата, а позднее казнил и самих изменников-перебежчиков¹.

Поплатившийся своей головой за политические интриги, Некомат, разумеется, был далеко не единственным землевладельцем из купеческой среды. С известными в XV в. купеческими фамилиями связаны названия ряда подмосковных сел — Саларева, Тропарева, Ховрина. Сохранилась купчая грамота 1491–1492 гг. на приобретение Дмитрием Владимировичем Ховриным у гостя-сурожанина Федора Даниловича Саларева деревни Красулинской в Подмоскowie. Несколько крупных земельных владений в Дмитровском уезде — села Старое Ермолинское, Куноки, Спасское-Семеновское — принадлежали богатой купеческой династии Ермолиных². Занимаясь торговыми делами и часто отправляясь в дальние поездки, гости-сурожане, понятно, не имели возможности постоянно проживать в собственных вотчинах и возлагали контроль за выполнением крестьянами феодальных повинностей на своих слуг-управляющих или сельских старост.

В литературе давно уже обсуждается вопрос о том, представляли ли московские гости-сурожане и суконники XIV–XV вв. особые купеческие корпорации с определенными привилегиями, подобно гостям — членам гостиной и суконной сотен XVII в.? Если М. Н. Тихомиров, например, отвечал на него положительно, то В. Е. Сыроечковский, А. М. Сахаров, Л. В. Черепнин проявляли известную осторожность и скептицизм при рассмотрении данной проблемы³. И хотя не сохранилось никаких документов (уставов),

---

¹ ДДГ. М.; Л., 1950. № 9. С. 27.

² АСЭИ. М., 1952. Т. 1. С. 444–445, 596, 601, 630; *Сыроечковский В. Е.* Гости-сурожане. М.; Л., 1935. С. 27–29, 112.

³ См.: *Сахаров А. М.* Города Северо-Восточной Руси XIV–XV веков. М., 1959. С. 164–167; *Сыроечковский В. Е.* Указ. соч. С. 37–39; *Тихомиров М. Н.* Средневековая Москва в XIV–XV вв. М., 1997. С. 180–184; *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв. М., 1960. С. 415–421.

в которых были бы юридически оформлены их права, судя по косвенным данным, зачатки корпоративной организации у сурожан явно существовали. Ее члены имели определенные обязанности по отношению друг к другу, пользовались льготами и привилегиями (например, правом на приобретение земельных владений), очевидно, устраивали в складчину общие пиры (братчины), строили церкви. Таким патрональным купеческим храмом в Москве тогда являлась церковь Иоанна Златоуста, расположенная в позднейшем Белом городе в одноименном монастыре, известном с начала XV в. Согласно летописному свидетельству, в 1479 г. Иван III заложил в Москве новый каменный храм Иоанна Златоуста, повелев разобрать стоявшую на этом месте «прежде бывшую деревяную... бе же та изначала церковь гостей московских строение»¹. Почему же она пришла к тому времени в запустение, по словам летописца, «оскудевати начят»? Очевидно, московские именитые торговые люди по каким-то причинам перестали считать ее своим патрональным храмом и отказались вносить денежные средства на содержание.

В XVI в. купеческий быт Москвы, сохранив преемственность с предшествующим столетием, не подвергся существенным изменениям. На торгово-ремесленном посаде столицы России по-прежнему преобладала деревянная застройка, а дома из камня и кирпича являлись большой редкостью. В основании отреставрированного ныне здания Английского посольского двора на Варварке сохранились, видимо, остатки каменного строения московских гостей Юрия Урвихвостова и его племянника Ивана Бобрищева из рода Онтоновых. Народная форма имени Юрия — Юшка запечатлелась в названии находившегося поблизости Юшкова переулка. Как предполагают архитекторы-реставраторы, первоначальная конструкция каменной палаты Онтоновых, датирующаяся концом XV — началом XVI в., могла быть возведена под руководством итальянского архитектора Алевиза Фрязина. Она, видимо, особенно не отличалась от здания соседнего Старого Купеческого двора, описанного в 1669 г.: «Полата каменная 6 сажен перегоро-

---

¹ ПСРЛ. СПб., 1848. Т. 4. С. 152; Т. 25. С. 323.

жена на двое ветха... Под тою же полатою погреб... Возле погреба полаты кладовая перегороджена на двое...». Еще одно более раннее его описание содержится в документе 1643 г., озаглавленном «Ремонт купецкого двора, что был денежный двор». Там упоминаются, в частности, заднее крыльцо комнатных сеней, печи в двух палатах и в подклетах. В подвале под жилым домом Онтоновых, как и в каменных подклетах купеческих храмов, явно хранились ценные товары. Еще при них двор, очевидно, включал фруктовый сад, в середине XVII в. он состоял из 21 яблони, 11 груш, 22 вишен¹.

Каменный дом Ю. Урвихвостова был не единственной купеческой жилой постройкой из камня в Москве XVI в. По свидетельству вкладной книги XVII в. Троице-Сергиева монастыря, в 7057 (1548/49) г. «Иван же Кузмин сын Яковлева дал вкладу двор свой на Москве в Китае городе, возле слободки Ивана Третьякова, а на дворе хором: горница трех сажен да повалуша, да сени, да полата каменная, под нею погреб; даная на тот двор писана в вотчинной книге в Москве глава 14»². По всей вероятности, в своей каменной палате этот богатый посадский житель Китай-города хранил самые ценные вещи, а в погребе-подвале под ней — дорогие товары. Следы какого-то каменного строения XVI в. в виде деталей керамического декора обнаружили археологи во время раскопок купеческой усадьбы, предположительно принадлежавшей известной семье гостей Таракановых³.

Как видим, хотя и довольно редко, но представители купеческой верхушки столицы России сооружали в XVI в. жилые дома из камня и кирпича, что требовало немалых средств. В Москве в роли заказчиков и строителей каменных сооружений выступали с XV в. лишь представители самой богатой и привилегированной группы купечества —

---

¹ См.: Бельнская Д. А. Английский двор в Москве // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 310–316; Кайдашев С. «Королев посланник Рыцерт» // Россия и Великобритания. 450 лет // Родина. 2003. № 5–6. С. 30–34.

² Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря / Издание подгот. Е. Н. Клинина, Т. Н. Манушина, Т. В. Николаева (далее — ВКТСМ). М., 1987. С. 223.

³ Бельнская Д. А. Шиферная иконка из Зарядья // СА. 1983. № 2. С. 196–200.

гости-сурожане, занимавшиеся торговлей с Крымом, Ордой, Византией и нажившие значительные капиталы.

Однако преобладали все же в застройке московского посада деревянные строения. В Китай-городе находилась усадьба дьяка и коммерсанта Анфима Сильвестрова, о чем свидетельствует обельная грамота Ивана IV от 15 апреля 1556 г. Троице-Сергиеву монастырю на Лобановский двор взамен другого монастырского двора, переданного ему: «Сез царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии пожаловал есми Троецкого Сергиева манастыря игумена Иасафа с братею: что был у них двор их на Москве, в Новом городе, в Богоявленском переулке, с Ильинские улицы к Никольской улице по левой стороне, в длину двадцать сажен с полусаженью, а поперег четырнадцать сажен; и тот у них двор взят и отдан Онфиму Селиверстову сыну, а игумену Иосафу с братею, в того их двора место, дан им двор в том же Богоявленском переулке, с Ильинские улицы по правой стороне, Лобановской Иванова сына Слизнева, суконного тягла, в длину сорок сажен с полусаженью, а поперег девять сажен без локти, а в другом месте в огороде восемь сажен»¹. Неясно, однако, где же располагался новый двор Анфима общей площадью 287 кв. сажен: перед Богоявленским монастырем либо за ним, если двигаться с Ильинской к Никольской улице. Поддерживая деловые контакты с царским казначеем Х.Ю. Тютиным, происходившим из купеческой среды, А. Сильвестров выступал в роли свидетеля при оформлении в 1550/51 г. его меновой грамоты с Троице-Сергиевым монастырем на московский двор, также находившийся в Богоявленском переулке («на записке Хозеи руку приложил и послух Алфим руку приписа»²).

Сравнивая описания богатых посадских дворов в Москве, Калуге, Вологде и Переяславле-Залесском из «деловой записи» от 6 декабря 1577 г. Никиты, Семена и Максима Строгановых, нетрудно заметить их однотипность³.

---

¹ АИ. СПб., 1841. Т. 1. № 164. С. 314–315.

² Копийная книга Троице-Сергиева монастыря XVII в. // ОР РГБ. Ф. 303/1. № 530. Л. 3, 28 об., 29.

³ *Введенский А. А.* Торговый дом XVI–XVII веков. Л., 1924; *Андреев А. Р.* Строгановы. М., 2000. С. 338.

Дворы отличаются лишь количеством деревянных изб, горниц, клетей, чуланов¹. Кухня (поварня), как правило, размещалась в отдельной дворовой постройке. Домовые запасы хранились в амбарах, клетях, погребах и ледниках. Скот держали в сараях и конюшнях. Горница, сени, а иногда и амбары ставились на подклете. Зажиточный человек из торгово-ремесленной среды предпочитал ходить в собственную баню (мыльню). В пригородах купцы пользовались покосами, необходимыми для содержания лошадей и прочего домашнего скота. Так, за деревней Меньшие Атары под Казанью, по свидетельству писцовых книг 1565–1568 гг., «луги косят казанские гости сведенцы розных городов»². Среди них были и переведенцы из Москвы. Богатые московские гости и члены Гостиной сотни порой владели дворами не только в родном городе, но и в других местах, где занимались торговым делом.

По словам Стефана Гейса (Гизена), члена свиты имперского посла Николая Варкоча, побывавшего в Москве в конце XVI в., там насчитывалось до 1500 храмов: «Даже иные богатые купцы и бояре строят церкви, в которых и исправляют свои обряды, как у них положено»³. При Василии III, в первой четверти XVI в., храм св. Афанасия Александрийского в Кремле построили гости Бобынины, церковь св. Варвары в Китай-городе — Антоновы (Антоновы).

Участвовали в каменной застройке Москвы культовыми сооружениями и богатые купцы-переведенцы из Пскова, Новгорода Великого и других городов. Член Гостиной сотни Савва Емельянович Вагин, переселившийся в столицу, вероятно из Соли Галицкой, в 1595 г. построил каменную церковь св. Великомученика Никиты за р. Яузой, на Вшивой (Швивой) горке⁴. Сохранился текст строительной надписи: «Лета 7103 свершил храм великого святого муче-

---

¹ Введенский А. А. Дом Строгановых XVI–XVII вв. М., 1962. С. 239.

² Писцовые книги города Казани 1565–1568 гг. и 1646 г. // Материалы по истории Татарской АССР. Л., 1932. С. 53.

³ Иностранцы о древней Москве (Москва XV–XVII веков) / Сост. М. М. Сухман. М., 1991. С. 137.

⁴ Голикова Н. Б. Привилегированные купеческие корпорации России XVI — первой четверти XVIII в. М., 1998. Т. 1. С. 218, 222.

ника Никиту московский жилец гостинный сотни торговый человек Савва Омелянов сын Вагин»¹. Но в Пискаревском летописце в записи под 7106 (1597/1598) г. инициатором строительства церкви назван Дм. И. Годунов, а имя Вагина вовсе не упоминается: «Во дни благочестиваго царя и великого князя Феодора Ивановича всеа Руси по челобитью боярина Дмитрея Ивановича Годунова, поставлен храм каменной на Москве за Яузой: Никита Христов мученик»². Быть может, боярин Годунов ходатайствовал о возведении храма по просьбе купца Вагина, ставшего его строителем-ктитором.

* * *

Быт и культурный облик торговых людей Москвы XVII столетия, в отличие от более поздней эпохи XVIII — начала XX в., также остаются слабо изученными в отечественной историографии³. Эта тема затрагивалась лишь в ряде обобщающих работ по истории культуры, купечества и предпринимательства в России⁴. Между тем было бы интересно определить место столичного купечества в начав-

---

¹ Копии текста этой надписи имеются в фонде М. И. Александровского в ОПИ ГИМ (№ 76) и в бумагах С. Залесского в Центральном научно-техническом архиве Академии архитектуры (Опись 2. № 241). См. публикации: *Рабинович М. Г.* Раскопки 1946–1947 гг. в Москве на устье Яузы // МИА. 1949. № 12. С. 6; *Гиршберг В. Б.* Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV–XVIII вв. Ч. 1: Надписи XV–XVII вв. // Нумизматика и эпиграфика. М., 1960. Вып. 1. С. 45. № 95.

² Материалы по истории СССР. Вып. II: Документы по истории XV–XVII вв. М., 1955. С. 99; ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 200.

³ См.: *Тиц А. А.* Русское каменное жилое зодчество XVII века. М., 1966; *Очерки русской культуры века. Ч. 2: Духовная культура.* М., 1979; *Художественно-эстетическая культура Древней Руси XI–XVII веков.* М., 1996. С. 414–416, 428–435, 442–453; *Черный В. Д.* Искусство средневековой Руси. М., 1997. С. 316–396; *Черная Л. А.* Русская культура переходного периода от средневековья к новому времени. М., 1999. С. 192–198.

⁴ См.: *Преображенский А. А.* Русское купечество XVII века: социальный портрет, самосознание // *Купечество в России. XV — середина XIX века.* М., 1997. С. 57–95; *Преображенский А. А., Перхавко В. Б.* Купечество Руси. IX–XVII века. Екатеринбург, 1997. С. 175–183; *История предпринимательства в России. Кн. I: От средневековья до середины XIX века.* М., 2000. С. 155–163; *Перхавко В. Б.* Первые купцы российские. М., 2004.

шемся в XVII в. процессе «обмирщения» русской культуры, который сопровождался заметным ростом светских и демократических элементов. И в культурных творениях той переходной поры должны были непременно отразиться вкусы и запросы верхушки посадского населения Москвы, его представления об окружающем мире и красоте. Изучая данный процесс, нельзя не учитывать имущественную и социальную неоднородность торговцев XVII в. Ведущие позиции в торгово-предпринимательской деятельности в России XVII столетия занимала самая привилегированная и богатая группа русского купечества — гости. Они превосходили остальных торговых людей и по размерам капиталов, и по объему оборота товаров, и по общественному влиянию, занимаясь наряду с торговлей также промыслами и вкладывая средства в промышленное производство.

Одним из самых характерных внешних признаков нового этапа развития культуры страны стало распространение наряду с храмами каменных построек светского назначения, нередко сооружавшихся не только феодальной знатью, но и представителями зажиточного купечества. Накопив значительные средства за счет крупных торговых операций, они, подражая аристократии, вкладывали их в дорогостоящее строительство жилых зданий из кирпича. Выделяясь на фоне преобладавшей тогда деревянной застройки Москвы, такие высокие и просторные купеческие палаты сразу же бросались в глаза.

Широкую известность получили Никитниковы, один из самых богатых и знаменитых купеческих родов XVII в., происходивший из Ярославля. Их родоначальник, Никита, жил там в XVI в. Семейное торговое дело продолжили его сын — Леонтий, а затем внуки — Григорий, Павел, Третьяк, Никита, чей приезжий двор существовал в конце XVI в. в Казани. Наиболее удачливым был Григорий, избранный земским старостой Ярославля еще молодым. Он неоднократно вносил крупные суммы в казну Второго ополчения в 1612 г. Ярославский двор Никитниковых располагался около Углицких ворот и Спасского монастыря, вблизи торговых рядов. Рядом с домом Григорий построил деревян-

ную церковь Рождества Богородицы. Неподалеку, на берегу р. Которосли, находились принадлежавшие ему рыбные и соляные амбары¹. Григорий Никитников, будучи с 1613 г. гостем, занимался крупной торговлей рыбой и солью по Волге и Оке, где во многих городах (Астрахани, Казани, Коломне, Нижнем Новгороде и др.) у него имелись дворы, склады и лавки, в том числе в Суконном, Сурожском, Серебряном и Шапочном рядах у Красной площади в Москве, куда он переехал по царскому приказу в 1622 г.² Ему приходилось нередко выполнять разные государственные обязанности: таможенного головы в нескольких городах, сборщика «пятой деньги» с торгово-ремесленного населения, участника земских соборов. Выделял он деньги в кредит и казне для уплаты жалованья ратным людям, требуя возврата их в срок. По заказу и на деньги Григория Никитникова в 1631–1634 гг. в Москве, в Китай-городе, на дворе его усадьбы, возвели каменную церковь Троицы, являющуюся не только домовым, но и приходским храмом. Рядом с ней располагались каменные палаты Григория Никитникова.

От брака с Евфросиньей у Григория родились сын Андрей и дочери — Анна, Домника, Мария. У Андрея Никитникова и его жены Марфы Михайловны Кошелевой были сын Борис и дочь Татьяна. Мария Никитникова и ее супруг купец Василий Булгаков назвали своего сына в честь деда Григорием. Семейной трагедией стал уход из жизни около 1648 г. ближайшего помощника отца — Андрея, человека грамотного, обладавшего художественным вкусом. Незадолго до смерти он вложил в церковь Троицы поминальную книгу, включающую имена 154 представителей рода Никитниковых (82 — мужского пола и 72 — женского), орнаментированную красочными заставками и ныне хра-

---

¹ См.: *Овчинникова Е. С.* Церковь Троицы в Никитниках. Памятник живописи и зодчества XVII века. М., 1970. С. 5–7; *Голикова Н. Б.* Указ. соч. Т. 1. С. 89, 96–97, 210.

² См.: *Таможенные книги Московского государства XVII века. Т. II: Северный речной путь. Устюг Великий, Сольвычегодск, Тотьма в 1650–1656 гг.* М., 1951. С. 78, 87; *Нижний Новгород в XVII веке: Сб. документов. Горький, 1961. № 41. С. 77–78; Овчинникова Е. С.* Указ. соч. С. 5–7.

нящуюся в отделе рукописей Государственного Исторического музея (Москва)¹. Сам Григорий Никитников умер в 1651 г. и похоронен не в приделе храма Троицы, а в Спасском монастыре Ярославля, где перед смертью принял постриг под именем Герасим. По завещанию он передал весь капитал, недвижимость и промыслы в нераздельное владение внуков Бориса Никитникова и Григория Булгакова (по отцу), скончавшихся довольно рано². Борис отличался образованностью, в 1653 г. он еще числился в составе Гостиной сотни, а умер в следующем году. Григорий Булгаков в 1649–1650 гг. находился на государевой службе в Архангельске и Холмогорах. Единственным преемником семейного торгово-промышленного предприятия стал в 60–70-х гг. XVII в. правнук Григория Никитникова — Иван Григорьевич Булгаков. Он завершил внутреннее убранство церкви Троицы. Никитниковы имели домашнее собрание русских старопечатных книг — «Беседы Иоанна Златоуста», «Минея», «Трефолой», «Уложение судных дел» (Соборное Уложение 1649 г.) и др. Часть из них Борис пожертвовал после смерти деда различным церквам и монастырям, куда также вносились деньги для поминания предков³. Род Никитниковых записан также в синодике Введенского монастыря в Тихвине.

Вот какие впечатления вызвал московский дом богатого гостя Григория Леонтьевича Никитникова у архидиакона Павла Алеппского, приезжавшего в середине XVII в. в Россию из Сирии: «Мы видели в Москве роскошное жилище этого купца, которое обширнее, чем палаты министров. Он выстроил у себя чудесную церковь, подобно которой мы не видели даже у царя»⁴. Речь идет о красивейшем пятиглавом храме Троицы в Никитниках, воздвигнутом из кирпича и со вкусом декорированном резным белым камнем (килевидными кокошниками, фигурными наличника-

---

¹ Музейн. собр. № 3989.

² См.: Духовная гостя Г. Л. Никитникова 1651 г. // Чтения в Обществе любителей духовного просвещения. М., 1873. Кн. 4.

³ Московский некрополь. СПб., 1908. Т. II. С. 336.

⁴ Павел Алеппский. Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века. М., 1896. Вып. 2. С. 178.

ми, полуколооиками, порталами) и полихромными поливными изразцами. Он хорошо сохранился в отличие от палат, разобранных еще в XVII в. В состав храма с подчеркнутой ассиметричной композицией впервые в практике московского культового зодчества была включена шатровая колокольня. К его внешнему оформлению явно причастна артель резчиков по камню, участвовавшая в строительстве царского Теремного дворца в Кремле. Подклет церкви использовался для хранения товаров, а ее южный придел Никиты Воина стал семейной усыпальницей этого известного купеческого рода, происходившего из Ярославля. Внутреннее оформление храма завершили к середине 1650-х гг., уже после смерти Г. Л. Никитникова, его внуки. Иконы для храма заказывались самым известным иконописцам того времени, в том числе Иосифу Владимирову («Сошествие Святого Духа») и изографу Оружейной палаты Симону Ушакову («Великий архиерей», «Спас Нерукотворный» и др.), чей каменный особняк находился неподалеку. При росписи стен церкви Троицы мастера первыми в России творчески использовали в качестве образцов (скорее, иконографических схем) гравюры из Библии Пискатора, незадолго до того изданной в Голландии, а на одной из фресок изобразили групповой портрет Никитниковых из 11 персон¹.

На Ипатьевской улице, в пяти саженях от усадьбы Никитниковых, у церкви Климента папы Римского, что у Варварских ворот, находился двор еще одного богатейшего гостя Василия Григорьевича Шорина². Длина его достигала 43 сажен, а ширина 16–24 сажен. На нем, на небольшом расстоянии от храма, имелось какое-то «каменное строенье», имевшее, скорее всего, хозяйственное назначение и потому не именуемое в строельной книге 1657 г. палатами³. Шорину принадлежали еще несколько дворов по-

---

¹ Овчинникова Е. С. Указ. соч. С. 8–17; Попадюк С. С. Архитектура московского бесстолпного храма XVII в.: церковь Троицы в Никитниках // Культура Москвы XVII века. М., 1993. С. 96–137.

² Голикова Н. Б. Указ. соч. Т. 1. С. 11–112.

³ Забелин И. Е. Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы (далее — Материалы...). М., 1891. Ч. 2. Стб. 27, 28.

меньше, располагавшихся рядом, на прихваченной незаконно церковной земле. Там в деревянных избах проживали его люди, в том числе сапожники. Еще в 1644 г. В.Г.Шорин обращался с челобитной по поводу перестройки каменного придела храма «Обновления Воскресения Христова, что в Китае-городе, у его Васильева двора»¹. Домовым храмом Шориных считается церковь Дмитрия Солунского, которая располагалась на территории их усадьбы, в которой со временем появилось и каменное жилье. Они, как предполагается, могли быть также заказчиками обновления церкви Климента у Варварских ворот². По соседству с их каменным домом на Ипатьевской улице, который находился в приличном состоянии и в начале XVIII в., проживали в 1695 г. боярин Ф.П.Шереметев и окольный И. А. Матюшкин³.

Шорины происходили из Вязьмы, откуда в 1610 г. приезжал торговать в Новгород Великий Григорий Шорин с сыном Богданом⁴. В середине XVII в. В.Г.Шорин, упоминающийся как гость с 1641 г., приумножив наследственный капитал, уже занимал прочные позиции в торговле-предпринимательском деле, владея не только многочисленными лавками в Москве, Астрахани, других городах. Учитывая огромный спрос на выделанную кожу, оборотистый купец завел собственное производство (кожевенный двор) в Нижнем Новгороде. Он стоял у истоков денежной реформы царя Алексея Михайловича в 50-х гг. XVII в. В Галицком и Коломенском уездах Шорину принадлежало свыше 50 крестьянских дворов, несколько деревень в Устюжском уезде, в районе Соли Вычегодской, населенных черносошными крестьянами, за что он должен был вносить

---

¹ Забелин И. Е. Материалы... М., 1884. Ч. 1. Стб. 367.

² Памятники архитектуры Москвы. Кремль. Китай-город. Центральные площади. М., 1983. С. 443.

³ Доклады и приговоры в правительствующем Сенате в царствование Петра Великого: В 6 т. СПб., 1880. Т. 1. С. 318; *Зерцалов А.* Московский Китай-город в XVII в. (по описи 1695 г.) // ЧОИДР. 1893. Кн. 2. С. 13.

⁴ *Варенцов В. А.* Торговля и купечество Новгорода по данным таможенных книг 1610/11 и 1613/14 гг. // Торговля и предпринимательство в феодальной России. М., 1994. С. 101.

платежи в государеву казну. Часть из них перешла к нему в 70-е гг. XVII в. после заключения второго брака с вдовой члена Гостиной сотни Н.Ревякина. Местное крестьянство, недовольное концентрацией земель в руках именитого купца, не раз судилось с переменным успехом с Шориным. По иску посадского человека из Великого Устюга С.Ф.Якушева в 1676 г. было заведено уголовное дело об увозе людьми Шорина принадлежавшей истцу избы из деревни¹.

Приказчики В.Г.Шорина торговали в Москве, в Вологде, в Великом Устюге, посещали города Поволжья и Сибири, восточные страны. Род одного из них, «Лари Шевырева, московского торгового человека Василия Шорина», поминался в Свенском монастыре, куда хозяин, очевидно, не раз направлял его с товарами на ярмарку². Приобретя немалое влияние в правительственных кругах, В.Г.Шорин дважды занимал пост таможенного головы Архангельска, в 1676 г. числился старостой гостей, не раз выступал в защиту интересов отечественного купечества. Ему, как и гостю Федору Юрьеву, с патриаршего стола Иоакима посылалось 15 августа 1674 г., в праздник Успения Богородицы, угощение — «стерлядь паровая»³. Участвовал Шорин и в строительстве первого российского военного трехъярусного парусного корабля «Орел». Жизнь этого богатейшего человека не была идиллической, неприятности не раз обрушивались на его голову. Во время Соляного (1648) и Медного (1662) бунтов принадлежавшие ему дворы, лавки и склады были разгромлены и опустошены восставшим московским людом. Позже плывший по Волге торговый караван Шорина разграбили казаки Степана Разина. В конце концов значительная часть его имущества (лавки, погреб, каменная палатка в Астрахани) была отписана в казну «за многие недоимки» по

---

¹ См. о торгово-предпринимательской деятельности В.Г.Шорина: *Varon S. H. Vasilii Shorin: Seventeenth-Century Russian Merchant Extraordinary // Canadian-American Slavic Studies*. 1971. N 6; *Idem. Muscovite Russia: Collected Essays*. London, 1980. P. 503–548.

² *Евсеев И. Е.* Описание рукописей, хранящихся в Орловских древлехранилищах. Орел, 1905. Вып. 1. С. 204. № 520.

³ *Писарев Н.* Домашний быт русских патриархов. Приложения. Казань, 1904. С. 72.

уплате налогов. Очевидно, пошатнувшимся материальным состоянием объясняется скромный вклад В.Г.Шорина в Троице-Сергиев монастырь, сделанный 13 декабря 1676 г.: «бархот золотной по червчатой земле в мере 9 аршин з двема вершки»¹. Среди историков одно время даже бытовало мнение, что умер Василий Григорьевич в 1680 г. в полной нищете и безвестности. Но, как удалось выяснить с помощью новых архивных материалов, его сыну Федору (гостю с 1666 г.) и внуку Михаилу довелось продолжить, пусть и не в таких масштабах, дело отца и деда. Еще в 1675 г. М.Ф.Шорин был пожалован чином гостя «за многие службы прадедов и деда и дяди и отца его, и за честь, и за отечество»². Стремясь укрепить свое влияние среди московской торговой верхушки, в январе 1687 г., по случаю заключенного чуть раньше «Вечного мира» с Польшей, царевна Софья специальным указом пожаловала ее наиболее видным представителям денежные и земельные оклады, в том числе 750 четвертей (210 га) земли и 85 рублей — Михаилу Федоровичу Шорину³. Поминальные записи рода Шориных имеются в синодиках Троице-Сергиева монастыря, Успенского собора Московского Кремля, храма Троицы в Никитниках, Никитского монастыря в Переславле-Залесском⁴. В наиболее полной записи рода «гостя Григория Шорина и сына его его гостя Василья Шорина» из синодика Успенского собора перечислены 40 мужских (27) и женских (13) имен, в том числе 16 принявших монашеский постриг и 14 скончавшихся во младенчестве⁵.

Участник Земского собора 1598 г., гость Меньшой Семенович Булгаков, проживавший в каменных палатах, в

---

¹ ВКТСМ. С. 286 (Л. 197 об.).

² Сборник князя Хилкова. СПб., 1879. № 92. С. 290–292.

³ Чистякова Е. В. Новоторговый устав 1667 г. // АЕ за 1957 год. М., 1958. С. 109; Тверская Д. И. К вопросу о роли купечества в процессе формирования всероссийского рынка в XVII в. // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967. С. 290–300.

⁴ ОР РГБ. Ф. 304/ III. № 25. Л. 309 об.; ОР ГИМ. Усп. 65. Л. 23–23 об.; ОР ГИМ. Муз. 3989. Л. 102–102 об.; Титов А. А. Синодики XVII века Переславского Никитского монастыря. М., 1903. С. 59.

⁵ ОР ГИМ. Усп. 65. Л. 23–23 об.

самом начале XVII в. построил в Китай-городе церковь Воскресения Христова. Она стала домовым храмом этой купеческой семьи, о чем свидетельствует запись в строельной книге 1657 г.: «...К церкви кроме Бахтеяра, да Рудельфа Булгаковых (сыновей М. С. Булгакова. В. П.) прихожен не бывало никого; а как Бахтеяр и Рудельф были живы и они родителей своих к церкви клали, да и сами они погребены в той же церкви, а после Бахтеяра да Рудельфа Булгаковых сродичев никого не осталось»¹. При опросе соседей «окольников Борис Иванович Пушкин сказал: на Варварском кресце церковь Воскресение Христово, строенье Меньшава Булгакова, подле ево двора, да у Меньшова ж на дворе поставлена полата каменная, и кто ту полату строил и сколь довно — того он не ведает»². У входа в усадьбу Булгаковых, отмеченную, наряду с немногими дворами знати, на «Петровом чертеже» (около 1597–1599 гг.), находилась сторожевая изба³.

Двор «дьяка Олмаза Иванова», упомянутый в купчей 1647 г., располагался в Китай-городе, «в приходе у Веденья Пречистыя Богородицы Золотоверхово»⁴. Алмаз (Ерофей) Иванович Иванов (? — 1669) происходил из купеческого рода Чистых⁵. Род его записан в синодике XVII в. Успен-

---

¹ Забелин И. Е. Материалы... Ч. 2. Стб. 27.

² Там же. Стб. 26.

³ Памятники архитектуры Москвы. Кремль. Китай-город. Центральные площади. С. 51–52.

⁴ Забелин И. Е. Материалы... Ч. 2. Стб. 633, 634; в ряде публикаций я ошибочно утверждал о принадлежности дьяку Алмазу (Ерофею) Иванову дома на Ваганькове с высокими «голландскими» щипцами (См.: Перхавко В. Б. Купечество и культура русского города XVII в. // Столичные и периферийные города Руси и России в средние века и раннее новое время (XI–XVIII вв.): Проблемы культуры и культурного наследия: Доклады Третьей научной конференции (Муром, 17–20 мая 2000 г.). М., 2003. С. 183; *Он же*. Купечество и начало «обмирщения» русской культуры // Московский журнал. 2004. № 7. С. 43; *Он же*. Первые купцы российские. С. 369). В действительности, как предполагают историки архитектуры, им владел другой дьяк — Автоном Иванов. См.: Памятники архитектуры Москвы. Кремль. Китай-город. Центральные площади. С. 121; Памятники архитектуры Москвы. Белый город. М., 1989. С. 30.

⁵ Голикова Н. Б. Указ. соч. Т. 1. С. 102, 110.

ского собора Московского Кремля¹. Торговавший с восточными странами и знавший несколько иностранных языков, гость со временем стал думным дворянином и начальником Посольского приказа, внося заметный вклад в деятельность дипломатического ведомства России. В составе российских посольств Алмаз Иванов выезжал в Речь Посполитую и Швецию². С ним не раз встречался в Москве в 1665 г. член голландского посольства Николаас Витсен³. А вот как характеризовал Иванова посланник австрийского императора Августин Мейерберг, автор сочинение «Путешествие в Московию»: «...Происходя от родителей простого звания, он счастливо занимался торговлею. Потом, будучи знаком с иноземными краями, при исправлении многих посольств, столько показал примеров хитрости, коварства, находчивости, что удостоен был должности смотрителя за тайными архивами царства, за иностранными послами и докладчика их посольств»⁴. Имеются свидетельства о пожертвованиях А. Иванова, обладавшего собранием печатных книг. По информации вкладной книги Ростовского Борисоглебского монастыря, «лета 7170 (1662 г.) августа в 23 день дал вкладу думной дьяк Алмаз Иванович да сын ево дьяк Дмитрей Ярофеевич по своей благой теплой вере для своего многолетнего здравия три книги в тетратех: книга апостол в десть печатной да книга многослоинной свиток в полудесть печатной да книга граматика печатная в полдесть...»⁵.

---

¹ ОР ГИМ. Усп. 66. Л. 354 («Род г[осу]д[а]рева диака казенного двора Алмаза Иванова. Ионы. Дарии. Вассы млад[енца]»).

² См. о нем: *Богоявленский С. К.* Приказные судьи XVII в. М.; Л., 1946. С. 256, 257; *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 203; *Демидова Н. Ф.* Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987. С. 28, 54, 78, 187; *Лукичев М. П.* Алмаз Иванов // «Око всей великой России»: Об истории русской дипломатической службы XVI–XVII веков. М., 1989. С. 92–108; *Рогожин Н. М.* Алмаз Иванов // *Международная жизнь.* 1999. № 6. С. 75–84; *Он же.* У государевых дел быть указано... М., 2002. С. 139–156.

³ *Витсен Николаас.* Путешествие в Московию, 1664–1665: Дневник / Пер. со староголландского В. Г. Трисман. СПб., 1996. С. 161.

⁴ Утверждение династии / Андрей Роде. Августин Мейерберг. Самуэль Коллинс. Яков Рейтенфельс. М., 1997. С. 91.

⁵ *Титов А. А.* Вкладные и кормовые книги Ростовского Борисоглебского монастыря. Ярославль, 1881. С. 77–78.

На Берсеневке (совр. Берсеневская набережная Москвы-реки) в середине XVII в. был выстроен из большемерного кирпича новый дом для Аверкия Степановича Кириллова (1622–1682), именовавшегося первоначально в документах как «Аверко Степанов» и выбившегося в богачи из тяглецов Садовой слободы. В Оружейной палате Московского Кремля хранится напрестольный крест с расписной эмалью и резьбой по золоту, вложенный в Троицкий собор Берсеневской слободы 1 августа 1658 г. государевым садовником Аверкием Кирилловым в память о его родителях¹. При его финансовом участии явно сооружался приходской каменный храм «Живоначальная Троицы, что в Садовниках, за Берсеневою»; для расширения церковного кладбища А. С. Кириллов поступился «двумя дворами братьей своих» и отдал стоявшие на них избы пономарю и сторожу церкви². А в следующем году он, минуя Гостиную сотню, был зачислен в корпорацию гостей. «Род гостя Аверкия Степанова, да Михаила Пиримова садовника», записанный в поминальной книге Новоспасского монастыря, насчитывает 33 имени (в том числе 13 младенцев, 2 убиенных, 9 монашествующих)³. А. С. Кириллов пожертвовал в далекий Анзерский скит на Соловецких островах две печатные книги — «Поучение Ефрема Сирина» и «Лествичник»⁴.

Кириллову принадлежали дворы и лавки в Москве, Нижнем Новгороде, Вологде, поташные промыслы, земли и деревни с крестьянами. Расширяя свою предпринимательскую деятельность, в начале 1660-х гг. он получил в пользование участки для устройства соляных варниц в Соликамске и уголья по р. Усолке, а вскоре приобрел за 1000 руб. крупную подмосковную вотчину, закрепленную за ним в 1666 г. специальным именованным указом Боярской думы. Кириллова хорошо знали в правительственных кру-

---

¹ Мартынова М. В. Московская эмаль XV–XVII веков: Каталог. М., 2002. № 79. С. 96, 97.

² Забелин И. Е. Материалы... Ч. 2. Стб. 263, 264.

³ ОР ГИМ. Новоспасск. 10. Л. 142 об.

⁴ Библиотека Соловецкого монастыря // Православный собеседник. Казань, 1859. Ч. 2. С. 83.

гах. Сохранилось, например, его донесение об армянско-русской торговле, составленное для Посольского приказа. В 1677 г. его привлекли на государственную службу с пожалованием чина думного дьяка, случай редчайший для представителя купечества. Управляя приказами Большой казны, Большого прихода, Большого дворца, Новгородским, Кириллов занимался вопросами, связанными главным образом с промышленностью, торговлей и финансами. В ходе знаменитого бунта в мае 1682 г. он был убит разъяренными стрельцами, записавшими на поставленном посреди Красной площади столбе наряду с именами прочих жертв «вины» этого незаурядного деятеля из купеческой среды: «Великие взятки имал и налогу всякую и неправду чинил». Обвинение это по отношению к Кириллову трудно признать справедливым, ведь дьяк вроде бы отличался неподкупностью. Немногим спустя, укрепив свою власть, царевна Софья расправилась со смутьянами и приказала скрыть стрелецкий «столп» с позорной надписью¹. А. С. Кириллова, как и его супругу, также ушедшую из жизни в 60-летнем возрасте, похоронили под северной папертью храма Николы на Берсеневке, где при вскрытии нашли могильные плиты. На одном из надгробий помещена надпись: «Во славе и хвале Отца и сына и святого духа раб Божии думный дьяк Аверкий Стефанович Кириллов от рождения своего поживе 60 лет и от начала мира лета 7190 мая в 16 день мученически скончался на память преподобного отца нашего Феодора Освященного»². Гостем и дьяком стал их сын Яков Аверкиевич, делавший крупные вклады в Донской монастырь и принявший там в 1693 г. великую

---

¹ *Богоявленский С. К.* Указ. соч. С. 260 ; *Голикова Н. Б.* Указ. соч. Т. 1. С. 140; *Веселовский С. Б.* Указ. соч. С. 233, 234; Московский некрополь. М., 1908. Т. II. С. 40; *Седов П. В.* Хождение во власть гостя Аверкия Кириллова // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XVIII вв.: Сборник материалов международной научной конференции. СПб., 2001. С. 90–94.

² *Мартынов А. А.* Надгробная летопись Москвы // Русский архив. 1895. № 6. С. 236; *Разов Д. В.* Ансамбль палат Аверкия Кириллова // Архитектурные памятники Москвы XV–XVII веков. М., 1947. С. 99, 100.

схиму под именем Иона; род его записан в синодике Успенского собора Кремля¹.

До сих пор сохранились (в перестроенном, правда, виде) каменные двухэтажные палаты Аверкия Кириллова, напоминающие о первом их владельце². По информации строельной книги 1657 г. «...на том ево огороде, подле подле ево Аверкиева двора построена ево Аверкиева палата вновь...»³. Ее подтверждает одновременная надпись, помещенная вокруг высеченного креста на плафоне потолка в одной из угловых комнат первого этажа: «Написан сей святой и животворящей кр[е]ст в лет[о] 7765 году, того и лета и палата посправлена (по другой версии, поставлена — *В. П.*)»⁴. Уже тогда хозяин палат, числившийся пока еще садовником, достиг за счет торговых операций высокого имущественного положения.

Этот богатый московский дом, обставленный и устроенный на западноевропейский манер, произвел яркие впечатления на голландца Н. Витсена, побывавшего в Москве в 1665 г.: «Я посетил Аверкия Степановича Кириллова, первого гостя, которого считают одним из самых богатых купцов. Он живет в прекраснейшем здании; это большая и красивая каменная палата, верх из дерева. Во дворе у него собственная церковь и колокольня, богато убранные, красивый двор и сад. Обстановка внутри дома не хуже, в окнах немецкие разрисованные стекла (витражи). Короче — у него все, что нужно для богато обставленного дома: прекрасные стулья и столы, картины, ковры, шкафы, серебряные изделия и т. д. Он угостил нас различными напитками,

---

¹ *Забелин И. Е.* Историческое описание Московского ставропигиального Донского монастыря. 2-е изд. М., 1893. С. 25, 83, 123–127; ОР ГИМ. Усп. 66. Л. 230; Усп. 67. Л. 79.

² См.: *Румянцев В. Е.* Дом Московского археологического общества на Берсеневке // *Древности.* М., 1875. Т. V. Вып. 1. С. 33–40; *Потанов А. А.* Очерки древней русской гражданской архитектуры. М., 1902. Вып. 1. С. 83–86. Табл. XX; *Разов Д. В.* Указ. соч. С. 76–100; *Коробко М.* «Расступитесь, думный дьяк идет!» // *История: Газета Издательского дома «Первое сентября».* 2004. № 13. С. 18–23.

³ *Забелин И. Е.* Материалы... Ч. 2. Стб. 264.

⁴ *Разов Д. В.* Указ. соч. С. 78.

а также огурцами, дынями, тыквой, орехами и прозрачными яблоками, и все это подали на красивом резном серебре, очень чистом. Не было недостатка в резных кубках и чарках. Все его слуги одеты в одинаковое платье, что не было принято даже у самого царя. Он угощал нас очень любезно, беседовал о недавно появившейся комете; русские об этом рассуждают неправильно. Он показал нам книгу предсказаний будущего, переведенную на русский язык, будто в ней истинные предсказания, и спросил мое мнение об этом»¹.

Несколько каменных палат возвели в правление царя Михаила Федоровича купцы Юдины. Они стояли в московских усадьбах братьев Андрея, Василия и Ивана Афанасьевичей Юдиных, сыновей «московского гостя Афонасия Иванова сына Июдина», чей род записан в синодике Успенского собора Кремля². Двор с каменным жилым строением от Андрея Афанасьевича перешел к его сыну Ивану, предъявившему в 1642 г. претензии на недвижимость и прочие ценности своего умершего двоюродного брата Григория Ивановича, у которого была еще жива мать Аксинья из рода детей боярских. На часть этого имущества претендовали их более дальние родственники — член Гостиной сотни Василий Григорьевич Юдин и его сестра Марфа. Обосновывая свои права, обе стороны представили властям собственные генеалогические росписи (пожалуй, самые ранние в России реконструкции в области купеческой генеалогии). Аксинья Юдина, потерявшая и мужа, и сына, также не жаждала остаться на старости без средств существования и обращалась с челобитными к царю. В связи с этим запутанным имущественным спором о выморочном наследстве подмастерья Приказа каменных дел, лесные целовальники Новгородской сотни и торговцы железных рядов по указанию властей оценили недвижимость: «...Цена Васильеву и Иванову и Григорьеву двору Юдиных каменному строению 1910 рублей 30 алтын; а деревянному всякому дворовому строению и избам и полатной кровле и городбе (изгороди.— *В. П.*) и саду и дворовой

---

¹ *Витсен Николаас*. Указ. соч. С. 161.

² ОР ГИМ. Усп. 65. Л. 63 об.

земле 1300 рублей; в полатных окошках 40 решеток железных, цена по рублю решетка; у окошек 20 восьм затворов железных, цена по рублю затвор; три двери железных, цена по осми рублей дверь...»¹ Кажется, именно в этом каменном доме первоначально размещалась иконописная мастерская известного «изографа» XVII в. Симона Ушакова, которому позже, в 1673 г., была передана усадьба гостя Ивана Чулкова с каменными палатами².

Поражает обилие зарешеченных слюдяных окон в купеческих палатах, владельцы которых с помощью железных дверей и решеток стремились обезопасить от разграбления свое имущество. Но внутри таких каменных палат, как отмечалось в трактате чешского иезуита Иржи Давида «Современное состояние Великой России, или Московии» (1690 г.), было темновато «частично из-за толстых стен, частично из-за непропорционально маленьких окон»³. В челобитной члена Гостиной сотни Ивана Андреевича Юдина, к сожалению, не указано, где же находилась и из какого материала была сооружена «церковь де Божия Воскресение Христово, строение родителей его Юдиных безприходная»⁴. Она располагалась в пределах родовой усадьбы Юдиных либо рядом с ней («в Панех», у Панского двора) и стала фактически их домовым храмом, в котором еще в 1628 г. патриарх Филарет отпевал гостя Ивана Афанасьевича Юдина⁵.

Босые (Босово) происходили из Великого Устюга. Находясь в течение шести лет на государевой службе «в Пер-

---

¹ Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России / Собрал и издал А. Федотов-Чеховский. Киев, 1873. Т. 1. № 110. С. 398.

² Памятники архитектуры Москвы. Кремль. Китай-город. Центральные площади. С. 456. № 60; Возможно, род именно этого купца Ивана Чулкова («Иоанна, монаха Кирилла, Татианы, Стефаниды, Василия, Мавры») упоминается в синодике Никитского монастыря в Переславле-Залесском. См.: *Титов А. А.* Синодики XVII века Переславского Никитского монастыря. С. 35, 55.

³ *Давид Иржи.* Современное состояние Великой России, или Московии // ВИ. 1968. № 4. С. 138.

⁴ Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России. Т. 1. С. 388.

⁵ *Забелин И. Е.* Материалы... Ч. 1. Стб. 384.

ми у Медного и у гор», Кирилл Алексеевич Босов (Босово), ставший гостем 5 июля 1646 г., «для московского житья поставил полаты камень и от пожарново дела обережь» и породнился с княжеским родом Мышецких¹. Его дочь Анна стала женой князя Ивана Даниловича Мышецкого и, овдовев, продала в 1674/1675 г. гостю Василию Ивановичу Грудцыну-Усову родовые вотчины в Устюжском и Усольском уездах, доставшиеся ей от отца и от дяди Василия Алексеевича Босых².

Из росписи денег члена Гостиной сотни Максима Ильича Твердикова, израсходованных мужем его тетки дьяком Андреем Галкиным (28 ноября 1671 г.), можно узнать, что 70 рублей было уплачено за кирпич для церковного строительства, из которого «гость Иван Савин сын Худяков зделал себе палаты»³. Иногда из камня в купеческих усадьбах сооружались хозяйственные помещения. Двор «с полатою и з садом» гостя Максима Григорьевича Твердикова в Китай-городе, как выморочное имущество, перешел к его племяннице Прасковье Григорьевне Галкиной (урожденной Твердиковой), жене государева дьяка Андрея Галкина. Но после большого пожара 1668 г. от этого двора уцелела лишь «полатка кладовая на погребе на каменом»⁴.

После смерти гостя Федора Михайловича Нестерова (Неустроева), выходца из Ярославля, «остался двор его в Барашах с каменными полаты и со всяким деревянным хоромным и дворовым строением, да загородной двор, что в Красном селе, и посуда серебряная и оловянная и медная, и всякой домашней завод, и в Суrowsком ряду в лавках... товары и денги»⁵. По раздельной грамоте от 5 сентября

---

¹ Голикова Н.Б. Указ. соч. С. 108; Привилегированное купечество России во второй половине XVI — первой четверти XVIII в.: Сборник документов / Сост. Т. Б. Соловьева (отв. сост.), Т. А. Лаптева (далее — ПКР). М., 2004. Т. 1. № 39. С. 171, 424; Материалы о К. А. Босове, скончавшемся от чумы в 1654 г., см. также: *Базилевич К. В.* Крупное торговое предприятие в Московском государстве в первой половине XVII века. Л., 1933. С. 4, 5, 17, 22.

² ПКР. Т. 1. № 88.4. С. 347.

³ Там же. № 44.6. С. 197.

⁴ Там же. № 44.2, 44.5. С. 187, 194, 195.

⁵ Акты, относящиеся до юридического быта древней России. СПб., 1864. Т. II. № 244. II. Стб. 742.

1698 г. усадьба с каменными и деревянными постройками в Барашской слободе перешла во владение двух его сыновей — Ильи и Алексея, а их братья Иван Большой, Иван Меньшой и Василий получили остальное семейное недвижимое имущество, деньги и товары, унаследованные от отца. С этим купеческим родом была связана церковь Входа в храм Пресвятой Богородицы, куда на погребение Ф. М. Нестерова приходил 15 октября 1690 г. патриарх¹. Еще один гость Максим Афанасьевич Чирьев московский «двор строил и каменные полаты на деньги ис пожитков тестя своего Захарья Кузьмича», поэтому завещал их в начале XVIII в. своей жене Татьяне Захарьевой «со всяким дворовым строением и с садом»².

Братья Ушаковы из Енисейска — Иван (член Гостиной сотни с 1683 г., гость с 1685 г.) и Алексей (член Гостиной сотни с 1686 г.), занимавшиеся в Сибири крупной торговлей хлебом, солеварением, выполнявшие казенные винные подряды, по указанию властей переехали в 1689 г. в Москву, где у них появился собственный двор. После смерти Ивана Ушакова (между 1694 и 1697 гг.) началось следствие об его несостоятельности. Приказ Большой казны и Сибирский приказ предъявили Алексею Ушакову иски на огромные суммы. И в сентябре 1698 г. Приказом Большой казны был конфискован в счет долга за подрядное вино московский двор Ушаковых с каменными палатами, оцененный (очевидно, вместе с движимым имуществом) в 29336 руб. 30 алтын 5 денег³.

О внешнем виде и внутренней планировке такого богатого городского жилья конца XVII в. можно судить по материалам дела 1694–1701 гг. о краже в Разрядном приказе золотых наградных монет, скупкой которых занимались члены Гостиной сотни Евтифей Лаврентьев и его сын Афа-

---

¹ Забелин И. Е. Материалы... Ч. 1. Стб. 630.

² Городская семья XVIII века. Семейно-правовые акты купцов и разночинцев Москвы / Составление, вводная статья и комментарий Н. В. Козловой. М., 2002. № 1. С. 67.

³ Александров В. А. Сибирские торговые люди Ушаковы // Русское государство в XVII веке: Новые явления в социально-экономической, политической и культурной жизни. М., 1961. С. 143, 149.

насий Евтифеев, владевшие лавками в Серебряном ряду Москвы. В ценовной от 24 января 1695 г. «отписан двор у Афоньки Евтифеева со всем хоромным деревянным и каменным строением и оценен и учинен чертеж». Вот как выглядели его двухэтажные каменные палаты на Якиманке: «А полатному строению по осмотру Каменного приказу подмастерьев — длина 9 сажень без аршина, поперег 5 сажень без чети, высота пол-3 сажени. Стены в пол-3 кирпича, внизу 4 житья теплых. Столовая — длина 4 сажени, поперег 3 сажени с аршином, потолок накатной, 10 окон с решетки. Полата наугольная — длина пол-3, поперег 2 сажени без чети, в ней 5 окон. К ней приделана приспешня и очаг по-полску на связях, в ней 3 окна, длина пол-3, поперег 2 сажени без чети. Близь рундука кладовая полатка, в ней печь ценинная, длина 2 сажени без поларшина, поперег 4 аршина с сводом. На той полатке спальня, длина то ж, что и нижней полатке, потолок накатной, печь ценинная, всход каменной из нижних сеней, 2 задца»¹. Как видим, стены дома были выложены из двух с половиной рядов кирпича; он обогревался двумя печами, обложенными поливными изразцами. На верхний этаж, где находилась спальня хозяина, вела каменная лестница. На чертеже показаны два входа в здание. Длина двора достигала 75 сажень. На нем хватило места и для воротной избы с сеньями, и для поварни (кухни), и для конюшни с тремя стойлами, и для сада, и для огорода, и даже для пруда. Все это первоначально оценили в 570 руб. 16 алтын 4 деньги, в том числе «каменного строения на 265 рублей». Во второй ценовной, составленной 5 апреля 1695 г., стоимость дворовых построек и земли А.Евтифеева снижена до 305 руб. 16 алтын 4 денег, а описаны они не так подробно: «...Хоромного строения на каменных полатах: кровля, крыто тесом, погреб дубовой с напогребицею, подле погреба конюшня, позадь того погреба навес. Изба воротнея с сеньми под одну кровлю. Поварня с чюланом, колодезь на дво-

---

¹ ПКР. Т. 1. № 96.4. С. 369; см. также публикацию чертежа двора А.Евтифеева: История Москвы: В 5 т. М., 1953. Т. 2. С. 81; *Титул А.А.* Указ. соч. Рис. 33 на с. 62.

ре...»¹. А на усадьбе его отца в Кадашевской слободе стояли только деревянные жилые и хозяйственные строения. По свидетельству голландского коммерсанта Исаака Массы, впервые побывавшего в России в 1601–1609 гг., «в Москве каждый купец, даже не богатый, держит лошадей, и из одной улицы в другую переезжает верхом»². Для зажиточных торговых людей передвигаться пешком даже на небольшое расстояние считалось зазорным. Эта информация подтверждается наличием конюшен на купеческих усадьбах. Накануне «Соляного» бунта 1648 г. думный дьяк Назарий Чистой, происходивший из гостей, ехал на лошади из Кремля в свой дом, располагавшийся неподалеку в Китай-городе.

В апреле 1696 г. патриаршие крестьяне Клим и Никита Калмыковы, несмотря на сопротивление патриарха Иоакима, были окончательно зачислены в Гостиную сотню³. В своей московской усадьбе Клим Калмыков затеял строительство каменного жилья.

Рядом со своими двухэтажными каменными палатами у Покровских ворот член Гостиной сотни Михаил Семенович Сверчков в 1696 г. поручил мастеру Петру Потапову возвести храм Успения на Покровке, сооруженный в стиле «нарышкинского» барокко два года спустя. В отличие от церкви, уничтоженной в XX в., дом М. С. Сверčkова сохранился до нашего времени⁴. В столице и других городах России в те времена зажиточные представители купеческого сословия строили каменные храмы не только при своих усадьбах. На умершего в 1703 г. гостя Ивана Матвеевича

---

¹ ПКР. Т. 1. № 96.5. С. 370.

² О начале войн и смут в Московии / Исаак Масса. Петр Петрей. М., 1997. С. 99.

³ Голикова Н. Б. Указ. соч. Т. 1. С. 398, 399.

⁴ Будылина М., Козина Т. Дом Сверčkова в Москве: (Материалы к истории и реставрации здания) // Архитектурное наследство. М., 1958. № 10. С. 179–193; Тиц А. А. Указ. соч. С. 151. Рис. 94; Памятники архитектуры Москвы. Белый город. С. 272–273, 284–286; по другим данным, церковь «Успения Богородицы, верхняя, и Петра митрополита, нижняя, с приделом Знамения Богородицы» на Покровке сооружена зодчим Петром Потаповым по заказу гостя Ивана Матвеевича Сверčkова и освящена в 1695 г. См.: Малиновский А. Ф. Обзорение Москвы. М., 1992. С. 173.

Сверчкова, как на «храмоздателя», ссылались в 80-х гг. XVIII в. священники церкви Успения на Сретенке и Никольской церкви, «что у Мясницких ворот», во владении которых по завещанию оказались две его лавки¹. Еще в 1644 г. его отец, член Гостиной сотни Матвей Сверчков получил благословенную грамоту «на три престола каменного храма, что на Москве, у Николы в Мясниках, во имя явления Иконы Пречистой Богородицы, иже на Толге, да в пределах св. апостола Матфея, да св. мученика Ивана Рыльского». Краткая поминальная запись рода москвитина торгового человека «Матфея Иванова сына Сверчкова» («Ивана во иноцех Иосифа. Иноки Пелагеи») имеется в синодике конца XVII в. Кирилло-Белозерского монастыря². А в храме Николы в Мясниках в 1692 г. в присутствии патриарха был погребен его сын — гость Семен Сверчков³.

Еще один именитый купец Софроний Федорович (Томило) Тараканов явно участвовал в строительстве либо выделял деньги на содержание храма Успения Пресвятой Богородицы, находившегося на Введенской улице Китай-города, рядом с его двором⁴. На большом камне там имелась следующая надпись: «Лета 7147 (1639) февраля в 17 день, на память святаго великомученика Феодора Тирона, преставися раб Божий гость Софоний Федоров сын, прозвище Томила Тороканов, а память его дека...» Хуже сохранился текст на меньшем камне о кончине его супруги⁵. На внутренней алтарной стене, над жертвенником, в приделе св. Максима Исповедника церкви Максима Блаженного на Варварке 20 июня 1699 г. была сделана поминальная надпись рода ее «храмоздателя»: «Род гостиныя сотни строителя сея церкви Максима Филиппова сына

¹ Голикова Н. Б. Указ. соч. С. 200, 201; И. М. Сверчков был похоронен в трапезе нижней церкви Успения Богоматери. См.: *Снегирев И. М. Возобновление и освящение церкви Успения Божией Матери на Покровской улице. М., 1855. С. 8–9; Мартынов А. А. Надгробная летопись Москвы // Русский архив. 1895. № 4. С. 549.*

² ОР ГИМ. Шук. 595. Л. 82 об.

³ Забелин И. Е. Материалы. Ч. 1. Стб. 626.

⁴ См. о нем: *Голикова Н. Б. Указ. соч. С. 10, 88, 94, 96, 99, 109.*

⁵ *Мартынов А. А. Надгробная летопись Москвы // Русский архив. 1895. № 7. С. 392.*

Верховитина. Ермила, Петра, Филиппа, Марфу, Максима, Наталию, Иосафа схимника, Ермила утопшаго, Ивана, Матрону, Акинфия, Автонома, Андрея, Агафии, Февронии, Феодора, Фомы, Михаила, Параскевы, Петра, Гликерии и их сродников»¹. В строительстве этого храма участвовал также купец Максим Шаровников². Каменный храм Великомученика Георгия, что на Всполье, был построен в 7181 (1672/1673) г. «московским гостем Семеном Потаповым ради вечного поминовения, при державе великого государя царя и великаго князя Алексея Михайловича всея Великия и Малыя и Белья России самодержца, и благословением великаго господина святейшаго патриарха Питирима Московского и всея России»³. Благодаря гостям Филатьевым, выходцам из Архангельска, в 1680-х гг. в Китай-городе появилась церковь Николы Чудотворца, «что у Большого креста», у Ильинских ворот⁴. В нее ходил 3 мая 1692 г. патриарх «на погребение тела гостя Остафья Филатьева», при жизни занимавшегося по поручению казны закупками и продажей соболей⁵.

Но преобладали все же в столице России не домовые, а приходские храмы («мирского строения»), возводившиеся на пожертвования всех прихожан. Гости (М.С.Булгаков, М.Ерофеев, Г.Л.Никитников и Юдины) являлись единоличными ктиторами лишь четырех из 45 церквей Китай-города первой половины XVII в. На средства жителей Кадашевской слободы при финансовой поддержке гостя Кодрата (Кодратия, Кондрата Маркова) Марковича Добрынина, выходца из Балахны, и его сына Логина в 1687 г. зодчий Сергей Турчанинов соорудил каменный храм Воскре-

---

¹ *Мартынов А. А.* Надгробная летопись Москвы // Русский архив. 1895. № 8. С. 523; Историческое и топографическое описание города Москвы // Москва в описаниях XVIII века / Подгот. текста, статьи С.С.Илизарова. М., 1997. С. 218.

² Памятники архитектуры Москвы. Кремль. Китай-город. Центральные площади. С. 457. № 62.

³ Там же. С. 223.

⁴ *Кондратьев И. К.* Седая старина Москвы. М., 1997. С. 223.

⁵ *Забелин И. Е.* Материалы... Ч. 1. Стб. 364; *Зерцалов А. Н.* О мятежах в городе Москве и в селе Коломенском 1648, 1662 и 1771 гг. М., 1890. С. 273, 293.

сения Христова в Кадашах, для которого были заказаны ряд икон, в том числе «Кодратий апостол». К. М. Добрынин записан в храмовый синодик, и на его погребение в этой же церкви приходил 12 марта 1692 г. сам патриарх¹. А в Толмачевской слободе Добрыниными была построена каменная церковь, посвященная празднику Сошествия Святого Духа, с приделом Николая Чудотворца (Николо-Толмачевская церковь)². Гость Логин Добрынин, чей род записан в синодике Успенского собора Кремля, завещал также передать Троице-Сергиеву монастырю «быка да корову немецких»³.

С конца XVII в., подражая феодальной знати, именитые купцы стали заказывать эпитафии на надгробия близких. В 1690 г. по заказу «гостиного сына» Максима Лабозного известный поэт Карион Истомин сочинил краткую (5 двустиший) стихотворную надпись на гробницу его супруги Феодосии:

Путниче смотрев гроб сей и мудрися,
Зде тело честны жены положися
Феодосии, Лабозна Максима
Гостина сына, в честности гласима.
Иже из мертвых надежна востати,
Изволь, и просит, душу поминати.
Боже, сподоби ону вечны славы,
Нас же ходити наставь в пути правы.
Маиа в шестый день,^(,) в час скончалась десятый,^(,)
Седьмь тысящ сто год девятьдесят осмый⁴.

В купеческих духовных грамотах нередко можно встретить распоряжения душеприказчикам о пожертвовании крупных денежных сумм храмам и монастырям. К примеру, гость Гаврила Романович Никитин в 1697 г. завещал: «На Москве к церкви Григорию Богослову, что на

¹ Забелин И. Е. Материалы... Ч. 1. Стб. 890.

² Голикова Н. Б. Указ. соч. Т. 1. С. 163, 164.

³ ОР ГИМ. Усп. 65. Л. 185; ВКТСМ. С. 286 (Л. 196).

⁴ Богданов А. П. Стих и образ изменяющейся России, последняя четверть XVII — начало XVIII века. М., 2005. С. 79–87, 351–394.

Дмитровке, на церковное строение 100 рублей. К Соли Вычегоцкой к церкви Всемилостивого Спаса для поминовения родителей 200 рублей. На Чаранду к церкви Верховных Апостол Петра и Павла, где родители ево, Гавриловы, лежат, на церковное строение 100 рублей»¹. А в завещании гостя Ильи Федоровича Нестерова, составленном 1 мая 1697 г., было выделено на посмертное поминовение его души 500 руб.² Член гостиной сотни Андрей Прокофьевич Свешников явно жертвовал на храм Рождества Пресвятой Богородицы в Путинках на Дмитровке, о чем свидетельствует поминальная надпись его рода на южной стене церкви³.

Из кирпича богатые торговые люди Москвы возводили в XVII в. чаще всего не храмы и палаты, а лавки и складские помещения. Представителям лишь одной из ветвей купеческой династии Юдиных в 1642 г. принадлежали в Китай-городе 29 лавок, в том числе 13 каменных⁴. В третьей четверти XVII в. в Москве строительство каменного погреба обходилось в 130 рублей, годовая арендная плата за одну каменную лавку достигала 40 руб.⁵ Деревянные лавки стоили в три—четыре раза дешевле (в среднем 25—30 руб.), но в них могли погибнуть от огня более дорогие товары⁶. Для тушения больших пожаров, конечно же, не хватало деревянных кадок с водой, которые обычно ставили на крыши лавок. Не спасали от них и висевшие в лавках иконы. Как засвидетельствовано в Кратком Московском летописце второй редакции, в 1605 г. в Москве «горели ряды по большую важню (весовая.— *В. П.*), рвало зелье (порох.— *В. П.*), в Москотильном ряду в одном убило 80 человек лавочных людей, а по смете во всех рядах убило до трехсот

---

¹ ПКР. Т. 1. № 109. 3. С. 403.

² Акты, относящиеся до юридического быта ... Т. II. № 228. II. Стб. 664.

³ *Мартынов А. А.* Надгробная летопись Москвы // Русский архив. 1895. № 6. С. 222.

⁴ Акты, относящиеся до гражданской расправы... Т. 1. № 110. С. 389.

⁵ ПКР. Т. 1. С. 196, 206, 207.

⁶ В 1656 г., например, одна из лавок с лавочным местом в Мучном ряду Москвы была продана за 26 руб. См.: Московская деловая и бытовая письменность XVII века / Изд. подготовили С. И. Котков, А. С. Орешников, И. С. Филиппова. М., 1968. С. 100.

человек»¹. По информации уже упоминавшегося выше Иржи Давида, «купцы, потерпевшие в прошлом (1683.— *В. П.*) году большие убытки, когда лавки их сгорели дотла, теперь строят каменные»². В самом начале XVIII в. цена одной каменной лавки в центре Москвы, в Китай-городе, варьируясь от 300 до 1000 руб., в среднем равнялась 500–600 руб., то есть приближалась к затратам на жилой дом из кирпича³.

Согласно статье 26 главы IX Соборного Уложения 1649 г., предписывалось в субботу закрывать торговые ряды за три часа до вечера, а по воскресеньям «рядов не отпирать, и ничем не торговать, опричь съестных товаров и коньского корму»⁴. В лавках также запрещалось торговать во время крестного хода. Лавки в рядах их владельцам либо арендаторам приходилось по очереди охранять от лихих людей. В Москве, например, в ночное время вдоль торговых рядов бегали злые цепные псы. Но полностью обезопасить купцов от краж товаров и прочего ценного имущества не могли ни каменные лавки, палаты и погреба, ни железные двери и решетки на окнах.

В начале XVII в. каменные постройки на купеческих дворах в Москве встречались еще довольно редко. И в этой связи составитель экспликации «Сигизмундова» плана Москвы 1610 г. отмечал: «Никому нельзя строить из камня или щепня, кроме немногих из знати, и первейшим купцам можно строить у себя в жилищах хранилища — маленькие и низкие, в которые прячут самое ценное во время пожара»⁵. Строительство домов и торговых помещений из камня и кирпича стало более широко практиковаться столичными купцами после событий Смутного времени и сильных пожаров 1626 и 1633 гг. Ему способствовало и созда-

---

¹ *Богданов А. П.* Краткий Московский летописец // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1991. С. 152.

² *Давид Иржи.* Указ. соч. С. 138.

³ *Волков М. Я.* О рынке недвижимости в Европейской России конца XVII — первой четверти XVIII века // ОИ. 1995. № 2. С. 110, 111.

⁴ Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. М., 1985. Т. 3. С. 106.

⁵ Памятники архитектуры Москвы. Кремль. Китай-город. Центральные площади. С. 56.

ние еще в конце XVI в. Приказа каменных дел, в распоряжении которого имелись и мастера-каменщики, и строительные материалы¹. На каменную застройку московского посада в XVII в. повлияли также Соляной (1648 г.) и Медный (1662 г.) бунты, во время которых восставшие простолюдины громили дворы и лавки именитых гостей (дьяка, выходца из купеческой среды Назария Чистого, Семена Задорина, В.Г. Шорина и других). Сыграли свою роль и льготы, предоставлявшиеся строителям каменного жилья в Москве в последние годы правления царя Федора Алексеевича, когда желающие могли получить казенные строительные материалы с десятилетней рассрочкой их оплаты².

Как правило, представители столичного купечества участвовали во встречах царских особ и иностранных посольств. В 1635 г., когда царь Михаил Федорович возвращался из своего села Тайнинского, гостям и «гостинной сотни торговым и черных сотен всяким людем с хлебом велели встретить за посадом, где встречали наперед того»³.

За верную службу по сбору таможенных и кабацких пошлин, выгодные для казны торговые операции и выполнение откупных обязательств царское правительство порой выдавало купцам в качестве поощрения наряду с денежным жалованием дополнительные подарки в виде дорогого заморского сукна, атласа, куньих и соболиных мехов, а иногда и серебряную утварь с именными надписями. В Оружейной палате Московского Кремля хранятся, в частности, серебряные ковши, пожалованные гостю Ивану Гурьеву «за прибор» в Московской таможне в 1676 г., члену Гостиной сотни Филату Хлебникову за прибыль при сборе кабацких и таможенных денег в Перми, Соликамске и Чердыни (1698 г.).

---

¹ См.: *Сперанский А. Н.* Очерки по истории Приказа каменных дел Московского государства. М., 1930.

² См.: *Татищев В. Н.* Царство царя Федора Алексеевича // *Татищев В. Н.* Собрание сочинений. М., 1996. Т. VII. С. 175, 176; *Демидова Н. Ф., Морозова Л. Е., Преображенский А. А.* Первые Романовы на российском престоле. М., 1996. С. 200, 201.

³ Акты Московского государства. СПб. Т. II. № 25–27. С. 12, 13.

В свою очередь, купцы старались задобрить царя и царский двор богатыми дарами. Член Гостиной сотни Иван Булгаков преподнес царю Алексею Михайловичу в 1656 г. саблю в ножнах, изготовленную в Стамбуле из булатной стали и богато декорированную при помощи инкрустации, насечки, черни, золота, нефрита. Имущественное положение рядовых торговцев не позволяло делать столь драгоценные подарки. Именитые торговые люди в своем быту подражали феодальной аристократии, тянулись к ней, стремились заручиться ее поддержкой. На данное обстоятельство обращали внимание иностранцы, в частности, саксонский дипломат Г. А. Шлейссингер, автор сочинения «Полное описание России», побывавший в Москве в 1684–1686 гг.: «А когда жены знатных господ рожают, то они посылают к самым богатым купцам и извещают, что господь бог одарил их сыном или дочерью. А уж купцы знают, как это понимать, едут к ним, желают молодой матери всего наилучшего, передают свой поцелуй и преподносят завернутый в бумагу подарок в знак внимания, а затем удаляются с глубоким поклоном. Кто дал больше всех, тот и будет хозяину особенно любезен и всегда может заходить к нему запросто»¹. По наблюдениям Адама Олеария, воеводы уездных городов устраивали два-три раза в год пиршества для богатых купцов с целью получения от них дорогих подарков².

Не только объемами торговых операций, но и образом жизни верхушка столичного купечества отличалась от рядового посадского населения. Как отмечается в экспликации «Сигизмундова» плана Москвы 1610 г., «местные купцы весьма сведущи и склонны к торговым сделкам, весьма жуликоваты, однако несколько приличнее и цивилизованнее других жителей этой страны»³. Гостей и прочих зажи-

---

¹ Шлейссингер Г.-А. Рассказ очевидца о жизни Московии конца XVII века / Вступительная статья Л. П. Лаптевой // ВИ. 1970. № 1. С. 115

² Олеарий Адам. Описание путешествия в Московию: Пер. с нем. М., 1996. С. 210.

³ Памятники архитектуры Москвы. Кремль. Китай-город. Центральные площади. С. 56.

точных торговцев приглашали на парадные обеды к патриарху и великому государю Филарету Никитичу. В частности, 19 октября 1623 г. у него обедали «гости Надежа Светечников, Назарей Чистой», 9 декабря — «гости Иван Юдин да торговых людей Михаило Цыбин с товарищи». А 21 декабря того же года, когда на патриаршем обеде присутствовал царь Михаил Федорович, «на рандуке за столом ели гости московские Илья Юрьев, Иван да Василей Юдины, Григорей Твердигов, Родион Котов, Ондрей Юдин, Бахтеяр Булгаков, Надея Светешников, Юрий Белошников, Смирной Судовщиков, Григорей Шурин (Шорин. — В. П.), Иван Сверчков, Смирной Ероксалимов», и им подавали такие яства, как «икра осенняя, ухи щучьи черные, семга просолная, белужина оханная, осетрина шехонская»¹. Гостей и членов Гостиной сотни можно было встретить и на царских приемах в Кремле. Они, поддерживая тесные связи с боярской средой и приказной бюрократией, стремились всячески подражать феодальной аристократии в бытовой повседневности и в этом плане находились к ней гораздо ближе, чем к рядовому посадскому населению Москвы. А с мелкими торговцами верхушку купечества объединяли разве что некоторые профессиональные черты и происхождение, но не домашний быт.

---

¹ Писарев Н. Указ. соч. Приложения. XVI. С. 87, 92, 96.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ТОРГОВЛЯ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА В XVI–XVII вв.

В рассматриваемый период единое Русское государство многократно расширилось в территориальном отношении. В его состав вошли Среднее и Нижнее Поволжье, Урал, Сибирь, Западнорусские земли и Левобережная Украина. Одновременно происходил процесс укрепления центральной власти, которая к концу XVII в. оформилась в абсолютную монархию.

В XVI столетии промысловая охота на ценного пушного зверя сохраняется, в основном, на самых окраинных северо-восточных территориях Русского государства: в Печерской, Пермской, Удорской и Вятской землях. С присоединением Сибири основная часть ценной пушнины идет из этого региона. Причем уже в XVII в., в результате резкой активизации промысловой охоты, начинают оскудевать наиболее освоенные территории за Уралом: районы Тобольска, Тары и т. д. Пушной промысел в Сибири был поставлен на широкую ногу. Помимо аборигенного населения, которое сдавало казне пушнину в качестве «ясака» (натурального налога), и постоянно живших здесь русских, промысловой охотой занимались артели промышленников и «покрученников» из черносозных крестьян Поморья, которые нередко финансировались представителями крупного капитала. В первую очередь промысловиков интересовал наиболее ценный пушной зверь — соболь, который к концу XVII в. стал редкой добычей уже и в Восточной Сибири. В рассматриваемый период меха и шкуры белки, куницы, лисицы, росомахи, бобра, горноста, волка, зайца и лося заготавливали по всей территории Сибири вплоть до Камчатки.

В Европейской России промысловое значение имела добыча бобра, белки, куницы, горноста и лисицы в Костромской, Галицкой, Рязанской, Новгородской землях и в Среднем Поволжье. На побережье Северного Ледовитого

океана добывали морского зверя (тюленей, моржей и китов). Причем этим промыслом в Белом море занимались также английские и нидерландские предприниматели. Почти повсеместно охота на разнообразную дичь была важным подспорьем в жизнеобеспечении широких слоев сельского и городского населения.

Столь же важное значение для населения страны имело рыболовство, дававшее один из основных продуктов питания. Сохранили свое промысловое значение крупные озера (Ладожское, Онежское, Чудское, Белое, Неро, Плещеево, Селигер) и реки (Печора, Северная Двина, Сухона, Свирь, Волхов, Нева, Западная Двина, Днепр, Дон, Ока, Клязьма) Европейской России. С XVI столетия Волга на всем своем протяжении превратилась в крупнейшего поставщика рыбы как на внутренний, так и на внешний рынки. С XVII в. начинается промысловое освоение Яика и сибирских рек Тобола, Иртыша, Оби. Крупные рыболовные промыслы («тони», «езы», «учуги»), которые давали «красную» рыбу (осетровых, лососевых), располагались на Кольском полуострове (Николаевского Карельского, Антониево-Сийского, Печенгского, Троице-Сергиева монастырей и патриарха), на Волге (у Нижнего Новгорода — Угрешского, Симонова, Благовещенского Нижегородского монастырей, у Казани — казанского архиепископа, у Самары — Нижегородского Печерского монастыря, у Астрахани — Астраханского Троицкого монастыря), на Каме (Дворцового ведомства) и на Яике (предпринимателей Гурьевых). Широкой известностью пользовались также промыслы Троице-Сергиева и Кирилло-Белозерского монастырей на реке Шексне и Иосифо-Волоколамского монастыря на озере Селигер. Промыслы на Кольском полуострове часто брали в аренду иностранные предприниматели.

Бортничество распространено было весьма широко, и не случайно иностранцы отмечали обилие в России таких продуктов, как мед и воск. Славилась «бортные ухаи» Средней Волги (причем народы Поволжья платили «ясак» медом и воском), Рязанской, Владимирской, Северной,

Смоленской и Новгородской земель. С конца XV в. появляется и домашнее пчеловодство¹.

В XVI и особенно в XVII в. широкое распространение получили лесохимические промыслы, связанные с переработкой древесины: смолокурение, поташное, дегтярное дело и углежжение. Смола и поташ (древесная зола) стали одними из основных статей русского экспорта в европейские страны. Эти продукты, вместе с дегтем и древесным углем, широко использовались в различных производствах и для хозяйственных надобностей внутри страны. Бурно развивалась также заготовка селитры (основного компонента пороха) в связи с резким ростом значения огнестрельного оружия в военном деле и на охоте. Заметным промыслом являлось также изготовление минеральных органических красок. Большинство химических промыслов действовало повсеместно. Селитренное дело было даже общегосударственной повинностью населения. Углежжение наибольший размах приобрело в районах развитого железодельного производства (см. ниже). Для смолокурения и поташного дела необходимым условием являлось качество древесины. Основными районами распространения этих промыслов были территории вдоль Сухоно-Двинского водного пути, Среднее Поволжье и Северская земля. Смолокурный и поташный промыслы нередко пре-

---

¹ *Бахрушин С. В.* Научные труды. М., 1954. Т. 2. С. 229–230, 250–251; *Мерзон А. Ц., Тихонов Ю. А.* Рынок Устюга Великого в период складывания всероссийского рынка (XVII век). М., 1960. С. 121–122; *Тихомиров М. Н.* Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 114–115, 154, 169, 172–173, 241, 254–255, 259, 266, 271–272, 286–287, 296, 320–321, 352, 394, 427, 433, 449, 458, 472, 478–479, 493, 509; *Хорошкевич А. Л.* Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV–XV веках. М., 1963. С. 49, 87, 125–126; *История СССР с древнейших времен до наших дней.* М., 1966. Т. 2. С. 341, 345; Там же. М., 1967. Т. 3. С. 129; *Вилков О. Н.* Ремесло и торговля Западной Сибири в конце XVI — начале XVIII века. М., 1967. С. 224–239, 304–305; *Преображенский А. А.* Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII века. М., 1972. С. 234–236; *Очерки русской культуры XVI века.* М., 1977. Ч. 1. С. 144–155; *Сафронов Ф. Г.* Русские промыслы и торги на Северо-Востоке Азии в XVII — середине XIX в. М., 1980. С. 13–55; *Демкин А. В.* Западноевропейское купечество в России в XVII в. М., 1994. Вып. 2. С. 28–29; *История России с древнейших времен до конца XVII века.* М., 1996. С. 365.

вращались в крупные предприятия, особенно когда их оброчили у казны западноевропейские купцы¹.

Солеварение становится одной из основных отраслей крупного производства в стране. Соляные промыслы были разбросаны по различным регионам Европейской России, но большинство из них действовало на территориях к северу от Волги. Это многочисленные промыслы на побережье Белого моря (наиболее известны Ненокса, Уна и Сумь), на Кольском полуострове (Кола), в Тотьме и Тотемском у., Вологде, Белоозере, Каргополе, Яренском у. (Сереговское усолье), Торжке, Старой Русе, Солигаличе, Костромском у. (Нерехта, Малая и Большая Соли), Городце на Волге, Сольвычегодске, Самарской луке (Надеино Усолье), Соликамске, Чердыни, на соляных озерах Нижней Волги и т.д. Солеварение развивалось и в Сибири: соль добывали в Ямышевском озере (у современного Павлодара) и в ряде мест Восточной Сибири (в Енисейском у., у Усть-Кута, под Иркутском и под Селенгинском). Наряду с местным сельским и городским населением в солеварение охотно вкладывали капиталы казна, митрополичья (позднее патриаршая) кафедра, монастыри (Троице-Сергиев, Соловецкий, Пыскорский) и крупные предприниматели (Строгановы, гости Светешниковы, Панкратьевы, Филатьевы, Грудцыны). На побережье Белого моря соль выпаривали из морской воды, в соляных озерах заготавливали «самосадочную» соль. В крупных центрах соледобычи (Сольвычегодск, Соликамск, Тотьма и т.д.) строились специальные сооружения (вышки) для добычи соли из подземных источников путем глубокого бурения (до 200 метров). Из добытого «рассола» соль выпаривали в плоских железных емкостях, «цренах»².

---

¹ Очерки русской культуры XVI века. Ч. 1. С. 141–144; Демкин А. В. Западно-европейское купечество... Вып. 2. С. 12–18, 25–26; История России с древнейших времен до конца XVII века. С. 365.

² Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 2. С. 232–255; Устюгов Н. В. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII веке. М., 1957. С. 3–292; Тихомиров М. Н. Указ. соч. С. 223, 231, 241, 246, 263, 267, 271, 273, 297, 463, 509; Хорошкевич А. Л. Указ. соч. С. 215–227; История СССР с древнейших времен... Т. 3. С. 22, 24; Заозерская Е. И. У истоков крупного производства в русской промышленности XVI–XVII веков. М., 1970. С. 16–

В XVI столетии металлургия относилась исключительно к разряду мелких крестьянских производств. Лишь в XVII в., наряду с мелким, возникло крупное, мануфактурное металлургическое производство. Черная металлургия (выплавка железа) была распространена в различных регионах Европейской России: на Северо-Западе (побережье Финского залива, Карелия, округа Тихвина, Белоозера, Устюжны-Железопольской, Пошехонья, Галича, Сольвычегодска), в Центре (Серпуховской, Тульский, Каширский, Алексинский, Дедиловский и Крапивенский уезды), в Среднем Поволжье (Нижегородский, Балахнинский, Макарьевский, Курмышский и Арзамасский уезды). В числе других регионов, известных своими центрами черной металлургии, необходимо отметить Левобережную Украину, Урал и Сибирь (округа Томска, Кузнецка, Енисейска и Иркутска).

Обработкой железа занимались повсеместно, а кузнец — одна из основных ремесленных специальностей и в городе, и в деревне. Но существовали центры, имевшие всероссийскую известность из-за своего железного товара: Тула, Устюжна-Железопольская, Карельские погосты, Устюг Великий, Тверь, Москва, село Павлово Нижегородского у.

Крупные предприятия мануфактурного типа, на которых, обычно, не только осуществлялась выплавка железа, но и изготовление различных изделий (от гвоздей, досок, решеток до предметов вооружения) на десятки тысяч пудов, строились в России начиная с 30 гг. XVII в. Часто они создавались представителями европейского торгового капитала при поддержке Казны. Это комплексы предприятий: первый в Тульском, Каширском и Боровском уездах (на реках Тулице, Скниге, Верее и Протве), принадлежавший А.Виниусу, Марселисам, Т.Акеме, а позже В.Меллеру и боярину

198; *Преображенский А. А.* Урал и Западная Сибирь... С. 230; *Очерки русской культуры XVI века. Ч. 1.* С. 137–141; *Курилов В. Н.* Сибирская промышленность в XVII в. // *Промышленность Сибири в феодальную эпоху (конец XVI — середина XIX в.).* Новосибирск, 1982. С. 9–10; *История России с древнейших времен до конца XVII века.* С. 365, 525; *Преображенский А. А., Перхавко В. Б.* Купечество Руси. IX–XVII века. Екатеринбург, 1997. С. 153–157.

Л. К. Нарышкину, и второй в Карелии (на побережье Онежского озера), владельцем которого был Г. Бутенант. «Железоделательными заводами» владели также представители русской знати, бояре И. Д. Милославский (в Оболенском у.) и Б. И. Морозов (в Звенигородском и Нижегородском уездах). На Урале (на реках Нейва и Ница) некоторое время выпускали продукцию заводы предпринимателей Тумашевых, Ницынский казенный и Долматова монастыря.

В России получило определенное развитие мелкое медеплавильное производство. Его районы: Поморье (река Печора), Карелия (Олонец, Заонежье) и Прикамье. В XVII в. временно действовали даже крупные медеплавильные предприятия: казенный Пыскорский завод в Прикамье, заводы в Казани и в Карелии¹.

В XVI–XVII вв. историки насчитывают 220–240 ремесленных специальностей, представители которых трудились в городах и сельской местности. И лишь в Москве все они были представлены в полном объеме. С развитием рыночных отношений постоянно растет доля мелкотоварного производства и сокращается число «чистых» ремесленников, изготавливавших продукцию только на заказ. Выделяются районы и отдельные центры, где наибольшую известность получили те или иные виды производства. Так, плотницкое дело было наиболее развито на Русском Севе-

---

¹ Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1952. Т. 1. С. 55–75; М., 1954. Т. 2. С. 231; Тихомиров М. Н. Указ. соч. С. 295, 386; Хорошкевич А. Л. Указ. соч. С. 309; История СССР с древнейших времен... Т. 2. С. 313–314; Т. 3. С. 22–24, 32; Заозерская Е. И. Указ. соч. С. 199–237, 252–265, 297–311, 334–371; Сербина К. Н. Крестьянская железоделательная промышленность Северо-Западной России, XVI — первая половина XIX в. Л., 1971; Она же. Крестьянская железоделательная промышленность Центральной России, XVI — первая половина XIX в. Л., 1978; Преображенский А. А. Указ. соч. С. 237–257; Очерки русской культуры XVI века. Вып. 1. С. 100–112; Коваленко Г. М. Первые металлургические заводы в Карелии (1670–1703). Л., 1979; Буганов В. И., Преображенский А. А., Тихонов Ю. А. Эволюция феодализма в России. Социально-экономические проблемы. М., 1980. С. 186–187, 202, 205; Курилов В. Н. Сибирская промышленность... С. 8–9; Демкин А. В. Западноевропейское купечество... Вып. 2. С. 3–10; История России с древнейших времен до конца XVII века. С. 521, 524–525.

ре, в Подвинье, на Мезени, на Вятке и в таких городах, как Вологда, Устюг Великий и Сольвычегодск. Деревянная посуда, широко используемая в быту, также имела наиболее известные центры производства — это Тверь, Калуга, Дорогобуж, поселения Белозерского у. Деревообработка получила большое развитие и в Москве. Гончарными изделиями славились Новгородская и Псковская земли, Тверь, Смоленск, Кашин и Коломна. Льняные ткани, в основном, изготавливались в Новгородской, Псковской, Смоленской, Тверской, Ярославской, Олонецкой и Прионежской землях. Центрами сукноделия являлись Троице-Сергиев монастырь, Можайск, Ржев и Вологда. Кожевенное дело получило большое развитие в Ярославле, Нижнем Новгороде, Казани, Костроме, Пскове, Новгороде, Суздале, Муроме, Калуге и Тобольске. По всей стране расходилось ярославское, костромское, тверское и вологодское мыло. Центрами иконописания предстают Москва, Новгород, Псков, Тверь, Ярославль, Вологда и Ростов. Мастера ювелирного дела сосредотачивались, главным образом, в Москве, Устюге Великом, Нижнем Новгороде, Новгороде и Тихвине.

Отмечается также быстрый рост крупного (нередко мануфактурного) производства. Помимо металлургии, соледобычи и химических промыслов крупные предприятия возникали в литейном, кирпичном, канатном, текстильном, кожевенном и др. производствах, а также в речном судостроении. Основным центром крупного производства была Москва. Здесь располагались казенные и дворцовые Пушечный, Гранатный, Печатные, Монетные, Хамовный (текстильное предприятие), Пороховые дворы, Оружейная, Золотая, Серебряная, Царицына мастерская (швейное производство) палаты, бумагоделательное предприятие. Некоторое время действовали бархатное, сафьянное и сукнодельное производства. В Московском у. были устроены иностранцами стеклодувные, бумагоделательные и сукнодельные предприятия. Канатные заводы, принадлежавшие иностранцам (в основном, англичанам), работали на Вологде, в Архангельске и Холмогорах. Крупные кожевенные заводы отмечены в Казани, Ярославле и Тобольске. Центрами речного судо-

строения являлись волжские, приокские, сухоно-двинские города, сотни речных судов строились в бассейнах Оби и Енисея. Многие тысячи мельниц и винокуренных предприятий действовали в Европейской России и Сибири¹.

С началом Нового времени сложившаяся в предыдущую эпоху система областных и местных рынков переходит в новую фазу своего развития: постепенно формируется единый всероссийский рынок с центром в Москве. Причем, наряду с местными (обслуживавшими данный город и уезд) и областными (для которых характерно наличие профильных товаров, удовлетворявших потребности ряда местных рынков), складываются и межобластные рынки, тесно связанные с заграничной и сибирской торговлей, либо пограничные и портовые города, либо крупные перевалочные пункты, стоявшие на пересечении важнейших торговых путей. К межобластным рынкам следует отнести Новгород, Псков, Смоленск, Архангельск, Вологду, Ярославль, Нижний Новгород, Астрахань, Верхотурье, Тобольск. Происходит оформление крупных ярмарок, которые, одни раньше,

---

¹ *Бахрушин С. В.* Научные труды. Т. 1. С. 28–38, 44–45, 55–106, 166–175; *Тверская Д. И.* Москва второй половины XVII века — центр складывающегося всероссийского рынка. М., 1959. С. 23–39; *Мерзон А. Ц., Тихонов Ю. А.* Указ. соч. С. 45–115, 400–497; *Тихомиров М. Н.* Указ. соч. С. 84–86, 126–127, 141–143, 147–148, 165–166, 193–194, 211–212, 215–218, 244–245, 295, 303–306, 337–340, 358–359, 362–363, 384–386, 399, 405, 442–443, 483, 502–503; *Хорошкевич А. Л.* Указ. соч. С. 155, 165–166, 309; *История СССР с древнейших времен...* Т. 2. С. 309–313; Т. 3. С. 21–24; *Вилков О. Н.* Ремесло и торговля... С. 28–80; *Заозерская Е. И.* Указ. соч. С. 219–445; *Муравьева Л. Л.* Деревенская промышленность Центральной России второй половины XVII в. М., 1971. С. 38; *Преображенский А. А.* Урал и Западная Сибирь... С. 226–229; *Очерки русской культуры XVI века.* Ч. 1. С. 100–250, 288; *Буганов В. И., Преображенский А. А., Тихонов Ю. А.* Указ. соч. С. 65–70, 74, 186–187, 199, 203–204; *Демкин А. В.* Торговые люди Твери XVII в. — предприниматели в мукомольном промысле // *Промышленность и торговля в России XVII–XVIII вв.* М., 1983. С. 21–7; *Волков М. Я.* Ремесло и промыслы посадских людей города Гороховца (XVII — первая четверть XVIII в.) // Там же. С. 63–73; *Курилов В. Н.* Сибирская промышленность... С. 8, 10–15; *Демкин А. В.* Русское купечество в XVII–XVIII вв. Города Верхневолжья. М., 1990. С. 26; *Он же.* Западноевропейское купечество... Вып. 2. С. 10–11, 26–27, 29–32; *История России с древнейших времен до конца XVII века.* С. 384, 521–523, 525; *История Москвы с древнейших времен до наших дней.* М., 1997. Т. 1: XII–XVIII века. С. 119–123, 231–240.

другие позже, приобретают общегосударственное значение: это Архангельская, Макарьевская (под Нижним Новгородом), Свенская (у Брянска), и Ирбитская (у Верхотурья) ярмарки. В XVII столетии повсеместно носитель торгового капитала — скупщик — активно вытесняет с рынка непосредственных производителей города и деревни.

В рассматриваемый период окончательно выдвигается на первый план новая номенклатура товаров оптовой торговли: продукты широкого потребления и сырье (хлеб, соль, кожи, пенька, лен, холсты, сало, смола, рыба). Вместе с тем важное значение имеет и традиционная торговля пушниной. Целый ряд межобластных и областных рынков известен товарами, определявшими их лицо: Смоленск (хлеб, лен, пенька), Новгород и Псков (лен, пенька, железный товар, пушнина, рыба), Вологда (хлеб, соль, кожи, железный товар), Нижний Новгород (хлеб, соль), Астрахань (рыба, пушнина), Ярославль (кожи, рыба), Тверь (соль, рыба, железный товар), Устюг Великий (хлеб, пушнина), Верхотурье (хлеб, текстиль), Тобольск (хлеб, текстиль, пушнина), Кунгур (хлеб, кожи). Кроме них хлебными рынками являлись Вятка, Воронеж, Орел, железными — Устюжна-Железопольская, Тихвин, Серпухов, Тула, коженными — Казань, соляными — Старая Руса, Каргополь, Соль Камская, Холмогоры, пушными — Вязьма, Сольвычегодск, Тара и т. д. Москва — центр складывающегося всероссийского рынка — славилась, прежде всего, готовыми потребительскими товарами, имевшими как местное московское, так и иногороднее, и иноземное происхождение.

Сохраняли свое значение торговые пути, связывавшие Москву с различными частями государства: на Север шла сухопутная дорога через Троице-Сергиев монастырь, Переславль Залесский, Ярославль до Вологды. В Вологде начинался знаменитый Сухоно-Двинский водный путь, заканчивавшийся в Архангельске. Пользовались также дорогой на Дмитров и по рекам Яхроме, Сестре и Дубне попадали в Волгу. К Северо-Западным центрам (Новгороду и Пскову) добирались сухопутно-водным путем через Клин, Тверь и Торжок. В Смоленск попадали через Можайск и Вязьму. Владимирская дорога заканчивалась в Нижнем Новгороде. Столицу с южными центрами соединяли два пути: через Коломну на Ря-

заны и через Серпухов на Тулу. Важное торговое значение имели такие речные пути, как Днепровский, Западнорусский и Окско-Московский. В Сибирь попадали, преимущественно, через Верхотурье. Другим путем был речной: река Печора — река Уса до Урала — река Сось — река Обь. В Сибири товары перевозились, в основном, по рекам: по Оби, Енисею, Лене и их притокам. В XVII в. главные товаропотоки двигались по основным торговым «горизонтали» (река Волга) и «вертикали» (путь из Москвы в Архангельск).

В XVI–XVII вв. Россия занимает важное место на формирующемся европейском рынке. Во внешней торговле с Европой основными русскими экспортными товарами были, во-первых, сырье и полуфабрикаты (пенька, лен, поташ, смола, сало, ворвань, воск), во-вторых, готовые изделия (кожи, меха, холсты) и, в-третьих, продукты питания (рыба, икра и мед). Импортировались из Европы, преимущественно, сукна, ткани, металлы и металлические изделия, оружие, галантерея, ювелирные изделия, валюта, химикаты, вина, продукты питания и пряности. Москва выступала одновременно центром и европейской, и восточной торговли. В ней сосредотачивались товары со всего мира и ее посещали купцы из самых разных стран. В XVI столетии важными центрами русско-европейской торговли были Новгород, Псков, Нарва (1558–1581 гг.) и Смоленск. При этом русскому купечеству приходилось сталкиваться с посредничеством немецкого купечества Прибалтики (из Риги, Ревеля, Нарвы (Ругодива) и торговцев из Великого княжества Литовского. После случайного захода англичан в 1553 г. в устье Северной Двины, и особенно с постройкой Архангельска в 1584 г. северное направление торговли с Западной Европой получает бурное развитие, а в XVII в. оно становится основным. В этой северной гавани англичане и нидерландцы и в меньшей степени немцы вели прямую торговлю с русскими купцами. Во второй половине этого столетия ежегодные обороты торговли с Западной Европой превышали 1 млн руб., что сопоставимо с приходной частью бюджета Русского государства в то время. Заметным центром внешней торговли (в основном, экспорт рыбы и ворвани) в XVII в. становится Кольский острог, посещаемый датчанами и шведами. Русские в ответ были частыми гостями в портах Норвегии, входившей в состав Датского королевст-

ва. Поскольку в это время основная территория Прибалтики переходит под шведское владычество, получает дальнейшее развитие русско-шведская торговля. Основными контрагентами русского купечества были немецкие коммерсанты из Риги, Ревеля, Ругодива и Ниеншанца. При этом русские достаточно регулярно посещали с товарами эти города и Стокгольм. В первой половине XVII в. роль западного форпоста русской внешней торговли выполняла Вязьма. С возвращением в ходе русско-польской войны Смоленска, к нему вернулось первенство в операциях с купечеством Великого княжества Литовского. Последнее также посещало Торопец. Европейское купечество имело собственные дворы в Москве, Новгороде, Пскове, Смоленске, Ярославле, Вологде, Холмогорах и Архангельске.

Восточная торговля в XVI–XVII вв. развивалась как в традиционном, так и в новом направлениях. Сохраняли свое значение торговые пути на Юг: Рязань — река Воронеж — река Дон — Азовское и Черное моря до Крыма и Константинополя, а также Тула — Муравский шлях — Перекоп — Крым. С присоединением Казани и Астрахани возникла возможность активно использовать традиционные караванные пути в Среднюю Азию (до Бухары и Ургенча). Астрахань в XVII столетии стала основным центром восточной торговли. Она открывала путь в Каспийское море к торговым городам Северного Кавказа, Закавказья и Персии. В Астрахани основывались целые колонии восточных купцов (индийских, армянских, бухарских и персидских). Колонии бухарцев существовали также в Казани и Уфе. В XVII столетии, с освоением Сибири, окрепло еще одно направление восточной торговли. Среднеазиатские (в основном бухарские) купцы посещали Тобольск, Тару, Тюмень, Ямышевскую ярмарку, Томск, Кузнецк. В указанных городах бухарцы имели свои колонии. В конце XVII в. главным центром в торговле с Китаем стал Нерчинск. Русское купечество знало караванные пути, шедшие через казахские степи и Среднюю Азию вплоть до Китая. В восточной торговле основными экспортными товарами были: мех, кожи, сукна, холсты, металлические, деревянные и стеклянные изделия, галантерея. Импортировались, преимущественно, ткани, пряности, ювелирные изделия и драго-

ценности, ремень, чай. Калмыки пригоняли огромные конские табуны и овечьи отары¹.

¹ *Покровский С. А.* Внешняя торговля и внешняя торговая политика России. М., 1947. С. 41–69; *Бахрушин С. В.* Научные труды. Т. 1. С. 26–48, 157–187; *Устюгов Н. В.* Указ. соч. С. 293–310; *Тверская Д. И.* Указ. соч. С. 43–109; *Мерзон А. Ц., Тихонов Ю. А.* Указ. соч. С. 144–212, 618–652; *Тихомиров М. Н.* Указ. соч. С. 93–95, 128, 133, 141–143, 151, 178, 194–195, 208–209, 220, 229–230, 248, 250–252, 266–267, 270–271, 297, 307–309, 340–343, 358, 362, 365, 386–387, 443, 463, 502–503, 512–514; *Хорошкевич А. Л.* Указ. соч. С. 94–97, 157, 201, 308–309, 319, 327, 334; История СССР с древнейших времен... Т. 2. С. 145–146, 309, 317–319; Т. 3. С. 25–28, 33, 61; *Вилков О. Н.* Ремесло и торговля... С. 81–220, 304–320; *Он же.* Бухарцы и их торговля в Западной Сибири в XVII в. // *Торговля городов Сибири конца XVI — начала XX вв.* Новосибирск, 1987. С. 171–214; *Александров В. А.* Начало Ирбитской ярмарки // *История СССР.* 1974. № 6. С. 36–57; *Очерки русской культуры XVI века.* Ч. 1. С. 252–273; *Юхт А. И.* Русско-восточная торговля в XVII–XVIII веках и участие в ней индийского купечества // *История СССР.* 1978. № 6. С. 42–59; *Квецинская Т. Е.* Верхотурье — транзитно-транспортный центр Западной Сибири в 70–80-е гг. XVII в. // *Города Сибири (эпоха феодализма и капитализма).* Новосибирск, 1978. С. 46–65; *Люцидарская А. А.* К вопросу о формировании торгово-промышленного населения Томска второй половины XVII в. // *Там же.* С. 74–75; *Курилов В. Н.* Этапы экономического развития сибирского города XVII в. // *Там же.* С. 100–104; *Буганов В. И., Преображенский А. А., Тихонов Ю. А.* Указ. соч. С. 74–76, 81–83, 224–228, 235–236; *Сафронов Ф. Г.* Указ. соч. С. 7, 61–63, 104; *Рухманова Э. Д.* Архангельская торговля России (XVII в.) // *Вопросы истории Европейского Севера.* Петрозаводск, 1980. С. 137–156; *Шаркова И. С.* Россия и Италия: Торговые отношения XV — первой четверти XVIII в. Л., 1981. С. 29–30, 39–79; *Булгаков М. Б.* Торговое движение по Окско-Московской речной системе в середине XVII в. // *Промышленность и торговля России XVII–XVIII вв.* М., 1983. С. 201–219; *Маршаев Р. Г.* Экономические связи народов Северного Кавказа с Россией в конце XVI — первой половине XVII в. // *Проблемы социально-экономической истории феодальной России.* М., 1984. С. 99–106; *Дорошенко В. В.* Торговля и купечество Риги в XVII веке. Рига, 1985. С. 5, 65, 89, 91, 93–94; *Демкин А. В.* Тверь и Торжок как центры торговли второй половины XVII в. // *Феодализм в России.* М., 1987. С. 315–320; *Он же.* Русское купечество XVII–XVIII вв. С. 10–12; *Он же.* Западноевропейское купечество в России в XVII в. М., 1994. Вып. 1. С. 77–108; Вып. 2. С. 36–51; *Он же.* Внешняя торговля России XVII–XVIII вв. Западное и Северо-Западное направления: Очерки. М., 1995. С. 3–21; *Башкатова Э. В.* Пушная торговля Тары в середине XVII в. // *Торговля городов Сибири конца XVI — начала XX вв.* Новосибирск, 1987. С. 86–99; *История России с древнейших времен до конца XVII века.* С. 384, 520, 562–528; *История Москвы...* Т. 1. С. 124–129, 240–244; *Преображенский А. А., Перхавко В. Б.* Указ. соч. С. 129–132, 143–146.

«ЗАБЫВ ОТЧИЗНЫ ДАВНИЙ ПЛЕН,
БОГДАНА СЧАСТЛИВЫЕ СПОРЫ...»

Эти строки взяты из поэмы А. С. Пушкина «Полтава», в которой гениальный поэт, глубоко изучивший имевшиеся тогда труды и опубликованные Д. Н. Бантыш-Каменским источники по истории Украины, дал блестящий анализ личности гетмана Мазепы, беспринципного политика и предателя по своей природе. Поэма интересна еще и тем, что в ней несколькими строками намечено сопоставление личных качеств и политических взглядов двух антиподов украинской и русской истории — Богдана Михайловича Хмельницкого и Ивана Степановича Мазепы:

Забыв отчизны давний плен,
Богдана счастливые споры,
Святые брани, договоры
И славу дедовских времен.

Задумывая эту статью, я намеревался проследить и сопоставить жизнь, личные качества и политические взгляды этих двух украинских гетманов, которые выросли, казалось бы, из одного истока, из одного социального корня, чтобы к последней своей жизненной черте подойти с совершенно разными результатами. Один как народный герой, воспетый в думах вождь, полководец и политик. Другой закончил свой жизненный путь с клеймом предателя, само имя которого стало на Украине знаком презрения, бранным словом.

В процессе работы пришлось пересмотреть свои планы, ибо величины оказались совершенно несопоставимы. У одного из них отчетливо прослеживается поистине государственный ум, политическое мышление, собственная концепция развития страны. Результат его государственной деятельности на столетия определил жизнь Украины и России. Другого отличала абсолютная беспринципность, без-

дарные политические комбинации и авантюры, предпринятые им наскоро, из-за преувеличенных опасений потерять личную власть и благополучие. Он умер на чужбине, проклятый и ненавидимый народом.

Трудами одного из них была создана и в составе России укреплена украинская государственность, авантюризм и интриганство другого положили начало упадка этой государственности.

Оценка личностей Богдана Хмельницкого и Ивана Мазепы всегда была политизирована, и я не намерен отходить от этой политизации, ибо речь идет о принципиально важном вопросе всей истории России и Украины — о благотворном влиянии воссоединения на исторические судьбы этих народов, о процессе превращения России в великую европейскую державу, о роли России в исторических судьбах народов Европы и Азии. Как писал еще в 1831 г. А. С. Пушкин в стихотворении «Бородинская годовщина»:

Куда отдвинем строй твердынь?
За Буг, до Ворсклы, до Лимана?
За кем останется Волынь?
За кем наследие Богдана?
Признав мятежные права,
От нас отколется ль Литва?
Наш Киев дряхлый, златоглавый,
Сей пращур русских городов,
Сроднит ли с буйною Варшавой
Святыню всех своих гробов?¹

Оценки историками личности и политики Богдана Хмельницкого хорошо известны, и в настоящем небольшом очерке нет нужды специально останавливаться на них. Что же касается Мазепы, то представляется совершенно верным наблюдение Т. Г. Яковлевой: «О Мазепе слышали все — даже те, кто очень далек от проблем Гетманщины. При этом в России о нем знают в основном по поэме А. С. Пушкина (боюсь, что даже многие историки), а в Ук-

---

¹ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 6 т. М., 1949. Т. 2. С. 147–148.

раине — по купюрам “гривен”. “Изменник”, или “герой” — других красок кроме черной и белой для Мазепы обычно не используют, а в детали и подробности вникают очень редко»¹.

Следует признать справедливость утверждения автора статьи: «Серьезных научных работ, посвященных Мазепе, очень мало»². Действительно, можно назвать монографию Н.И.Костомарова, считавшего Мазепу интриганом, ради своих личных выгод готовым на любую подлость и вовсе не ставившим целью независимость Украины³, несколько статей и глав о измене И.С.Мазепы в обобщающих работах о Петре I и Северной войне.

Если не принимать во внимание заведомо не научные, явно тенденциозные публицистические статьи в прессе, написанные в подчеркнуто антирусском духе, то для современной украинской историографии характерны призывы дать «правдивый, объективный, взвешенный, основанный на фактах, а не на эмоциях»⁴ анализ деятельности этого гетмана, которого тем не менее априорно называют великим⁵. Причину измены Мазепы и его перехода под протекторат Швеции объясняют тем, что Москва не выполнила условий Мартовских статей Богдана Хмельницкого, не защитила Украину от посягательств внешних врагов и не поддержала планов объединить Левобережную и Правобережную Украину под его булавой⁶. Аналогичные призывы к научной объективности, а фактически к оправданию измены Мазепы, к созданию из предателя украинского и русского народов борца за «независимую» Украину звучат и у петербургского историка Т.Г.Яковлевой в цитированной

---

¹ Яковлева Т. Г. Мазепа-гетман. В поисках исторической объективности // Новая и новейшая история. 2003. № 2. С. 45.

² Там же.

³ Костомаров Н. И. Исторические монографии и исследования. СПб., 1905. Кн. 6. Т. XVI: Мазепа.

⁴ Смолий В. А. Иван Мазепа // Володарі гетьманської булави: Історичні портрети. Київ, 1994. С. 385.

⁵ Там же.

⁶ Чухліб Т. В. Гетьмани і монархи: Українська держава в міжнародних відносинах 1648–1714 рр. Київ; Нью-Йорк, 2003. С. 308.

выше работе¹. Полемика вокруг личности Хмельницкого и Мазепы идет главным образом по вопросу украинской государственности. Вопрос о формировании и эволюции украинской государственности в настоящее время исследуется весьма активно и, надо сказать, весьма тенденциозно. Долгое время он был запретной темой и до конца 80-х гг. фактически не исследовался. В Тезисах ЦК КПСС по поводу 300-летия воссоединения Украины с Россией лишь констатировалось, что в годы Освободительной войны 1648–1654 гг. шел процесс складывания государственности. «Богдан Хмельницкий ...правильно понимая ее задачи и перспективы, видел невозможность спасения украинского народа без его объединения с великим русским народом, настойчиво добивался воссоединения Украины с Россией»². В это же время утвердилось мнение о том, что к 1654 г. сложились лишь *элементы* украинской государственности. Один из ведущих историков Украины XVII в. А. И. Баранович писал: «Создание в ходе освободительной войны военных и административно-судебных органов на освобожденных украинских землях было в то же время и процессом складывания элементов украинской государственности. Однако, в тот период этот процесс не мог завершиться созданием суверенного украинского государства. В тех исторических условиях Украине угрожало поглощение или шляхетской Польшей, или султанской Турцией и единственно правильным путем, обеспечивающим прогрессивное развитие украинского народа, было воссоединение с русским народом в едином Русском государстве. Богдан Хмельницкий, выдающийся государственный деятель и полководец, именно в этом направлении и проводил свою политику. Это является одной из его исторических заслуг»³.

---

¹ Яковлева Т. Г. Указ. соч. С. 45.

² Тезисы ЦК КПСС о трехсотлетию воссоединения Украины с Россией (1654–1954 гг.): Одобрены Центральным Комитетом Коммунистической партии Советского Союза // Материалы о 300-летию воссоединения Украины с Россией. Симферополь, 1954. С. 18.

³ Баранович А. И. Освободительная война 1648–1654 гг. и воссоединение Украины с Россией // Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. М., 1955. С. 680.

Аналогичные оценки сохранились и в историографии 60–70-х гг., правда, уточнялось, что эти элементы проявились уже «в предшествующие столетия» в украинском казачестве, и подчеркивалась весьма развитая система высших и местных органов власти на Украине¹.

Начало активного исследования проблем формирования украинского государства было положено статьей А. И. Гуржия и В. А. Смолия «Становление украинской феодальной государственности», написанной в 1990 г., в которой авторы утверждают, что постепенное возрождение украинской государственности началось на базе казачества, ибо после того, как в XIV–XV вв. земли Украины (sic — !) оказались под властью Литвы, а затем и Речи Посполитой, прежняя феодальная элита общества утрачивала национальные черты, ополячивалась и принимала католицизм. В ходе Освободительной войны на Украине сложились не элементы государственности, а полностью сформировалось государство в основных своих функциях². Такой вывод представляется вполне обоснованным, учитывая как развитость структуры всех ветвей власти в Украине, так и ее контакты с сопредельными странами, а прежде всего условия пребывания Украины в составе России, зафиксированные Мартовскими статьями Богдана Хмельницкого.

Вместе с тем, в украинской историографии уже в 1993 г. применительно к Освободительной войне утверждается термин «национальная революция»³. Содержание этого термина авторы определяют следующим образом: «...а) создание независимого государства в этнических гра-

---

¹ Касименко А. К. Освободительная война украинского народа 1648–1654 гг. и воссоединение Украины с Россией // История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1969. Т. III. Гл. 3. С. 73; Історія Української РСР. Київ, 1979. Т. 2. С. 58–59, 71.

² Смолій В. А., Гуржій О. І. Становлення української феодальної державності // Український історичний журнал. 1990. № 10; *Они же*. Як і коли почала формуватися українська нація. Київ, 1991. С. 53–54.

³ Степанков В. С. Українська держава у середині XVII століття: проблеми становлення й боротьби за незалежність, 1648–1657 роки: Автореферат докторської дисертації. Київ, 1993; Смолій В. А., Степанков В. С. Українська національна революція XVII ст. (1648–1676 рр.). Київ, 1999.

ницах Украины, а также и благоприятных условий для развития украинской нации; б) утверждение нового социально-экономического строя, в основе которого лежала бы мелкая (фермерского типа) собственность на землю»¹.

Употребление термина «революция» в данном случае представляется совершенно неправомерным. Революция есть не только изменение социально-экономического строя, но переход от изжившей себя *общественно-экономической формации* к более прогрессивной, переворот во всей социально-экономической структуре общества. Национально-освободительная революция тоже предполагает смену общественно-экономической формации, чего на Украине в середине XVII в. не произошло, и сами упомянутые выше авторы называют сложившееся там государство феодальным. Кстати, о казацкой буржуазно-демократической революции середины XVII в. писал М. Н. Покровский в свете теории «торгового капитализма»; как социальную революцию, приведшую к падению феодального строя на Украине, рассматривал войну 1648–1654 гг. В. А. Мякотин².

Ошибочность таких построений доказана блестящими работами украинских историков 60–70-х гг. Е. И. Стецюк, В. А. Маркиной и других авторов, которые убедительно показали, что в ходе Освободительной войны не был ликвидирован феодальный порядок, а произошло изменение формы феодальных отношений и формы землевладения: исчезло магнатское и шляхетское землевладение с крепостным правом, барщиной и оброком, верховным собственником земли стало государство («Войско Запорожское»), реально земля находилась в пользовании мелких крестьянских и казацких хозяйств.

Сохранилось крупное церковное и монастырское землевладение и стало формироваться так называемое «ранговое» землевладение (села и мельницы закреплялись за определенными должностями в «Войске Запорожском»).

---

¹ Степанков В. С. Українська держава... С. 23.

² Покровский М. Н. Избранные произведения. М., 1966. Кн. 1: Русская история с древнейших времен, т. 1–2. С. 488–495; Мякотин В. А. Очерки социальной истории Малороссии: (Восстание Богдана Хмельницкого и его последствия) // Русское богатство. 1912. № 8–10; 1913. № 9–12.

Хотелось бы специально подчеркнуть, что никакого «фермерского типа» мелких крестьянских и казацких хозяйств, как пишет В. С. Степанков, на Украине не сложилось, ибо земля не находилась в их собственности.

Постепенно, по мере нобилитации казацкой старшины на отошедшем к России левом берегу Днепра и восстановлении власти магнатов на Правобережье, восстанавливались прежние формы феодальных отношений¹.

Изучение проблем становления украинского государства важно и для понимания российской истории XVII в. Вспомним полемику, которая возникала в рамках дискуссий о генезисе капитализма и об абсолютизме: речь шла о последствиях и результатах народных восстаний и крестьянских воин в России XVII–XVIII вв. Перед нами уникальный пример победы казацко-крестьянской войны, когда восставшие смогли реализовать свои социальные требования. Мы видим, что победа в этой войне привела лишь к смягчению форм феодальных отношений, к исчезновению крупного землевладения светских феодалов.

На примере Хмельницкого и Мазепы мы можем видеть, как у двух политических деятелей, вышедших корнями из одной социальной среды, формируется разный склад характера, разные жизненные ценности, разное понятие о соотношении личной выгоды и долга перед страной и народом. В каких же условиях начали формироваться характеры Ивана Степановича Мазепы и Богдана Михайловича Хмельницкого? Скудные сведения, сообщаемые источниками, позволяют сказать лишь несколько слов о годах их детства и юности.

Зиновий-Богдан Михайлович Хмельницкий родился в декабре 1595 г. в небольшом украинском городке Чигирин. Дом Хмельницких стоял у самого подножия крутой и высокой Замковой горы, на вершине которой еще и сегодня видны руины замка, построенного в XVI в. и ставшего надежной опорой украинских казаков и русских ратных лю-

---

¹ *Стецюк К. І.* Народни рухі на Лівобережній і Слобідській Україні в 50–70 роках XVII ст. Київ, 1960; *Маркина В. А.* Крестьяне Правобережной Украины, конец XVII–60-е годы XVIII ст. Киев, 1971.

дей в смутное для Украины время второй половины XVII в. Внизу протекала узкая речка Тясмин.

Городок стоял у самой южной границы Украины, на краю ничейного Дикого Поля, в необозримых степных просторах которого проложили свои страшные «шляхи» отряды крымских, ногайских, буджатских и других татарских орд. В этом опасном для жизни месте вырастали и формировались сильные характеры степных витязей-казаков.

Сведения о роде Хмельницких скудны и противоречивы. Наиболее вероятно, что Хмельницкие вышли в XVI в. из Перемышльской земли, где некий шляхтич Станислав Хмельницкий владел селом Германовка под Львовом. Польский историк XVII в. В. Коховский и казацкий летописец XVIII в. С. Величко писали, что отец Богдана вышел из Литвы, или из Мазовецкой земли, последнее мало вероятно, ибо Михаил Хмельницкий был православным. В начале XVII в. Михаил был служилым шляхтичем при дворе коронного гетмана Речи Посполитой С. Жолкевского, а позднее перешел на службу к корсуньско-чигиринскому старосте Я. Даниловичу вначале как осадчий, а затем получил должность подстаросты в г. Чигирине, рядом с которым примерно с 1570-х гг. владел хутором Суботов и выселками Новосельцы¹.

Должность подстаросты была довольно высокой, ибо староста Я. Данилович редко бывал в своей округе и Михаилу Хмельницкому приходилось заниматься всеми делами — от занятий хозяйством до суда и командования войсками. Высокая административная должность и придворные связи со знатными магнатскими фамилиями доказывают ошибочность утверждения украинских историков о том, что Хмельницкий был «мелким шляхтичем»².

В «привилее», выданном королем Владиславом IV Богдану Хмельницкому в 1646 г., подтверждалось, что Суботовым и Новосельцами Хмельницкие владеют не менее

---

¹ Кристьякевич І. П. Богдан Хмельницький. Київ, 1954. С. 64–69.

² Історія Української РСР. Т. 2. С. 24; Смолий В. А. Великий гетман: (Богдан / Зиновий / Михайлович Хмельницький) // Котляр Н. Ф., Смолий В. А. Історія в жизнеописах. Київ, 1990. С. 196.

70 лет «с матерним лесом и с бором, сенокосы, с прудами и мельницы, и со всем, в лицах описанным, с приналежностями ... содержать имеет»¹. Позднее сам Хмельницкий на переговорах с польскими властями вспоминал, что до разорения хутора шляхтичем Чаплинским в 1646 г. у него было 40 кип хлеба урожая еще предшествующих лет, табуны коней, стада коров и волов, множество овец, четыре пруда, несколько мельниц, пасеки, шинки с медом и водкой. Все это стоило 2000 злотых². Возможно, Хмельницкий сильно преувеличил стоимость разграбленного и уничтоженного добра, но все равно перед нами яркая картина устоявшегося (с 1570-х гг.!), процветающего, богатого хозяйства, а не мелкого, полуничтоженного шляхетского маетка!

Сведений о роде И. С. Мазепы еще меньше. Неизвестна даже более или менее точная дата рождения. Н. И. Костомаров называет и 1629, и 1644 годы, отмечая, что обе эти цифры «не вполне точны»³. 1639 г. называют Т. Г. Яковлева и О. Субтельний (Т. Г. Яковлева даже называет точную дату: 20 марта, правда, не аргументируя ее). Вероятно, правильнее осторожно датировать рождение Мазепы «около 1640 г.», как это делает В. А. Смолий⁴.

Польский король Сигизмунд-Август в 1572 г. пожаловал предку Ивана Степановича, шляхтичу Мазепе-Калединскому, село Мазепинцы на Волыни (любопытное совпадение: примерно в это же время М. Хмельницкий получил Суботов), за что и должен был нести королевскую службу по Белоцерковскому староству⁵. Как и род Хмельницких, Мазепы принадлежали к известному православному шляхетскому роду, возможно, более знатному, чем Хмельницкие, ибо имели родовой герб «бонч» (Хмельницкие родového герба не имели) и связи при королевском

---

¹ Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России (далее: АЮЗР). СПб., 1878. Т. 10. Стб. 457. — 1650 марта 11. Выписка из книг градских Киевского воеводства за 1646 г.

² Крип'якевич І. П. Назв. твір. С. 81.

³ Костомаров Н. И. Мазепа. С. 386.

⁴ Яковлева Т. Г. Указ. соч. С. 45; Смолий В. А. Иван Мазепа. С. 385; Субтельний О. Україна. Історія. Київ, 1993. С. 204.

⁵ Костомаров Н. И. Там же. С. 386.

дворе¹. Сведений о хозяйстве села Мазепинцы у нас нет, но судя по дальнейшей судьбе И. Мазепы, оно было немалым.

И Богдан Хмельницкий, и Иван Мазепа получили традиционное для богатых и знатных украинских шляхтичей образование. Богдан Хмельницкий начал учебу в Киевской православной школе.

Около 1608 г. отец Богдана Хмельницкого, используя свои связи со знатными магнатскими фамилиями Речи Посполитой, устроил своего сына в недавно основанный иезуитами львовский коллегиум. За семь лет юноша прошел полный курс наук, изучив грамматику, латинский язык, риторику, поэтику, философию, богословие. Кроме того, Богдан хорошо владел немецким и французским языками, о чем свидетельствовал знавший Хмельницкого французский посол в Варшаве де Брежи.

Иван Мазепа учился в Киево-Могилянской коллегии (которая позднее стала Академией). Коллегия была создана в 1632 г. киевским митрополитом Петром Могилой, объединившем «гимназиум» Киево-Печерской лавры (открыт П. Могилой в 1631 г.) и Братской Киевской православной школы, существовавшей с 1615 г., в основе которой лежала, вероятно, та самая православная школа, в которой учился до 1608 г. Богдан Хмельницкий. Можно предположить, что эти люди, жизненный путь которых в последующем разошелся столь радикально, начинали его в одной альма-матер.

Точные годы обучения Мазепы в Киево-Могилянской коллегии неизвестны, но их можно примерно определить путем «обратного отсчета времени». В 1659 г. Мазепа был направлен с королевским поручением к гетману Ивану Выговскому, а до этого он перебрался из Киева в Варшаву и три года путешествовал по Европе, обучаясь в университетах Голландии, Италии, Германии и Франции. Следовательно, закончить обучение в коллегии он мог около 1656 г.

Когда же Мазепа поступил в коллегию? Весь курс обучения длился в коллегии 12 лет, но Мазепа, скорее все-

---

¹ Костомаров Н. И. Мазепа; Субтельний О. Назв. твір. С. 204.

го, учился 6 лет, т.к. завершающие курс наук философию и теологию он слушал не в киевской коллегии, которую покинул, перебравшись ко двору короля Яна Казимира, а оттуда в Европу, а в европейских университетах. В Киево-Могилянской коллегии эти науки изучали в старших 7-м и 8-м классах. Следовательно, Мазепа учился только 6 лет, в первых шести классах, и поступил он в коллегию около 1650 г.

Итак, оба юноши были из знатных украинских шляхетских семей, оба в начале своего жизненного пути получили весьма приличное образование, оба имели хорошие связи в высших кругах, а значит и хорошую основу для придворной карьеры.

Однако отец Богдана рассудил иначе, и дальнейшие судьбы Хмельницкого и Мазепы оказались диаметрально противоположными. Неся опасную службу на границе с Диким Полем, Михаил Хмельницкий водил дружбу с казаками, пользовался у них уважением как опытный и смелый военачальник, и когда в 1615 г. Богдан окончил львовский коллегиум, оставил сына при себе, чтобы тот вдобавок к книжной премудрости набрался жизненного опыта, научился владеть конем и саблей, постиг казацкую науку.

А наука была весьма серьезной. За 29 лет (с 1615 по 1644 г.) татары 33 раза обрушивались на земли Украины и Польши с крупными вторжениями, не считая заурядных ежегодных мелких набегов¹. Создается впечатление, что Хмельницкий, вначале под командой отца, погибшего в неудачной битве под Цецорой в 1620 г., не покидал седла, громя вместе с казаками проходившие мимо татарские отряды и отбивая полон. В Цецорской битве Богдан сам попал в турецкий плен. Выкупленный матерью и казаками, через два года он записался в реестровые казаки Чигиринского полка, окончательно связав свою судьбу с казачеством. Около 1630 г. женился на дочери своего друга Якима Сомко Анне и в 1632 г. у них родился первенец — Тимофей. Казаки избрали Богдана чигиринским сотником.

---

¹ *Horn M. Chronologia i zasięg najazdów tatarskich na ziemię Rzeczypospolitej Polskiej w latach 1600–1647 // Studia i materiały do historii wojskowości. Warszawa, 1962. T. 8. Cz. 1. S. 70.*

Как это ни покажется парадоксальным, но уже в эти годы проявилась такая черта характера Хмельницкого, как верность данному слову и присяге (в отличие от Мазепы), что позволило ему со временем стать выдающимся политическим деятелем своего времени: политик только тогда достигает успеха в главных своих целях, когда сохраняет верность заключенному с союзниками договору. Мелочная интрига несовместима с серьезной политикой. «Кредит потерять, — говорил Петр I, — все потерять».

В Хмельницком, как и во всем украинском народе, конечно же, зрело недовольство политикой национального, социального и религиозного угнетения, проводимой Речью Посполитой в Украине, но вплоть до 1637 г. он не участвовал в восстаниях казаков и крестьян, хотя и сочувствовал им. Тем более он не разделял возникавших уже тогда планов перехода Украины в подданство российского царя, к чему призывал и глава украинской православной церкви киевский митрополит Иов Борецкий. В челобитной царю Михаилу Федоровичу он просил в 1624 г. защитить православных на Украине, некогда отторгнутых «от твоея державы»¹. Прибывшие в Москву посланцы от Борецкого прямо говорили, что восставшие казаки просят принять Украину в российское подданство².

Когда в 1632–1634 гг. Россия попыталась вернуть захваченный Польшей в «Смутное время» Смоленск, Хмельницкий оказался в числе тех нескольких тысяч казаков, которые пришли в армию короля Владислава IV. Чигиринский сотник отличился особой храбростью и умением, за что был представлен королю и получил из рук Владислава IV саблю.

21 год спустя, в 1655 г., в разговоре с русскими дипломатами Хмельницкий сожалел об этом. Он говорил цар-

---

¹ Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы: В 3 т. (Далее — ВУСР). М., 1953. Т. 1. 1620–1647 годы. С. 47. — 1624 августа 24. Челобитная И. Борецкого царю Михаилу Федоровичу. С. 300, 301. Примечания.

² Там же. С. 87. — 1630 августа 9. Отписка путивльских воевод А. Литвина-Мосальского и И. Уварова о прибытии сына И. Борецкого Андрея и племянника Павла.

ским посланцам, что его отец Михаил Хмель не раз заповедовал сыну никогда не поднимать оружия против России, а, напротив, соединиться с ней и верно служить русскому царю. Тогда, в 1634 году, он нарушил отцовскую заповедь, и «сабля сия порочит Богдана»¹.

В восстаниях казаков 1637–1638 гг. Хмельницкий хотя и участвовал, но вел себя весьма осторожно, не выдвигался на первые роли и уж тем более не изменял королю и Речи Посполитой, не ставил цели разорвать с ними².

К 1637 г. это был уже вполне зрелый, сорокадвухлетний казак, уважаемый воин и администратор, к тому же весьма образованный человек, почему и выбрали его реестровые казаки генеральным войсковым писарем, вторым после гетмана должностным лицом, ведавшим войсковой канцелярией, внутренними делами казаков. Рост недовольства и протеста у Хмельницкого скорее всего начался после введения в Украине так называемой «Ординации» 1638 г., которая ограничивала численность реестровых казаков двумя тысячами и ликвидировала право выбирать войсковую администрацию (выбирать разрешалось не выше сотника). Это был удар и лично по Хмельницкому: из генерального войскового писаря он вновь становился чигиринским сотником.

И, тем не менее, Хмельницкий сохранял верность присяге и продолжал честно служить королю. Не только на Украине был известен этот казак. Его хорошо знали в Варшаве и несколько раз принимал сам король. (Владислав IV планировал тайно от Сената и Сейма организовать казацкий поход на Турцию и спровоцировать султана на объявление войны Польше. Во время войны король имел право увеличить наемное войско и намеревался использовать его для подавления своеволия магнатов.) Хмельницкий был принят у канцлера Е. Оссолинского, у Радзейёвских, Даниловичей, Хмелецких, Жолкевских, его личными врагами были магнаты С. Калиновский, С. Конецпольский

---

¹ Костомаров Н. И. Богдан Хмельницкий. М., 1994. С. 86.

² Смолий В. А. Великий гетман... С. 170; Крипякевич І. П. Назв. твір. С. 73.

и С.Потоцкий. Богдан был близко знаком с французским послом де Брежи, навербовал для Франции казацкий отряд и 19 апреля 1645 г. имел аудиенцию у принца Конде в Фонтенбло. Набранный Хмельницким отряд участвовал в осаде Дюнкерка, а сам он позднее не без гордости называл Конде «своим старым вождем»¹.

Готовить восстание казаков и крестьян Хмельницкий стал только после того, как в 1646 г. с ведома и при поддержке коронного гетмана С.Конецпольского чигиринский подстароста С.Чаплинский напал и разорил родовое владение Хмельницкого хутор Суботов, заперол насмерть его младшего сына и забрал к себе невенчаную жену Хмельницкого. Хмельницкий безуспешно пытался вызвать Чаплинского на поединок, но тот не принял вызова. Сейм решил спор в пользу Чаплинского.

В поисках справедливости Богдан обратился к королю. На аудиенции состоялся любопытный разговор, который позволяет предположить, что начавшееся в декабре 1647 г. казацкое восстание произошло если и не по «подсказке» Владислава IV, то во всяком случае, с его ведома. «Силе следует противопоставить силу, — говорил король. — Ты также воин. Если Чаплинский смог найти себе приятелей и товарищей, и ты можешь найти. Знаю я и об утеснениях казаков, но помочь вам не в силах. Пора бы, кажется, всем вам вспомнить, что вы воины; у вас есть сабли: кто вам запрещает постоять за себя? Я же с своей стороны всегда буду вашим благодетелем»².

«Такой откровенности, — писал Н.И.Костомаров, — было достаточно, чтобы показать Хмельницкому, что он может и что должен делать. ... Хмельницкий выехал из Варшавы без удовлетворения, осмеянный, но с твердой решимостью освободить Украину от власти панства и, может быть, сделать казаков орудием преобразования Речи Посполитой»³. Таким образом, уже начиная восстание в декабре 1647 г., Хмельницкий не изменял ни королю, ни

---

¹ Крип'якевич І. П. Назв. твір. С. 76.

² Костомаров Н. И. Богдан Хмельницкий. С. 173.

³ Там же. С. 174.

Речи Посполитой: его целью была ликвидация Ординации 1638 г., восстановление привилегий казачества, обуздание своевольства магнатов — «королевят», усиление королевской власти.

Иное дело Мазепа. О жизни Мазепы после окончания учебы (примерно 1656 г.) в Киево-Могилянском коллегиуме и до появления его в 1663 г. у гетмана Правобережной Украины Павла Тетери известны лишь 2–3 факта, но факты эти позволяют сделать определенные предположения. Как писал позднее в Малороссийский приказ сам Иван Степанович, он был направлен «на воспитание ко двору Яна Казимира, где был «покоевым»¹. Возникает вопрос: каким образом юный, 15–16-летний Мазепа, несмотря на войну России и Украины против Речи Посполитой, мог добраться до Варшавы и стать придворным короля? Ответ может быть только один: изменив сражающейся Украине и России и перейдя на сторону ее врагов, а, возможно, и первый раз в своей жизни изменив присяге, которую он вместе со всеми киевлянами, скорее всего, принес в 1654 г. царю Алексею Михайловичу перед российским послом В. В. Бутурлиным.

Как видим, с самого начала карьера Мазепы была направлена на разрыв с народом, со сражающейся Украиной и на сближение с Речью Посполитой. Таким образом, если Хмельницкий начал службу со сближения с народом, с органического срастания с ним, как патриот Украины и одновременно как верный воин и подданный короля, то служба Мазепы началась с измены своему народу, с разрыва с ним и перехода в лагерь его противников. Несомненно, юноша не мог предпринять этого шага без поддержки отца, Степана Мазепы, шляхтича пропольской ориентации, сторонника Ивана Выговского.

Вскоре король отправил Ивана Мазепу и еще двух молодых шляхтичей за границу для обучения на три года, и Мазепа изучал философию в университетах Нидерландов, Италии, Германии и Франции². Первая «служба» Мазепы документально зафиксирована в 1659 г., когда по возвра-

---

¹ Костомаров Н. И. Мазепа. С. 386.

² Там же; Яковлева Т. Г. Указ. соч. С. 46.

щении из-за рубежа он был направлен к тогдашнему гетману Ивану Выговскому¹. Речь шла о ратификации заключенного И. Выговским Гадячского договора.

Род Мазеп принял весьма деятельное участие в возвращении Украины под власть польского короля на условиях Гадячского договора. Его отец, Степан Мазепа, был в составе гетманской делегации, направленной в Варшаву для рассмотрения договора на Сейме. Сейм фактически отказался ратифицировать договор, внося в него неприемлемые для казаков условия. Тем не менее, участвовавшая в посольстве казацкая старшина и украинская шляхта в накладе не осталась: 34 чел. были нобилитованы и получили земельные владения, а 7 чел., уже имевших шляхетское достоинство, получили новые имена. Среди них оказался и некий Адам Мазепа, которому было дано село Каменица в Киевском воеводстве².

Затем, вновь как королевский посланец, Иван Мазепа был в 1660 г. у гетмана Юрия Хмельницкого и приложил руку к переходу Юрия на сторону Речи Посполитой. Действовавшая вместе с Юрием Хмельницким русская армия В. Б. Шереметева была выдана крымским татарам. 1 января 1663 г. на захваченной Польшей Правобережной Украине был избран гетманом Павел Тетеря. Вскоре вместе с королем новый гетман предпринял попытку захватить Левобережную Украину, в походе короля участвовал и Иван Мазепа. В марте Мазепу направили к Павлу Тетере для вручения гетману знаков власти: булавы, королевского знамени, печати, а также договориться о времени и месте принесения присяги королю. Однако Тетеря, оскорбленный низким статусом Мазепы (тот был всего лишь королевским «пкоевым»), отказался принять знаки власти из его рук³. Так в 1663 г. Мазепа окончательно перебрался на Украину.

---

¹ Костомаров Н. И. Мазепа. С. 387.

² Там же. С. 387–389; Чухліб Т. В. Назв. твір. С. 83; АЮЗР. СПб., 1863. Т. 4. С. 214–219. 1659 июнь. — Грамоты на шляхетство и земельные владения украинской старшине и шляхте, данные королем Яном II Казимиром.

³ Чухліб Т. В. Назв. твір. С. 153.

Впрочем, обстоятельства его появления в родных краях источники освещают противоречиво. В мемуарах личного врага Мазепы, королевского придворного Христофора Паска сообщается романтическая сплетня о том, что Мазепа находился в интимной связи с женой некоего магната, пана Фальбовского, и, уличенный мужем, был схвачен, обмазан с ног до головы дегтем, обсыпан пухом, усажен задом наперед на полудикую лошадь, потом у лошади над ухом выстрелили из пистолета, и та умчала несчастного на Украину¹.

Впрочем, изложенная выше версия об участии И. Мазепы в королевском походе, безусловно, более вероятна. Эта версия отражена в польских источниках, использованных Т. В. Чухлибом, и в украинской летописи С. Величко. Величко пишет, что Мазепа покинул войско короля и остался при своем старом отце в Мазепинцах (вероятно, после неудачной миссии у Павла Тетери. — Г. С.)².

После поражения короля от левобережных казаков и от русских войск под г. Глуховым и на реке Десне, после его отступления, в 1666 г. на Правобережье поднялось новое антипольское восстание казаков и крестьян, и гетманом вместо бежавшего в Польшу Павла Тетери избрали Петра Дорошенко. Мазепа покинул короля и перешел на службу к новому гетману.

Так в трудный для Яна Казимира час поражений и неудач Мазепа изменил своему покровителю и переметнулся на сторону его врага, весьма популярного тогда среди восставших украинцев, гетмана Петра Дорошенко.

Итак, Богдан Хмельницкий, 32 года верой и правдой служил королю и даже вынужденный поднять восстание за права украинского народа, стремился вначале добиться этих прав, сохранив верность присяге и единство с Речью Посполитой. Мазепа, не прослужив и четырех лет, ради личной карьеры и выгоды примкнул к восставшим и изменил своему королю.

---

¹ Костомаров Н. И. Мазепа. С. 387–388.

² Там же. С. 389.

Деятельность Богдана Хмельницкого по созданию украинского государства в годы Освободительной Войны, эволюция идеи воссоединения с Россией как единственной возможности сохранения сформировавшегося украинского государства, положение Украины в составе России — все эти вопросы рассматривались в подготовленном Н. М. Рогожиным и мной докладе, зачитанном в январе 2004 г. на российско-украинской конференции по поводу 350-летия Переяславской рады, проходившей в Институте российской истории РАН (материалы конференции опубликованы: «История русско-украинских отношений в XVII–XVIII веках: К 350-летию Переяславской рады». М., 2006. // Научный Совет РАН «История международных отношений и внешней политики России». / Бюллетень. Вып. 2.). Украина в составе России полностью сохраняла свой государственный строй, свою систему высших и местных органов власти, свои финансы, налоги, свое войско, гетман вел самостоятельную внешнюю политику, которая вполне органично сплеталась с политикой России.

Ко времени избрания гетманом И. С. Мазепы (25 июля 1687 г.) государственный строй и положение Левобережной Украины в составе России практически оставались те же. Изменения сводились к тому, что при избрании гетманом Юрия Хмельницкого в 1659 г. было отменено право каких бы то ни было внешнеполитических контактов. Кроме того, гетман не мог своей властью назначать и смещать полковников — вопрос этот решался только на полковой раде¹. Эти изменения явились ответной реакцией московского правительства на попытку И. Выговского вернуть Украину в состав Речи Посполитой. Тем не менее в реальной жизни эти права гетманов сохранились. Те же И. Самойлович и И. Мазепа поддерживали самостоятельные контакты и с Речью Посполитой, и с Крымским ханством.

Что же касается внутренней политики российского правительства в Украине, она почти не изменилась. Правда, увеличилось по сравнению с 1654 г. количество русских

---

¹ АЮЗР. Т. 4. С. 265. Статейный список А. Н. Трубецкого. Запись о раде 19 октября 1659 г.

гарнизонов и воевод в украинских городах, но в этом никакой особой национальной политики не было, просто с правого на левый берег Днепра переместились боевые действия против Речи Посполитой и ее сторонников среди казачества, а в 1670–1690-х гг. — против Османской империи.

В 1665–1666 гг. была неудачная попытка ввести подворное обложение с поступлением денег в московскую казну и провести в Украине перепись. Гетман И. М. Брюховецкий, прибыв в Москву, бил челом государю «всеми городами малороссийскими», но из этого ничего не получилось: на Левобережье началось восстание казаков и крестьян, и перепись немедленно прекратили¹. Больше всего население Левобережной Украины было недовольно вмешательством российских воевод в местные дела (в условиях войны дело совершенно заурядное). Поэтому нужно было четче ограничить компетенцию воевод. В статьях, принятых при избрании Юрия Хмельницкого и Д. Многогрешного, воевода предстает только как командир российского вооруженного отряда, который не имеет права вмешиваться в дела гетманской и полковой администрации, не может судить население, самовольно ставить своих солдат на постой. Гарнизон содержится только за счет московской казны².

Если Богдан Хмельницкий ради достижения высоких политических целей использовал в первую очередь методы честной и открытой дипломатии и войны, то единственной целью Мазепы была личная власть, а методами достижения этой цели были беспринципность, предательство своих покровителей и интрига, которые соединялись с умением обольстить и понравиться любому, от кого зависела судьба. Своих взглядов на важнейшие политические проблемы Мазепа либо не имел, либо менял их моментально в угоду новому покровителю.

---

¹ Костомаров Н. И. Исторические монографии и исследования. СПб., 1905. Кн. 6. Т. XV. Руина. Гетманство Бруховецкого, Многогрешного, Самойловича. С. 72–79.

² АЮЗР. Т. 4. С. 265. Статейный список А. Н. Трубецкого. Запись о раде 19 октября 1659 г.; Там же. СПб., 1875. Т. 8. С. 94–97. Статейный список Г. Г. Ромодановского. Запись о раде 6 марта 1669 г.; Там же. СПб., 1877. Т. 9. Стб. 914–916. Запись о раде 17 июня 1672 г.; Стб. 944. Статейный список Г. Г. Ромодановского.

Изменив в 1663–1666 гг. Яну Казимиру и гетману Павлу Тетере, он перешел на сторону гетмана Правобережной Украины Петра Дорошенко, сумел своими способностями, знаниями и ловкостью быстро дослужиться до чина войскового писаря. В 1674 г. был направлен послом в Турцию, но по пути был схвачен запорожцами и передан врагу Дорошенко — гетману Левобережной Украины Самойловичу, а тот переслал его в Москву. Мазепа изменяет Дорошенко и вскоре уже при Самойловиче достигает чина генерального есаула — второго после гетмана человека в войске.

В 1686 г. Мазепа вместе с сыном Самойловича Григорием прибыли послами от Самойловича. В это время В.В.Голицын и Софья готовились к переговорам о Вечном мире с Речью Посполитой на условиях признания за Россией прав на Левобережную Украину, Киев, Запорожье и Смоленск, за Польшей оставалось Правобережье Днепра. Россия должна была вступить в новую войну против Османской империи. Планы Самойловича были другие: в союзе с Османской империей начать войну против Речи Посполитой и присоединить Правобережную Украину. Иван Самойлович хотел стать гетманом на обоих берегах Днепра, объединить Украину под своей булавой. В Москве у гетмана были, хотя и не многочисленные, сторонники: тот же князь Г.Г.Ромодановский, вместе с которым они нанесли дважды поражение туркам под Чигирином и победоносно завершили войну 1672–1681 гг. Убедить Голицына не разрывать мира с Турцией, но в союзе с ней начать новую войну против Речи Посполитой, должны были Григорий Самойлович и Иван Мазепа. Следовательно, Мазепа и сам поддерживал планы гетмана.

В инструкции, составленной, скорее всего, самим Мазепой, утверждалось, что верить полякам нельзя, ибо «мир тот польская сторона наибардзе хочет мети для союзу, или для слученя сил в войну с собою против Турции ... и тое чинитимут лукаво. Не по истине, хотячи царство Российское отшукати и звалити на него военного тяжару бремя». Кроме того польская рада — крайне ненадежный союзник: «не всякие присяги свои сохраняет, и в какой бы присяге

оказался бы им непожиток, тую ломают и разоряют, что и показали они спокон веков»¹.

Мазепа убеждал посольских дьяков и В. В. Голицына в опасности войны против Турции и Крыма. Удар на Крым, говорил он, потребует «великого и особого приготовления», марш через безводную степь большими силами очень труден и долог, да и в Крыму «безводные суть места, войскам великим распространя нельзе». Если даже удастся захватить Крым, то удержать его будет крайне сложно из-за трудности снабжения войска, да и «Крыму завоеванием не зваются все орды, поневаж с Крыму есть еще им куды от войны, или от так явней ухилитися», да и татары, «оголощенные войной», лишь усилят набеги². Аргументация, надо сказать, заслуживающая внимания: все эти трудности российская армия испытала в полной мере во время русско-турецких войн XVII и XVIII вв.

Переубедить фаворита царевны Софьи Самойловичу не удалось, и в 1686 г. был заключен Вечный мир и антиосманский союз России с Речью Посполитой. Летом следующего года состоялся неудачный поход В. В. Голицына и И. Самойловича на Крым.

Точка зрения Мазепы на проблемы внешней политики меняется моментально и круто, когда при поддержке В. В. Голицына появилась возможность сбросить И. Самойловича и самому стать гетманом. Обычно расправу с Самойловичем объясняют двумя причинами. 1. В. В. Голицыну нужен был «козел отпущения», виновник неудачи первого крымского похода (термин «поражение» здесь вряд ли подходит, ибо не было военных действий). 2. Старшина была недовольна жесткой и самовластной политикой гетмана, нарушавшего ее права и привилегии, самовольно каравшего и миловавшего и явно стремившегося сделать гетманскую власть совершенно неограниченной, если не наследственной.

---

¹ Источники малороссийской истории, собранные Д. Н. Бантыш-Каменским. М., 1858. Ч. 1. С. 289. — 1686 января 24. Инструкция послам Г. Самойловичу и И. Мазепе.

² Там же. С. 291–292.

По-видимому, ни то, ни другое не было главным. Неудача похода на Крым была, скорее всего, поводом к смещению Самойловича, а не причиной: Голицын не стал расследовать обоснованность ходивших среди русских ратных людей слухов о том, что степь у Перекопа подождли не татары, а казаки по приказанию гетмана¹. Приказа гетмана о поджоге степи скорее всего не было. Если бы Самойлович отдал такой приказ, даже устный, об этом, скорее всего, знал генеральный есаул Мазепа, которого гетман считал безоговорочно верным сподвижником. Между тем в доносе старшины, составленном Мазепой и Кочубеем, высказывается лишь предположение, что степь подождена по приказу гетмана².

В Москве, конечно же, были недовольны попытками гетмана утвердить на Украине неограниченную гетманскую власть и передать свою булаву по наследству старшему сыну. В доносе старшина обвиняла Самойловича, «что он, гетман, самовольно владеет и хочет владеть Малою Россиею... К царствующему граду Москве не токмо мирским, но и духовным людям ездить запрещает и города государские малороссийские не государскими, но своими именует, и людем войсковым приказывает, чтобы ему, а не монархам верно служили»³.

Главная причина падения Самойловича состояла в том, что он и после начала новой войны с Османской империей продолжал доказывать и московским властям, и украинской старшине ошибочность внешнеполитического курса В.В.Голицына. «Купила ныне Москва себе лиха за свои деньги, полякам данные. ... Жалели малой дачи татарам давать, а будут большую казну давать, какую татары похотят. И после того бывал смутен и сердит, и таковы ж слова в случаях речей поновлял, а за тот мир, учиненный между монархами, не велел и молебствовать по церквам»⁴. С та-

---

¹ *Костомаров Н. И.* Мазепа. С. 356.

² *Источники малороссийской истории...* Ч. 1. С. 299. — 1687 июля 7. Челобитная генеральной старшины на гетмана И. Самойловича.

³ Там же. С. 300. То же.

⁴ *Костомаров Н. И.* Мазепа. С. 344–345; *Источники малороссийской истории...* Ч. 1. С. 298. — 1687 июля 7. Челобитная генеральной старшины на гетмана И. Самойловича.

кой позицией украинского гетмана Голицын и Софья примириться не могли, Мазепа же немедленно подстроился под их настроения. 25 июля 1687 г. на берегу реки Коломак состоялась рада, избравшая гетманом Мазепу. Самойлович был обвинен в измене, сослан в Сибирь, где и умер.

Получив булаву, Мазепа действует энергично, но скорее в своих властных интересах, чем ради отчины. Он старается на всякий случай избавиться от многочисленной родни Самойловича и его сторонников. Гетман постоянно выдвигал обвинения против племянника Самойловича, гадячского полковника М.В.Галицкого и, наконец, лишил его полковничей булавы; тайно слал доносы на переяславского полковника Леонтия Полуботка, обвиняя его в связях с ханом; враждовал с митрополитом Гедеоном Четвертинским, сын которого Юрий был помолвлен с дочерью Самойловича; успешно чернил бывших своих сообщников по доносу на Самойловича.

Мазепа никогда не отличался (в противоположность Хмельницкому) военными талантами, хотя имел достаточный боевой опыт. Его успехи на поле брани зависели от вышестоящих военачальников. Так было и во время второго крымского похода В.В.Голицына в 1689 г., когда с большими трудами дошли до Перекопа и после трехдневной осады 21 мая отступили от города.

В Москве неудачу превратили в триумф, устроили празднество, дабы укрепить влияние Софьи и ее фаворита. 10 августа на празднество прибыл И.С.Мазепа в сопровождении 304 казаков из числа знатнейших в Войске Запорожском старшин и попал, что называется, «как кур во щи» — в самый эпицентр борьбы за престол между Софьей и юным Петром, между кланами Милославских и Нарышкиных. Можно было вместе с гетманской булавой потерять и собственную голову с казацким оселедцем и шляхетским гонором. В ночь с 7 на 8 августа Петр укрылся за стенами Троице-Сергиева монастыря. Следом за ним потянулись и бояре.

Трон под Софьей и Голицыным зашатался, а поэтому Мазепу, которого считали верным и преданным всей ду-

шой Голицыну и Софье гетманом, имеющим под рукой многочисленное войско и обширные земли, встречали как влиятельного иноземного государя: полк рейтар в почетном карауле, золотая царская карета, был в Грановитой палате «у руки» Иоанна Алексеевича, а потом «у руки» патриарха Иоакима.

Мазепа, конечно же, знал ситуацию в Москве, но в день его приезда еще было не ясно, чья сторона возьмет верх, и целый месяц Мазепа выжидал, сидя без дела на Посольском дворе в Зарядье. Лишь 7 сентября, когда последние сторонники покинули Софью и Голицына, победа Петра стала очевидна, Мазепа отправился в Троице-Сергиев монастырь.

В свите Мазепы уже готовились немедленно, прямо в Москве собрать «раду» и выбрать нового гетмана, но прием у молодого Петра оказался неожиданно торжественным и даже помпезным. Гетман вручил царю богатые подарки: золотой крест, осыпанный драгоценными камнями, саблю в дорогой оправе, ценой в 2000 руб., 10 аршин золотого аксамита для царской матери Натальи Кирилловны и золотые ожерелья с бриллиантами для царицы Евдокии.

Гетману сказали милостивое слово за поход с Голицыным на Крым. В ответ Мазепа говорил, что он, как старик, не может похвалиться здоровьем, но клянется служить царю верно, до пролития последней капли крови и просил государя «держатъ его всегда в своей милости со всем народом малороссийским»¹.

Изменив В. В. Голицыну и Софье, Мазепа не мог отказать себе в удовольствии лягнуть поверженного льва. Он тут же, на аудиенции у Петра, подал челобитную, обвинявшую Голицына в лихоимстве, в том, что тот при избрании гетманом вынудил Мазепу дать ему взятку не менее чем на 21 тысячу руб.²

Внешнеполитическая и внутренняя деятельность гетмана до его присоединения к армии Карла XII в октябре

---

¹ Костомаров Н. И. Мазепа. С. 406.

² Там же.

1708 г. представляется вполне успешной. В 1696–1698 гг. вместе с российскими войсками он предпринимает удачные походы в низовье Днепра, которые привели к взятию крепостей Тавань, Шелкермень и Казикермень. Украинские казаки участвовали во взятии Азова и, по более чем смелому утверждению Т.Г.Яковлевой, 19 июля 1696 г. именно «казаки Мазепы во главе с черниговским полковником Я.Лизогубом взяли Азов. Мечта Петра осуществилась»¹. Успехи военных действий в низовьях Днепра Петр пытался использовать во время Великого Посольства 1697–1698 гг. для активизации действий союзников по Священной Лиге против Османской империи².

После того, как по условиям Константинопольского мира Россия отказалась поддерживать официальные дипломатические отношения с крымским ханом (как с вассалом султана), отношения эти были передоверены Мазепе, вплоть до весьма важных вопросов, таких как демаркация границы в 1705 г. Мазепа вел дипломатическую переписку и с польскими магнатами, и с королем Августом II.

Самостоятельность Мазепы в вопросах внешней политики выросла в условиях Северной войны, когда Петру нужен был своеобразный «буфер» на юге. Стабильность на Украине и сильная гетманская власть обеспечивали ему спокойный тыл. Именно с этих позиций следует рассматривать и награждение Мазепы орденом Святого Апостола Андрея Первозванного 8 февраля 1700 г. Мазепа стал вторым по счету кавалером главного российского ордена³.

В 1701 г., во время свидания Петра и Августа II в Брижах, когда был официально оформлен союзный договор между ними, представители Речи Посполитой на переговорах потребовали вернуть часть земель вблизи Киева, отошедших к России по Вечному миру. Петр ответил, что этот вопрос будет решать гетман Мазепа и для совещания с ним

---

¹ Яковлева Т. Г. Указ. соч. С. 50.

² Санин Г. А. Петр I — дипломат. Великое Посольство и Ништадский мир // Российская дипломатия в портретах. М., 1992. С. 35–38.

³ Бантыш-Каменский Д. Н. Историческое собрание списков российских кавалеров четырех российских императорских орденов. М., 1814. С. 59–60.

направил в гетманскую резиденцию Батурин дьяка Бориса Михайлова. Мазепа категорически отказался передавать эти земли, сославшись на то, что Август II не выполнил своих союзнических обязательств и вывел свои войска из Прибалтики осенью 1700 г, что и стало причиной поражения под Нарвой. Борис Михайлов прямо говорил в Батурине: «Великий государь о всяких принадлежностях, что належат к малороссийскому краю, без совета своего верного подданного гетмана и кавалера ничего чинить не изволит, и для того обнадеживания я, Борис, сюда и прислан нарочно»¹.

Мазепа последовательно и не безуспешно пытался распространить свою власть и на Правобережье, действуя порой вопреки воле Петра. Когда в 1704 г. на правом берегу началось восстание казаков под предводительством С. Палия, Палий просил Мазепу взять восставших под свою защиту. Петр, напротив, обещал своими силами усмирить восставших. Тогда Мазепа, не желая упускать Правобережья, решил действовать, не считаясь с волей Петра. Благоприятный случай представился летом 1704 г., когда Петр приказал Мазепе идти на запад от Днепра и разорить имения тех магнатов, которые придерживались шведской ориентации. Мазепа воспользовался этим и завладел Правобережьем (по мнению В. А. Артамонова — взял под контроль²). «Это был, — писал М. С. Грушевский, — первый случай, где он осмелился так резко разойтись с царской волей, но на первых порах это расхождение не вызвало осложнений. Мазепа оправдывался: Пока в Польше в силе остается шведская партия, не следует отдавать полякам правобережных земель. — И царь принял это объяснение. ... Однако в конце концов, в 1707 г. царь велел Мазепе передать правобережные земли полякам. Мазепа не повиновался и под различными предложениями продолжал удерживать правобережную территорию в своих руках, так как очень дорожил ею и надеялся все-таки сохранить ее для Гетманщины»³.

---

¹ Костомаров Н. И. Мазепа. С. 520–521.

² Грушевский М. С. Иллюстрированная история Украины. Б м., 6 г. С. 375; Артамонов В. А. Россия и Речь Посполитая после Полтавской победы (1709–1714). М., 1990. С. 27.

³ Грушевский М. С. Указ. соч. С. 376.

Осенью 1705 — весной 1706 г. на театре военных действий сложилась весьма неблагоприятная ситуация для России и Саксонии. Август II был изгнан из Польши, а главные силы русской армии блокированы в г. Гродно и над ними нависла угроза уничтожения либо капитуляции.

Это был критический момент Северной войны. Энергичными мерами блокированным войскам в марте 1706 г. удалось прорваться, чему в немалой степени способствовали полупартизанские действия украинских казаков во фланг и тыл осаждавшим шведам. Обычно в литературе эти бои казаков под Слуцком, Несвижем и Ляховичами характеризуют как неудачные: казаки потеряли несколько сотен человек, был убит стародубский полковник Миклашевский, а полтавского полковника И. Мировича осадили в Ляховичах, он попал в плен и в плену умер¹. В действительности казаки под Несвижем потеряли около 200 чел. пленными и убитыми, а 5800 казаков Мировича притянули к себе 12000 шведов, что не позволило Карлу XII жестко блокировать Гродно, и российский гарнизон, бросив всю артиллерию, сумел в половодье выйти из крепости и оторваться от неприятеля. Это был несомненный успех², в достижении которого сыграли свою роль казаки.

Совершенно самостоятельно гетман проводил и внутреннюю социальную политику, элементы которой зародились еще при Хмельницком. Но если при Хмельницком лишь начинался процесс «одворянивания», нобилитации казацкой старшины, то при Мазепе речь шла уже о введении крепостного права.

Когда в сентябре 1689 г. Мазепа изменил В.В.Голицыну и был на приеме у Петра в Троице-Сергиевом, гетман предложил (по примеру И.М.Брюховецкого) провести на Украине перепись населения, «чтоб отделить настоящих казаков от своевольных мужиков, ... и строго наблюдать, чтобы мужики отнюдь самовольно не вписывались в каза-

---

¹ Костомаров Н. И. Мазепа. С. 544; История Северной войны 1700–1721 гг. М., 1987. С. 65; Яковлева Т. Г. Указ. соч. С. 55.

² Павленко Н. И. Петр I. М., 1978. С. 117.

чество»¹. Стараниями гетмана в Украину стали все заметнее проникать крепостнические тенденции. «Впервые после освободительной войны он издал универсал, который узаконивал двухдневную барщину крестьян Нежинского полка. Над крестьянами Левобережья нависла реальная угроза закрепощения»².

Уже в первые годы гетманства Мазепы идет особенно широкая раздача сел, мельниц и городов в собственность казацкой верхушки. Так называемое «ранговое землевладение» все больше заменяется персональными дачами.

Особенно велика была раздача во время визита гетмана в Троице-Сергиев монастырь. В один день, 14 сентября 1689 г., кроме общей жалованной грамоты «всему малороссийскому народу» на прежние земельные владения царь отдал 48 казакам 67 сел. Н. И. Костомаров считал, что «в этот приезд гетмана в Москву ... можно сказать более, чем в прежние времена, положен был фундамент частного землевладения в Малороссии и начало будущего малороссийского дворянства»³.

Несколько странно выглядит утверждение В. А. Смолія о том, что Мазепа, как прозорливый политик, намеревался регламентировать раздачу ранговых земель и пытался внести изменения в систему аренд⁴. Что касается ранговых маетностей, то Мазепа вовсе не пытался регламентировать, а всего лишь взял их раздачу под свой личный контроль. В 1689 г. он жаловался Петру, что Москва дает ранговые земли без его ведома, что ведет к «трудностям и лежащей докуке». Гетману отвечали, что впредь не будут давать земли без его универсалов⁵.

Сложившееся положение Украины в составе России и его личное положение в Украине вполне устраивало Мазепу, примерно, до сентября 1705 г. В сентябре 1705 — марте 1706 г. ситуация меняется. Вначале Август II лишился

---

¹ Костомаров Н. И. Мазепа. С. 177.

² Смолій В. А. Иван Мазепа. С. 390.

³ Костомаров Н. И. Мазепа. С. 407–408.

⁴ Смолій В. А. Иван Мазепа. С. 390.

⁵ Костомаров Н. И. Мазепа. С. 408.

польского трона и был изгнан из страны. В Гродно были заблокированы основные силы русской армии, и возникла угроза ее полного разгрома. Наконец, в 1706 г. Август II подписывает в Альтранштадте капитуляцию. Россия остается в одиночестве. В 1707 г. Карл XII, выйдя из Саксонии, направляется к границам России, чтобы нанести удар своему последнему противнику. В этих условиях и происходит измена Мазепы.

До сих пор исследователи пытаются уточнить, когда же Мазепа изменил: в 1706 г., когда русские полки были блокированы в Гродно, а потом ожидали немедленного марша Карла XII на Волынь и Киев вслед за отступающей русской армией; в 1707 г., когда после капитуляции Августа II в Жолкве обсуждались планы ведения военных действий в Литве и на Украине, либо в 1708 г., когда после неудачи под Добрым Карл XII повернул на Украину.

Чтобы ответить на вопрос, когда изменил гетман, нужно попытаться понять, почему он изменил. По мнению В. А. Смолия, «о причинах перехода (Смолий избегает термина “измена”. — Г. С.) Ивана Мазепы на сторону шведского короля вряд ли можно говорить однозначно». Тем не менее, на первое место он ставит «общественные и моральные позиции гетмана», его воззрения, и уже за тем изменения в европейской ситуации, когда военная фортуна все более склонялась к Карлу XII. Эти же причины выдвигает на первый план М. С. Грушевский¹.

Что касается «общественных и моральных позиций», то их можно просто исключить из причин измены гетмана по причине отсутствия таковых. Единственной причиной измены было желание сохранить свою власть на Украине и личное благополучие. Ради этого Мазепа не смог трезво оценить «изменения в европейской ситуации», приняв временные военные успехи Карла XII за постоянно действующий фактор. Он не смог даже правильно оценить соотношение сил России и Швеции, хотя после сражения под Добрым (и особенно под Лесной) усомниться в звезде Карла XII были все основания.

---

¹ Смолий В. А. Иван Мазепа. С. 390; Грушевский М. С. Указ. соч. С. 376–379.

Я полагаю, что Мазепа по своей человеческой сущности был всегда готов к измене и предавал своих покровителей немедленно, как только чувствовал, что фортуна отворачивается от них. Петру он изменил уже в середине октября 1705 г., когда к нему в лагерь под Замостье прибыл первый посланец от ставленника Швеции Станислава Лещинского иезуит Франтишек Вольский с предложением перейти на сторону Карла XII. Мазепа арестовал и пытал Вольского, распросные речи его отослал Петру, самого же иезуита задержал у себя под предлогом, что его в пути могут отбить¹. Объяснение более чем странное: для благополучной доставки достаточно было дать соответствующий конвой. Скорее всего Мазепа оставил его в своем стане для каких-то своих целей. Полтора года спустя, в июле 1708 г., когда уже всюду шли переговоры Мазепы и Лещинского, Вольский все еще был при гетмане, и Мазепа отказывался отпустить его назад, объясняя литовскому гетману Синявскому, что «он достоин виселицы»².

С марта 1706 г. начинается переписка Мазепы с княгиней Анной Дольской, склонявшей его к переходу на сторону Швеции. Сподвижник Мазепы, генеральный писарь Филипп Орлик прямо считал, что именно с того времени гетман стал готовить измену Петру, как «...княгиня Дольская прелестями своими ему оную выперсвадовала, о том сам един Бог весть. Однак от большой части рассуждаю, что тая прелестница мела его обязуметь»³.

Итак, переговоры с Лещинским Мазепа вел, вероятно, с осени 1705 г. и, несомненно, с марта 1706 г., а продолжались они до ноября 1708 г. Сейчас в работах украинских историков и Т.Г. Яковлевой Мазепа именуется не иначе как великим политическим деятелем, искусным дипломатом. Каковы же оказались итоги переговоров этого «дипломата»?

В инструкции Ф. Вольскому и в письмах княгини Дольской содержатся лишь самые общие обещания «всяких

---

¹ Источники малороссийской истории... М., 1859. Ч. 2. С. 49. — 1705 октября 18. Лист Мазепы к Петру I.

² Костомаров Н. И. Мазепа. С. 589.

³ Там же. С. 547–548.

вольностей», военной помощи и гарантии помощи от Карла XII. Инструкция С. Лещинского иезуиту Вольскому предлагала обещать «всякую вольность, которая ему от маестата и Речи Посполитой дана будет, освобождение из-под владения тиранского, впоследствии награждение, какое сам себе желать будет». Вольский обещал «столько войска, сколько будет потребно господину Мазепе» и просил гетмана «подать способы, которые ему для интересу Речи Посполитой, короля и себя самого полезны быти покажутся»¹. Понятно, что это были весьма предварительные и туманные обещания.

В мае 1706 г. в очередном письме от Анны Дольской передавалась сплетня о том, что А. Д. Меншиков намерен сам стать украинским гетманом, Дольская писала, что Карл XII лично гарантирует вооруженную помощь Мазепе. Т. Г. Яковлева охотно верит, в угоду своей концепции, этой сплетне на счет гетманских планов Меншикова².

Сам Карл XII до отправления в поход к границам России вообще отказывался устанавливать какие-либо контакты с Мазепой. Лишь в начале 1709 г. был заключен союз Карла XII, С. Лещинского и Мазепы. Что касается взаимоотношений Украины и Швеции, то они касались только военных вопросов, политические вопросы не рассматривались³.

Да и договора со Станиславом Лещинским тоже не было. Просто Мазепа на протяжении 1707 и 1708 гг. предлагал в письмах к Лещинскому принять Украину «как наследие свое»⁴. Кроме того, Мазепе был направлен королевский привелей (не договор!) и частные письма канцлера Яблоновского и подканцлера литовского Щуки, согласившихся принять Украину под власть польского короля на правах Великого Княжества Литовского, а Мазепа получал в личное владение Витебское и Полоцкое княжение⁵.

---

¹ Источники малороссийской истории... Ч. 2. С. 50. — 1705 сентября 23. Инструкция Ф. Вольскому.

² Яковлева Т. Г. Указ. соч. С. 55; Костомаров Н. И. Мазепа. С. 549.

³ Андрусяк Н. Зв'язки Мазепи з Станіславом Лещинським і Карлом XII // Записки наукового товариства ім. Т. Г. Шевченка. Т. CLII. Львів, 1933. С. 3.

⁴ Источники малороссийской истории... Ч. 2. С. 196. — 1708 декабря 5. Лист Мазепы С. Лещинскому.

⁵ Там же. С. 214. — 1708 декабрь. Допрос Д. Апостола в ставке Петра.

Расценивать эти личные письма и «привелей», данный персонально Мазепе, как договор, конечно же, нельзя, хотя дело шло к этому, но слишком медленно.

Таким образом, этот «великий политик» за три года переговоров так и не подготовил свой переход к Карлу XII ни в военном, ни в политическом отношении. Обеспечив только свои личные интересы, он 25 октября 1708 г. соединился с Карлом XII. Приведя с собой часть казацкой старшины и около 3 тысяч казаков, в основном кампанейских полков. Впрочем, в современной украинской историографии принято акт измены называть «восстанием Мазепы»¹. Между тем, восстания на Украине начались *против Мазепы и после его измены*.

Авантюризм и мелкое интриганство Мазепы отчетливо видны в последней его измене — на этот раз Карлу XII. Не прошло и месяца после присоединения гетмана к шведскому королю, как в конце ноября 1708 г. в ставку русской армии в Сорочинцах прибыл посланец предателя. миргородский полковник Данило Апостол с просьбой гетмана о прощении и обещанием захватить в плен и выдать царю Карла XII и его главных военачальников². Впрочем, в эти же дни Мазепа пишет верноподданнические письма С. Лещинскому и составляет от имени Карла XII манифест к украинскому народу, в котором шведский король призывает подниматься против угнетателя-царя, изгонять русские войска и снабжать провиантом шведов. За все это король обещал свою благосклонность и защиту³.

Итак, результатом жизни Богдана Михайловича Хмельницкого было освобождение украинского народа от религиозного, национального и социального гнета магнатов и шляхты Речи Посполитой, создание украинского государства и укрепление этого государства путем воссоеди-

---

¹ Кравченко В. Концепції Переяслава в українській історіографії // Переяславська Рада 1654: (Історіографія та дослідження). Київ, 2003. С. 470.

² Костомаров Н. И. Указ. соч. С. 653.

³ Источники малороссийской истории... Ч. 2. С. 196. — 1708 декабря 5. Лист И. Мазепы к С. Лещинскому; С. 206–212. — 1708 ноября 7. Манифест Карла XII к украинскому народу (составлен И. Мазепой).

нения с Россией. Украинская автономия в составе российской империи была ликвидирована лишь полтора века спустя, в 1790-х гг.

Финалом жизненного пути Мазепы (умер он вскоре после полтавского разгрома и бегства с Украины, 2 октября 1709 г. под Бендерами) была неудавшаяся, к счастью, попытка вернуть Украину под власть магнатов и шляхты. До момента измены гетман пользовался практически безграничными полномочиями, вплоть до права самостоятельных сношений с королем Речи Посполитой и крымским ханом. Измена Мазепы дала толчок начавшемуся процессу медленного угасания автономии Украины: избранный в 1708 г. гетманом Иван Скоропадский был заметно ограничен в правах.

Начав статью стихами А. С. Пушкина, закончить ее хочу строками из предисловия, написанного гениальным поэтом 31 января 1829 г. к первому изданию «Полтавы». «Мазепа есть одно из самых замечательных лиц той эпохи. Некоторые писатели (Пушкин имеет в виду Байрона. — Г. С.) хотели сделать из него героя свободы, нового Богдана Хмельницкого. История представляет его честолюбцем, закоренелым в коварствах и злодеяниях, клеветником Самойловича — своего благодетеля, губителем отца несчастной своей любовницы, изменником Петра перед победою, предателем Карла после его поражения; память его, преданная церковью анафеме, не может избегнуть и проклятия человечества»¹.

---

¹ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 6 т. М., 1949. Т. 2. С. 604.

СОЧИНЕНИЯ АНГЛИЧАН О РОССИИ XVI ВЕКА: ПРАВДА ИЛИ ВЫМЫСЕЛ?

В декабре 1553 г. в истории Русского государства произошло одно важное событие — впервые при московском дворе появилось английское посольство, прибывшее не через территорию Европы или по Балтике, а через северные моря. В условиях постоянных войн между европейскими странами Северный морской путь оказался удобным и безопасным для самых различных контактов между двумя странами: дипломатических, культурных, торговых. В Англии в феврале 1555 г. появилась «Московская торговая компания», включавшая более 200 акционеров. В Москве, на Варварке, было построено Английское подворье, на котором постоянно проживали торговые агенты компании и приезжие торговцы. Царь Иван Грозный, очень довольный установлением тесных контактов с Английским королевством, даже позволил его подданным торговать в России беспошлинно¹.

Многие английские дипломаты, купцы и члены «Московской компании» составили записки о посещении новой для себя страны. Среди них: Ричард Ченслор, Климент Адамс, Антоний Дженкинсон, Джером Горсей, Джильс Флетчер и другие. Они описывали природные условия Московии, занятия населения, товары, которые можно было там купить, способ управления страной, законодательство, обстановку при царском дворе и т. д. Поскольку многие из этих сведений были уникальными, то дореволюционные и советские историки активно использовали английские сочинения в качестве исторических источников. Ссылки на них можно встретить у таких известных историков как: С. М. Соловьев, В. О. Ключевский, С. Ф. Плато-

---

¹ Английские путешественники о Московском государстве в XVI веке // Иностранные путешественники о России. Л., 1937. С. 13–14, 34–36.

нов, А. А. Зимин, В. И. Корецкий, Р. Г. Скрынников и др. Однако почти никто из них не ставил вопрос о том, насколько достоверны показания англичан. Была ли собранная ими информация достаточно полной, правильно ли они ее передали или умышленно исказили по какой-либо причине.

Чтобы ответить на эти вопросы, рассмотрим несколько сочинений англичан о России XVI в. Первыми записками о Московии были воспоминания Ричарда Ченслора. Они были написаны сразу после возвращения отважного мореплавателя в Англию в 1554 г. Эта дата не вызывает у исследователей сомнения, поскольку во время второго путешествия в Россию в 1555 г. Ченслор погиб. Один из его спутников, Климент Адамс, обработал эти записки и опубликовал. В XIX в. они были переведены на русский язык, и к настоящему времени существует уже несколько изданий. В настоящей работе использовано одно из последних¹.

Записки Ченслора имели очень характерное название «Книга о великом и могущественном царе России и князе Московском», говорящее о том, что правитель далекой страны в ней будет прославлен. Ведь автор ставил перед собой цель подчеркнуть важность открытого им морского пути. Поэтому Ченслор достаточно восторженно описал богатство и могущество царя Ивана Грозного, плодородие русских земель, обилие на рынках товаров, которые могли заинтересовать английских купцов. Так, он пишет, что «Россия изобилует землей и... людьми и очень богата теми товарами, которые в ней имеются». В числе товаров перечислены следующие: семга, треска, ворвань, соль, пушнина (шкурки соболей, куниц, бобров, черной и рыжей лисицы, выдры, горностая), шкуры оленей, моржовая кость, лен, конопля, воск, мед, кожи, сало, соленая рыба, зерно различных злаковых растений. При этом автор подробно указал, в каких местах России эти товары наиболее выгодно можно было купить².

---

¹ Середонин С. М. Известия англичан о России XVI века // ЧОИДР. 1870. Кн. 3. Разд. IV.

² Россия XVI века. Воспоминания иностранцев. Смоленск, 2003.

Москва в сочинении англичанина представлена большим и многолюдным городом, в центре — в прекрасном замке, резиденция царя. Хотя внутреннее убранство царского дворца не слишком понравилось Ченслору, его поразили роскошные одежды Ивана Грозного и его придворных, обилие великолепной золотой посуды, использовавшейся во время пира. Это было свидетельством огромного богатства русского государя, который, по утверждению англичанина, был повелителем над многими странами и «его могущество изумительно велико». К тому же он обладал большой армией, состоящей из конных воинов-профессионалов, снаряженных очень богато. При этом, как удалось обнаружить Ченслору, все русские люди были очень неприхотливы в повседневном быту и еде. Во время военных походов они могли довольствоваться очень малым. Это, по мнению автора, было очень большим достоинством. Поэтому, «если бы русских воинов обучили строю и искусству ведения цивилизованных войн, то даже двум могущественным христианским государствам было бы не под силу бороться с Иваном Грозным. Его успех обеспечивали бы и неограниченная власть над подданными, и выносливость народа, и скромный образ жизни воинов, и малые расходы на войну, поскольку воинские люди не получали жалование и даже экипироваться должны были за свои счет»¹.

Англичанин полагал, что русские люди не осознавали свою силу и были похожи на молодых коней, позволявших малым детям вести себя за узду². Как видим, он прославлял и русского царя, и его воинов, и богатство страны. Все это должно было убедить читателей записок в том, что открытый мореходом путь может быть очень полезен для его соотечественников.

Однако две стороны жизни русских людей Ченслор подверг критике, видимо, желая предупредить английских купцов о возможных осложнениях для них в России. Пер-

---

¹ Россия XVI века. Воспоминания иностранцев. С. 441–442, 445–447.

² Там же. С. 448.

вое — это отсутствие справедливых законов. По его утверждению, судьей в государстве был только государь, но, поскольку сам он вникнуть во все дела не мог, то окружающие его люди постоянно обманывали и злоупотребляли своим высоким положением. Справедливое судебное решение выносилось крайне редко, обвиненных без всяких доказательств истязали и подвергали различным пыткам¹.

Но можно ли принять на веру эти сведения Ченслора? Хорошо известно, что в Русском государстве с древнейших времен было несколько сводов законов: «Русская правда», Судебник 1497 г., Судебник 1550 г. Судебные решения выносились на основании их статей. Осуществлять суд могли руководители приказов, т. е. даже дьяки, а в особо сложных случаях — Боярская дума. Только по одному обвинению истца ответчика не могли подвергнуть наказанию. Вызывались свидетели, а при их отсутствии дело решалось поединком и крестоцелованием. Пыткам обвиняемого могли подвергнуть только тогда, когда его вина была очевидна, а он ее не признавал².

Все это говорит о том, что у Ченслора было мало сведений о судебной системе на Руси. О ней он мог судить только как сторонний наблюдатель, плохо понимающий суть происходящего. Ведь русский язык он не знал.

Еще большей критике подверг англичанин православную веру. Это и не удивительно, ведь сам он был протестантом. Возможно, что у него даже были споры на религиозные темы с русскими людьми. Их отражением стали страницы его записок, где порицались слишком частые и строгие посты, непонятное действо во время литургии, ревностное почитание икон и т. д. Естественно, что использовать такие данные в качестве достоверного исторического источника нельзя.

Разница в вероисповедании, судя по всему, не позволила Ченслору достаточно объективно осветить образ жизни русских людей. Так, он решил, что на Руси царят пьян-

---

¹ Россия XVI века. Воспоминания иностранцев. С. 450.

² Источники русской истории. М., 1913. С. 361–366.

ство, разврат, вымогательство и воровство. Хотя одновременно он должен был заметить, что с этой стороной жизни в новой для себя стране ознакомился не слишком хорошо¹. Действительно, мог ли иностранец, имевший очень ограниченный круг общения, узнать, как живут многие русские люди? Ответ может быть только отрицательный. Из царских указов известно, что повседневное пьянство на Руси было запрещено. Пить разрешалось лишь несколько раз в году. Каралось даже изготовление спиртных напитков в домашних условиях. Иностранцам же, напротив, все это разрешалось, поэтому местность, где они проживали в Москве со времен Василия III, называлась Наливки. Иностранцам даже полагалось выделять из царских запасов водку, пиво и мед различных сортов в очень значительных количествах. Возможно, что это и натолкнуло англичанина на вывод, что сами русские люди постоянно злоупотребляют спиртным. Вообще непонятно, откуда он решил, что на Руси царят разврат и вымогательство. В XVI в. образ жизни русских женщин был очень замкнутым, поэтому некоторые исследователи даже полагали, что они были теремными затворницами. Вымогать или воровать у иностранных дипломатов также никто не мог. По посольскому обычаю их строго охраняли и не разрешали вступать в контакты с простыми людьми. А предположить, что у них что-либо вымогали представители знати, вообще невозможно — те были обязаны оберегать честь своего государя.

Таким образом, оценивая сочинение Ченслора о Русском государстве в качестве исторического источника, следует сделать вывод о том, что не всем его сведениям можно доверять. Наиболее полно и развернуто освещены интересующие его вопросы о торговле, богатстве страны, могуществе государя. Ведь мореплавателю должен был убедить читателей в значимости открытого им пути в ранее неизвестную страну. Другие стороны жизни русских людей он вряд ли смог хорошо изучить, поскольку не знал языка и имел мало контактов с жителями страны. К тому же ему

---

¹ Россия XVI века. Воспоминания иностранцев. С. 452–455.

могло показаться отрицательным все чуждое и непонятное для него самого: вера, судопроизводство, быт и т. д. Исходя из этого, вряд ли будет правомерным цитирование записок Ченслора без всяких оговорок в исторических трудах о России XVI в.

В сочинениях других англичан, Климета Адамса и Антония Дженкинсона, о России также содержится довольно много сведений: о природных условиях, городах, товарах и царе Иване Грозном. Но в них меньше критики, поскольку они были написаны в период расцвета взаимоотношений между Англией и Московским царством¹. Многочисленные английские посольства с необычайным почетом принимались при царском дворе, английские купцы имели множество льгот и привилегий, которых не было у торговых людей других стран. Более того, Иван Грозный вступил в переписку с королевой Елизаветой и одно время даже планировал на ней жениться. В конце жизни он даже пытался посвататься к племяннице королевы Марии Гастингс, и только смерть царя положила конец этим брачным планам. За все это современники прозвали Ивана Грозного английским царем.

После прихода к власти в 1584 г. Федора Ивановича отношение к английским купцам резко изменилось. Новый царь не хотел ущемлять интересы русских торговых людей и купцов из других стран, покровительствуя только англичанам. К тому же выяснилось, что последние полностью взяли в свои руки торговлю в Архангельске и Холмогорах, диктовали всем свои цены и даже стали покушаться на розничную торговлю, которая иностранцам была запрещена. Некоторые члены «Московской компании» заняли деньги у представителей русской знати и отказывались отдавать.

В итоге, после всех разбирательств Федор Иванович приказал закрыть английское представительство на Варварке и отдать под суд самого злостного должника — Энтони Мерша. В 1588 г. он был выслан в Англию для того, чтобы королевский суд сам определил степень его вины. В

---

¹ Известия англичан о России XVI в. М., 1984.

ответ в Москву прибыл английский дипломат Джильс Флетчер для улаживания конфликта. К этому времени выяснились злоупотребления еще одного агента «Московской компании», Джерома Горсея, и рассерженный царь долго не хотел принимать англичан при дворе.

Наконец, после холодного приема Флетчера и Горсея выслали в Вологду под надзор приставов. Лишь в мае 1589 г. им было позволено вернуться в Англию. К этому времени английская торговля существенно уменьшилась, годовой оборот упал в восемь раз по сравнению с периодом правления Ивана Грозного.

Естественно, что в этих условиях ни Флетчер, ни Горсей особых симпатий к царю Федору Ивановичу не испытывали. К тому же на родине им было необходимо оправдать собственные неудачи и промахи. Оба после возвращения в Англию написали сочинения о России, в которых подвергли резкой критике и русского государя, и многие стороны жизни его подданных. Но можно ли доверять сообщенной в них информации? Попробуем в этом разобраться.

Первым в 1591 г. был написан и вышел в свет труд Дж. Флетчера «О государстве Русском». Внешне это очень подробное и обстоятельное описание географии, климата, городов, хозяйства и ремесла, а также государственного управления, судопроизводства, налогообложения, военного дела и церковного устройства, особенностей царской власти в России. Есть в этом сочинении и страницы, на которых описаны различные народы, быт царской семьи, знати и простых людей. Учитывая, что английский посол пробыл в Российском государстве совсем недолго, такая обстоятельность его сведений кажется странной. Возникает вопрос: откуда взял Флетчер столь подробную информацию о России? Рассмотрим каждый раздел его труда подробнее, чтобы найти ответ на этот вопрос.

Первая глава географического характера, несомненно, была написана на основе сочинений других авторов, на что указывает сам англичанин. Это и «Трактат о двух Сарматиях» М. Меховского, и труд Р. Ченслера, и, вероятно, «За-

писки о московитских делах» С. Герберштейна. Но если из первых двух Флетчер взял некоторые исторические сведения и данные о судопроизводстве, нравах и религии русских людей, то «Записки» Герберштейна стали как бы образцом для общего построения его собственного сочинения. При этом довольно достоверная информация австрийца по русской истории, взятая из летописей, была умышленно искажена и утрирована.

Флетчер утверждал, что в древности Русь состояла из двух частей. На севере правили четыре князя: Рюрик, Трувор, Синеус и Варяг; на юге также было четверо князей: Кий, Щек, Хорив и Лебедь¹. Но, как известно, Рюрик с Трувером и Синеусом были варяжскими князьями, приглашенными новгородцами. Никакого князя по имени Варяг не существовало. Кий с родственниками по легенде считался основателем Киева и жил много раньше Рюрика. К тому же вряд ли он владел значительной территорией, если даже был реальным лицом. Как видим, летописную информацию Флетчер переосмыслил и передал в собственной интерпретации.

Не менее странными выглядят и историко-географические изыскания Флетчера. По его мнению, русские земли издревле делились на Белую и Черную Сарматии, но в летописях о таком делении данных нет, они есть только в сочинении Меховского. По утверждению англичанина, собственными владениями русских князей были только следующие княжества и волости: Владимирское, Московское, Нижегородское, Псковское, Смоленское, Новгорода Великого, Ростовское, Ярославское, Белозерское, Рязанское, Двинское, Каргопольское, Мещерское, Важское, Устюжское и Галицкое. Тверские, Югорские, Пермские, Вятские, Болгарские, Черниговские и Сибирские земли якобы были присоединены позднее². Однако хорошо известно, что Тверское и Черниговское княжества всегда принадлежали русским князьям. Ошибка, возможно, была сделана Флет-

---

¹ Россия XVI века. Воспоминания иностранцев. С. 14.

² Там же. С. 15–16.

чером умышленно, чтобы оправдать претензии на эти земли литовских князей.

Особенно много искажений встречается в географических названиях и представлениях англичанина. Так, он полагал, что Новгород Низовой земли и Нижний Новгород были разными городами, на самом деле это два названия одного города. Почва на большей территории Руси отнюдь не была песчаной — чаще всего встречается суглинок. Исток Волги находится не у Ярославля, а у Осташкова. Дон не является границей между Европой и Азией. Эту реку Флетчер, видимо, спутал с рекой Урал. Ока берет начало не на границе с Крымским ханством, а около Курска. Из Москвы нельзя доплыть до Константинополя по Дону. Близ города Азова находилось не болотистое озеро, а Азовское море. Маленькая речка Волокша (Волокса) не впадает в Финский залив, поэтому по ней нельзя было проплыть из Белого моря в Балтийское, а Флетчер полагал, что можно. Он думал, что река Вычегда впадает в Волгу, на самом же деле — в Северную Двину¹.

Все эти ошибки свидетельствуют о том, что о географии Русского государства Флетчер имел весьма поверхностное представление. Все его познания ограничивались местностью около Белого моря, куда прибывали английские суда. Хорошо знал он и перечень традиционных русских товаров: мех, зерно, воск, сало и т. д. Ведь они регулярно привозились английскими купцами².

Совершенно баснословные сведения имел Флетчер по русской истории. Он утверждал, что основателем Москвы был библейский персонаж Мосох, но русские люди об этом не знали³. По его мнению, князь Иван Данилович в 1246 г. получил от папского легата королевский титул⁴. В данном случае он спутал московского князя с Даниилом Галицким. При этом первый правил на сто лет позже второго. По мнению англичанина, на новгородских монетах был изо-

---

¹ Россия XVI века. Воспоминания иностранцев. С. 18–20.

² Там же. С. 20–26.

³ Там же. С. 26.

⁴ Там же. С. 26–27.

бражен всадник с кнутом, которым он наказывал восставших холопов. На самом деле всадник был с саблей, поэтому монеты назывались «сабельниками». Флетчер полагал, что основателем города Ярославля был Владимир Мономах, женатый на дочери английского короля Гарольда. Свое название он якобы получил за красоту места¹. На самом деле Ярославль был основан Ярославом Мудрым и по его имени был назван. Плодом собственных измышлений представляются данные англичанина о том, что русские государи происходят от венгерского короля Белы и поэтому прозываются Белыми². Хорошо известно, что основатель русского княжеского рода Рюрик появился в Новгороде в IX в., а король Бела правил в Венгрии в XIII в. В данном случае, искажая информацию, Флетчер, видимо, хотел принизить происхождение правителей Руси.

Игнорируя реальную русскую действительность, английский дипломат постарался собрать самые различные слухи о возможных наследниках бездетного царя Федора Ивановича. Так, он повторил измышления Нагих о том, что царевича Дмитрия не раз пытались отравить ядом, и от него даже умерла его кормилица. На самом деле, в 1591 г., когда Флетчер создавал свой труд, кормилица царевича Ирина Тучкова была жива. Это известно из Углического следственного дела. Неверны и его сведения о том, что вдова Магнуса Ливонского Мария Владимировна, троюродная сестра царя Федора Ивановича, насильно была пострижена в монастырь и из-за этого лишилась права унаследовать царский престол. На самом деле Мария Владимировна никогда не рассматривалась в качестве претендентки на московский престол, поскольку состояла с царем в дальнем родстве и была женщиной. Постриг для нее, как вдовы, был обычной практикой в то время.

В главе, описывающей коронацию русских государей, Флетчер, как обычно, допустил много неточностей и искажений. В числе регалий он забыл упомянуть скипетр, не сообщил о том, что царь произносил речь, а патриарх об-

---

¹ Россия XVI века. Воспоминания иностранцев. С. 28.

² Там же. С. 32–34.

ращался к нему с поучением, не описал обряд миропомазания. Лишь царский титул он передал более или менее точно (за исключением некоторой перестановки слов)¹.

Образ правления в Русском государстве англичанин определил как тиранический, полагая, что царь ни с кем не советуется при принятии решений. Роль Боярской думы, по его мнению, была минимальной, а о существовании Земских соборов он, видимо, не знал. Во всем русском обществе он выделил только два сословия: дворянство и простолудины, хотя на самом деле к различным сословиям принадлежали представители духовенства, купечество, ремесленники, крестьяне и холопы.

Самые невероятные слухи собрал Флетчер о русских государях, желая их опорочить. Так, по его утверждению, Иван Грозный приказывал отрубать головы всем людям, которые осмеливались на него посмотреть. Царь Федор Иванович заботился только о собственной душе. Его жена, царица Ирина, вместе с братом Б.Ф. Годуновым держали все нити по управлению государством в своих руках. Однако из документальных источников известно, что Федор Иванович был инициатором учреждения патриаршества, лично возглавил поход на Нарву в 1590 г., руководил обороной столицы во время нашествия Казы-Гирея в 1591 г., активно занимался международными делами и был категорически против засилья иностранцев, которых особо любил Годунов.

Не разобрался английский дипломат и в функциях верховных органов власти Русского государства. Он считал, что высшим совещательным органом было некое земское собрание, на котором присутствовал сам царь, некоторые из дворян, не более двадцати, из Боярской думы, и двадцать духовных лиц. Местом заседания якобы были царские покои. Решения собрания рассылались по всей стране в качестве законов². На самом деле даже состав Боярской думы был много больше, чем у описанного англичанином собрания, — более 50 человек вместе с духовенством. Чис-

---

¹ Россия XVI века. Воспоминания иностранцев. С. 37–38.

² Там же. С. 38–39.

ло же участников Земского собора могло достигать 500 человек, поскольку на нем присутствовали выборные представители от городов. Ни решения Боярской думы, ни Земского собора не считались законами, поскольку они обладали только совещательными функциями.

Совершенно не разобрался Флетчер и в иерархии русского дворянства. Он считал, что оно делилось на четыре степени: удельные князья, опричники, воеводы и князья. К удельным князьям он относил не только царских родственников, что было правильным, но и таких князей как: Мстиславские, Глинские, Шуйские, Трубецкие, Воротыньские, Одоевские, Телятевские, Татевы¹. На самом деле некоторые из этих князей до середины XVI в. считались не удельными, а служилыми князьями (Мстиславские, Трубецкие, Воротыньские), поскольку они достаточно поздно выехали из Великого княжества Литовского и сохраняли родовые владения. Глинские состояли в близком родстве с государями, но особого статуса не имели. Остальные князья были Рюриковичами и различались между собой только по степени родovitости. К их числу принадлежали и многие другие князья, но о них Флетчер почему-то вообще не пишет. Опричниками были особые категории служилых людей (среди них были и князья), которые некоторое время находились при Иване Грозном для его охраны и особых поручений. Воевода также означал чин. В итоге получилось, что Флетчер спутал титулы, связанные с происхождением, и чины, получаемые при служебных назначениях. Поэтому князья оказались у него на низшей ступеньке дворянства. Не понял он и суть местничества и решил, что оно было изобретено Иваном Грозным для разжигания розни среди дворянства². На самом деле местничество было создано самой знатью в правление Ивана III для отстаивания родовой чести и отказа от служебных назначений, которые ее умаляли.

По утверждению английского дипломата, Б. Ф. Годунов был инициатором опал в адрес князей А. П. Куракина, В. Ю. Голицына, А. И. Шуйского, И. П. Шуйского и П. И. Го-

---

¹ Россия XVI века. Воспоминания иностранцев. С. 41–44.

² Там же. С. 41.

ловина¹. Эти данные многие историки используют в своих трудах без всякой критики. Однако в русских документальных источниках они не находят подтверждения. Имя В. Ю. Голицына, действительно, исчезает из разрядов в год прихода к власти Федора Ивановича (а по утверждению Флетчера, Б. Ф. Годунова), но по какой причине, неизвестно. П. И. Головин был наказан в этом же 1584 г., но не из-за каких-то козней, а за растрату царской казны. А. П. Куракин продолжал служить и в 1586 г., и в последующих. Это видно по разрядным книгам. А. И. и П. И. Шуйские, действительно, были наказаны в 1586/87 гг., но не Б. Ф. Годуновым, а самим царем Федором Ивановичем за выступление против его жены: князя обвинили царицу Ирину «в неплодии» и требовали, чтобы царь с ней развелся. Получается, что англичанин совершенно напрасно обвинил царского шурина в желании истребить высшую знать. Ложная информация, видимо, нужна была ему для того, чтобы в самых черных красках обрисовать ситуацию при русском дворе.

Не понял Флетчер и способ управления и деления русских территорий. Он полагал, что вся Россия состояла всего из четырех четвертей, которые управлялись четырьмя приказами: Посольским, Поместным, Разрядным и Казанским дворцом². На самом деле Посольский приказ занимался международными делами, Поместный — наделением землями служилых людей, Разрядный — служебными назначениями. Территория страны делилась не на четыре четверти, а на значительно большее число частей. Четверти, действительно, существовали, но это были специальные учреждения для управления, например, Новгородской землей. Неправильным было и его мнение о том, что все земли принадлежали только царю и Б. Ф. Годунову. Среди землевладельцев были и частные лица, и монастыри, и церкви.

Совершенно не разобрался англичанин и в системе управления городами. Он считал, что ими управляли князья и дьяки, не имевшие личной собственности. Желая обо-

---

¹ Россия XVI века. Воспоминания иностранцев. С. 44.

² Там же. С. 47–48.

гатиться, они нещадно обирали простых людей. В данном случае он описал систему кормлений, которая была отменена еще в середине XVI в. О ней он, возможно, узнал из труда Герберштейна. Кроме того, воеводами назначались не только дьяки и князья, но и рядовые дворяне — все зависело от величины и значимости города. Налоги четко регламентировались Земским приказом и не зависели от произвола воеводы. Поэтому последним не нужно было делиться доходами с царем, как утверждал Флетчер. Размер налогов зависел от числа горожан и их промыслов, и взимались они раз в год, а не тогда, когда хотелось воеводе (по мнению Флетчера).

Сообщая о полном произволе в России, англичанин утверждал, что воинские люди могли отобрать у простых людей любую вещь. Поэтому русский народ якобы мечтал о вторжении извне, способном избавить его «от тяжкого ига тиранического правления»¹. Этому утверждению противоречит активная борьба русских людей против всех внешних врагов во время правления Ивана Грозного: и против крымцев, и против поляков (примером служит героическая оборона Пскова), и против шведов.

Полна противоречий и неточностей глава «О царской думе». Неправильно уже ее название — думу называли Боярской. Участниками ее были не номинальные советники, а члены правительства, возглавлявшие приказы, боярские комиссии, полки и т. д. Все бояре были постоянными думными людьми, а не выборными, как утверждал Флетчер. В числе советников царя Федора Ивановича он называл Ф. И. Мстиславского, И. М. Глинского, В. И. Скопина-Шуйского, В. И. Шуйского и еще 27 человек вместе с окольными и думными дворянами и дьяками. Годуновых он поместил на места с 16 по 20, хотя на самом деле они были существенно выше². Есть в этом списке и явные ошибки. Так, отчество Андрея Куракина было не Григорьевич, а Петрович; отчество Бориса Сабурова было не Иванович, а Юрьевич; бесфамильный князь Федор Михайлович на са-

---

¹ Россия XVI века. Воспоминания иностранцев. С. 52–53.

² Там же. С. 53–54.

мом деле был Трубецким, Иван Васильевич — Сицким. На момент написания сочинения Флетчера Ф.И. Хворостинин был только окольным (боярином он стал в 1597 г.), окольным был и И.М. Бутурлин, обозначенный Флетчером в списке бояр пятнадцатым.

Сразу после Годуновых в списке обозначен боярин Ф.В. Шереметев и окольный А.П. Клешнин, далее — думные дворяне и дьяки. Но список явно неполный. В нем нет следующих бояр: Ф.Н. Романова (двоюродного брата царя Федора Ивановича), князей Б.П. Татеева, Б.К. Черкасского, А.И. Голицына. Из окольных Флетчер пропустил следующих: А.Н. Романова (еще одного двоюродного брата царя Федора Ивановича), С.Ф. Сабурова, И.И. Сабурова, М.Г. Салтыкова и князя Ф.М. Троекурова. Не все указаны и думные дворяне. В их число неправильно включен А. Щелкалов, который был только думным дьяком.

Все это свидетельствует о том, что о составе Боярской думы царя Федора Ивановича английский дипломат имел достаточно поверхностное представление: спутаны чины, имена, отчества. Отсутствие Романовых в числе близких царю людей выглядит не случайным, поскольку роль в правительстве Б.Ф. Годунова явно преувеличена. Возможно, по просьбе Бориса Флетчер заранее хотел убедить европейскую общественность в том, что преемником бездетного Федора Ивановича может быть только его шурин.

Об истинной расстановке сил при дворе царя в то время, когда писал Флетчер, может свидетельствовать роспись Нарвского похода. Главным полководцем был назначен князь и боярин Ф.И. Мстиславский — первый воевода Большого полка. Его помощником был И.В. Годунов, троюродный брат Б.Ф. Годунова. Второй по значимости полк Правой руки возглавили князь Ф.М. Трубецкой и Б.Ю. Сабуров. Б.Ф. Годунов вместе с Ф.Н. Романовым — воеводы Дворового полка, призванного лишь охранять царскую особу. «На государстве» при отсутствии Федора Ивановича был оставлен еще один троюродный брат Бориса — С.В. Годунов¹. Своим высоким назначением трою-

---

¹ Разрядные книги 1475–1605. М., 1984. Т. III. Ч. 2. С. 152–156.

родные братья были обязаны не царскому шурину, а своему третьему родному брату — Григорию Васильевичу, с детских лет воспитывавшему царя и потом ставшему его дворецким.

В главе о податях и других царских доходах много различных сведений, но проверить их точность очень сложно. Явно недостоверным выглядит перечень личных владений царя: Александровская, Карельская, Тверь, Слободки, Даниловское, Мосальск, Хорь, Замошская, Старая Русса¹. Все эти географические названия не равнозначны.

Александровская — это небольшая слобода. Карельская — это обширная территория на северо-западе. Тверь — большой город, вряд ли считавшийся личной собственностью царя. Слободки — не географическое название, а обозначение небольших поселений у городов. Даниловское, видимо, какое-то село, Мосальск — город, центр бывшего княжества. Что такое Хорь и Замошская — вообще не ясно. Старая Русса — город около Новгорода. Перечень названий, как видим, явно случаен. Но для непросвещенного английского читателя он мог выглядеть вполне достоверным.

Явным вымыслом выглядит и утверждение Флетчера о том, что родня царицы во главе с Б.Ф.Годуновым имела право распоряжаться царской казной. Каждый из Годуновых обладал собственными значительными богатствами, казна же обычно была под контролем нескольких людей: казначея и дьяков. Вряд ли царские родственники могли беспрепятственно ее растрачивать.

Флетчер приводит точные цифры доходов царской казны. Но можно ли им доверять? Иностранцы не могли получить все эти сведения, поскольку не имели контактов с государевыми казначеями и дьяками. Круг их общения замыкался на приставах и боярах, назначенных для дипломатических переговоров. Поэтому напрашивается предположение, что конкретные суммы доходов были просто «на глазок» придуманы самим англичанином.

---

¹ Россия XVI века. Воспоминания иностранцев. С. 55.

Трудно определить, насколько достоверны сообщения Флетчера и о том, как русские цари пополняли свою казну. Но сообщение о том, что монархи заставляли своих купцов покупать у них испорченный товар или штрафовали за невозможность набрать меру блох или поставить древесину кедра, кажется явной выдумкой¹.

Полна утрированной информации и глава 13 «О простом и низшем классе народа в России». Флетчер пытался убедить читателей в том, что простые люди были совершенно бесправны, поэтому предавались лени и пьянству. Но в этом случае Россия была бы беднейшей и наиболее отсталой страной. Однако сочинения других иностранцев свидетельствовали об обратном. Да и английским купцам нечего было бы делать в нищей стране.

Можно заметить, что одну и ту же информацию Флетчер сообщал по-разному. Так, в первом случае он сообщил, что среди русских купцов были три брата, которые обладали капиталом в 300 тысяч рублей, кроме земель, скота и товаров. В данном случае он писал о братьях Строгановых. Ниже их, назвав по именам, сообщал, что те были иноземцами, и что царь отнял все их имущество². Однако хорошо известно, что в конце XVI в. Строгановы были одними из наиболее богатых людей страны.

Некоторая, вполне достоверная информация Флетчером умышленно искажена. Так, он сообщил, что многим иностранным купцам разрешалось жить только в пограничных городах, и сделано это было для того, чтобы они не могли распространять свои знания среди русских людей. На самом деле это было сделано для того, чтобы иноземные купцы не наносили ущерб русской торговле.

Англичанин неоднократно утверждал, что на Руси существовал закон, запрещающий людям переходить из одного сословия в другое. На самом деле такого закона не было. Разбогатевший крестьянин или ремесленник мог стать купцом, получивший хорошее образование — священником или дьяком. Дьяки получали воеводские назна-

---

¹ Россия XVI века. Воспоминания иностранцев. С. 63–64.

² Там же. С. 68–69.

чения и переходили в дворянское сословие. Напротив, обедневшие князья-Рюриковичи теряли титул и могли даже превратиться в детей боярских, т.е. в самую низшую дворянскую прослойку.

Все это опять же свидетельствовало о том, что Флетчер вовсе не собирался давать читателям своего сочинения объективное представление о Русском государстве.

Совершенно неверным является утверждение Флетчера о том, что в России не было письменных законов, поэтому судьи могли выносить любые решения по своему усмотрению¹. Как уже отмечалось выше, древнейшие русские законы появились еще в XI в. и потом на протяжении многих веков постоянно усовершенствовались и дополнялись. Англичанин явно стремился представить Русь варварской и дикой страной и для этого постоянно искажал ее действительность.

Полная мешанина из достоверных сведений и вымысла содержится в главе 15 «О военной силе, главных военачальниках и жаловании их». Флетчер утверждал, что военными были только дети боярские. На самом деле в войске служили и князья, и дворяне, и стрельцы, и казаки из приграничных гарнизонов. Часть из них получала за службу поместья и окладные деньги, часть — только деньги и продовольствие из государственных запасов. Обо всем этом Флетчер не знал, поскольку полагал, что по составу русское войско однородно. Не понял он и принцип деления на полки, и порядок назначения главных воевод. Поэтому из его сочинения невозможно получить представление о вооруженных силах России. К примеру, явной выдумкой являются сведения о неких 110 дворянах, которые якобы составляли 65 тыс. всадников, охранявших границы. Пограничные полки обычно стояли только на берегах Оки, но их было не больше 20 тыс. воинов.

Недостоверным является утверждение англичанина о том, что главными полководцами были только князья Ф.И. Мстиславский, И.М. Глинский, а также Черкасские и

---

¹ Россия XVI века. Воспоминания иностранцев. С. 75.

Трубецкие¹. Князь Мстиславский, действительно, часто назначался первым воеводой Большого полка, а вот И. М. Глинский, страдавший эпилепсией, вообще в войске не служил и находился на попечении Б. Ф. Годунова, поскольку оба были женаты на родных сестрах. Флетчер же утверждал, что Глинский даже обладал лучшими боевыми качествами, чем Мстиславский. Все это опять же свидетельствует о плохой осведомленности дипломата, вставлявшего почти наугад фамилии известных князей в свое сочинение. Делалось это, как мы уже не раз замечали, для придания повествованию вида достоверного источника. Однако знатоки военного дела могут обнаружить в этой главе много несуразностей и искажения верной информации: и в названии полков, и в фамилиях главных воевод, и в назначении различных родов войск.

Флетчер был низкого мнения относительно боевых качеств русского войска, однако, был вынужден признать, что «гуляй-город» — очень удачное тактическое изобретение, и что царская артиллерия разнообразна и мощна. Без всякого основания он утверждал, что на полях сражения русские всегда терпели поражение от поляков и швецов.

В сочинении Флетчера неоднократно утверждалось, что русские государи были завоевателями и жестоко угнетали подвластные народы. Под их властью те были совершенно бесправными и забытыми. К числу таких покоренных народов он относил жителей Пскова, Смоленска, Казани и Астрахани. Почему в число других народов он включал русских людей из Пскова и Смоленска, не очень ясно, как и непонятно, как же они угнетались. Хорошо известно, что на всей территории Русского государства налогообложение и правовое положение населения было одинаковым, если оно состояло из свободных православных людей. Иноверцы Сибири и Севера платили другие налоги — ясак пушниной. Послабление от налогов имели только высшие чины и духовные лица, при этом их национальность значение не имела.

---

¹ Россия XVI века. Воспоминания иностранцев. С. 79.

Неизвестно на каком основании англичанин утверждал, что большая часть территории России на законных правах принадлежала татарам, поэтому цари в знак покорности крымскому хану были обязаны кормить овсом его лошадей. Только благодаря хитрости князя И. Д. Бельского этот унижительный обряд удалось заменить данью¹.

Все эти известия — выдумка, основанная на каких-то сведениях о том, что русские земли были под властью ордынцев. Свергнув его, государи вернули себе собственные же владения, издревле принадлежавшие их предкам. Кроме того, хорошо известно, что цари никогда не прислуживали татарским ханам и не платили им дань, поэтому И. Д. Бельскому, служившему Ивану Грозному, не нужно было придумывать хитрости для избавления своего государя от унижений. Несомненно, имя этого известного князя Флетчер вставил в свое баснословие для придания ему достоверного вида.

В главе «О церковном управлении» Флетчер написал, что «у русских людей нет ни письменной истории, ни памятников старины, которые бы давали представление о том, как они приняли христианскую веру»². Естественно, что и это утверждение неправда, поскольку во всех русских летописях содержится подробный рассказ о крещении Руси Владимиром Святославичем в 988 г. Есть об этом событии и отдельные повествования.

Желая показать себя осведомленным человеком, англичанин решил сослаться на польские источники о том, что в 990 г. киевский князь женился на византийской принцессе и после этого принял христианство. Но при этом он заметил, что данная дата слишком древняя и на самом деле это событие было много позднее³. Как видим, даже в этом сюжете Флетчер попытался исказить русскую историю. Аналогичным образом он поступил и в описании учреждения Московской патриархии. По его версии, константинопольский патриарх Иеремия (Иероним) был изгнан турка-

---

¹ Россия XVI века. Воспоминания иностранцев. С. 92.

² Там же. С. 105.

³ Там же. С. 106.

ми и лишен сана греческим духовенством. Пристанище он нашел в католическом Риме и по поручению папы и испанского короля отправился в Россию. Его задача состояла в том, чтобы убедить царя Федора Ивановича принять католичество и примкнуть к антиосманскому союзу¹. Исходя из этой информации, получалось, что Иеремия не имел права учреждать православную патриархию в Москве. Значит, русская церковь не имела право считаться патриархией и быть абсолютно независимой.

На самом деле Иеремия был действующим патриархом, в Москву он приехал из Константинополя, чтобы попросить у царя заступничества и материальную помощь. Никаких контактов с католиками у него не было; и о союзе с Испанией он речь не вел.

Желая оправдать неудачу собственного посольства, Флетчер написал, что Федор Иванович так заинтересовался союзом с католиками, что ни с какими другими иностранцами не захотел вести переговоры. На самом деле царь крайне плохо относился к католикам и считал их главными врагами Русского государства. Значительно лучше он относился к протестантам: англичанам, шведам, голландцам, если они были добрыми соседями и вели честную торговлю. Но англичане, как мы знаем, таковыми в то время не являлись.

Желая представить русскую церковь весьма незначительной организацией, Флетчер написал, что в ней было только два митрополита и четыре епископа. На самом деле в ней было четыре митрополита и шесть архиепископов. Согласно Флетчеру, в Казани было только епископство, на самом деле — митрополия; в Крутицах — тоже епископство, на самом деле — также митрополия. Во Владимире, по его мнению, было архиепископство, на самом деле там не было иерарха, поскольку достаточно давно митрополит переехал из этого города в Москву. Эти ошибки опять же свидетельствуют о плохой осведомленности английского дипломата.

---

¹ Россия XVI века. Воспоминания иностранцев. С. 106–107.

Откровенной ложью можно считать его утверждение о том, что в России власти делали все возможное, чтобы люди оставались невеждами и образование было не доступным даже для духовенства¹. Хорошо известно, что с древнейших времен при монастырях и церквях существовали училища не только для мальчиков, но и для девочек. В XVI в. при приказах появились школы для дьяческого сословия. Образованных людей на Руси всегда было много не только среди дворянства, но и среди простых людей.

Следуя схеме Герберштейна, Флетчер попытался описать двор царя Федора Ивановича, но опять же допустил много ошибок. Так, он полагал, что должность конюшего, старшего боярина, связана с лошадьми. На самом деле вопросами конюшни занимались простые конюхи; не существовало при дворе и должностей контролеров, и фурьеров. Боярин С.В. Годунов никогда не был казначеем, мифические А.Ф. Романов и Ф.А. Годунов никогда не были кравчими².

В своем сочинении Флетчер попытался достаточно подробно описать частную жизнь царя Федора Ивановича. Но возникает вопрос: откуда он мог взять сведения о ней, если царский быт в то время тщательно охранялся от посторонних глаз, тем более от иностранцев, враждебно настроенных ко всему русскому? Вероятнее всего дипломат пользовался вздорными слухами или сам придумывал различные небылицы. Однако некоторые историки очень любят цитировать эту часть труда англичанина, нисколько не задумываясь о том, а правдивы ли его сведения? К примеру, почти всех русских людей он считал невеждами, лгунами, прелюбодеями, пьяницами, жестокими тиранами, бездельниками, душегубами и грабителями³.

Естественно, что такое описание чужой страны, ее правителей и жителей даже в Англии многие сочли злобным памфлетом, а королева Елизавета запретила его печатать и распространять.

---

¹ Россия XVI века. Воспоминания иностранцев. С. 113.

² Там же. С. 145.

³ Там же. С. 150–151.

В заключение разбора сочинения Флетчера «О государстве Русском» можно сделать только один вывод — данный памятник не может рассматриваться в качестве достоверного источника о России XVI в. ни в одной из своих частей. Автор не только не обладал полной и достоверной информацией, поскольку находился в России довольно мало, но и те факты, которые узнавал случайно, умышленно утрировал и искажал, как бы замазывая все черными красками. Делал это он для того, чтобы оправдать злоупотребления, махинации, воровство и неблаговидное поведение в Москве своих соотечественников — английских купцов, и для отмщения царю Федору Ивановичу за прохладный прием.

Таким образом, анализ нескольких сочинений англичан о Русском государстве XVI в. показывает, что степень их достоверности полностью зависела от целей авторов. Без учета этих особенностей данных памятников использование их в качестве исторических источников невозможно. Этот вывод можно отнести и к другим запискам иностранцев о России.

ЧИН ОБЪЯВЛЕНИЯ НАСЛЕДНИКА ПРЕСТОЛА В РОССИИ XVI–XVII вв.: ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ

Изучение парадных придворных церемониалов русского двора XVI–XVII вв. заставляет по-новому взглянуть на многие исторические проблемы, касающиеся становления централизованного государства и самодержавной монархии. Этой теме советские исследователи по вполне понятным причинам не могли уделять внимание, а работы ученых XIX в. уже в значительной степени нуждаются в пересмотре и уточнении.

На данном этапе развития исторической науки степень изученности разных торжественных церемониалов Московского государства очень неравномерна. Многие ученые обращались к изучению чинов венчания на великое княжение и на царство¹, достаточно много работ имеется по церемонии приема иностранных послов². Что касается церемоний и обрядов, связанных с частной жизнью царской семьи (свадьба, рождение и крещение наследников и т. д.), то они привлекают значительно меньше внимания³. Однако

---

¹ Богданов А. П. Чины венчания российских царей // Культура средневековой Москвы в XIV–XVII вв. М., 1995; Бычкова М. Е. Венчание на царство. М., 1993; Она же. Московские самодержцы. История возведения на престол. Обряды и регалии. М., 1995; Синецкина Н. В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции XV–XVI вв. М., 1998; Успенский Б. А. Царь и император. Помазание на царство и семантика монарших титулов. М., 2000; Он же. Царь и патриарх. Харизма власти в России. М., 1998.

² «Око всей великой России» / Сост. Н. М. Рогожин. М., 1989; Рогожин Н. М. Первые российские дипломаты. М., 1991; Он же. Посольские книги России конца 15 — начала 17 вв. М., 1994; Он же. У государевых дел быть указано... М., 2002; Он же. Посольский приказ — колыбель российской дипломатии. М., 2003.

³ Агеева О. Под малиновый звон и пушечный гром // Родина. 1996. № 3; Назаров В. Д. Свадебные дела 16 в. // Вопросы истории. 1976. № 10; Thyret Isolde. 'Blessed is the Tsaritsas Womb': The Myth of Miraculous Birth and Royal Motherhood in Muscovite Russia // The Russian Review. 1994. October. Vol. 53. P. 479–496.

известно, что все события частной жизни царской семьи имели важное государственное и даже международное значение: о них немедленно отправлялись извещения по всей стране, а также за ее пределы разным государям.

К числу таких мало изученных придворных обрядов относится чин объявления наследника престола. Как известно, все дети царя вели очень замкнутый образ жизни в своих хоробах в окружении своего небольшого двора и своих слуг. На богомолья они выезжали вместе с царицей и другими женщинами царской семьи. Только в возрасте 12–14 лет старший из сыновей царя торжественно, в присутствии всего двора и иностранных послов, объявлялся наследником. С этого времени он мог вместе с отцом присутствовать на приемах иностранных послов, на пирах и праздничных богослужениях. Объявление наследником означало совершеннолетие и давало возможность активно участвовать в придворной жизни, приобретать политический и военный опыт, а также думать о вступлении в брак.

Младшие сыновья продолжали вести замкнутый образ жизни и выдвигались на первую роль только после смерти старшего брата, как это произошло с младшим сыном Ивана Грозного Федором Ивановичем после трагической смерти царевича Ивана Ивановича.

К сожалению, пока нельзя назвать точно время возникновения торжественного обряда, связанного с объявлением наследника престола. Известно, что в XVII столетии этот обряд всегда был приурочен к одному из главных праздников годового цикла, к началу Нового года 1 сентября, и соединялся с чином Новолетия. Скорее всего, установление обряда, приуроченного к 1 сентября, можно отнести к концу XV в., когда произошла смена ранее употреблявшегося мартовского года на сентябрьский. В богослужбных Чиновниках Успенского собора Кремля, которые относятся к XVII в., о чине Новолетия сказано, что совершалось «действие против Потребника Киприановского»¹,

---

¹ Чиновники Московского Успенского собора и выходы патриарха Никона. М., 1908.

т.е. по Требнику, составленному митрополитом Киприаном на рубеже XIV–XV вв.

Вероятно, князья могли торжественно представлять своих наследников своему окружению и ранее, но об этом никаких упоминаний в летописях нет. Поэтому мы не можем сказать, был ли приурочен такой обряд к церковным праздникам или к семейным событиям.

Главное торжественное событие конца XV в. — это торжественное объявление великим князем Иваном III наследником своего внука Дмитрия Ивановича, которое произошло в 1498 г. Однако здесь мы имеем дело с другим обрядом — возведением наследника в ранг соправителя. Во-первых, на Дмитрия Ивановича в Успенском соборе были возложены княжеские регалии, во-вторых, следствием венчания его на великое княжение стало употребление по отношению к нему титула «великий князь», в-третьих, обряд 1498 г. совершался не 1 сентября. Поэтому мы не имеем оснований связывать чин возведения наследника на великое княжение с чином объявления наследника, который известен по документам XVII в.

А вот появление в разрядных записях имени царевича Ивана Ивановича в первый раз 3 сентября 7076 (1568) г.¹ может говорить о том, что 1 сентября царевич был торжественно объявлен, ведь именно после этого начинаются записи в Разрядах о его участии в военных походах, о службе его приближенных и т.д. Следовательно, обычай торжественно объявлять наследника в день Нового года можно считать установившимся во второй половине XVI в. К периоду, последовавшему за принятием Иваном Грозным царского титула, относится и формирование самого чина венчания на царство и других церемоний, например, чина «шестивия на осляти» в Вербное воскресенье.

Описание обряда, совершенного в 1568 г., до нас не дошло, однако можно сказать, что в титуле царевича Ивана Ивановича никаких изменений не произошло. Интересно также, что возраст официального признания совершенно-

---

¹ Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 227.

летия царевича не совпадает с совершеннолетием церковным — по церковным канонам совершеннолетие наступает с 12 лет. Так как царевич Иван Иванович родился 28 марта 1554 г., то в сентябре 1568 г. ему было уже 14 с половиной лет. В средние века это был возраст, когда юноши действительно вступали на военную и государственную службу и могли нести ее наравне со взрослыми. Здесь традиции русские мало отличались от западноевропейских: во Франции, например, совершеннолетие короля наступало в 13 лет¹.

Документальных известий об объявлении наследником Ивана Грозного царевича Федора Ивановича после смерти старшего брата не имеется. Возможно, это связано не столько с тяжелым горем царя, сколько с тем, что в 1582 г. царевич Федор Иванович был уже взрослым женатым человеком. Известно, что на Руси свадьба традиционно рассматривалась как наступление совершеннолетия, независимо от конкретного возраста вступающего в брак. Поэтому свадьбу царевича Федора Ивановича с Ириной Годуновой можно рассматривать как признание его полноценного династического статуса². Вероятно, что в данном случае объявления совершеннолетнего царского сына наследником не требовалось.

Что касается наследника царя Бориса Годунова, царевича Федора Борисовича, то у нас нет никаких сведений об отдельном церемониале объявления его наследником. Известно, что 8-летний царевич Федор вместе со своей сестрой Ксенией впервые был явлен народу в момент торжественного въезда новоизбранного царя в Москву 25 февраля 1598 г. (несмотря на то, что в тот момент Федору не исполнилось еще 12 лет). Видимо, объявлением его наследником можно считать его появление на венчании на царство самого Бориса Федоровича. Царевичу Федору была отведена очень почетная роль — он осыпал отца золотыми монетами. Отметим, что венчание Бориса на царство было назна-

---

¹ *Chaussinand-Nogaret G. La vie quotidienne des femmes du Roi d'Agnès Sorel à Marie-Antoinette. Paris, 1990. P. 109.*

² Свадьбу царевича Федора с Ириной одни исследователи относят к 1577 г., другие — к 1580 г.

чено как раз на начало нового года¹ (по одним сведениям, 1 сентября, по другим — 3 сентября 1598 г.). Это соответствовало и времени проведения церемонии объявления наследника. Выбор этой даты должен был подчеркнуть всю значимость начала правления династии Годуновых как начала новой эпохи.

В XVII в. точно известны три подобные церемонии. В 1643 г. был объявлен наследник царя Михаила Федоровича, будущий царь Алексей Михайлович. Интересно, что книга царских выходов упоминает царевича Алексея и до официального объявления его наследником. Так, 17 августа 1634 г. имеется запись о том, что царь вместе с сыном выходил в Аптекарский сад².

О церемониях, сопровождавших объявление царевича Алексея Михайловича в сентябре 1643 г., в русских документах никаких упоминаний пока не найдено, так как ни книги выходов, ни дворцовые разряды за это время не сохранились.

Однако есть известие о том, что в декабре 1643 г. голштинский герцог Фридерик III в своем письме поздравлял своего «дядю и свойственника» Михаила Федоровича с благополучно состоявшимся объявлением наследника³. Это говорит о том, что 1 сентября 1643 г. 14-летний Алексей Михайлович был объявлен наследником. Об этом были направлены известия иностранным государям, и не случайно первым поздравлял царя Михаила Федоровича именно герцог, который происходил из датского королевского дома и, следовательно, являлся дальним родственником русской правящей династии (по браку датского принца Магнуса и Марии Владимировны), о чем неоднократно упоминает А. Олеарий⁴.

---

¹ По одним документам венчание Бориса Годунова на царство состоялось 1 сентября, по другим — 3 сентября. С учетом того, что в 1598 г. 1 сентября приходилось на постный день — пятницу, а 3 сентября — на воскресенье, более вероятна вторая дата.

² *Строев П.* Выходы Государей царей и Великих князей Михаила Федоровича, Алексея Михайловича, Феодора Алексеевича всея Руси самодержцев (с 1632 по 1682 г.). М., 1844. С. 36.

³ *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию. Смоленск, 2003. С. 10.

⁴ Там же. С. 63, 173.

В 1667 и 1674 гг. были объявлены по очереди сыновья Алексея Михайловича царевичи Алексей и Федор. А преемники царя Федора Алексеевича, его младшие братья Иван и Петр наследниками не объявлялись. Это послужило одной из причин острого политического кризиса весной 1682 г., после безвременной смерти юного царя.

Объявление наследника престола, подобно всем другим придворным обрядам, имело свой «чин» — подробно расписанный ход церемонии, с указанием всех участников и мест действия. К сожалению, до наших дней дошел только один подобный документ, описывающий последнюю по хронологии церемонию — чин объявления наследником царевича Федора Алексеевича в 1674 г., через 4 года после смерти его старшего брата Алексея Алексеевича в 1670 г.

Чин объявления царевича Федора Алексеевича был впервые опубликован еще в 1826 г.¹, затем перепечатан еще раз в 1834 г. в Полном собрании законов Российской империи². На него ссылаются И. Е. Забелин³, С. М. Соловьев⁴ и другие ученые XIX в., однако в трудах исследователей более позднего времени ссылок на этот документ встречается очень мало. Описание объявления Федора Алексеевича есть в книге «Первые Романовы на Российском престоле», где используется первая публикация чина в Собрании государственных грамот и договоров⁵.

Ни одного отдельного исследования этому чину посвящено не было. Оригинал его хранится в настоящее время в РГАДА⁶. По стилю этот документ относится к приказному делопроизводству и является, видимо, беловым эк-

---

¹ Собрание государственных грамот и договоров (далее — СГГД). М., 1826. Т. 1. № 97. С. 316–321.

² Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗ). СПб., 1830. Собр. 1. Т. 1. № 586.

³ Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI–XVII в. М., 1918. Кн. 1. С. 383.

⁴ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1961. Кн. VI. С. 609.

⁵ Демидова Н. Ф., Морозова Л. Е., Преображенский А. А. Первые Романовы на Российском престоле. М., 1996. С. 170.

⁶ РГАДА. Ф. 135. Отд. IV. Р. 1. Ед. хр. 14. Л. 1–20.

земляром, написанным вскоре после торжественного события.

Рукопись в виде столбцов, на 20 листах, написана на бумаге довольно тонкой (на многих листах чернила отдельных букв проступают на обороте), без видимых водяных знаков. Сохранность рукописи вполне удовлетворительная: бумага не пожелтела, хотя в настоящее время имеет сероватые пятна. Некоторые листы по краям имеют надорванности и незначительные утраты. Листы 1 и 9 достаточно ветхие и дублированы на кальку целиком, листы 2, 4, 5 и 11 имеют подклейки в нижней части. Все листы имеют с левой стороны следы подшивки и скрепления бечевками. На обороте листы пометок не имеют, за исключением листа 1. На его обороте, в верхнем левом углу (по горизонтали) очень мелким четким почерком, напоминающим устав, в 3 строчки написано название документа:

«объявление государя царевича
и великого князя Федора
Алексеевича во РПГ году»

На листах 1, 4, 5, 6, 9, 10, 11, 13, 17, 19 и 20 стоят небольшие синие печати, видимо, XIX в., с двуглавым орлом в центре и надписью «государственное древлехранилище» по кругу.

Рукопись написана достаточно качественными чернилами, так как они не выцвели и не порыжели, как на многих других рукописях XVII в., а сохраняют интенсивный черный цвет. Текст рукописи расположен на листах свободно, бумагу писец явно не экономил. Столбцы написаны скорописью, крупным четким почерком, без исправлений, клякс и других помарок. Исправлений на 20 листах только два: в начале с. 19 слово «сингклит» вставлено на левом поле, и внизу той же страницы слово «полата» зачеркнуто, и далее написано правильное слово «изба».

Все это, вместе взятое, несомненно, позволяет отнести экземпляр к беловым и определить данную рукопись как подлинник, написанный «по горячим следам» прошедшей церемонии, осенью 1674 г.

После сравнения рукописного подлинника с публикациями XIX в. можно сделать вывод, что публикации очень

качественные: никаких расхождений между рукописным и печатным текстом нет.

К чину объявления царевича Федора Алексеевича непосредственно примыкает еще один небольшой документ — окружная грамота царя Алексея Михайловича смоленскому воеводе князю Михаилу Голицыну об объявлении народу царевича и о пожаловании по этому поводу служилым людям поместных и денежных окладов¹. Она была опубликована одновременно с самим чином в Собрании государственных грамот и договоров.

Другой документ, который описывает церемонию объявления наследника престола, относится к объявлению старшего сына царя Алексея Михайловича, царевича Алексея Алексеевича в 1667 г. Он был также опубликован в Полном собрании законов Российской империи². Этот документ по своему стилю не относится к официальному приказному делопроизводству, скорее он является описанием церемонии, сделанным кем-либо из ее участников. Автор — явно человек образованный, так как текст, в отличие от сухого и сдержанного приказного стиля чина 1674 г., содержит многочисленные обращения к Богу, различные отступления, описание эмоций присутствующих и т.д. Скорее всего, автор его — один из многочисленных священнослужителей, участвовавших в церемонии. К сожалению, пока не удалось установить, где в настоящее время хранится рукописный оригинал, которым пользовались составители публикации³. Поэтому нам придется воспользоваться только текстом, напечатанным в первом томе Полного собрания законов Российской империи, несмотря на то, что эту публикацию можно считать значительно устаревшей. Документ имеет длинное название: «О всемирной и сотворшейся в царствующем великом и преименитом

---

¹ СГГД. Т. III. Ст. 321–322.

² ПСЗ. Т. I. № 415. Ст. 719–724.

³ Сотрудники РГАДА, к которым автор обращалась за консультацией, не смогли определить, где может храниться рукописный оригинал. Не исключено, что он находится в рукописном фонде одной из библиотек Санкт-Петербурга или вообще не сохранился.

граде Москве радости, сиречь, о возжеленном всему христианскому множеству объявлении благородного и благочестивого Великого Государя нашего царевича и великого князя Алексея Алексеевича, всея Великия и Малыя и Белья России, бывшем в лето от сотворения света 7176, а от воплощения Единосущнаго безначальному Отцу Слова 1667 сентября в 1 день».

Кроме того, имеются еще описания событий 1 сентября 1667 и 1674 гг. в других источниках. В Книге царских выходов сохранилось описание действия 1 сентября 1674 г.¹ Здесь подробно описаны парадные одеяния двух главных действующих лиц — царя Алексея Михайловича и его наследника, так называемая «стряпня» — стулья, изголовья, подножья, зонтики, которые носили за царственными особами, а также имеются многие другие интересные детали, отсутствующие в других источниках. К сожалению, выходные книги за сентябрь 1667 г. не сохранились.

Еще одно описание церемоний объявления наследника частично сохранилось в Дворцовых разрядах. Начало описания объявления царевича Алексея Алексеевича 1 сентября 1667 г. тоже не сохранилось. Описываются только события конца этого дня, происходившие после царского пира (раздача подарков от имени царя и царевича, пожалование придворных напитками, пир у царицы Марии Ильиничны), а также продолжение торжеств, которые происходили 3, 5 и 7 сентября того же года².

Объявление царевича Федора Алексеевича в Дворцовых разрядах сохранилось полностью³ и включает описание торжеств 1–4 сентября 1674 г., причем торжества по случаю объявления наследника были соединены с празднованием именин его сестры царевны Марфы Алексеевны и с празднованием рождения дочери у царицы Натальи Кирилловны, царевны Феодоры.

Многочисленные делопроизводственные документы, относящиеся к выдаче придворным денежных пожалова-

---

¹ Строев П. Указ. соч. Ст. 581–582.

² Дворцовые разряды. СПб., 1852 г. Т. III. Ст. 659–662.

³ Там же. Ст. 974–982.

ний, корма и праздничных сукон после торжественного объявления царевича Алексея Алексеевича, хранятся в 396 фонде в РГАДА¹.

К сожалению, полное сравнение двух обрядов объявления наследников невозможно, несмотря на хронологическую близость документов, так как авторы различных описаний церемоний 1667 и 1674 гг. ставили перед собой совершенно разные задачи. Однако имеющиеся в нашем распоряжении тексты дают нам очень много возможностей для анализа и сравнения.

Сразу можно сделать вывод, что обряд объявления наследника явно имеет давнюю традицию: он четко разработан и состоит из очень большого числа этапов. Как и другие главные государственные церемонии, чин объявления наследника активно использует сакральное пространство Московского Кремля: торжественная процессия обходит многие церкви, соборы и палаты. Обряд чрезвычайно многолюден, в нем множество участников и зрителей, каждый из которых знает свое место и отведенную ему роль. Подобно свадебным чинам, он задуман так, чтобы в церемонии приняли участие наибольшее число людей. Обряд готовится заранее: в нем участвует все высшее духовенство — члены Освященного собора, на него приглашаются многочисленные гости, в том числе иноземные дипломаты и торговцы. Это говорит о том, что подготовка к объявлению наследника занимала как минимум несколько недель.

Накануне, 29 августа 1674 г., Алексей Михайлович отмечал именины своего второго сына, царевича Ивана Алексеевича. Царь слушал всенощную во дворцовой церкви св. Евдокии² и жаловал бояр именинными пирогами от имени царевича. Книга выходов отмечает, что именинного

---

¹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. 9. № 11244, 11262, 11277, 11303, 11327, 11349, 11360, 11481.

² Церковь св. Евдокии на женской половине дворца была возведена в конце 1620-х гг. в честь ангела его матери царицы Евдокии Лукьяновны, чью память Алексей Михайлович очень чтит. В 1681 г. она была переименована в церковь Воскресения Слоущего и сохранилась до наших дней в составе строений Большого Кремлевского дворца.

стола в тот день не было¹. Видимо, это было связано с тем, что торжества в честь царевичей были объединены, и праздничный пир состоялся на следующий день. Не исключено, впрочем, что уже не очень здоровый Алексей Михайлович просто постарался сократить часть утомительных церемоний, совпадавших по времени.

Книга царских выходов описывает самое начало праздничного дня, которое опущено в сохранившемся чине объявления. После всенощной царь отправляется в хоромы царицы Натальи Кирилловны, где «в 5-м часу дни» происходит его переоблачение для торжественного выхода. Если судить по царскому облачению, эта церемония не относится к числу самых главных, потому что царю подают не платно, а однорядку «сукно скорлат червчат» и становой кафтан «отлас виницейской золотной полосатой по алой земле». Однако дополняется кафтан одной из главных драгоценностей, которые использовались в самых важных случаях, — «ожерелье пристежное алмазное первого наряду».

Сохранилось в книге выходов и описание одежды царевича Федора, которая была на нем в тот знаменательный день: «однорядка, сукно скорлат ал ...кафтан становой, камка кизилбаская по серебряной земле травы шелковы с золотом... ожерелье стоячее с запоны, ожерелье пристежное с каменьи»². Описание одеяния царя и его старшего сына Алексея в 1667 г. значительно короче, так как выше было сказано, что выходные книги за 1667 г. не сохранились. Неизвестный автор сочинения «О всемирной радости» не ставит перед собой чисто практической цели досконально описать царское одеяние, в отличие от тех, в чьи обязанности входило вести выходные книги. Он ограничивается замечанием, что «платье на Великом Государе и на сыне его Государевом, благоверном царевиче, в то время было опашни червчатые суконные, нашивки и кружева жемчужны». Хотя царские одеяния первого наряда в обоих случаях не использовались (они предназначались в основном для приемов во дворце, а не для выходов на площади),

---

¹ Строев П. Указ. соч. С. 580.

² Там же. С. 581.

обращает на себя внимание использование приличествующих царственным особам цветов — алого, красного и золотого, что отличает 1 сентября от обычных выходов в дни больших церковных праздников.

Начинается торжественный выход с того, что из хором царицы царь и царевич идут через царевичевы хоромы в Малые Новые хоромы, откуда царь выходит в переднюю палату Теремного дворца, которая в книге выходов называется Комната¹, где его уже ожидают придворные. В 1667 г. действие начиналось там же: «в передней Его Царского Величества, верхней каменной палате, в третий вышешявленного дня час»².

«И посидев немного, Великий Государь изволил встать и помолился», а затем обратился к придворным с речью о своем намерении царевича Федора Алексеевича «всемогущему Господу Богу дать в послужение, и ввести его во святую соборную и Апостольскую церковь» и объявить его «всяких чинов всего Московского Государства людям»³. В чине 1674 г. называются только присутствующие в передней палате придворные чины, от бояр до спальников. В описании церемонии 1667 г. уточняется, что речь царя обращена в первую очередь к «Его Царского Величества подданным царевичем, Грузинскому Николаю Давыдовичу, Касимовскому Василию Арослановичу и сыну его Никифору Васильевичу, Сибирским Петру и Алексею Алексеевичам»⁴.

После этой речи Алексей Михайлович идет во дворцовую церковь Спаса Нерукотворного⁵, а оттуда — обратно в свои хоромы. Придворные ждут его в передней палате. Чин 1667 г. уточняет, что только «ближние бояре их Государского пришествия ожидали в той же передней полате, а бояре и окольничьи и думные люди ожидали во святой Не-

---

¹ Строев П. Указ. соч. С. 581.

² ПСЗ. Т. 1. Ст. 719.

³ СГГД. Т. III. Ст. 317.

⁴ ПСЗ. Т. 1. Ст. 719.

⁵ Церковь Спаса Нерукотворного «за золотой решеткой», или Верхоспасский собор, была построена одновременно с Теремным дворцом в 1635–1636 гг. В 1681 г. была подведена под одну кровлю с церковью Воскресения Словущего и в таком виде дошла до наших дней.

рукотворенного образа Спасителя церкви, что у Великого Государя на сенях»¹.

После этого царь опять выходит из комнаты в переднюю палату, уже в сопровождении своего сына. Здесь появляются другие участники обряда — дядьки царевича Федора, князь Федор Федорович Куракин и думный дворянин Иван Богданович Хитрово, которые ведут царевича под руки (в чине 1667 г. по каким-то причинам не упоминаются имена дядек царевича Алексея Алексеевича). Интересно отметить и именование царевича в тексте «Государем», и его выход, во всем аналогичный царскому выходу, в сопровождении придворных высокого чина, которые должны поддерживать царевича под руки. Напомним, что царевич Федор родился в 1661 г., и ему в 1674 г. исполнилось 13 лет. Некоторые историки ошибочно считали это свидетельством слабости и болезненности сыновей царя Алексея Михайловича, однако на самом деле эти сопровождающие означают только необыкновенную торжественность момента и стремление приблизить ранг объявляемого наследника к рангу самого государя. В книге выходов упоминается также посох, на который в тот день опирался царевич: «посох индейский резной, рога оправлены золотом с камнями»².

Об этом же стремлении подчеркнуть важность происходящего говорят и приветствия придворных государю и его наследнику: «бояре и окольничие и думные люди здравствовали и кланялись в землю».

После приветствий царь и царевич опять отправились в дворцовую церковь Спаса Нерукотворного Образа и прикладывались к иконам. Затем началось торжественное шествие на Соборную площадь, причем новый архимандрит Троице-Сергиева монастыря Викентий нес перед царем чудотворную икону Спаса Нерукотворного, взятую из церкви, а певчие дьяки «пели демеством». Дворцовые разряды говорят, что именно в этот день Викентий был переведен из Владимирского Рождественского монастыря в Троице-Сергиев монастырь на место бывшего архимандрита Фео-

---

¹ ПСЗ. Т. 1. Ст. 719.

² Строев П. Указ. соч. С. 581.

досия¹, так что назначение его для несения перед царем образа Спаса было большой честью. В 1667 г. икону перед царем нес архимандрит кремлевского Чудова монастыря Иоаким. Выбор этих архимандритов для данной церемонии, конечно, далеко не случаен: в Троице-Сергиевом монастыре царских детей крестили в XVI столетии, а в XVII крещение стали совершать в Чудовом монастыре. Так что они имели прямое отношение к самым важным моментам в жизни царских наследников.

Интересен и выбор иконы Спаса Нерукотворного из дворцовой церкви. Дело в том, что в описании обычного чина Новолетия первой половины XVII в. упомянуты совсем другие святыни: кроме образа Симеона Столпника, выносились «образ пречистой Богородицы писма Петра чудотворца да Петра митрополита, да Ионы митрополита, да крест хрустальной, другой письменой, да моление о народе Пречистой Богородицы»². Интересно, что почти все перечисленные здесь реликвии поддаются точной идентификации и хранятся сейчас в собрании музеев Московского Кремля³. Их символика совершенно очевидна: они являются реликвиями московских святителей — святых покровителей Москвы и всего Русского государства. В чиновниках второй половины XVII в. упоминается о выносе к действию Нового лета другой известной святыни — образа Богородицы Влахернской, которая была привезена из Константинополя в 1653 г.⁴ Образ же Спаса Нерукотворного, использованный 1 сентября 1674 г., не государственная, а семейно-династическая реликвия: по преданию, этот образ был привезен в Москву самой Софьей Палеолог. Украшенный драгоценным окладом, он хранился в домашней церкви царской семьи.

В чине подробно описывается маршрут шествия: «деревянную лестницею и из-за преграды постельным крыль-

---

¹ Дворцовые разряды. Т. III. Ст. 980.

² Чиновники Московского Успенского собора... С. 4, 147.

³ См. каталог выставки: Христианские реликвии в Московском Кремле. М., 2000. Кат. № 38, 50–51, 77.

⁴ Чиновники Московского Успенского собора... С. 214.

цом и с Красного крыльца лестницею, что подле Грановитыя полаты». Книга выходов указывает, что царь и царевич шли «с Верху, с Каменного крыльца... по лестнице и по рундукам, и по Постельному крыльцу, и по рундукам же и по лестницам». Такой же маршрут указывает и описание церемонии 1667 г.: «Постельным крыльцом и лестницею подле Грановитой полаты и рундуками в соборную и апостольскую Успения Пресвятой Богородицы церковь». Необходимо отметить, что этот маршрут полностью совпадает с маршрутом шествия во время самой главной церемонии — венчания на царство, когда царь тоже спускался с Красного крыльца.

Путь шествия, как и во время венчания на царство, был послан коврами персидскими, его кропили водой священники Благовещенского собора — домашней церкви царя. Единственный обряд, который отсутствует в чине объявления наследника, — «бережение царского пути», который обычно охраняла специально назначенная группа бояр. «Бережение пути» боярами было обязательным во время венчания на царство и государевой свадьбы. Однако упоминаются «стрельцы с знамены и с длинными пищали», и «стольники и полковники и головы Московских же стрельцов... с сабли без пищалей» «в цветном в служилом платье». Видимо, они и должны были следить за тем, чтобы никто не переходил шествию дорогу, что издавна считалось на Руси дурной приметой.

В чине 1667 г. сказано: «А в то время их Государского до Соборной святой церкви шествия, именем Государя Царевича, боярин князь Иван Петрович Пронской спрашивал о здоровье стольников, и стряпчих, и дворян Московских, и всяких чинов людей»¹. Здесь особенно важно, что традиционный вопрос задается впервые от имени наследника, а не от имени самого царя, что также должно подчеркнуть важность происходящей церемонии. Иноземцы в документе 1667 г. подробно не перечисляются, так как событие уже было возведено в ранг международного — в обряде при-

---

¹ ПСЗ. Т. 1. Ст. 721.

нимали участие, кроме патриарха Московского, и два все-ленских патриарха.

Чрезвычайно подробно перечисляются зрители, присутствовавшие на Соборной площади во время прохождения процессии, в чине 1674 г.: «иноземцы начальные люди и торговые иноземцы», а также иностранные послы — датский и польский резиденты. Дворцовые разряды добавля-ют: «етмана Белороскаго и Малоросийского Ивана Самой-лова дети да посланник Литовский с товарищи»¹. Присут-ствие послов иноземных держав должно сразу придать всему происходящему международное значение. Стремле-ние русского правительства оповестить Европу, и в первую очередь ближайших соседей, обо всем происходящем как можно быстрее совершенно очевидно. Оно еще больше подчеркивается тем, что через некоторое время по госуда-реву указу дьяки подходят спрашивать послов о здоровье, что заставляет вспомнить церемониал посольской аудиен-ции, где вопрос о здоровье был не только обязательным, но и ритуальным, наряду с вопросом о здоровье иностранного монарха. Царь, посылая к послам боярина Б. М. Хитрово, велит им сказать, что «они видели сами Государя Царевича пресветлыя очи и какого Великий Государь возрасту, и они б о том писали в свои государства нарочно»². Упоминание именно датского и польского посланников тоже не случай-но: Польша — ближайший западный сосед России, а Да-ния — не только союзник, но и единственное государство, чья династия состоит с русской в родстве. Следовательно, происходящее имеет для них особую важность.

В 1667 г. в Успенском соборе царя и его сына уже ожидали три патриарха: Иоасаф Московский, Макарий Антиохийский и Паисий Александрийский³, в 1674 г. — патриарх Московский Иоаким «во облачении» со всем Освя-щенным собором (имена представителей высшего духо-

---

¹ Дворцовые разряды. Т. III. Ст. 975.

² Там же.

³ Патриарх Антиохийский Макарий и патриарх Александрийский Паисий прибыли в Москву по приглашению царя Алексея Михайловича для уча-стия в соборе, рассматривавшем дело патриарха Никона.

венства перечислены в Дворцовых разрядах) и певчие дьяки, которые пели многолетие.

К сожалению, ни в одном из источников, описывающих церемонии 1667 и 1674 гг., не описано патриаршее облачение. Однако сохранившиеся описания празднования Новолетия в середине XVII в. оставили нам описание необыкновенно торжественного облачения патриарха Никона 1 сентября 1655 г.: «Стихар золотой новой, параманд, патрахил и пояс и поручи и полица болшое все низаное, сак болшой Фотиевский, амфор болшой, панагия цареградская и крест, митра болшая»¹. Хотя по церковным канонам Новолетие не относилось к числу великих праздников, здесь явно описывается «большой наряд» патриарха, который предназначался для самых главных торжеств. Например, «большой саккос», созданный в начале XV в. для митрополита Фотия (сейчас он хранится в Оружейной палате), использовался главами церкви до конца XVII в. во время самого главного торжества — венчания на царство. Это говорит о большой пышности даже рядового празднования Новолетия. Нет сомнения, что в 1667 и 1674 гг. облачения патриархов были не менее роскошными и показывали общегосударственное значение торжества.

Алексей Михайлович и Федор прикладывались к иконам и к «чудотворцевым мощам», получили благословение патриарха. В чине 1667 г. все реликвии собора перечислены подробнее, царь и царевич целовали «святые иконы и цельбоносную Спасителя нашего Иисуса Христа ризу и чудоточивыя великих Архиеерарх Петра и Ионы и Филиппа Московских и всея Росии чудотворцев мощи». Поклонение мощам московских святителей Петра, Ионы и Филиппа говорит о том, что происходит важнейшее событие, которое находится под покровительством главных святых Московского государства, а упоминание о такой реликвии, как риза Христова, придает всему общехристианское значение.

Однако основное действие происходит не в Успенском соборе, а на Соборной площади перед папертью Архан-

---

¹ Чиновники Московского Успенского собора... С. 279.

гельского собора, «идеже обычай на каждый год благодарное и молебное о новом лете славословие возсылать всех благ виновному Триипостасному Свету»¹. В данном случае вся Соборная площадь представляет собой сакральное пространство, подобное храму.

Книга выходов упоминает, что пока патриарх «кресты и честные иконы... отпуская к действу Нового лета», царь и царевич «в то время сидели у Ризы Господни»², т.е. во дворцовой церкви Ризположения, расположенной рядом с Успенским собором³.

Дворцовые разряды упоминают имена представителей высшей знати, которые следовали за царем на Соборную площадь: «царевич Сибирский Алексей Алексеевич да царевич Михайло Васильевич Касимовский». Среди бояр поименно названы И.А.Воротынский, Ю.А.Долгорукий, И.Б.Троекуров, К.П.Нарышкин, Б.М.Хитрово, А.С.Матвеев, П.С.Урусов⁴. О других присутствующих Дворцовые разряды говорят: «именитой человек Григорей Дмитриев сын Строгонов да гости все»⁵. Это означает стремление царя придать торжеству характер всенародного праздника: «оказывали Государя царевича... всему Московскому государству и иноземцам»⁶.

В описании церемонии 1667 г. чрезвычайно подробно перечислено, кто из придворных и гостей где стоял: «А по правую сторону Государских мест и по другую сторону Патриарших рундуков, устроены были перила деревянные писаны золотом и красками, а в них по обе стороны стояли Митрополиты, Архиепископы, Епископы, Архимандриты, Игумены, Протопопы, Иереи и весь церковный причт. А с правой стороны Государских мест стояли Царевичи, и бояре, и окольные, и думные и ближние люди. А на рундуке,

---

¹ ПСЗ. Т. 1. Ст. 721.

² Строев П. Указ. соч. С. 582.

³ Церковь Ризположения, возведенная в 1486 г. в качестве домового храма митрополитов, в середине 17 в. была передана женской половине царского дворца и стала домашней церковью цариц и царевен.

⁴ Дворцовые разряды. Т. III. Ст. 974–975.

⁵ Там же. Ст. 974.

⁶ Там же.

что к соборным церквям, стояли стольники и стряпчие и дворяне Московские и жильцы и приказные и всяких чинов люди. А по другую сторону за перилами стояли полковники и головы стрелецкие и полуголовы в ратном платье. А на рундуке, что меж соборных церквей, стояли иноземцы Полковники и Подполковники и иных чинов начальные многие люди».

На Соборной площади уже были установлены аналои и два царских места «о трех степенях... обито червчатым бархатом и прикрыто ковром золотным персидским». Установление царских мест на площади приравнивает ее к Успенскому собору, где стоит моленное место царей — знаменитый Мономахов трон, где цари слушали службу после венчания на царство. Третье место — патриаршее, оно покрыто ковром и орлецом. Сохранились описания подобных мест, ставившихся 1 сентября в другие годы: «Поставляют место царское шатерничей а обито бархатом червчатым, а другое место патриаршее с ковром мелко-травным со зверьми»¹.

Патриаршее место имеет только две степени. Эта маленькая деталь очень хорошо характеризует взаимоотношения высшей светской и церковной власти. В 1547 г., во время венчания на царство Ивана Грозного, места царя и митрополита Макария имели одинаковое количество ступеней, стояли на одном уровне и отличались только цветом покрывающей их ткани, что хорошо видно на миниатюре Лицевого летописного свода. Во второй половине XVII столетия светская власть уже подчеркивает свое явное превосходство, и патриарх Иоаким сидит ниже Алексея Михайловича. Кроме того, в начале действия на площади все члены Освященного собора «Великому Государю творили поклонение по два по два по трижды, также и Государю царевичу по два по два по трижды», причем самому патриарху кланяются потом.

Патриарх Иоаким кадит сначала самого царя и царевича, а потом «их Государския стрепни шапки и посохи». Эти

---

¹ Чиновники Московского Успенского собора... С. 148.

предметы (в их число кроме шапок и посохов входят еще колпаки) подробно описаны в книге государевых выходов¹. На царевиче Федоре Алексеевиче была «шапка горлотная; колпак низан жемчугом с запоны алмазными и с каменья, отца его Великого Государя Царя и Великого Князя Алексея Михайловича... посох индейский резной, рога оправлены золотом с каменья». В данном случае, эти предметы, видимо, выполняют очень важную роль царских регалий — венца и скипетра. Кроме того, упоминаются и другие предметы «стрепни», которые несли за государями: «стулы с кистми, зголовьи, подножьи бархатные, солнешники». Интересно, что царевичу выдается головной убор из гардероба его отца. Это может быть связано как со стремлением возвысить и подчеркнуть статус царевича-наследника, так и тем, что в гардеробе царевича до объявления просто не было подобающих случаю уборов, с «жемчугом с запоны алмазными и с каменья».

Во время последующих чтений — «паремий Исаина пророчества того настоящего дня» — государь и его сын сидят, что подчеркивает их значение как персон сакральных. Царское место было уже описано выше, а царевичу поставлены были «места складные без подушек». Евангельские чтения читал сам патриарх Иоаким, одновременно происходил обряд водосвятия. Потом патриарх осенял образом Спаса все четыре стороны света по три раза.

После молебна приступили к поздравлениям и произнесению речей. Сначала речь говорил патриарх, потом певчие дьяки пропели многолетие всей царской семье, затем с ответной речью к патриарху обратился царь. После царя речь произносил царевич Федор, а «изговоря речь, отцу своему Государеву Великому Государю учинил поклонение, и Великий Государь сына своего Государева ... изволил целовати во главу крестообразно».

В 1667 г. особое значение придавалось речам вселенских патриархов: «А поздравления речь от лица всего Освященного собора говорил греческим диалектом, по пись-

---

¹ Чиновники Московского Успенского собора... С. 581.

му святейший Кир Паисий, Папа и Патриарх Александрийский и Судия Вселенский. А славянским языком ту речь Великим Государям объявлял Преосвященный Павел, митрополит Сарский и Подонский, по переводному письму».

Особо умиляется автор описания церемонии 1667 г. речи царевича Алексея Алексеевича, который «яко светлосиятельная луна, стояща перед пресветлым солнцем, отца своего Государя, Великого Монарха, изрядным благоукрашением словес мудрых возвеселил, и сикклита собрание и всенародное христианское множество известием благословения своего Государя ко благодарению Божию подвиг»¹. Автор восклицает: «Кто бо тогда от православных зряет благочестивую оную Государеву ветвь, исполненну благоразумия плода перед лицом отца своего Государя, сиче превысочайшаго повелителя и Монарха благочинно предстоящу и благоразумныя словеса, яко росу небесную посылающую, на славословие ко всех Зиждителю сердцем не обратися? Кто от разумия внимающих, видя пречестнейшего Великого Государя, Христианского Его Царского Величества отрасль рождшему Его, так Вельможнейшему Обладателю сладкоречивые гласы приносяща и сими всех увеселяюща и радостному умышлению не подвигся. Все благоразуем веселыя слезы по ланитома точаху и желательное благодарение к народосодетелю и всевидцу Всех, Богу, о сем возсылаху». В этом панегирике обращает на себя внимание сравнение царя с солнцем, а наследника его — с месяцем. Оно, с одной стороны, традиционно для народной поэзии, а с другой — является свидетельством авторитета царской власти во второй половине XVII в.

Четвертая по счету в обоих случаях была речь от имени придворных. В 1667 г. с нею выступал князь Никита Иванович Одоевский, в 1674 г. — ближний боярин князь Юрий Алексеевич Долгорукий.

К сожалению, хотя бы краткого изложения этих речей ни в одном документе нет. Сохранились только слова, с которыми патриарх обращался по обычаю к царю 1 сентября.

---

¹ ПСЗ. Т. 1. Ст. 722.

Он молился «о вселенском устроении и о благостоянии, святых божиих церквах, и о вашем государеве многолетнем здравии ... и о болярех и о христоролюбивом воинстве и о всем православном христианстве», желал, чтобы Бог «царство бы ваше устроил мирно и немятежно во благоденствии и во изобилии плодов земных»¹. Особое внимание уделялось таким пожеланиям, как победа царя над врагами и благополучие всей царской семьи в новом году: «здрав был с своею государевою царицею и великою княгинею, а с нашею великою государынею, и своими государевыми благородными чады: с царевичем и с царевнами». Завершались обычно новогодние пожелания патриарха царю словами: «Здравствуй, государь, нынешний год и в предидущая многая лета в род и род и во век!»²

По окончании действа на площади, шествия светское и церковное разделялись. В 1667 г. вселенские патриархи и члены Освященного собора удалились в Успенский собор, а «Великий Государь и сын Его Царского Величества, Государь царевич шли за Всемилоственного Спаса образом в церковь Пречистой Богородицы честного и славного ея Благовещения, что у них Государей на сенях»³. Через Благовещенский собор они прошли в Столовую избу и «изволили сесть на своих Государских местах, а царевичам и боярам и окольныхчим и думным людям велели сесть по лавкам, и после того велели им придти к своим Государским местам». После этого состоялось объявление о денежных придачах к окладам разных чинов придворных и служилых людей. Возведения в новые придворные чины при объявлении Алексея Алексеевича по каким-то причинам не последовало.

В чине 1674 г. упоминается не сама Столовая изба, а ее «проходные сени», где и происходили все царские пожалования и награждения. Дядьке царевича Федора, думному дворянину Ивану Богдановичу Хитрово был пожалован

---

¹ Чиновники Московского Успенского собора... С. 149–150.

² Там же. С. 150.

³ Благовещенский собор, построенный в 1485–1489 гг., был домашней церковью русских царей, его священник был духовником царской семьи.

чин окольничьего, стряпчему князю Я. А. Голицыну — чин стольника, полуголове И. М. Вешнякову, по просьбе патриарха, — чин стряпчего. Всем остальным, от бояр до всяких чинов служилых людей, было объявлено о придачах к окладам, которые немного меньше придач 1667 г. (думные дворяне в 1674 г. получили по 50 рублей). Отдельно выделен второй дядька царевича Федора, князь Ф. Ф. Куракин, который получил денежного жалования «полтора ста рублей»¹. В этот же день состоялось переведение на новые должности представителей высшего духовенства. Новых архимандритов получили Троице-Сергиев, Новоспасский и Андроников монастыри².

Документ 1667 г. упоминает очень интересные подробности, связанные с последней частью царского выхода. «А из Столовой избы Великий Государь и сын Его Царского Величества, благоверный Государь царевич шли за иконою все милостивого Спаса в Соборную нерукотворного его образа церковь, из той святыя церкви в свои Государские хоромы. А во время их Государского от Благовещения пресвятой богородицы церкви и до столовой и до их Государевых хором шествия перед ними, Великими Государями, пели их Государевы певчие дьяки канони Воскресению Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, что поется в самый светлосиятельный день живоносныя Пасхи, зело благочинно и сладкопесенно». По церковным канонам 1 сентября пасхальные песнопения исполняться не могут, и никаких упоминаний об их исполнении в день новолетия в другие годы нет. Это значит, что по желанию государя день объявления наследника был приравнен к величайшему из годовых православных праздников.

Книга выходов за 1674 г. описывает возвращение царя и царевича Федора в личные покои: «а из Столовой ... изволили итить через сад в Проходныя сени, мимо Золотыя полаты Государыни Царицы, на Передний рундук Государыни ж Царицы; а с рундука изволили итить в церковь преподобномученицы Евдокии». Итак, завершилось празд-

---

¹ Дворцовые разряды. Т. III. Ст. 978.

² Там же. Ст. 980–981.

ничное шествие в той же домашней церкви, где царь накануне слушал всенощную.

«И в церкви поставя образ, изволили итить Государыни Царицы и Великия Княгини Наталии Кириловны в хоромы». Частое упоминание царицыных церквей и палат заставляет думать, что если бы была жива родная мать царевича Федора Алексеевича, то ее роль в церемонии была бы выявлена более отчетливо. Действительно, отрывки дворцовых разрядов 1667 г. упоминают о пире в Золотой палате у царицы Марии Ильиничны, куда были приглашены все приезжие боярыни, сидевшие без мест. Особенно подчеркивается, что «ела Грузинская царица Елена Леонтьевна». После застолья к ней домой был еще отправлен стольник «с ествами»¹.

Однако в начале сентября 1674 г. царица Наталья не могла показываться на людях, так как находилась на последнем сроке беременности: 4 сентября она родила царевну Феодору. Поэтому пир у царицы из церемониала 1674 г. был исключен. Видимо, дело ограничилось поздравлением пасынка в ее личных хорах. Не случайно именно в них начинается и заканчивается царский выход, а также происходит переоблачение Алексея Михайловича. Второй раз царь переодевался в хорах жены в опашень и фрезы, чтобы идти на следующий выход: к литургии в Успенский собор.

Царевич Федор на этом выходе не присутствовал, так как он побывал на службе в дворцовой церкви Ризположения еще «преж действия»². Дворцовые разряды говорят, что в тот день торжественные службы, которые вели митрополиты и епископы, прошли во всех кремлевских церквях и монастырях: в Благовещенском соборе служил Корнилий, митрополит Новгородский, в Вознесенском монастыре — Павел, митрополит Сарский и Подонский, в Архангельском соборе — Иоаким, епископ Сербословенский³. После окончания церковных служб государь приказал стрельцам

---

¹ Дворцовые разряды. Т. III. Ст. 660.

² Строев П. Указ. соч. С. 582.

³ Дворцовые разряды. Т. III. Ст. 976.

«с батожьем» сопровождать все иконы до тех храмов, откуда они были взяты.

Завершается описание праздничного дня в чине объявления Федора известием о том, что царь пригласил «святейшего патриарха с властями и своего Государского синклита к столу». На этом документ заканчивается.

Зато книга выходов говорит о третьем в тот день переодевании Алексея Михайловича в опашень и ферези «холодные», т. е. комнатные, а также о том, что пир происходил в Грановитой палате, как в дни величайших торжеств — венчания на царство и свадьбы. Ели все без мест¹, что опять заставляет вспомнить о венчаниях на царство и свадьбах, где это обычно оговаривалось специальным царским наказом в Разрядный приказ не принимать челобитные о местнических спорах, возникших в эти дни. Это особенно важно отметить потому, что в числе многочисленных приглашенных к столу были «именитой человек Григорей Дмитриев сын Строгонов да гости», что могло вызвать неудовольствие знати. В 1667 г. пиров было проведено два, о чем будет сказано ниже.

Хотя царевич Федор на пиру в Грановитой палате не присутствовал, ему с царского стола с оружничим Б. М. Хитрово был отправлен сыр (надо напомнить, что сыр, т. е. творог, был ритуальной едой, с которой начиналась трапеза во время свадебного обряда). Разряды отмечают, что к духовнику государя, благовещенскому протопопу Андрею Савиновичу Посникову, были отправлены посылки и от имени царя, и от имени патриарха. Он по каким-то причинам в торжественной службе не участвовал, так как разряды упоминают имена двух других священников Благовещенского собора. Иностранным послам блюда с царского стола в тот день не посылали, разряды говорят только о посылке к «етманским детям Ивана Самойлова»². Видимо, в данном случае все посылки предназначались только для подданных царя, а не для иноземцев.

---

¹ Дворцовые разряды. Т. III. Ст. 978.

² Там же. Ст. 980.

После стола началась церемония раздачи даров от царя патриарху. Эта церемония совсем не отражена в чине 1674 г., а в разрядных записях упомянута очень кратко. Зато она очень подробно описана в разрядах 1667 г., когда состоялось объявление царевича Алексея Алексеевича¹.

В 1667 г. в Грановитой палате после стола от имени царя всем трем патриархам были преподнесены одинаковые дары: «по кубку с кровлею, по бархату зеленому гладкому, по 2 отласа, по камке, по 2 сорока соболей», и такие же от имени царевича Алексея Алексеевича, но с добавлением второго отреза камки и «бархата золотного Турского». Дары были поднесены также всем членам Освященного собора «по росписи»².

Дарение вселенских патриархов продолжалось потом в личных хорах государя, куда они были приглашены после пира. В передней палате дары им вручал сам царевич Алексей: вселенским патриархам — «по бархату рудожелтому двоєморхому», патриарху Иоасафу — «бархат зеленый двоєморхий». После этого патриархи отправились к себе, причем сам царь пошел их провожать «на деревянное крыльцо», что было великой честью, которая оказывалась только представителям правящих династий. Царевич Алексей Алексеевич продолжал принимать гостей: «в передней же... жаловал водкою и романею бояр, и окольничих и думных и ближних людей»³.

На этом описания торжеств 1667 г. не заканчиваются. 3 сентября в Грановитой палате состоялся еще один пир, где кроме придворных, были люди низших чинов: «и дворяне Московские, и жилцы да посадские люди всех сотен». Сидели они, конечно, на наименее почетных местах — «в кривом столе» около двери. Известие о присутствии на пиру в Грановитой палате посадских людей уникально, так как ничего подобного ни во время венчания на царство, ни во время свадеб не было.

---

¹ Дворцовые разряды. Т. III. Ст. 659–660.

² Там же. Ст. 660.

³ Там же.

Через несколько дней, 7 сентября 1667 г., в Грановитой палате состоялся еще один пир, на котором государь велел быть «полковником и головам стрелецким, и полуголовам и Греченам торговым людям. А Греченя сидели меж голов стрелецких». Приглашение во дворец греческих купцов и их довольно высокое место за столом, несомненно, связано с присутствием в те дни в Москве двух вселенских патриархов. Кроме них, присутствовали и другие иноземцы, но неправославные немцы, «генерал, и полковники рейтарские и салдацкие, и дохтура, и подполковники рейтарские и салдацкие и начальные люди», сидели все в кривом столе.

Через несколько дней, в праздник Рождества Богородицы, 8 сентября 1667 г., царевич Алексей Алексеевич присутствовал вместе с отцом на обедне во дворцовой церкви, посвященной этому празднику¹. С этого времени начинаются постоянные упоминания о его присутствии во время тех или иных придворных церемоний и церковных праздников.

В начале сентября обычно праздновались именины царевны Марфы Алексеевны. В 1667 г. царь отмечал именины дочери 5 сентября, а в 1674 г. — в пятницу 4 сентября, причем празднование было необыкновенно торжественным и отличалось от записей других лет. В 1667 г. именинные пироги и «ества» от ее имени присылались вселенским патриархам. Царь и царевич Алексей жаловали бояр именинными пирогами уже вместе².

В 1674 г. в тот день не было выходов царя и царевича в соборы к литургии, но службы состоялись одновременно в Успенском и в Архангельском соборах, в Вознесенском и Новоспасском монастыре, а также в церкви Николы у Столпа. На этот же день было назначено избрание нового Казанского митрополита. В передней палате царь жаловал

---

¹ Церковь Рождества Богородицы является одним из древнейших каменных храмов в Кремле, ее первое упоминание относится к 1393 г. Она являлась домовою церковью великих княгинь, а затем цариц. Перестроенная в 1681–1685 гг., дошла до наших дней. Знаменита она тем, что в 1862 г. в этой церкви венчался Лев Николаевич Толстой с Софьей Андреевной Берс.

² Дворцовые разряды Т. III. Ст. 983.

придворных пирогами и водками, к представителям духовенства был отправлен «с чарки и с кубки» Б. М. Хитрово. Кроме того, все придворные получили в тот день по две подачи, «по кормовой да по хлебной». Именинные пироги были посланы детям гетмана, Грузинской царице Елене Леонтьевне, женам царевичей Касимовских и Сибирских, боярыням, а также царскому духовнику.

Царевич Федор Алексеевич жаловал именинными пирогами сестры своих придворных¹, а остальные были в тот день у него «у руки». Дворцовые разряды отмечают в этот день и уникальное явление: в праздновании именин царевны Марфы принял участие еще и юный царевич Иван Алексеевич, которому было всего 8 лет. Он до того официально не появлялся перед придворными, однако запись о том, что царевич Иван тоже жаловал пирогами своих стольников, была занесена в разрядные книги. Сама именинница жаловала пирогами женскую часть придворного штата — «мам, и боярынь верховых и казначей». К царевне был послан от царя со «столом» Б. М. Хитрово². Конечно, это происходило и в другие годы, однако записей в разрядах обычно не удавалось. Несомненно, что такое широкое празднование именин одной из царевен было связано исключительно с тем, что за несколько дней до того ее брат Федор был объявлен наследником.

Широко отмечалось и рождение у царицы Натальи Кирилловны третьего ребенка, дочери Феодоры, которое произошло 4 сентября 1674 г., хотя это событие вряд ли могло иметь какое-то значение для укрепления правящей династии³.

В последующие дни было необходимо срочно отправить грамоты о состоявшемся объявлении наследника за границу, а также к воеводам всех городов. В 1674 г. уже 2 сентября царь дал указание думному дьяку Поместного приказа Герасиму Дохтурову написать и отправить окруж-

---

¹ Дворцовые разряды. Т. III. Ст. 983.

² Там же. Ст. 984.

³ Церемониал, происходивший при рождении царевны Феодоры Алексеевны, 1674 сентября 4 // РГАДА. Ф. 135. Оп. 1. Отд. IV. Р. П. № 35. Л. 1.

ные грамоты по разным городам с извещениями об объявлении наследника и о пожаловании служилым людям поместных и денежных окладов по этому случаю, о чем есть запись в Дворцовых разрядах.

Сохранились две такие грамоты. Первая адресована смоленскому воеводе Михаилу Голицыну и датирована 5 сентября 1674 г.¹ О всех пожалованиях велено немедленно объявить в Смоленске в съезжей избе, созвав для этого служилых людей, шляхту и всех «смолян». Учитывая роль Смоленска как западного форпоста Русского государства, можно предположить, что эта грамота была написана и отправлена одной из первых. Приписка внизу грамоты говорит, что она была «отнесена к боярину к Кириле Полуехтовичу на двор», так как царский тесть К. П. Нарышкин был несколько лет воеводой в Смоленске, и видимо, отвечал за то, чтобы царский указ был там объявлен незамедлительно. Вторая грамота тоже связана с семьей Нарышкиных, она адресована двинскому воеводе Ф. К. Нарышкину и сообщает о рождении царевны Феодоры и об объявлении Федора Алексеевича. Эта грамота, находящаяся в РГАДА, является черновиком отпуска и датирована 10 сентября 1674 г.² Двинский воевода, в чьем ведении находился Архангельский порт, тоже должен был получить извещение о важных династических событиях одним из первых.

Хранящиеся в фонде Оружейной палаты в РГАДА документы говорят о награждении всех придворных и других чинов, присутствовавших на объявлении царевича Алексея, царскими подарками — так называемыми «праздничными сукнами». Эти выдачи происходили в течение нескольких месяцев после торжества, с сентября 1667 по март 1668 г.³ Уже 11 сентября царь указал выдать «сукна вельми добре с Казенного приказа» дворцовой прислуге. Крестовые и певчие дьяки, а также комнатные истопники, постельные, столовые и сенные истопники и сторожи получили «кармазина по образцам, комнатным сторожем

---

¹ СГГД. Ч. IV. № 98.

² РГАДА. Ф. 135. Оп. 1. Отд. IV. Р. П. № 36.

³ Там же. Ф. 396. Оп. 1. Ч. 9. № 11244–11481, 11715.

сукна против того, каковы им даны в праздничные сукна в треть того»¹. 25 сентября царь указал выдать по 10 аршин камки стрельцам, которые поздравляли сына государева². 12 октября датирован документ о пожаловании присутствовавших на торжестве протопопов и дьяконов³. В ноябре 1667 г. раздавали пожалования московскому духовенству, причем раздача шла в строгом порядке: сначала пожаловали причт Казанского собора, потом кремлевских церквей Спаса Преображения, Федора Стратилата на Троицком подворье, Николы Гостунского, Александра Невского, потом причт собора Василия Блаженного и церкви Черниговских чудотворцев⁴.

В заключение попробуем кратко изложить выводы, которые можно сделать из изучения и сравнения документов 1667 и 1674 гг. о чинах объявления царевичей. Во-первых, чин объявления царского наследника — чисто светская церемония, хотя в ней участвует патриарх и Освященный собор. Можно отметить также, что во второй половине XVII в. светская власть очень активно подчеркивает свое превосходство над духовной. В 1667 г. это явно связано с решением дела патриарха Никона, ради суда над которым и приехали в Москву вселенские патриархи.

Единственная церковная реликвия, которой уделяется большое внимание во время церемонии объявления наследника, — чудотворный образ Спаса Нерукотворного. Не случайно в чине объявления наследника не используются многочисленные святыни Успенского и Благовещенского соборов, а выносятся икона, которая хранится в домашней царской церкви, которая недоступна даже для большинства придворных. Это подчеркивает именно семейно-династический характер торжества. В чине объявления наследника, в том виде, в котором он сложился ко второй половине XVII в., явно превалирует идея преемства династии. Это подчеркивается и титулованием царевича

---

¹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. 9. № 11244.

² Там же. № 11277.

³ Там же. № 11327.

⁴ Там же. № 11393, 11396, 11397, 11399, 11403, 11409, 11414, 11419, 11424.

«Государем», и именованием его «царевичем... всея Великия и Малыя и Белья Руси».

Многочисленные моменты сходства позволяют сравнивать чин объявления наследника с чинами свадебными и с чинами венчаний на царство. Упоминание о том, что присутствовавших при обряде иностранных послов спрашивали о здоровье от имени царя, заставляют вспомнить и обряд приема иностранных послов.

Несомненно, что эти интересные документы, связанные с объявлением наследника престола, нуждаются в дальнейшем изучении.

К ВОПРОСУ О ВРЕМЕНИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ «ЗАПИСКИ О ЦАРСКОМ ДВОРЕ»

На протяжении более полутора столетий исследователи российской истории располагают ценнейшим источником по истории Государева двора и приказной системы Московского государства начала XVII в. — так называемой «Запиской о царском дворе, церковном чиноначалии, придворных чинах, приказах, войске, городах и пр.». Этот любопытный во многих отношениях документ был обнаружен в конце 30-х гг. XIX столетия в Швеции профессором Гельсингфорсского университета С. В. Соловьевым, который был командирован туда Археографической комиссией для поиска материалов, касающихся российской истории. В дальнейшем источник был продан С. В. Соловьевым Археографической комиссии в составе его коллекции и опубликован в 1841 г. во втором томе «Актов исторических, собранных и изданных Археографической комиссией»¹. В тексте источника не содержится никаких прямых указаний, позволяющих датировать его хотя бы временем царствования того или иного государя. В «Актах исторических» документ был датирован периодом «междущарствия» — 1610–1613 гг. — и получил приведенное выше заглавие. Источник представляет собой очерк состояния центрального аппарата управления России начала XVII в. Он написан русским человеком, бесспорно, большим знатоком приказной системы. Сочинение адресовано польскому корреспонденту, которым являлся, по всей вероятности, литовский канцлер Лев Сапега. Во всяком случае, хорошо известны документы 1610 г., информирующие канцлера о состоянии дел в Москве, касающиеся, прежде всего, распределения должностей в приказах и имеющие автографы ад-

---

¹ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею (далее — АИ). СПб., 1841. Т. 2. № 355. С. 422–426.

ресата¹. Написанный на русском языке текст «Записки...» предварен польским заглавием: «Porządek senatu cara Moskiewskiego przy dwórze jego» — «Порядок сената царя московского при дворе его». В Швеции «Записка о царском дворе...» оказалась, безусловно, вместе с прочими бумагами из архива Сапег во время шведской оккупации земель Речи Посполитой в 1656 г. (известной в польской истории как «Потоп»).

С момента публикации «Записки о царском дворе...» редкая работа, связанная с проблемами развития приказной системы Московского государства, обходилась без апелляции к этому источнику, историческую ценность которого, действительно, нельзя оспорить. Его неизвестный автор перечисляет около тридцати функционировавших в Москве начала XVII в. приказов и приказных учреждений, давая краткую, лаконичную и точную характеристику круга дел каждого из них. В «Записке...» названы приказы: Посольский, Разрядный, Поместный, Казенный, Большого дворца, Казанского дворца, Большого прихода, Стрелецкий, Пушкарский, Иноземский, Разбойный, Ямской, Конюшенный, Холопий, Челобитный, Старый Земской, Новый Земской; судные Владимирский, Дмитровский и Рязанский приказы; четверти — Новгородская, Владимирская, Ярославская, Галицкая, Устюжская. Помимо этого перечислены учреждения, являвшиеся подразделениями Большого дворца и Казенного двора: Хлебный, Кормовой, Сытенный дворы, Монастырский приказ («да во Дворце ж в приказе монастыри всех городов»), ведомства ловчего и сокольничего («ловчей приказ» и «соколничей приказ»), Денежный двор («приказ, где денги делают»), Таможенная изба («приказ, где тамгу собирают с товаров»), Оружейная палата, Серебряная палата («место, где делают про Государя золотые утвари и серебряные»). «Записка...» дает нам сведения и о патриарших приказах — Дворцовом и Казенном: «а в справедливости, в духовных делах, судит его боярин дворетцкой, да с ними два дьяка, и доносят

---

¹ АИ. Т. 2. № 314. С. 372. См. также: Тюменцев И. О. Список сторонников царя Василия Шуйского: (новая находка в Шведском государственном архиве) // Археографический ежегодник за 1992 год. М., 1994. С. 318.

дела перед него, а казначей собирает и заведает казну патриаршу». По нашим наблюдениям, неизвестный автор «Записки о царском дворе...» не забыл упомянуть ни об одном самостоятельном приказе начала XVII в. Среди подразделений Большого дворца не названы Аптекарская палата, Житничный двор, Каменный приказ, а также ведомство постельничего. В целом мы должны признать, что «Записка о царском дворе...» дает практически полную картину состояния приказной системы Московского государства в начале XVII столетия.

Для некоторых из приказов «Записка о царском дворе...» дает наиболее ранние их упоминания, чем помогает установить хотя бы примерные хронологические рамки возникновения того или иного ведомства. Так, в частности, источник одним из первых сообщает нам о формировании патриарших приказов. В сочетании с данными Г. Штадена, который еще в 70-е гг. XVI в. отмечал наличие в Москве митрополичьего двора «со всеми его приказами»¹, это дает возможность разрешить многолетний спор между исследователями, относящими формирование патриарших приказов ко времени патриарха Филарета², и сторонниками более раннего возникновения этих ведомств³ в пользу последних. Наиболее ранними считаются упоминания о существовании Устюжской четверти и Серебряной палаты. О Дмитровском и Рязанском судных приказах «Записка...»,

---

¹ Штаден Г. Записки немца-опричника. М., 2002. С. 62.

² Беляев И. Д. История русского законодательства. СПб., 1999. С. 438; Милоков П. Н. Очерки по истории русской культуры: В 3 т. М., 1994. Т. 2. Ч. 1. С. 167; Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1997. С. 55; Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII века и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987. С. 21; Маландин В. В. Церковь и государство в патриаршество Филарета: Автореферат дис. ... канд. ист. наук. М., 1996. С. 7.

³ Неволин К. А. Образование управления в России от Иоанна III до Петра Великого // Соч. СПб., 1859. Т. VI. С. 133, 202, 203; Вернер И. И. О времени и причинах образования московских приказов. М., 1907. С. 17, 179, 180; Леонтьев А. К. Государственный строй // Очерки русской культуры XVII века. М., 1979. Ч. 1. С. 313; Рыбалко Н. В. Российская приказная бюрократия в Смутное время начала XVII столетия: Диссертация на соискание ученой степени канд. ист. наук. Волгоград, 2001. С. 61.

напротив, дает самые поздние сведения, что позволяет определить время упразднения этих учреждений.

Изданный во втором томе «Актов исторических» документ стал привлекаться для написания трудов по истории приказной системы практически сразу после публикации. Так, уже в сочинении К. А. Неволина, впервые увидевшем свет в 1844 г. и переизданном в 1859 г., обнаруживаются ссылки на «Записку о царском дворе...». Обращались и продолжают обращаться к источнику для уточнения датировки возникновения того или иного ведомства исследователи более позднего времени¹. Игнорирование этого документа приводило порой к грубым ошибкам. Так, в частности, Н. В. Устюгов в очерке о развитии приказной системы в XVII столетии в качестве новых, созданных лишь после воцарения Михаила Романова, приказов назвал упоминаемые в «Записке» Панский (Иноземский) приказ², Оружейную палату, Серебряную палату, Денежный двор, а также хорошо известные в XVI столетии приказы Разбойный, Челобит-

---

¹ *Неволин К. А.* Указ. соч. С. 149, 154, 202; *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки XVI века: Опыт исторического исследования. СПб., 1888. С. 546–547; *Вернер И. И.* Указ. соч. С. 45, 47, 48, 105, 128, 141, 174, 179, 180; *Сухотин Л. М.* Четвертки Смутного времени (1604–1617 гг.). М., 1912. С. IV, XIII; *Шмидт С. О.* «Челобитенный приказ» в середине XVI в. // Известия АН СССР. Серия истории и философии. 1950. Т. VII. № 5. С. 453; *Смирнов И. И.* Очерки политической истории Русского государства 30–50-х годов XVI века. М.; Л., 1958. С. 224; *Леонтьев А. К.* Образование приказной системы управления в Русском государстве: Из истории создания централизованного государственного аппарата в конце XV — первой половине XVI века. М., 1961. С. 70; *Князьков С. Е.* Судные приказы в конце XVI — 1-й половине XVII в. // Исторические записки. М., 1987. Т. 115. С. 276, 284; *Павлов А. П.* Приказы и приказная бюрократия (1584–1605 гг.) // Исторические записки. М., 1988. Т. 116. С. 202; *Он же.* Эволюция четвертных приказов в конце XVI — начале XVII века // Архив русской истории. 1993. № 3. С. 226; *Морозов Б. Н.* К истории Печатного приказа // Русский дипломатический. М., 1999. Вып. 5. С. 208; *Селезнева И. А.* Золотая и Серебряная палаты. Кремлевские дворцовые мастерские XVII века. Организация и формы производства, творческие процессы, обучение мастеров. М., 2001. С. 50.

² О тождественности Панского и Иноземского приказов см.: *Лисейцев Д. В.* Панский (Иноземский) приказ в конце XVI — начале XVII столетий // Иноземцы в России в XV–XVII веках. М., 2006. С. 59–69.

ный, Каменных дел, Царскую Мастерскую и Аптекарскую палаты. В результате Н. В. Устюгов сделал ошибочный вывод о создании в первые годы царствования Михаила Федоровича одиннадцати новых приказов в дополнение к двадцати двум существовавшим ранее¹. В свою очередь, этот вывод без проверки переключался в научную литературу².

Интересно, что за весь период использования «Записки...» в исторической науке ни разу не была предпринята попытка уточнить время написания этого документа. Исследователи довольствовались указанными при публикации произвольными и довольно широкими временными рамками — 1610–1613 гг. (иногда несколько сужая этот отрезок, порою — до одного из заключенных в этом промежутке годов). Некоторые сомнения относительно времени создания документа высказал только А. В. Лаврентьев в исследовании, посвященном времени Лжедмитрия I. Он отметил, что «происхождение документа... неясно... можно осторожно предположить, что... он каким-либо образом связан с деятельностью «канцлерии» (канцелярии Лжедмитрия I. — Д. Л.). Понятно лишь, что составлен он русским и у него были заинтересованные польские читатели»³. К сожалению, подсказанная научной интуицией верная мысль так и не была развита автором; более того, буквально на той же странице он отнес сведения «Записки о царском дворе...» к середине XVII в.⁴

На первый взгляд, текст источника не содержит данных, позволяющих более или менее точно датировать время его написания. «Записка...» не содержит имен приказ-

---

¹ Устюгов Н. В. Эволюция приказного строя Русского государства в XVII в. // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.): Сборник статей к семидесятилетию со дня рождения и сорокапятилетию научной и педагогической деятельности Б. Б. Кафенгауза. М., 1964. С. 143–146.

² См. например: Демидова Н. Ф. Указ. соч. С. 21; Лукичев М. П. Приказное управление и высшее служилое сословие в I половине XVII в. // Лукичев М. П. Боярские книги XVII века. Труды по истории и источниковедению. М., 2004. С. 286.

³ Лаврентьев А. В. Царевич — царь — цесарь: Лжедмитрий I, его государственные печати, награжденные знаки и медали 1604–1606 гг. СПб., 2001. С. 160–161.

⁴ Там же. С. 161.

ных судей (в ней вообще отсутствуют какие-либо имена). Лишь польское заглавие дает некоторые ориентиры: если «Записка...» составлялась для «заинтересованного польского читателя», то написание ее, скорее всего, должно быть отнесено ко времени наиболее активных контактов между Речью Посполитой и Московским государством. Период «междоусобия» как будто идеально отвечает этому условию. Обратимся, однако, к тексту.

Неизвестный корреспондент Льва Сапеги сообщает следующее о высшей категории приказных служащих — думных дьяках: «Дьяки думные 4: Посольской, Розряду Московского Болшого, Розряду Ноугородцкого, Поместного приказу»¹. Данная ситуация — одновременное присутствие в Боярской думе четырех дьяков — не абстрактная картина, отражающая «штатное расписание» высшего органа власти, а ситуация, соответствующая вполне определенному историческому моменту. Количество думных дьяков не было строго регламентировано, численность служащих, имевших указанный чин, менялась в зависимости от обстоятельств. Так, например, капитан Жак Маржерет указывал, что во время его пребывания в Москве в Думе было только два думных дьяка — посольский и разрядный². Следовательно, необходимо определить, когда в период «междоусобия» имела место зафиксированная «Запиской...» ситуация.

На момент свержения царя Василия Шуйского (июль 1610 г.) Посольский и Поместный приказы возглавлялись одним и тем же лицом — думным дьяком Василием Григорьевичем Телепневым (такая ситуация сложилась после 11 декабря 1606 г. и не позднее 2 ноября 1607 г.)³. Следовательно, мы должны отказаться от мысли о том, что «За-

---

¹ АИ. Т. 2. № 355. С. 422.

² Россия начала XVII в. Записки капитана Маржерета. М., 1982. С. 160.

³ Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII в.: Сборник документов (далее — АСЗ). М., 1998. Т. 2. № 252. С. 229; Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века, 1601–1608 гг.: Сб. документов. М., 2003. С. 180; *Богоявленский С. К.* Приказные судьи XVII в. М.; Л., 1946. С. 120; *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 509; *Лисейцев Д. В.* Посольский приказ в эпоху Смуты. М., 2003. Вып. 1. С. 82.

писка о царском дворе...» информировала литовского канцлера о положении дел в Москве в конце царствования Василия IV или вскоре после его свержения. Картина, правда, вскоре изменилась, и высшие административные посты в августе—сентябре 1610 г. были перераспределены по распоряжению польского короля Сигизмунда III между его сторонниками. Поместный приказ был поручен думному дьяку Ивану Чичерину¹. Но при этом вплоть до марта 1611 г. в Посольском приказе одновременно числились два думных дьяка: остававшийся там от администрации Василия Шуйского Василий Телепнев и поставленный над ним выдвиженец короля Сигизмунда Иван Грамотин. «Записка...» же сообщает нам только об одном посольском дьяке. Отметим также, что с конца ноября 1610 г. было вновь совмещено руководство Посольского и Поместного приказов: эти два ключевых ведомства были подчинены думному дьяку и печатнику Ивану Тарасьевичу Грамотину. Грамотин осуществлял руководство обоими приказами до отъезда в Польшу в конце 1611 г.²

Кроме того, в 1611–1612 гг. информативная ценность «Записки...» была уже довольно сомнительной для правящих кругов Речи Посполитой. Напомним, что король Сигизмунд III уже с августа — сентября 1610 г. активно награждал своих российских сторонников должностями приказных судей. От второй половины 1610 г. сохранились, в частности, росписи назначенных волей короля руководителей приказов, в которых перечислено до полутора десятка московских приказных учреждений³. Необходимо также указать, что в 1611–1612 гг. чином думного дьяка располагал также Степан Соловецкий, который возглавлял Новгородскую четверть⁴. Четвертные дьяки, согласно «Записке...», думными не были. Таким образом, в течение всего времени «междоцарствия» 1610–1612 гг. мы не обнаружи-

---

¹ АИ. Т. 2. № 314. С. 372; Акты, относящиеся к истории Западной России (далее — АЗР). СПб., 1851. Т. 4. С. 403.

² Лисейцев Д. В. Посольский приказ... [Вып. 1]. С. 83, 90–91.

³ АИ. Т. 2. № 314. С. 372; АЗР. Т. IV. С. 402–403.

⁴ Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 79. «Сношения России с Польшей». Оп. 1. Кн. 30. Л. 133 об.–134.

ваем момента, который соответствовал бы зафиксированной в «Записке о царском дворе...» ситуации — четыре думных дьяка, несущих службу в Посольском, Поместном и Разрядном приказах.

Имеется и ряд других соображений, не позволяющих отнести написание «Записки о царском дворе...» ко времени «междущарствия». В частности, упоминаемая в документе Устюжская четь названа «новоприбыльной»¹. Долгое время, действительно, наиболее раннее известное исследователям упоминание этого приказа относилось к 1611 г., что подкрепляло датировку «Записки о царском дворе...» эпохой «междущарствия». В силу этого обстоятельства в большинстве работ именно 1611 г. называли в качестве даты учреждения Устюжской чети, нередко подкрепляя эту датировку указанием на упоминание чети в качестве «новоприбылой» (т. е. только что созданной) в «Записке о царском дворе...»². Более осторожными в выводах были С. Б. Веселовский и Л. М. Сухотин, указавшие на то, что Устюжская четь возникла не ранее царствования Василия Шуйского³. Действительно, в опубликованных Л. М. Сухотиным материалах начала XVII в. мы встречаем данные, свидетельствующие о том, что при Василии IV Устюжская четь уже функционировала и имела свой массив документов, погибших во время оккупации Москвы поляками: «велено ему старой его оклад, что он имал при царе Василье из Устюжские чети... справить»; «до московского, государь, розоренья было мне, холопу твоему, четвертнова денежна жалованья пятнадцать рублей, а имал, государь, из Устюжской чети, и в московское, государь, разоренья в Устюжской чети оклады и книги пропали»⁴. На это несоответствие обратил внимание еще П. А. Садиков, заметивший,

---

¹ АИ. Т. 2. № 355. С. 423.

² Неволин К. А. Указ. соч. С. 175; Вернер И. И. Указ. соч. С. 128; Ерошкин Н. П. Указ. соч. С. 53.

³ Веселовский С. Б. Приказный строй управления Московского государства // Русская история в очерках и статьях. Киев, 1912. С. 189; Сухотин Л. М. Указ. соч. С. IV, XIII.

⁴ Сухотин Л. М. Указ. соч. С. 67, 196.

что «Записка о царском дворе...» заслуживает отдельного изучения. Впрочем, расхождение в указаниях источников П. А. Садилов был склонен объяснять переадресацией определения «новоприбылая» к Галицкой чети вместо Устюжской¹. Сравнительно недавно были обнаружены данные о функционировании Устюжской чети под ее территориальным названием уже в январе 1606 г., т.е. в период царствования Лжедмитрия I². Таким образом, время образования Устюжской чети оказывается отодвинуто назад по меньшей мере на 5–6 лет, и ее именование «новоприбылой» в период «междуцарствия» выглядит несколько странным. В качестве дополнительного аргумента укажем на Нижегородскую четь, которая под своим территориальным названием известна с 1601 г. и в том же году именовалась в документах «новоприбылой»³.

Отметим еще одно обстоятельство. Как указывалось выше, «Записка о царском дворе...» дает нам последнее по времени указание на существование Рязанского и Дмитровского судных приказов⁴. В связи с этим в литературе обыкновенно утверждается, что эти два ведомства просуществовали до конца Смутного времени и вскоре по его завершении были упразднены⁵. Однако сравнительно недавно А. В. Антоновым был обнаружен и опубликован документ, позволяющий скорректировать историю судных приказов. Речь идет о материалах судебного разбирательства, в которое были вовлечены рязанские дети боярские Хирины. Дело слушалось в Москве 10 января 1610 г.; в апреле и мае того же года в связи с ним из приказа были отправлены соответствующие памяти⁶. Принимая датировку «Записки о царском дворе...» временем «междуцарствия», мы должны

---

¹ Садилов П. А. Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950. С. 414.

² Павлов А. П. Приказы... С. 199; *Он же*. Эволюция... С. 226. См. также: Ульяновский В. И. Россия в начале Смуты: очерки социально-политической истории и источниковедения. Киев, 1993. Ч. 1. С. 250.

³ Павлов А. П. Приказы... С. 193.

⁴ АИ. Т. 2. № 355. С. 424.

⁵ Вернер И. И. Указ. соч. С. 174; Князьков С. Е. Указ. соч. С. 270, 276, 284.

⁶ Антонов А. В. Из частной жизни служилых людей рубежа XVI–XVII веков // Русский дипломатарий. М., 1999. Вып. 5. С. 165–166.

будем предположить, что дело рязанских детей боярских Хириных слушалось в Рязанском судном приказе. Однако источник прямо указывает на то, что судебное разбирательство производилось во Владимирском судном приказе. Если считать временем создания «Записки...» 1610–1613 гг., то следует найти объяснение странному факту: почему при наличии Рязанского судного приказа в сферу его компетенции вторгается Владимирский судный приказ? Разрешить этот парадокс можно лишь признав, что к началу 1610 г. Рязанского судного приказа уже не существовало.

Представляется, что и Дмитровский судный приказ, упоминаемый в «Записке...», тоже был упразднен при Василии Шуйском. В распоряжении исследователей имеются материалы судного дела между известным келарем Троице-Сергиева монастыря Авраамием Палицыным и Анисьей, вдовой его двоюродного брата Смирря Катунина, дмитровского помещика. Приведем вкратце суть судебного иска. В 1583/84 г. Палицын дал Катунину в долг под залог его дмитровской вотчины 20 руб. Катунин долг не возвратил, а воспользоваться кабалой Аверкий Палицын не успел: в 1587/88 г. он попал в опалу. В августе–сентябре 1601 г., уже после смерти ответчика, Палицын искал правосудия в Дмитровском судном приказе. Дело затянулось и вершено не было. В сентябре 1609 г. троицкий келарь снова обратился в суд с просьбой передать ему дмитровскую вотчину Катуниных. При этом его иск рассматривался уже не в Дмитровском, а во Владимирском судном приказе. Выслушав историю конфликта между истцом и ответчицей, руководители приказа распорядились: «в Дмитровском в судном приказе сыскати судное дело». Указание было выполнено: «и то дело в Дмитровском приказе за приписью диака Василья Оладьина сыскано»¹. Документ как будто показывает, что осенью 1609 г. Дмитровский судный приказ еще существовал. Однако при внимательном рассмотрении источника приходится прийти к иному выводу.

---

¹ Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1846. Т. I. С. 270.

В процедуре наведения справки в Дмитровском судном приказе обращает на себя внимание отсутствие одной неперменной детали. В случаях, когда одно из учреждений нуждалось в получении сведений из другого ведомства, между ними обязательно устанавливалась деловая переписка. Судья одного приказа выносил решение об отправлении для справки в другой приказ соответствующей памяти. Факт составления этой памяти и дата ее отправления в обязательном порядке фиксировались в приказной документации. Ответная память с требуемой справкой приходила, как правило, через несколько дней. Факт получения ответной памяти также всегда фиксировался в соответствующем деле. При этом всегда указывалось — какого числа, из какого приказа и за приписью какого дьяка эта ответная память прислана. После этого в дело переписывалось само содержание памяти. Именно таким образом оформлялись в конце XVI — начале XVII в. материалы переписки между ведомствами¹.

В данном случае всего этого не было. Руководители Владимирского судного приказа просто распорядились «сыскать» в Дмитровском судном приказе необходимое им для справки дело восьмилетней давности. Заметим, что судьи одного ведомства не имели никакого права просто велеть, как в данном случае, выполнить свой запрос². В рассматриваемом нами судном деле ни слова не сказано ни об отправлении памяти в Дмитровский судный приказ, ни о получении ответной справки. Мы видим лишь, что судьи Владимирского судного приказа распорядились найти дело, и дело по их распоряжению было «сыскано». Подобная схема совершенно невозможна при контакте между двумя самостоятельными приказными ведомствами. И, напротив, описанная процедура чрезвычайно напоминает внутрпри-

---

¹ Юшков А. И. Акты XIII–XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества / Собрал и издал А. Юшков. М., 1898. Ч. 1. С. 216, 217, 221; Лисейцев Д. В. Посольский приказ... [Вып. 2]. С. 267.

² Тихомиров М. Н. Приказное делопроизводство в XVII веке // Тихомиров М. Н. Российское государство XV–XVII веков. М., 1973. С. 366.

казную практику, при которой судья распоряжался «сыскать» те или иные материалы, а подьячие разыскивали в приказном архиве требуемые данные¹.

Приведенные аргументы наводят на мысль о том, что осенью 1609 г., когда рассматривалось судное дело Авраамия Палицына и Анисьи Катунинной, Дмитровский приказ был уже упразднен как самостоятельное учреждение, а круг его ведомства и архив были переданы во Владимирский судный приказ. Только эта версия позволяет объяснить факт разбора тяжбы по поводу вотчины в Дмитровском уезде не в Дмитровском, а во Владимирском судном приказе. Таким образом, ко времени «междуцарствия» упоминаемые в «Записке...» Рязанский и Дмитровский судные приказы были уже ликвидированы. Следовательно, «Записка о царском дворе...» была составлена в более раннее время.

Совокупность приведенных аргументов заставляет нас отвергнуть предложенную публикаторами датировку составления «Записки о царском дворе...» периодом «междуцарствия».

Для определения времени составления «Записки...» необходимо определить, в какой момент времени в Боярской думе были представлены четыре думных дьяка — посольский, поместный и два разрядных. Дьяки Посольского приказа были думными на протяжении всего XVII в. Реже думным чином жаловались дьяки Поместного приказа. В начале XVII в. из руководителей этого учреждения имели думной чин дьяки Иван Грамотин (в 1605 г., при Лжедмитрии I, и в 1610–1611 гг., во время «междуцарствия»), Семен Чередов (в конце 1605 — начале 1606 гг.)², Тимофей Витовтов (в 1606 — начале 1607 гг.)³, Василий Телепнев (1607–1610 гг., при Василии Шуйском), а также Иван Чичерин (три–четыре месяца в конце 1610 г.). Как уже отмечалось выше, при Василии Шуйском думный поместный

---

¹ Лисейцев Д. В. Посольский приказ... [Вып. 2]. С. 283.

² Акты феодального землевладения и хозяйства (далее — АФЗХ). М., 1956. Ч. 2. № 418. С. 467; Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства. СПб., 1838. № 59. С. 101.

³ АФЗХ. Ч. 2. № 422. С. 478; № 423. С. 478. См. также: АСЗ. Т. 2. № 380. С. 327; № 252. С. 229.

дьяк был одновременно и посольским, такая же картина наблюдалась в 1610–1611 гг. Сразу после свержения Василия Шуйского Поместным приказом руководил думный дьяк Чичерин, не связанный с другими приказами. Но в те же месяцы во главе Посольского приказа стояли два думных дьяка, а не один, как указывает «Записка...».

В документе зафиксирован также тот момент времени, когда в Разрядном приказе одновременно служили два думных дьяка. Такая ситуация нехарактерна для этого ведомства, в котором в XVII в. обыкновенно числился лишь один думный дьяк. В виде исключения по два думных дьяка одновременно в Разряде служили только в самом начале XVII в., и, потом, эпизодически — в конце столетия. В начале XVII в. два думных дьяка в Разрядном приказе упоминаются в 1603–1611 гг. Кстати, только в эти годы источники упоминают Московский и Новгородский разряды (территориальное разграничение функций имело место и позднее, и Новгородский стол был почти автономен в Разряде¹, но это не дает оснований утверждать, что Разрядный приказ в начале XVII в. был разделен на два ведомства)². Как было доказано выше, период «междоцарствия» не был временем составления «Записки...». Не могла она быть составлена и в царствование Василия Шуйского. Следовательно, мы должны признать, что единственным моментом, соответствующим данным «Записки...», был короткий период царствования Лжедмитрия I.

За одиннадцать месяцев правления Дмитрия Ивановича мы встречаем имена восьми думных дьяков — это Тимофей Витовтов, Афанасий Власьев, Иван Грамотин, Томило Луговской, Иван Стрешнев, Богдан Сутупов, Семен Чередов, Василий Янов³. Иногда среди думных дьяков са-

---

¹ *Богоявленский С. К.* К вопросу о столах Разрядного приказа // ЖМНП. 1894. № 6. С. 406.

² *Рыбалко Н. В.* Российская приказная бюрократия в Смутное время начала XVII столетия. С. 11.

³ *Ульяновский В. И.* Указ. соч. С. 239–240. Т. А. Витовтова справочная литература в указанное время думным дьяком не именуется, но в документах удалось найти его упоминания в качестве думного дьяка Разрядного приказа в феврале 1606 г. и Поместного приказа в марте 1606 г. — РГАДА. Ф. 123. «Сношения России с Крымом». Оп. 1. Д. 2. (1604 г.). Л. 332, 339; АСЗ. Т. 2. М., 1998. № 380. С. 327.

мозванца называют еще Сапуна Аврамова¹, но это вызывает сомнения. Упоминаний о его службе в Разряде при Лжедмитрии мы не располагаем. По всей видимости, он был удален от дел еще при Годуновых. Во всяком случае, его поместье было конфисковано в мае 1605 г., до воцарения Лжедмитрия².

Из перечисленных лиц Посольский приказ возглавлял Власьев, а после него — Грамотин, Поместный — Грамотин, затем Чередов и, наконец, Витовтов. Сутупов числился печатником. Витовтов, Луговской, Стрешнев и Янов состояли на службе в Разрядном приказе. На первый взгляд картина эта не соответствует тексту «Записки...». Но мы должны учитывать, что четыре думных разрядных дьяка не несли службы в приказе одновременно. Думными дьяками Разрядного приказа при Лжедмитрии были Иван Стрешнев и Томило Луговской³ (соответственно Московского и Новгородского разрядов). Присутствие Василия Янова в Москве документально подтверждается только с декабря 1605 г. Он был зачислен на службу в Новгородский разряд. Факт его пожалования думным чином вызывает некоторые сомнения: в таком качестве его упоминают только материалы церемониального характера, относящиеся к финалу царствования Лжедмитрия⁴. Тимофей Витовтов упоминается как думный дьяк Разряда только в феврале 1606 г. (в марте видим его уже в Поместном приказе). Богдан Сутупов, по всей видимости, не был принят в расчет автором «Записки...», поскольку более высокий чин печатника заслонил собой для него чин думного дьяка. Аналогичная ситуация может быть отмечена в «Боярском списке 1610/11 года»,

---

¹ Ульяновский В. И. Указ. соч. С. 116, 130, 154, 239.

² Веселовский С. Б. Дьяки... С. 9.

³ Народное движение... № 135. С. 259; № 136. С. 266; № 137. С. 278–283; Седов П. В. Поместные и денежные оклады как источник по истории дворянства в Смуту // Архив русской истории. 1993. № 3. С. 228.

⁴ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел (далее — СГГД). М., 1819. Ч. II. № 108. С. 235; Акты Московского государства М., 1890. Т. I. № 43. С. 77; Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). М., 1907. С. 77, 218.

где И. Т. Грамотин был записан в качестве печатника, а не среди думных дьяков, хотя он и имел этот чин¹.

Отметим, что относительно Печатного приказа «Записки...» не сообщает ничего. В ее тексте лишь указано, что «печатают, кого Государь пришлет от себя с малою Царскою печатью; а печать большую держит, кому Государь пожалует, велит»². Мы можем вполне определенно говорить о том, что ко времени царствования Лжедмитрия I Печатный приказ как таковой не существовал. В наказ русским послам, отправленным в Речь Посполитую в июне 1606 г., т. е. сразу по свержении самозванца, было занесено указание отказываться признавать юридическую силу грамот Лжедмитрия, поскольку грамоты эти писались без ведома бояр. Относительно государственной печати, которой были удостоверены эти грамоты, послы должны были сообщить, что «расстрига» забрал все печати «ис приказу, где они бывают, к себе»³. Можно было бы предположить, что речь здесь идет именно о Печатном приказе. Но годом позже, в 1607 г., во время переговоров с польскими посланниками в Москве, по этому же самому поводу русские дипломаты заявили, что «...печатал тот Вор те грамоты у себя, взяв все печати ис Посольские полаты...»⁴. Таким образом, Посольский приказ в начале XVII в. как раз и был тем ведомством, где находились государственные печати.

Действительно, у людей того времени вполне могло сложиться представление о том, что одной из функций Посольского приказа является хранение печатей, поскольку с 1596 по 1601 г. печатником был думный дьяк дипломатического ведомства В. Я. Щелкалов. После его опалы до воцарения Лжедмитрия печати хранились у его преемника — А. И. Власьева, который, не будучи печатником, тем не менее, наделялся иностранцами высоким титулом канцлера. Думается, именно передача Лжедмитрием печатей из По-

---

¹ Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете (далее — ЧОИДР). 1909. Кн. 3. М., 1909. С. 77–78.

² АИ. Т. 2. № 355. С. 423.

³ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 26. Л. 112.

⁴ Там же. Кн. 27. Л. 106.

сольского приказа печатнику Б.И.Сутупову (при отсутствии особого Печатного приказа), нарушившая привычную для приказных людей схему, вызвала к жизни не вполне внятную фразу «Записки...» о том, что «печать большую держит, кому Государь пожалует, велит». Выходя за хронологические рамки настоящей статьи, отметим, что неопределенный статус ведомства, предназначенного для хранения государственной печати, сохранялся и в конце второго десятилетия XVII в. В списке приказных дьяков 1628 г., подготовленном для перенесения в боярскую книгу, в отличие от прочих ведомств, Печатный приказ не назван — сказано лишь, что один из дьяков был «у печати»¹. Приведенные факты позволяют усомниться в существовании Печатного приказа уже в конце XVI в. как самостоятельного ведомства, а не отделения Казенного двора, как утверждается в новейших работах². Возможно, именно отсутствием Печатного приказа и объясняется тот факт, что анонимный автор «Записки о царском дворе...» не упомянул печатника в числе думных дьяков, поскольку, в отличие от четырех других сановников, не мог определить его принадлежности к тому или иному ведомству.

Итак, зафиксированная в «Записке...» картина, в соответствии с которой в Думе было представлено четыре думных дьяка, имела место в начале царствования Дмитрия Самозванца (1605–1606 гг.): Посольский приказ возглавлял тогда А.Власьев; в Разряде вершили дела сначала С.Аврамов и И.Стрешнев; Поместным приказом ведал И.Грамотин. Не противоречит предлагаемой датировке и упоминание в «Записке...» Устюжской чети как «новоприбылой», поскольку наиболее раннее упоминание этого приказа относится именно ко времени царствования Лжедмитрия. Принятие этой датировки снимает также вопрос о Рязанском и Дмитровском судных приказах, которые были упразднены при Василии Шуйском.

¹ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Стб. 44. Ч. 1. Л. 218.

² Морозов Б. Н. Указ. соч. С. 207–208; Иванова Е. В. Книги Печатного приказа 1613–1649 гг. как исторический источник: Автореферат дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. С. 9.

Нашу версию о составлении текста «Записки...» в период правления Лжедмитрия подтверждают и другие факты. В документе в числе дворцовых учреждений названа Оружейная палата: «оружейничья полата, приказана боярину да дияку»¹. Главой Оружейной палаты, оружничим, с 1578 г. и до конца правления Лжедмитрия (за исключением периода опалы в царствование Бориса Годунова) был Б.Я.Бельский². Однако боярским чином Бельского пожаловал именно Лжедмитрий. В конце царствования Василия Шуйского и в начале периода «междоусобия» оружничим был И.В.Измайлов, которого затем сменил Л.А.Плещеев³. Ни тот, ни другой оружничий в бояре пожалован не был. Случаев, когда должность оружничего замещал боярин, в московской придворной практике, по нашим наблюдениям, не повторялось со времени Лжедмитрия до середины XVII в.

На период правления Лжедмитрия I как на время составления «Записки о царском дворе...» указывают и иные соображения. При Дмитрии Ивановиче традиционно натянутые отношения Московского государства с Речью Посполитой, казалось, готовы были кардинально измениться, что должно было вызвать у польских властей повышенный интерес к московским делам. Не исключено, что интерес к государственному устройству соседней державы был вызван и несколькими иными обстоятельствами. В Польше росло недовольство королем Сигизмундом, назревал рокош, причем среди оппозиционеров обсуждался вариант развития событий, предусматривавший детронизацию Сигизмунда III с последующим возведением на престол Речи Посполитой русского царя Дмитрия Ивановича⁴. Соответственно, подробная информация о состоянии дел в России могла интересовать как противников, так и сторонников короля Сигизмунда.

---

¹ АИ. Т. 2. № 355. С. 425.

² Флоря Б. Н. Из следственного дела Богдана Бельского // Археографический ежегодник за 1985 год. М., 1986. С. 304; Ульяновский В. И. Указ. соч. С. 116.

³ АЗР. Т. 4. № CDXCVI. С. 374, 403; СГГид. Ч. 2. № 218. С. 481.

⁴ *Andrusiewicz A. Dzieje wielkiej smuty.* Katowice, 1999. С. 343.

Следует также обратить внимание на то обстоятельство, что в польском заголовке «Записки...» употреблен термин «сенат» (хотя о самом «сенате», т.е. Боярской думе, в документе речи не ведется). Употребление польского термина «сенат» было бы вполне объяснимо, если бы «Записка...» не находилась в архиве Льва Сапегы, руководившего восточным направлением внешней политики Речи Посполитой, лично бывавшего в Москве во главе посольств и потому отлично знакомого с терминами, отражающими государственное устройство России. Понятия «боярин» и «Боярская Дума» были хорошо известны в высших слоях польского общества. На наш взгляд, появление слова «сенат» в польском заглавии «Записки...» было неслучайным. Известно, что Лжедмитрий I был большим поклонником западной терминологии. Среди прочего, он переименовал Боярскую думу в Сенат. В.И. Ульяновским было высказано предположение о том, что это нововведение самозванца на самом деле никогда не имело места, а понятие «сенат» употреблялось лишь поляками из царского окружения¹. Нам, однако, удалось обнаружить данные, позволяющие утверждать обратное: понятия «сенат» и «сенатарии» довольно активно употреблялись в Москве времени Лжедмитрия, в том числе и русскими людьми². Поэтому появление слова «сенат» в заглавии «Записки...» является еще одним косвенным доказательством создания документа во время царствования Дмитрия Самозванца.

Установив, что возникновение «Записки о царском дворе...» следует датировать временем царствования Лжедмитрия I, попытаемся конкретизировать хронологические рамки составления этого источника. В этом нам помогает указание на штат Поместного приказа. «Записка...» сообщает, что во главе этого ведомства стоит думный дьяк. Действительно, в начале царствования Лжедмитрия Поместный приказ возглавлялся думным дьяком И.Т.Грамотиным. Однако уже в

---

¹ Ульяновский В. И. Указ. соч. С. 165–166.

² Лисейцев Д. В. Дипломатическая терминология в Московском государстве начала XVII столетия // Москва: специфика развития. Будапешт, 2003. С. 109.

сентябре 1605 г. штат руководства приказа выглядел иначе: среди его руководителей нет думных дьяков, зато появляется боярин — П. Н. Шереметев¹. Это был едва ли не первый случай, когда во главе Поместного приказа было поставлено лицо столь высокого ранга. И хотя боярин Шереметев руководил приказом относительно недолго, около двух месяцев (в ноябре 1605 г. его уже не было в этом ведомстве)², подобное новшество вряд ли ускользнуло бы от внимания автора «Записки...», являвшегося, бесспорно, большим знатоком приказного строя. Поэтому, на наш взгляд, содержание «Записки...» отражает реалии самого начала царствования Лжедмитрия I — лета 1605 г.

Время составления «Записки о царском дворе...» и передачи ее в архив Сапеги совпадает со временем пребывания в Кракове российского посольства, возглавленного судьей Посольского приказа думным дьяком А. И. Власьевым. Было бы заманчиво предположить, что этот документ вышел из-под пера самого Власьева или кого-либо из его свиты. Действительно, Власьев отлично знал приказную систему, поскольку прослужил в ней более двадцати лет и прошел путь от подьячего до думного дьяка. Характерно, что сразу после перечисления трех основных приказов (Посольского, Разрядного и Поместного), автор «Записки...» помещает Казенный двор, описывая его деятельность подробнее большинства других ведомств (напомним, что Власьев был пожалован Лжедмитрием в казначеи)³. Довольно подробно в «Записке...» говорится и о четвертях, о деятельности которых Власьев также должен был знать немало, поскольку его родной брат Богдан Власьев был четвертным дьяком. Автор «Записки...» неплохо ориентируется и в так называемых «дворцовых» учреждениях, называя подчиненные Большому дворцу и Казенному двору Хлебный, Кормовой и Сытный дворы, а также ведомства ловчего и сокольничего, Оружейную и Серебряную палаты, Денежный двор и Таможенную избу (Власьев начинал свою карьеру в системе дворцовых ведомств; во всяком слу-

---

¹ ЧОИДР. 1916. Кн. 1. С. 260–261; АСЗ. Т. 3. М., 2002. № 69. С. 54.

² АФЗХ. Ч. 2. № 418. С. 467.

³ *Лисейцев Д. В.* Посольский приказ... [Вып. 1]. С. 69–70.

чае, впервые упоминается он в документах как подъячий Мастерской палаты). С другой стороны, автор «Записки...» лаконичен в описании приказа Казанского дворца, дьяком которого Власьев был в течение нескольких лет¹. Вопрос об авторстве «Записки о царском дворе...», таким образом, остается открытым.

Завершая наш очерк, посвященный «Записке о царском дворе...», хотелось бы отметить еще одно интересное обстоятельство. Из российских нарративных источников XVII в., посвященных приказной системе Московского государства, по степени информативности с «Запиской...» может быть сопоставлен только написанный в 60-е гг. XVII столетия в Швеции труд беглого подъячего Посольского приказа Г. К. Котошихина (точнее — две главы этого труда: 6-я — «О дворех царских» и 7-я — «О приказах»). На явное сходство двух источников обратил внимание А. В. Лаврентьев, отметивший, что «Записка о царском дворе...» имеет себе только один аналог, «но и тот не канцелярский, а полулитературный — сочинение Г. К. Котошихина»². Возможно, эта аналогия носит не случайный характер и объясняется не только сходными обстоятельствами возникновения (оба источника писались для иностранного «заказчика» русскими людьми). Г. К. Котошихин написал свое сочинение о Московском государстве середины XVII века в Швеции в 1666–1667 гг. К этому времени пребывавший первоначально в архиве Льва Сапеги текст «Записки о царском дворе...» уже находился в Швеции. Как было установлено И. О. Тюменцевым, бумаги Сапеги находились в Швеции в королевском Ску-Клостерском замке, пожалованном затем королем барону Врангелю и перешедшему по смерти последнего (1676 г.) к графам Браге³. На момент прибытия Котошихина в Стокгольм го-

---

¹ Веселовский С. Б. Дьяки... С. 98.

² Лаврентьев А. В. Указ. соч. С. 160.

³ Тюменцев И. О. Материалы русского архива тушинского гетмана Яна Сапеги 1607–1611 гг. в Государственном архиве Швеции // Россия и Швеция в средневековье и новое время: архивное и музейное наследие: Доклады и сообщения участников международной конференции, приуроченной к работе в Государственном Историческом музее выставки «Орел и Лев. Россия и Швеция в XVII веке», 15–17 мая 2001 г. М., 2002. С. 79.

сударственные дела при малолетнем короле Карле XI решали члены Риксрода (Государственного совета), среди которых наиболее влиятельными были канцлер Магнус Габриэль Делагарди, граф Пер Браге и фельдмаршал и адмирал барон Карл-Густав Врангель¹. Все они состояли в более или менее отдаленном родстве между собой, являлись людьми одного круга и, надо полагать, были знакомы с документами из архива Сапег, доставшимися шведам в качестве трофея в ходе недавно завершившейся войны с Речью Посполитой. Возможно, именно знакомство с «Запиской о царском дворе...», дающей почти исчерпывающий очерк состояния российской государственной системы начала XVII столетия, побудило членов Риксрода отдать беглому подьячему Посольского приказа Котошихину распоряжение о написании подробного сочинения о состоянии России середины века. Не исключено, что Котошихину была предоставлена возможность ознакомиться с текстом «Записки...». Во всяком случае, в библиотеке графов Браге имелся экземпляр шведского перевода сочинения Котошихина; там же хранились и документы из архива Сапег. Именно в библиотеке Браге С. В. Соловьев и обнаружил, по всей видимости, «Записку о царском дворе...». Интересно, что и труд Котошихина (оригинал и шведский перевод) обнаружил и сделал достоянием научной общественности тот же ученый². Отметим также несомненный интерес к истории России начала XVII в. в правящих кругах Швеции: практически одновременно с Котошихиным по поручению Магнуса Делагарди писал свой труд об истории русско-шведской войны и Смутном времени Юхан Видекинд³.

Таким образом, хорошо известный исследователям документ — «Записка о царском дворе...», традиционно датируемая эпохой «междуцарствия» 1610–1613 гг., на самом

---

¹ Хорошкевич А. Л., Плигузов А. И., Коваленко Г. М. Апология Юхана Видекинда // Видекинд Ю. История десятилетней шведско-московитской войны. М., 2000. С. 529.

² Леонтьева Г. А. Предисловие // Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. М., 2000. С. 18–19; Тюменцев И. О. Материалы... С. 80.

³ Гейман В. Г. Сочинение Ю. Видекинда как источник по истории Смутного времени // Видекинд Ю. История десятилетней шведско-московитской войны. С. 511, 519.

деле является источником более раннего периода, от которого сохранилось очень мало документальных свидетельств — времени царствования Лжедмитрия I, т.е. начального этапа Смуты. Это обстоятельство значительно увеличивает его историческую ценность и позволяет внести серьезные коррективы в историю приказной системы Московского государства. Представляется, что «Записка о царском дворе...» в дальнейшем может и должна стать предметом более глубокого и детального источниковедческого анализа.

ИСТОЧНИКИ ВЕЛИКОГО ПОСОЛЬСТВА

1697–1698 гг.: ГРАМОТЫ

Первое, что могло понадобиться Великому посольству за рубежом, это разнообразные грамоты, которые являлись главным документом, удостоверяющим личности дипломатов, их полномочия, служащие пропуском при проезде по иностранным владениям. Ф. П. Сергеев, автор специальной монографии об отечественной дипломатической лексике, выделял шесть «тематических групп» названий дипломатических документов XI–XVII вв.: 1) международные договоры; 2) письменные акты объявления войны; 3) декларативного характера; 4) гарантирующие безопасность и беспрепятственный проезд; 5) акты, свидетельствовавшие дружеские отношения между государствами; 6) письменные наставления послам, полномочия¹. Затем он разделял удостоверительные (отсутствующие в общей классификации) грамоты на верительные («верющие») и полномочные, а гарантирующие безопасность и проезд — на опасные, проезжие, подорожные грамоты, «пасы» и паспорта². С. М. Каштанов относил все перечисленные разновидности к удостоверительным и договорно-удостоверительным видам публично-правовых актов, которые, наряду с удостоверением полномочий, титула, должности, личности иногда включали фрагменты договорных взаимоотношений сторон (свидетельства, пропуска, мандаты, паспорта)³. Анализ актов Великого посольства позволяет более точно определить особенности отдельных видов грамот и уточнить их классификацию.

«Верющие» и полномочные грамоты оформлялись отдельно в каждую страну-контрагент, причем на имя офи-

---

¹ Сергеев Ф. П. Формирование русского дипломатического языка. Львов, 1978. С. 161.

² Там же. С. 165–188.

³ Каштанов С. М. Русская дипломатика. М., 1988. С. 151; Он же. Актовая археография. М., 1998. С. 10–15.

циального, по российским представлениям, правителя: в Австрию — к цесарю, в Англию и Данию — к королям, в Саксонию и Бранденбург — к курфюрстам, в Курляндию и Венецию — к князьям, в Голландию — к Генеральным штатам. Опасные, проезжие, подорожные грамоты, «пасы» и паспорта подготавливались в одном экземпляре для каждой поездки или поручения без деления на страны. Из всего многообразия актов документации миссии 1697–1698 гг. особо следует выделить бумаги удостоверительного характера, анализу которых будет посвящена данная статья, как наиболее важных в сфере определения дипломатического статуса послов.

Порядок написания всех грамот основывался на прецеденте. В случае необходимости изменений в устоявшемся формуляре выпускались специальные указы. Так, при оформлении грамоты к цесарю для миссии А. Вейде всплыл вопрос о порядке написания титулов и имен. В прошлом в царских грамотах золотой краской («золотом») писались имена и титулы по слова: «Московского» (о царе) и «Римского» (о цесаре), а для остальной части титула использовались чернила. В 1686/1687 г. во время пребывания послов в Вене, сообщает статейный список посольства Б. П. Шереметева, к ним на двор приехали австрийские вельможи Я. Х. Жировский и Ф. Винанд, которые, помимо других дел, говорили о необходимости написании золотой краской полных титулов и цесаря и царя в посланиях московского правителя. Послы обещали донести информацию до сведения царя. В приказной справке указывалось, что в цесарских грамотах титулы всегда полностью писались золотом, а «дело чернилы». В соответствии с перечисленными обстоятельствами принимается решение, сформулированное 23 января 1697 г. в указе, с предписанием все имена и полные титулы в грамотах к австрийским императорам писать золотой краской¹. Согласно данной директиве были оформлены бумаги как для А. Вейде, так и для самих великих послов².

---

¹ РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 6 (1696 г.). Л. 48–50.

² Там же. Л. 51–55; Д. 9 (1697 г.). Л. 1–2, 3–4.

В ходе дальнейшей подготовки документации для Великого посольства выяснилось, что при обмене посланиями между русскими царями и английскими королями в XVII в. обе стороны не применяли в официальных титулах слова «пресветлейший» и «державнейший». Важность этого момента объясняется значительностью использования данных прилагательных в определении статуса правителя, уровня его независимости и веса среди монархов Европы. После составления необходимых справок служащие Посольского приказа вынесли на рассмотрение вышестоящего начальства вопрос о дальнейших действиях: «о том великий государь, что укажет». В результате, 16 февраля 1697 г. выходит указ, скрепленный главой приказа Е.И. Украинцевым, о дополнении слов «пресветлейший и державнейший» в официальной переписке с английским королем к именам обоих государей¹.

Особо был поднят вопрос о титуловании и «имяновании» (указание имени) верховного духовного иерарха католических стран — римского папы. В приказе составили специальную выписку о происхождении и гербе последнего папы (Иннокентия XII), о написании его титула, о титуловании римских первосвященников во время прежних контактов. Показательно, что в 1579/80 и 1671/72 гг. обращения различались:

1579/1580 г.

«Папе, навысшему пастырю и учителю римские церкви»

1671/1672 г.

«Папе и учителю римского костела, поздравление»

В первом случае заметно уничижение царя Ивана Грозного перед папой Григорием XIII, которого хотели просить о посредничестве в заключении мира с Польшей.

В 1683/84 г. австрийским послам в Москве было сказано, что впредь будет употребляться формула, которая использовалась в документации миссии П. Менезиуса, т.е. в вышеуказанном варианте за 1671/72 г. Однако приведенный далее пример имел отличия: «Честнейшему и избран-

---

¹ РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 5 (1696 г.). Л. 170–171.

нейшему господину [имя] папе и пастырю римскаго костела достойнешему»¹. Для уточнения формулировок и устранения недоразумений 10 февраля 1697 г. дается указание расспросить штатных переводчиков Посольского приказа о том, какие слова используют английский, шведский и датский короли в обращении к римским папам. Из беседы с четырьмя специалистами по письменному переводу (Н. Спафарием, С. Лаврецким, П. Вульфом и П. Шафировым) выяснилось, что в доступных немецких и латинских книгах такая информация отсутствует. В имеющихся же работах, касающихся дискуссий о вере католиков с лютеранами и кальвинистами, последние называли римского папу «антихристом и иными ругательными именами»². В итоге, было решено использовать следующую формулу: «Честнейшему господину Инокентию Второмунадесять, папе и учителю римские церкви, достойнешему поздравление», которую следовало принимать за образец (прецедент) при дальнейших контактах с Римом. 16 февраля 1697 г. постановление закрепили царским указом³.

Наиболее важным изменением в прежнем порядке оформления грамот к иностранным правителям стало значительное сокращение подробнейшего богословия в начале документов. Основным аргументом в пользу нововведения явился пример зарубежных стран: «А окрестные великие государи христианские в грамотах своих и в листах к нему, великому государю, и к своим имянованиям и титулам таких богословий в начале наперед сего никогда не писывали и ныне не пишут, а пишут толко “Божиею милостию” с ымянованьем и с титулы»⁴. Ранее использование пышной формулы обуславливалось стремлением московских царей выразить свое значение в христианском мире в качестве правителей крупнейшего православного государства, в контексте концепции «Москва — третий Рим». К концу же XVII в. данная тенденция значительно уменьшается, по-

---

¹ РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 5. Л. 173–174.

² Там же. Л. 175–176.

³ Там же. Л. 178.

⁴ Там же. Л. 31.

этому в ущерб внешней велеречивости происходит упрощение дипломатического этикета со смещением в сторону большей практичности и удобства. 22 декабря 1696 г. появляется указ об использовании в дальнейшем в официальных документах русских царей краткой богословской формулы: «...указал ...писать к своему великого государя именованию и к титулам в начале одну богословию по сему: “Божиею милостию мы, пресветлейший и державнейший...” ...А богословий прежние... указал оставить и предъ тех богословей... писать не указал...»¹

І. «Верющие» грамоты

Согласно Ф.П.Сергееву, «верющая» грамота представляет собой «документ, удостоверяющий назначение указанных в нем лиц дипломатическими агентами и свидетельствующий о том, что поручения, передаваемые ими, адресуются от имени государя, их направившего»². Н.М.Рогожин более сжато определяет ее удостоверением «личности посла как представителя Российского государства»³. Наличие таких бумаг свидетельствовало о возможности ведения важных переговоров, содержащих определенную долю самостоятельности российских дипломатов. Сам термин «верющая грамота» в тексте документов не встречается, а ее название идет от стандартной формулировки, предусматривавшей принятие всех слов дипломатов «с полною и совершенною верою».

Среди материалов Великого посольства сохранилось девять «верющих» грамот в нескольких списках: две — к цесарю⁴, по одной — к римскому папе⁵, английскому⁶, датскому⁷ и французскому⁸ королям, венецианскому князю⁹,

---

¹ РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 5. Л. 31.

² Сергеев Ф. П. Указ. соч. С. 165.

³ Рогожин Н. М. Посольские книги России конца XV–XVII вв. М., 1994. С. 73.

⁴ РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 9 (1697 г.). Л. 3–4, 28–29; Д. 48 (1698 г.). Л. 1–7.

⁵ Там же. Д. 9 (1697 г.). Л. 5–8, 30–30 об.

⁶ Там же. Л. 12–13.

⁷ Там же. Л. 16–17, 32–32 об.

⁸ Там же. Л. 48–50.

⁹ Там же. Л. 20–21, 34 об.–35.

голландским штатам¹, бранденбургскому курфюрсту². Появление второй грамоты к австрийскому императору объясняется непригодностью первой, на что указывает специальная помета: «206-го (1698 г.) июля в 10 день великий государь, слушав, указал такову свою государеву грамоту, написав в лист на паргамине, своим великим послом цесарскому величеству на посольстве подать; а прежнюю, какова послана с ними с Москвы ис Посольского приказа, оставить для того, что та грамота по настоящему времени не годилась»³. Надобность в новом документе возникла в связи с переменами в международной обстановке, произошедшими после отъезда дипломатов из Москвы, что, в свою очередь, повлияло на планы Петра I, несколько скорректировавшего задачи миссии.

Согласно разработкам С.М. Каштанова, посвятившего множество трудов теоретической и практической дипломатике, в наиболее упрощенном виде структура грамот (формуляр) состоит из трех основных частей: начальный протокол, текст и конечный протокол, к которым примыкает удостоверительная часть. В свою очередь они делятся на более дробные составляющие: 1) инвокацию (посвящение богу), интитуляцию (адресант), инскрипцию (адресат), салютацию (приветствие), 2) аренгу (преамбула), нотификацию (объявление), наррацию (повествование), диспозицию (распоряжение), санкцию, корроборацию (удостоверение), 3) датум (выходные данные), аппрекацию (заключение), 4) субскрипцию (сочетание подписи и формулы удостоверительного действия), сигнатуру (подпись)⁴. Дальнейший разбор формуляра актов будет соответствовать данной терминологии и схожей методике.

Используемый в начале всех «верующих» грамот (в черновиках и списках иногда опущен) оборот «божиею милостию» нельзя назвать инвокацией (*invocatio*) в чистом виде. Он скорее несет функцию преамбулы или, по мнению

---

¹ РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 9 (1697 г.). Л. 25–26.

² Там же. Л. 36, 36 об.

³ Там же. Д. 48 (1698 г.). Л. 1 об.

⁴ Каштанов С. М. Русская дипломатика. С. 169–171.

С. М. Каштанова, «богословской преамбулы»¹, которая сливается с интитуляцией, т. е. указанием адресанта. Фактическое вхождение «богословия» в состав *intitulatio*, на наш взгляд, было вызвано вышеупомянутым сокращением восхвалений Богу по примеру европейских стран. Фраза «Божиею милостию мы, пресветлейший и державнейший великий государь царь и великий князь Петр Алексеевич...» стала нести единую смысловую нагрузку, где мотив божественной милости относится к факту бытия (пребывания) Петра I самодержавным правителем. Молитвенные мотивы, возвышенность воззвания к богу, первоначально заложенные в *invocatio*, в данном случае полностью нивелируются. Наоборот, в старых «богословиях», тоже подразумевавших царствование государей на Руси по божественному провидению, тема молитвы звучала более ярко. Пышность и высокопарность выражений позволяют отнести их с полным правом к подлинной инвокации: «Бога всемогущаго и во всех всяческаго действующаго, вездесущаго и вся исполняющаго и утешения благага всем человеком дарующаго, содетеля нашего в Троице славимаго, силою и действием, и хотением, и благоволением утвердившаго нас, и укрепляющаго властию своею всесилоу избранный скиптр в православии, во осмотрение великаго Российскаго царствя, и со многими покоряющимися прибылыми государствы дедичного наследства и обладательства, мирно держати и соблюдать на веки, мы...»² Введенный новый краткий стандарт, который применялся раньше лишь для проезжих листов, теперь стал полностью совпадать у всех грамот.

Вывод о полном сходстве можно сделать и относительно интитуляции «верующих» грамот, т. е. обозначения лица, от которого исходит документ. В делопроизводственной документации (черновики, отпуски, списки) иногда ради экономии места титулы могли либо целиком опускаться, либо использоваться в виде «скобочных сокраще-

---

¹ Каштанов С. М. Русская дипломатика. С. 185.

² Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными (далее — ПДС). СПб., 1864. Т. VII. Стб. 985–986.

ний». В последнем случае после фразы «...всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца» шли слова в скобках: «и прочая вся большая титла», «большая титла» и т. п.¹ Однако в окончательном варианте всегда приводился полный титул царя Петра Алексеевича с исчерпывающим указанием земель и владений, что характерно для всех рассматриваемых актов. Отсутствие разночтений в *intitulatio* лишний раз подтверждает ту важность, с которой в отечественной дипломатии XVII в. относились к написанию титула царя. Малейший недочет или сокращение могли привести к «умалению чести» государя, а для приказного служащего, совершившего ошибку, повлечь тяжелые последствия.

По схожему принципу происходило обозначение адресата, т. е. правителя которому предназначалась грамота (инскрипция). В черновиках и списках титулы также сокращались, но в официальном беловом варианте — приводились полностью. Размер *inscriptio* зависел от статуса главы государства: наибольший — у цесаря, наименьший — у римского папы и голландских штатов.

Завершался начальный протокол кратким приветствием (*salutatio*): «благолюбительно поздравляем» и «благолюбительно и приятно поздравляем» — цесарю (в первой и второй); «поздравление» — римскому папе и французскому королю; «любителное поздравление с приращением всякого блага» — бранденбургскому курфюрсту, «соседственно и дружелюбно чиним ведомо» — Генеральным штатам. Почти везде, исключая последний случай, салютация характеризуется межличностным общением двух властителей, один из которых (царь) в той или иной форме передает другому персональное поздравление. В ситуации с голландским высшим правительственным органом, представляющим республику, речь идет лишь о дружеском сообщении. И хотя последнее приветствие наиболее многословно, его эмоциональная нагрузка значительно ниже, чем у остальных.

В целом, начальный протокол, представляющий собой статью-обращение, четко определяется во всех грамотах и

---

¹ РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 3 (1697 г.). Л. 17; Д. 9 (1697 г.). Л. 48–50 и др.

включает три–четыре компонента. Он состоит из обозначения лиц, от которого исходит и к которому направлен документ, слившейся с интитуляцией богословской преамбулы и необязательной салютации.

В дополнение к стандартной статье-обращению «верющие» грамоты к австрийскому императору имеют второе краткое обращение: «Пресветлейший и державнейший государь, друже и брате любительнейший»¹. К сожалению, точно не удалось определить его принадлежность к тому или иному компоненту условного формуляра. По смыслу оно скорее относится к основной части, открывая повествование. Данное выражение свидетельствует об особом отношении русского государя к цесарю, который приветствовался как равный правитель. Тем самым предполагалось более низкое положение всех остальных владетелей и особый статус российского и австрийского монархов, имевших в своем подчинении другие царства и королевства.

Статья, с которой начинается основная часть, содержит уведомление о посылке Великого посольства с упоминанием причин и перечислением руководителей, т. е. обладает смешанным (уведомительно-мотивировочным) характером. Наличие описательных характеристик и использование глаголов в прошедшей форме («ныне отпустили», «изволили... послать ныне») позволяет отнести ее к повествовательному компоненту, где излагаются обстоятельства дела (наррация). Однако в ряде грамот данная статья содержит также и элементы преамбулы (выделено курсивом), что заметно из следующей таблицы:

К цесарю	«Которых недавно к вашему цесарскому величеству назначили настоящую нашу грамоту подать, великих и полномочных послов наших [имена и титулы послов]... тех ныне отпустили» ²
К римскому папе	«Изволили мы, великий государь наше царское величество (ниже заменено многоточи-

¹ РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 9 (1697 г.). Л. 3, 28; Д. 48 (1698 г.). Л. 3.

² Там же. Д. 9. Л. 3.

- ем. — А. Г.), обновляя древние пересылки, послать ныне и сею нашу настоящую грамоту вам честнейшему папе и учителю римские церкви подать великих и полномочных послов наших [имена и титулы]»¹
- К английскому королю «Изволили мы ... обновляя древние пересылки, послать ныне и сею нашу настоящую грамоту вашему королевскому величеству подать, наших великих и полномочных послов [имена и титулы]»²
- К датскому королю «Соблюдая, мы ... древнюю с вами дружбу и любовь, посылаем ныне сию нашу настоящую грамоту вашему королевскому величеству подать наших великих и полномочных послов [имена и титулы]»³
- К венецианскому князю «Соблюдая, мы ... древнюю с вами дружбу и обновляя любительные пересылки, посылаем с сею настоящую грамоту к вашей вельможности великих и полномочных послов наших [имена и титулы]»⁴
- К голландским штатам «Изволили мы ... соблюдая древнюю с вами дружбу, обновляя любительные пересылки, посылат с сею настоящею грамотою к вашей высокоможности великих и полномочных послов наших [имена и титулы]»⁵
- К бранденбургскому курфюрсту «Изволили мы ... соблюдая древнюю нашу к вам дружбу и любовь, обновляя любительные пересылки, посылат с сею настоящею грамотою к вашему курфюрстерскому пресветлейшеству великих и полномочных послов наших [имена и титулы]»⁶
- К французскому королю «Для утверждения с вами, братом нашим великим государем с вашим королевским величеством, наша братцкия дружбы и любви, и

¹ РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 9 (1697 г.). Л. 6.

² Там же. Л. 12.

³ Там же. Л. 16.

⁴ Там же. Л. 20.

⁵ Там же. Л. 25.

⁶ Там же. Л. 36.

для предложения потребных обоим нашим великим государем и государствам нашим и всему христианству общих дел изволили мы ... к вам, брату нашему к великому государю к вашему королевскому величеству, послать наших великих и полномочных послов [имена и титулы]»¹

К цесарю (новая) за 10 июля 1698 г.

«Усмотря, мы ... сего настоящего времени нам великим государем и государствам нашим, и всему христианству потребные и пожиточные дела, обычаем древних любительных наших пересылок в надежду оной, послали к вам, брату нашему к великому государю к вашему цесарскому величеству, наших великих и полномочных послов [имена и титулы]»²

Видно, что преамбула, т. е. введение к тексту, включает в себя объяснение декларативных причин отправки миссии к тому или иному правителю (указание на цель действия), причем к каждому со своей спецификой. К римскому папе и английскому королю посольство направлялось для обновления старых связей, к датскому королю — ради соблюдения прежней дружбы и любви, к венецианскому князю, голландским штатам и бранденбургскому курфюрсту — для соблюдения древней дружбы и любви³ с обновлением «любительных» контактов, к французскому королю (грамота так и не была до конца оформлена) — для утверждения братской дружбы и любви и обсуждения общих дел, к цесарю (по второй грамоте) — «усмотря» важные для обеих государств и всего христианского мира дела (в первой причины не указаны). Такое расплывчатое и краткое описание причин, ставших основанием для поездки за рубеж, сопровождаемое включением их в *narratio*, объясняется функциональными особенностями грамот, дававшихся лишь для удостоверения личности дипломатов.

¹ РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 9 (1697 г.). Л. 48–50.

² Там же. Д. 48 (1698 г.). Л. 3–5.

³ Последнее лишь к курфюрсту.

Продолжает наррацию описательно-уведомительная статья с пересказом предписанных послам задач («им же наказали»). В каждой стране дипломатам было указано объявить о старой дружбе царя, предложить советы и договориться об общих делах. Однако при внимательном анализе в некоторых документах можно выявить определенные отличия. Так, в основной массе грамот говорится об объявлении постоянной «нашей» «дружбы и любви», а в римской (т. е. к римскому папе) и бранденбургской лишь «дружбы»; причем в цесарской¹ и голландской дано распоряжение их не «объявить», а «крепшим люблением утвердить» и «разширить» (последнее лишь в цесарской). Кроме того, в цесарской грамоте для усиления выражения в отношении «дружбы и любви» введен определительный оборот «изрядно и древле между нами украшенную».

Фраза «и советы наши... предложить (объявить)» в кратком виде представлена только в английской грамоте. В других же появляются дополнительные вставки: в цесарской — «к безопасному намерению» (оборот вставляется после слова «наши»), в голландской, бранденбургской и венецианской — «к безопасному союзному намерению удобно избранные», в датской — «к безопасному христианскому делу и намерению», а в папской — «к безопасному христианскому делу и намерению против неприятеля креста святого». Неиспользованная грамота к французскому королю вообще не содержала оборота с предложением советов.

Третье предписание, требовавшее благополучного (иногда и удобного) соединения («совокупления») «общепотребных дел», звучит везде почти одинаково. Лишь в римской грамоте введен оборот, который поясняет, что это нужно «в настоящее удобное время к ведению святой войны».

Заканчивается *pagatio* формулой, имеющей черты публичного объявления (нотификация) и представленной двумя видами. В цесарской, папской, английской, датской, венецианской и бранденбургской грамотах — «о чем помя-

---

¹ Здесь и далее, кроме специально оговоренных случаев, речь идет о первой «верющей» грамоте к цесарю.

нутые великие и полномочные послы сердца нашего помышления пространнейше (или пространно) предложат (или возвестят, или объявят)»; во французской — то же самое, но с вычеркнутой в черновике фразой «сердца нашего помышление пространнейше»; а в голландской — «о чем они великие и полномочные послы пространно объявят». Изъятие из французской грамоты объясняется отсутствием особой теплоты в отношениях между Москвой и Парижем, а также поддержкой последним политики Оттоманской Порты. Несмотря на декларативный характер нотификационного оборота, все же представляется возможным включить его в наррацию, благодаря применению связывающего союзного оборота «о чем». В данном случае подразумевается завершение описания задач великих послов.

Narratio из второй «верющей» к цесарю имеет небольшие отличия. Во фразе о «любви и дружбе» убран второй глагол действия «разширить», а усиливающий определительный оборот «изрядно и древле между нами украшенную» заменен обычным определением «древлеукрашенную». Вместо «к безопасному намерению» появилось «к лутчему намерению», а заключительная формула стала звучать: «что наши великие и полномочные послы то наше желание пространнейше объявят». Таким образом видно, что смысловая правка заключалась лишь в изъятии намерения о расширении дружеских отношений в связи с осознанием руководителями русской дипломатической миссии и самим Петром I нежелания австрийской стороны продолжать войну с Турцией и вызванных этим скрытых трений между двумя странами. Русскому царю оставалось надеяться лишь на сохранение существовавших союзнических обязательств и не претендовать на что-то большее. Остальные текстуальные изменения имеют стилистический характер.

Dispositio, или распоряжение, по существу дела, как уже отмечалось в научной литературе¹, играет важнейшую функцию и может принимать значительные размеры, со-

---

¹ Каишанов С.М. Русская дипломатика. С. 187.

стоя из нескольких оборотов или статей. Не совсем точным, на наш взгляд, является использование латинского термина «dispositio», означающего в прямом переводе — «расположение». Более подходящим было бы применение слов «mandatum» или «institutum»¹. Однако для удобства будет применяться старая общепринятая терминология.

В «верющих» грамотах распорядительный вид настоящего компонента почти полностью нивелируется. Равноправие в сфере действия международных документов данной разновидности предусматривает исключительно рекомендательный характер всех пожеланий, просимых (или требуемых) от противоположной стороны. Вместе с тем, показательно, что вводная фраза диспозиции могла меняться в зависимости от статуса правителя, к которому обращен документ. Выявлено два типа начала dispositio: 1) «И того ради братски желаем, дабы ...² изволили у тех наших великих и полномочных послов, благоволиительно допущенных» — к цесарю, римскому папе, английскому, датскому и французскому королям и 2) «И вашей бы вельможности у тех наших великих и полномочных послов» — к венецианскому князю, «И вашей бы высокоможности у тех... послов» — к голландским Генеральным штатам, «И вашему б курфистрскому пресветлейшеству у тех... послов» — к бранденбургскому курфюрсту. Первый тип, выражавший просьбу к равноправному субъекту, использовался при обращении к суверенным самодержавным монархам или властителям, второй, более похожий на указание подчиненному, — ко всем остальным. Отсюда получалось, что, несмотря на меньшую значимость влияния Дании на международной арене по сравнению с Голландией и Венецией, королевский титул ее правителя ставил его на более высокую ступень в иерархии европейских государей. Помимо этого, в первом случае выражением «благоволи-

---

¹ Подосинов А. В., Белов А. М. LINGUA LATINA: Русско-латинский словарь. М., 2000. С. 262—263.

² Вставляется изменяемое обращение: «ваше цесарское величество; вы, честнейший папа и учитель римские церкви; ваше королевское величество; вы, брат наш великий государь ваше цесарское величество».

тельно допущенных» предусматривалась возможность отказа дипломатам в официальном приеме, во втором же такой вариант даже не рассматривался.

Полностью стандартизировалась следовавшая далее формула, давшая название всей разновидности актов: «все-го того, что они нашим именем предлагати будут, *с полною и совершенною верою слушать*»¹. Смысл ее заключался в следующем: во-первых, в декларировании за послами права выдвигать предложения от имени великого государя, во-вторых, в рекомендации принимать их с полной верой. Просительный характер статьи в данном случае теряет свое доминирующее значение. В результате чего она (статья) приобретает просительно-удостоверительные (либо просительно-процессуальные) функции.

Второе и третье распоряжения-пожелания диспозиции были более разнообразны, хотя и не сильно отличались по существу. Каждое из них можно классифицировать по трем типам: А: 1) «и то в крепость непоколебимыя братцкия нашае дружбы и любви соединить» — в цесарской грамоте, 2) «и то в крепость братцкия нашае дружбы и любви совокупить» — в английской, датской и французской, 3) «и то в твердость дружбы нашае принять» — в папской, венецианской, голландской и бранденбургской; Б: 1) «и советы наши на общую лепоту и пользу употребительные радостно (или “с охотой”) принять» — в цесарской, английской, датской и французской, 2) «и советы наши на общую лепоту и пользу христианскую употребительные против неприятелей креста святого соединить» — в папской, 3) «и советы наши на общую лепоту и пользу употребительные совокупить и укрепить» — во венецианской, голландской и бранденбургской. Опять мы видим различия между актами, обращенными к самодержавным властителям и ко всем остальным, с почти полным подобием внутри групп. Для первой совокупности характерно обращение к монархам как к братьям с пожеланиями не только дружбы, но и люб-

---

¹ РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 9 (1697 г.). Л. 3–4, 7, 12–13, 16–17, 20–21, 25–26, 36–36 об., 50; Д. 48 (1698 г.). Л. 7.

ви. Для второй — отсутствие какого-либо апеллирования к чувствам. Кроме того, глаголы «принять» и «совокупить и укрепить», использованные в качестве просьбы, обладают различной степенью требовательности по отношению к оппоненту. Особняком стоит лишь грамота к римскому папе, что объясняется его особым положением в качестве духовного, а не светского правителя. В данной части диспозиции вторая «верующая» к цесарю полностью соответствует первой с заменой лишь сложного определения «употребительные радостно» на простое — «любительно».

В завершающей части *dispositio*, абсолютно одинаковой во всех документах, содержится просьба о дозволении послам выехать на родину: «а по совершении дел к нам, великому государю к нашему царскому величеству, отпустить». Обычно отпуск проходил на заключительной аудиенции, в ходе которой дипломаты получали ответную грамоту. По ней оценивалась результативность миссии. Отсутствие данного документа свидетельствовало о полной неудаче дипломатов.

Таким образом, основная часть (или текст) делится на два четко различимых компонента условного формуляра: изложение обстоятельств дела и распоряжение по его существу. В составе наррации можно выделить разделы, имеющие признаки преамбулы и публичного объявления (нотификации), которые однако не несут самостоятельного значения. При смысловой классификации в каждом из компонентов удастся выделить по две статьи: в *narratio* — уведомительную и описательно-уведомительную, в *dispositio* — просительную-удостоверительную (либо просительную-процессуальную) и просительную.

Конечный протокол начинается с пространной аппрекации, т.е. заключительного благопожелания. Вводная фраза: «При сем мы великий государь, наше царское величество, желаем от Господа Бога вам...¹» — включает в себе обращение от лица божественной милости и встречается

---

¹ Вставляется изменяемое обращение: «ваше цесарское величество», «ваше королевское величество» и т. д.

в большинстве актов. Исключение составляют три документа. В папской и голландской грамотах пожелание идет не *от* имени всевышнего, а *к* нему: «При сем мы... вас, папу и учителя римския церкви, Господу Богу на сохранение предаем», «При сем мы... вашу высокоможность в сохранение Господу Богу всемогущему предаем». Во французской же вообще отсутствует мотивы воззвания к божественному началу.

Дальнейшее перечисление пожеланий тоже имеет свою специфику. Во-первых, всем правителям, кроме голландских Генеральных штатов, представлявшим коллективную форму правления и не имевшим четкого лидера, желают «многолетнаго» или «добраго» здравия. Во-вторых, цесарю — «счастливого в государствах ваших государствования и правления с приращением», английскому и французскому королям — «счастливаго в государствах ваших поведения и правления с приращением», датскому королю, бранденбургскому курфюрсту и венецианскому князю — «счастливаго в государствах (венецианцу — «во владетельствах») ваших поведения и правления». При этом четко определяется наличие реальных владений (у римского папы отсутствовали), их форма (государство или «владетельство») и возможность расширения управляемых территорий (для цесаря, английского и французского королей). Короли назывались «братьями», а цесарь — «любезнейшим братом».

Текст грамот завершается выходными данными, содержащими информацию о месте и времени создания документа: «Писан государства нашего во дворе, в царствующем велицем граде Москве, лета от создания мира 7205-го месяца февраля 25-го дня (во французской — «марта 7-го дня»), государствования нашего 15-го году»¹. Полная идентичность сведений и палеографический анализ говорят о формальном характере данного компонента, содержание которого не всегда соответствовало действи-

---

¹ РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 9 (1697 г.). Л. 4, 7, 13, 17, 21, 26, 36 об., 50; Д. 48 (1698 г.). Л. 7.

тельности. Рассмотрение черновиков показывает, что фраза, начинающаяся со слова «государствия», везде была написана одинаковыми (но отличными от остального текста) чернилами и почерком, т. е. имеет более позднее происхождение. Даже вторая грамота к цесарю, созданная, по сообщению статейного списка, 17 июля 1698 г.¹, имеет официальную датировку 25 февраля 1697 г.²

Черновые отпуски «верующих» грамот включали описание внешнего вида беловиков, что частично позволяет разобрать не только внутреннюю, но и внешнюю форму актов³. Сами же подлинники должны были сохраниться в зарубежных архивах тех стран, которые посетило Великое посольство и где вручало грамоты. В анализ не вошли грамоты к бранденбургскому курфюрсту (потерян черновой отпуск) и к французскому королю (беловик не был оформлен).

Листы, использовавшиеся для написания документов, носили название «александрийских»⁴ и имели стандартный размер — 45 на 35 см. Однако качество бумаги различалось: грамоты к австрийскому императору (цесарю) оформлялись на «александрийском большем листу», остальные — на «средних». Аналогичные различия наблюдаются в объеме золотописной части, т. е. текста, выведенного золотой краской. В цесарской грамоте, в соответствии с упоминавшимся выше указом от 23 января 1697 г., золотом были полностью написаны все титулы и имена монархов до начала изложения дела. В остальных актах, в соответствии с прежней традицией, «драгоценный» цвет применялся лишь для имен и кратких титулов: у российского царя — по «Московский», у римского папы — полностью, у остальных — по первое слово в перечислении владений на «александрийском среднем листу».

В качестве украшения характерно употребление различных изобразительных элементов: вычурная заглавная

---

¹ РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. Кн. 45. Л. 688–688 об.

² Там же. Д. 48 (1698 г.); Кн. 45. Л. 692.

³ Там же. Д. 9 (1697 г.). Л. 4, 8, 13, 17, 21, 26; Д. 48 (1698 г.). Л. 7.

⁴ Название «александрийский» пошло от одного из мест первоначального появления бумаги — Александрии Египетской.

буква («заставица»), рисунки на полях, художественный орнамент. Здесь наблюдается более дробная дифференциация: в цесарских грамотах находятся «заставица и кайма с фигуры — во весь лист», в римской, английской и датской — обычные «заставица и кайма с фигуры», а в венецианской и голландской — «заставица с фигуры небольшими». Скреплялись все без исключения «верющие» грамоты большой государственной печатью «под кустодиею бумажною фигурною». Редчайшим случаем стало использование пергамента во второй «верющей» к цесарю в качестве материала для письма. В помете, объясняющей причины создания новой грамоты, этому даже уделено особое внимание: «206-го июля в 10 день великий государь, слушав, указал такову свою государеву грамоту, написав в лист на паргамине...»¹

Особенностью данной разновидности актов являлось отсутствие копий с переводом на латинский язык, обычно прилагавшихся к беловику. Об этом свидетельствует специальная помета: «А списка по-латине в верющие во все грамоты не положены, а положены толко списки по-латине под одне полномочные грамоты»². Исключение составляет второй вариант «верющей» к цесарю, в которую латинский список сначала не был вложен, но затем по просьбе графа Кауница это было сделано. Латинский вариант был написан и отослан австрийцам 20 июля 1698 г. с переводчиком П. Вульфом. На данный факт указывает сохранившийся черновик латинского текста с пометой³.

Анализ почерков черновиков показывает, что сведения о времени и месте написания подлинника, а также его описание вставлялись в черновики по прошествии определенного периода. Все вставки со справочной информацией написаны одним почерком, отличным от остального текста. Данное обстоятельство может свидетельствовать о предварительной работе канцелярии Посольского приказа, в которой сначала были созданы «трафареты» грамот, а уже за-

---

¹ РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 48 (1698 г.). Л. 1 об.

² Там же. Д. 9 (1697 г.). Л. 8.

³ Там же. Л. 8–8 об.

тем в них внесли необходимые дополнения, исправления, проставили дату и приписали сведения о подлиннике. Последняя информация вводилась исключительно в служебных целях, так как в оригинал не попадала, а переписывалась только в посольскую книгу. Сами выходные данные, видимо, были включены уже после выработки окончательной даты отправки миссии.

Подводя предварительный итог, можно отметить, что разбор конкретного формуляра «верующих» грамот показывает существование в нем четко определяемого трехчастного деления на начальный протокол, основную часть и конечный протокол. Полностью отсутствует дополнительная удостоверительная часть. Начальный протокол почти целиком стандартизирован и состоит из двух или трех компонентов, где интитуляция и слившаяся с ней инвокация абсолютно одинаковы, инскрипция различается по своему определению, т. е. в обращении к тому или иному правителю, а салютация вошла лишь в некоторые грамоты. В свою очередь, основная часть включает в себя нарратив и диспозицию, более разнообразные по содержанию. Частично определяется преамбула и нотификация, вошедшие в повествовательную часть и, соответственно, начинающие и заканчивающие ее. Конечный протокол представлен в полном объеме, объединяя в себе аппрекацию и выходные данные. Из указанных в начале компонентов условного протокола отсутствуют санкция и корроборация. Смысловой анализ позволил выделить семь статей: 1) статью-обращение, включающую начальный протокол; 2) уведомительную и 3) описательно-уведомительную, объединенные в нарратив; 4) просительно-удостоверительную (либо просительно-процессуальную) и 5) просительную, входящие в диспозицию; 6) статью-пожелание (аппрекация) и 7) описательную (датум).

Анализ основной части показывает, что «верующие» грамоты в целом имеют удостоверительно-рекомендательный вид. Основная их функция заключалась в провозглашении за послами права выдвигать предложения от имени великого государя и в рекомендации принимать их с пол-

ной верой. Кроме того, в них в обобщенном виде формулируются цели и задачи миссии. «Верющие» грамоты вручались на первой торжественной аудиенции посольства у местного правителя и играли скорее церемониальную, чем практическую роль.

В отношении второй «верющей» грамоты к цесарю можно прийти к выводам, что изменения, по сравнению с первой, были достаточно кардинальны. Однако проблема заключалась не только в «подчеркивании» «древности» и «непоколебимости» дружбы, как полагает австрийский исследователь И. Шварц¹. Основным изменениям подверглась повествовательная часть, в которую вставили описание мотивов отправки посольства со ссылкой на древность обычая «любителных ...пересылок» и актуальность назревших проблем для всего христианского мира. В свете начавшихся неофициальных австро-турецких сепаратных контактов было изъято указание послам о расширении дружбы и снижена эмоциональность некоторых выражений. Таким образом новый документ стал больше соответствовать создавшейся ситуации на политическом небосклоне.

II. Полномочные грамоты

По сведениям Ф. П. Сергеева, с середины XVII в. документ, закреплявший полномочия дипломатов, носит название полномочной грамоты. Иногда его значение пересекалось с «верющей» грамотой, что вело к взаимозамене друг друга². Так как большинство международных контактов заканчивалось подписанием документов, то для возможности это сделать, послам вручали полномочия от имени государя. Само название разновидности актов всегда встречается в тексте документов: «к сей нашего величества *полномочной грамоте...*»³

---

¹ Шварц И. Великое посольство и венский двор: (К вопросу о пребывании Великого посольства в Вене) // Центральная Европа в новое и новейшее время: (Сборник к 70-летию Т. М. Исламова). М., 1998. С. 62.

² Сергеев Ф. П. Указ. соч. С. 170.

³ См., например: РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 48 (1698 г.). Л. 12.

Среди бумаг посольской миссии 1697–1698 гг. сохранилось девять полномочных грамот в нескольких списках: две — к цесарю (далее будут называться — «цесарские» или «австрийские»)¹, по одной — к римскому папе², английскому³ и датскому⁴ королям, венецианскому князю⁵, бранденбургскому курфюрсту⁶, голландским штатам (без окончания)⁷ и к цесарю для П.Б.Возницына (далее — «возницыновская»)⁸. Значительные различия в конкретном формуляре первых восьми грамот и последней затрудняют проведение их совместного анализа. Было признано целесообразным выделить разбор «возницыновской» грамоты в отдельный пункт.

Сравнение «верющих» и полномочных грамот показало, что особые различия можно наблюдать лишь в основной части их условного формуляра при почти полном сходстве начального и конечного протоколов. Для избежания повторов совпадающие компоненты документов в ходе дальнейшего разбора подробно рассматриваться не будут.

Начальный протокол полномочных грамот Великого посольства, охватывающий статью-обращение, по своему составу и содержанию почти полностью соответствует аналогичной части «верющих» грамот. Исключение представляет лишь салютация. Она обнаруживается в римской, австрийских и английской грамотах в форме сообщающего оборота «...чиним ведомо». В ряде случаев это происходит с использованием различных наречий: в обеих цесарских — «благолюбительно и приятно», в английской — «братски любительно»⁹. В целом, *salutatio* представлена в довольно краткой форме, осуществляя вспомогательные функции.

---

¹ РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 9 (1697 г.). Л. 1–2; Д. 48 (1698 г.). Л. 9–12.

² Там же. Д. 9 (1697 г.). Л. 9–12, 30 об.–31.

³ Там же. Л. 14–15.

⁴ Там же. Л. 18–19, 32 об.–33.

⁵ Там же. Л. 22–24, 34–34 об.

⁶ Там же. Л. 36 об.–37.

⁷ Там же. Л. 27.

⁸ Там же. Д. 53 (1698 г.). Л. 2.

⁹ Там же. Д. 9 (1697 г.). Л. 1, 14; Д. 48 (1698 г.). Л. 10.

Характерно для полномочных и наличие в цесарских грамотах второго краткого обращения «Пресветлейший и державнейший государь, друже и брате любительнейший»¹, что полностью соответствует той же особенности в «верющих».

Преамбула (введение), с которой начинается основной раздел, является частью уведомительной статьи с показом декларативных задач Великого посольства. В формуляре полномочных грамот аренга имеет ярко выраженный характер, что достигается с помощью предлога «для», дающего четкое указание на цель действия. Более расплывчато она выглядит во второй грамоте к цесарю, где вместо предлога используется деепричастие «имея». Преамбула состоит из двух или трех (для цесаря) оборотов, соответствующих той или иной задаче, поставленной перед миссией. Во-первых, к венецианскому князю и бранденбургскому курфюрсту послы ехали «для утверждения» обычной дружбы, к римскому папе — «доброй» дружбы, к английскому королю — «дружбы и любви», к датскому королю — «древней дружбы и любви», к цесарю (по первой) — «нашие истинные дружбы и любви, которая между нами и предки нашими всегда непоколебима была», а к голландским штатам — не просто «для утверждения» «нашей» «с вами дружбы», но «и всему союзному христианству». Во-вторых, они должны были предложить договориться: с венецианским князем, голландскими штатами и бранденбургским курфюрстом — об «общепотребных» делах; с римским папой — о делах «общепотребных» не только им, но еще и «всему христианству»; с английским и датским королями — о делах «общепотребных нам» и «государствам нашим к (в) доброй прибыли»; с цесарем (по первой) — о «общепотребных обоим нам великим государем и государствам нашим дел». И, в-третьих, с цесарем: для осуществления «взаимного с обеих сторон равенственного воздаяния». Во второй к цесарю цели поездки сокращены и указаны в косвенной форме: «Имея, мы ... с вами... древ-

---

¹ РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 9 (1697 г.). Л. 1; Д. 48 (1698 г.). Л. 10.

ною дружбу и любовь, при том и обще обоим нам великим государем потребные и всему христианству благоугодные дела». В целом, agenda имеет более упорядоченный и четкий вид с ясным описанием мотивов выезда за рубеж¹.

Завершает уведомительную статью наррация. Почти во всех полномочных она занимает небольшой объем и содержит сообщение о факте отправки великих послов с перечислением их имен и титулов. Исключение естественной разницы в упоминаниях того или иного правителя (ваше королевское величество, ваша светлость и т. д.) позволяет выделить четыре типа *pagatio*: 1) «назначили и послали есмы к вам ... (краткое упоминание адресата. — *А. Г.*) великих и полномочных послов наших ... (титулы и имена. — *А. Г.*)» — в первой цесарской и римской грамотах; 2) «послали есмы к вашему ... [адресат] великих и полномочных послов наших ... [титулы и имена]» — в английской и датской; 3) «послали к вашему ... [адресат] наших царского величества великих и полномочных послов ... [титулы и имена]» — во второй к цесарю; 4) «посылаем мы, великий государь наше царское величество, к вашей (вашему) ... [адресат] великих и полномочных послов наших ... [титулы и имена]» — в венецианской, голландской и бранденбургской². Как видно, различия достаточно незначительны и выражаются в количестве использованных глаголов (один или два) и их временной форме (прошедшее или настоящее). Из общего правила выделяется вторая полномочная грамота к цесарю, имеющая, помимо вышеупомянутой фразы, подробное перечисление конкретных задач дипломатов: «которым наказали: тое нашу, великого государя нашего царского величества, с вами, братом нашим великим государем с вашим цесарским величеством, искони текущую дружбу объявить и в лутшее состояние привести и утвердить, и о належащих делех явственню и пространно донести, и общим согласиём с вашими цесарского величества ближними людьми договорить и постано-

¹ РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 9 (1697 г.). Л. 1, 9, 14, 18, 22, 27, 36 об.; Д. 48 (1698 г.). Л. 10.

² Там же. Д. 9. Л. 1, 9, 14, 18, 22, 27, 36 об.—37; Д. 48. Л. 10.

вить»¹. Данное обстоятельство сближает ее с «верющими» грамотами, обладавшими аналогичным развернутым изложением «наказанного» посольству. В целом, в отличие от «верющих» грамот, где наррация включает в себя несколько статей, в полномочных, за редким исключением, она незначительна по объему и сама является частью уведомительной статьи.

Следующий далее диспозитивный раздел очень сложен по своему составу. Он состоит из четырех разнохарактерных распоряжений-статей.

Первая статья содержит в себе информацию о статусе документа. Ее текст почти полностью стандартизирован и сведен к формуле: «яко же силою сея грамоты совершенно *полную мочь* им вручили». Небольшое отличие можно наблюдать лишь во второй цесарской грамоте: «которых (послов. — А. Г.) силою сея наша грамоты признаваем за *полномочных быть*»². Данное распоряжение обладает процессуальной функцией, так как включает описание важнейшей юридической нормы, определяющей положение и дипломатический вес послов.

Вторая статья, более многословная, выражает пожелание практических действий, связанных с проведением переговоров. Сравнение позволило выделить несколько ее типов, встречающихся: 1) в обеих цесарских, 2) в римской, 3) в английской и датской; 4) в бранденбургской, голландской и венецианской грамотах. Кроме того, предварительный разбор позволил разбить саму статью на дробные составляющие: а) вводная фраза с обращением к конкретному правителю, б) обоснование причин, почему принимающая сторона должна пойти на контакт, в) перечисление ожидаемых действий.

В качестве вводного оборота во второй статье характерно использование глаголов «не сомневаемся» (1 тип), «надеемся» (2, 3 типы) или деепричастия «надеясь» (4 тип) с обращением к определенному правителю. Обоснование

---

¹ РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 48 (1698 г.). Л. 10.

² Там же. Д. 9 (1697 г.). Л. 1, 9, 14, 18, 22, 27, 37; Д. 48 (1698 г.). Л. 10.

причин более разнообразно: 1) в цесарских — «подражая исконному между нами братцкому соединению, также и по доброй нашей к вам склонности», «потому ж по склонной к нам великому государю своей дружбе и древнему приятеству»; 2) в папской — «по оной доброй нашей к вам явной дружбе и подражая христианскому союзному против неприятелей Креста Святаго обществу»; 3) в королевских — «по оной нашей к вам доброй склонности»; 4) в остальных — «по оной нашей к вам доброй дружбе», а в бранденбургской и венецианской еще и «подражая христианскому союзному обществу». При чем применение тех или иных доводов логически обусловлено. Сора́тниками и союзниками названы австрийское, венецианское и бранденбургское государства, с первыми из которых Россия совместно выступала против Турции, а с последним намеревалась заключить соглашение. В папской имеется неременная апелляция к борьбе против врагов христианства. С остальными странами отношения находились в нейтральном состоянии, поэтому обошлись без дополнительных аргументов.

В последней составляющей принципиальные отличия имеет лишь четвертый тип (бранденбургская, венецианская, голландская грамоты), согласно которому весь ход переговорного процесса предусматривалось вести с самими правителями, а не с их приближенными. Ср.: «у тех (в цесарских — “вышеимянованных”) наших великих и полномочных послов наказанных им дел, министром (либо “цесарского величества думным людем”, либо “ближнем людем”) своим выслушать и договаривать и становить с ними повелите» (1–3 типы) и «у тех наших великих и полномочных послов, наказанные им дела выслушав, договаривать и становить похощите» (4 тип)¹. Кроме того, во второй цесарской дополнительно ожидается, что все предложения и действия послов будут приняты «в любовь».

Провести точное атрибутирование второй статьи представляется достаточно трудной задачей. Ее формулировки

---

¹ РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 9 (1697 г.). Л. 1–2, 10–11, 14, 18, 22, 27, 37; Д. 48 (1698 г.). Л. 10, 12.

не содержат прямую просьбу о чем-то, а исходят из опосредованного обращения к желательности того или иного действия. Начиная фразу со слов «не сомневаемся» или «надеемся», авторы грамот подразумевали, что противоположная сторона должна совершить требуемые от нее действия. С целью же убеждения в необходимости таких шагов происходит апеллирование к различным чувствам контрагента, что ведет к еще большему усложнению структуры предложения. Последнее придает данной статье черты публичного объявления (нотификации), хотя в целом несомненен ее просительный характер.

Третья¹ и четвертые статьи диспозиции не имеют существенных расхождений и фактически отвечают единому стандарту. Первая из них, просительно-рекомендательная, соответствует одной из формул «верующих» грамот: «и что наши великие и полномочные послы, будучи у вас² ...учнут говорить и становить, и тому б *верить*»³. Она отсутствует лишь во второй царской грамоте. Последняя — представляет собой договорную клаузулу: «а что те наши царского величества ...послы с вашими царского величества думными людьми* постановят и письмами утвердят, и то от нас, великого государя нашего царского величества, здержано будет крепко и непорушимо»⁴.

В целом *dispositio* имеет чрезвычайно важное значение, подчеркивая правовой характер всего акта. Она состоит из процессуальной, просительной, просительно-рекомендательной и договорной статей с элементами нотификации. Оговаривая передачу полномочий российским

---

¹ В середине статьи голландская полномочная грамота обрывается.

² Вставляется изменяемое обращение: «великого государя вашего царского величества», «честнейшего папы и учителя», «у вашего королевского величества» и т. д.

³ РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 9 (1697 г.). Л. 2, 11, 14, 18, 22, 27, 37; Д. 48 (1698 г.). Л. 12.

* В других грамотах меняется на: «с вашими министры», «с вашими королевского величества думными людьми», «с вашим курфюрстским пресветлейшеством», «с вами».

⁴ РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 9 (1697 г.). Л. 2, 11, 14, 18–19, 22, 37; Д. 48 (1698 г.). Л. 12.

дипломатам, диспозиция регламентировала не только проведение переговоров на самом высоком уровне, но и позволяла заключать международные соглашения от имени монарха. Договорной вид ее заключительной статьи позволяет уточнить классификационную принадлежность всех полномочных грамот.

Завершают основную часть сведения об удостоверительных знаках документа. Корроборация содержит информацию о заверении грамоты царской печатью с обоснованием необходимости этого: «а для совершеннейшаго известия к сей нашей царского величества полномочной грамоте мы, великий государь наше царское величество, печать свою приложить повелели»¹.

Формуляр полномочной грамоты к цесарю, данной П. Б. Возницыну, имеет значительные отличия как по структуре, так и по содержанию. Из-за отсутствия в черновике и списке из посольской книги каких-либо сведений о начальном протоколе анализ будет проводиться лишь основной части².

Вместо преамбулы основная часть начинается с нотификации, обладающей уведомительным характером: «Объявляем и свидетельствуем силою настоящего». Затем, как и в других полномочных, следует наррация, которая, вместе с тем, несет другое содержание. На этот раз в повествование включено объяснение мотивов, приведших к организации миссии П. Б. Возницына. Однако форма изложения носит несколько завуалированный вид: «понеже между нами и нашими высокими союзники с единые страны и высокою Портой атаманскою с другие стороны, постановляемого к договорам миру путь открыт, что и мы в том деле отрицания не творим».

Диспозитивная часть менее развернута, хотя и состоит из двух статей. В первой, уведомительно-описательной, речь идет о статусе посла и его конкретной цели: «и ясневельможному великому послу думному нашему советнику

---

¹ РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 9 (1697 г.). Л. 2, 11, 14, 19, 22, 37; Д. 48 (1698 г.). Л. 12.

² Там же. Д. 53 (1698 г.). Л. 2; Кн. 46. Л. 4–5 об.

и наместнику Болховскому Прокофью Богдановичю Возницыну *полную и совершенную силу и мочь* дали на учрежденном съезде подписать и печатью утвердить позволили с атаманскою Портою пристойного и нам потребного и [в]о всех наших пользах и прибытках мира, купно союзных наших с полномочными послы, договор учинить, что взаимно тоежде учинено будет и от служителей Порты». Кроме того, как видим, в ней в косвенной форме приводятся сведения о самом дипломате и его званиях, которые обычно помещались в повествование. Вторая статья обладает договорной функцией и содержит обещание поддержки всех возможных соглашений: «обещая нашим царского величества словом, что все то чрез помянутого полномочного нашего посла постановленное и уговоренное, закрепку и пристойно держати хотим и должны».

Оканчивается основная часть информацией об удостоверении документа печатью: «есмы которое силою сей нашей грамоты печатью нашу утверженной свидетельствуем».

В целом, оригинальность «возницыновской» полномочной состоит в исчезновении из конкретного формуляра преамбулы с появлением краткой нотификации, в сокращении количества смысловых статей (диспозиция урезалась вполвину) и в изменениях содержания различных компонентов. Однако ряд признаков, характерных именно для полномочных грамот, сохранился: наличие формулы о передаче *полномочий* и договорной характер одной из статей.

Конечный протокол полномочных грамот состоит всего лишь из одного компонента — выходных данных. Содержание его полностью соответствует общей формуле, совпадающей с аналогичной статьей в «верющих». Изменяется лишь официальная датировка грамот: «...7205-го февраля месяца 25-го дня...» — в обеих австрийских, английской, датской, бранденбургской, голландской и венецианской; «...7205-го месяца марта 1-го дня...» — в римской; «...7206-го месяца июня 19-го дня...» — в «возницыновской»¹.

---

¹ РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 9 (1697 г.). Л. 2, 11, 14, 19, 22, 37; Д. 48 (1698 г.). Л. 12; Д. 53 (1698 г.). Л. 2.

Анализ сохранившихся описаний внешнего вида беловиков полномочных грамот показывает их почти полное сходство с «верющими»¹. Совпадения наблюдаются и в формате листов, и в размерах золотописных частей, и в использовании различных изобразительных элементов. Полномочные грамоты тоже скреплялись большой государственной печатью «под кустодию бумажною фигурною», носящей при этом «отворчатой», т.е. открывающийся, характер. Аналогичен случай с применением пергамента для второй полномочной к цесарю в качестве основы для письма². Полное подобие прослеживаются и в выводах по сравнению почерков, говорящих о более позднем характере вставок с выходными данными и справочной информацией.

К русскому тексту полномочных грамот обязательно прилагалась латинская копия документа. Об этом свидетельствует помета «и под тое грамоту подложен список по-латыне», отсутствующая лишь в «возницыновской» грамоте³. Особенный вид имела копия во второй цесарской грамоте: «Список с той грамоты по-латыне написан особо потетратной...», черновик которой сохранился в архиве⁴.

Приложение латинского списка имело для Посольского приказа существенное значение, так как в нем приводилась российская трактовка элементов царской титулатуры в переводе на основной европейский дипломатический язык. И если в большинстве стран по данному поводу проблем не возникало, то в Австрии у дипломатов часто возникали сложности. В частности, в 1686/1687 (7195) г. посольство боярина Б. П. Шереметева вступило в дискуссию с австрийскими сановниками по поводу употребления в царском титуле в грамотах, получаемых от цесаря, титула «величество», которое использовалось всеми другими правителями. Австрийцы отказывались это делать, ссылаясь на уникаль-

---

¹ РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 9 (1697 г.). Л. 2, 12, 15, 19, 23–24; Д. 48 (1698 г.). Л. 12; Д. 53 (1698 г.). Л. 2. Утеряны черновой отпуск грамоты к бранденбургскому курфюрсту и окончание отпуска к голландским штатам.

² Там же. Д. 48 (1698 г.). Л. 12.

³ РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 9 (1697 г.). Л. 2, 12, 15, 19, 24.

⁴ Там же. Д. 48 (1698 г.). Л. 9–12, 13, 13 об.

ность собственного императорского звания и правомочность использования обращения «величество» только к цесарю. В ходе обсуждения послам указали, что в латинских списках грамот, которые посылают московские государи к цесарю, московские переводчики неправильно пишут в титуле царя слово «император» вместо «доминатор», и что цесарь отказывается принимать такие грамоты и просит впредь латинские списки в грамоты не вкладывать, так как «переводчики московские латинского языку не доволны». Однако без собственного латинского перевода русские дипломаты вообще не могли обоснованно защищать свою позицию в спорах. Поэтому все претензии были отмечены со ссылкой, что «на Москве в канцелярии...» царские переводчики «люди ученые и как по-латине титулу царского величества писать, и то они знают», причем всегда они правильно писали, и раньше спора о том не было¹. В итоге спор так и остался неразрешенным, а Великое посольство получило специальную выписку с изложением всех обстоятельств. Кроме того, конфликт лишней раз подтвердил востребованность комплектации грамот латинскими переводами.

В целом, анализ конкретного формуляра полномочных грамот подтверждает наличие в нем четко трехчастного деления на начальный протокол, основную часть и конечный протокол. Основная часть включает в себя преамбулу (в «возницыновской» — нотификацию) небольшую наррацию, развернутую диспозитивную часть и корроборацию. В конечный протокол вошли лишь выходные данные. Полностью отсутствуют санкция и аппрекация. Постатейный разбор показал следующее: весь начальный протокол (3–4 компонента) вошел в статью–обращение; преамбула (или объявление) и наррация объединены в уведомительной статье; в свою очередь диспозицию составляют целых четыре статьи — процессуальная, просительная, просительно-рекомендательная и договорная (в грамоте для П. Б. Возницына вместо первых трех — уведомительно-описатель-

---

¹ РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 9 (1698 г.). Л. 5–6 об.

ная). Последние статьи, удостоверительная и описательная, совпадают, соответственно, с корроборацией и датумом. Наличие сведений об удостоверительных знаках (корроборация) и отсутствие заключительного благопожелания (аппрекация) говорят о более официальном и строгом характере полномочных грамот по сравнению с «верующими».

Разбор основной части показывает, что полномочные грамоты в целом имеют договорно-удостоверительный вид. Помимо передачи великим послам полномочий для ведения переговоров, они закрепляли за дипломатами право на заключение соглашений, выполнение которых гарантировалось государевым обещанием. Данные акты передавались противоположной стороне в ходе деловых бесед и обсуждения назревших вопросов.

* * *

Подводя общий итог, можно отметить, что разобранные документы относятся к удостоверительному виду публично-правовых актов, составляя при этом две его разновидности: удостоверительно-рекомендательную и договорно-удостоверительную.

Сравнение конкретных формуляров показывает ряд существенных различий. Так, в полномочных грамотах преамбула носит более выраженный характер и четко указывает на задачи поездки. Наррация более сложна и развернута в «верующих», а диспозиция — в полномочных грамотах. Данное обстоятельство свидетельствует о большей практической нагрузке последних, закреплявших реальные полномочия, в отличие от первых, где доминирует повествовательная сторона. В полномочных четко указан статус документа, т.е. его процессуальная функция, обоснованы потребности противоположной стороны в контакте и, что самое важное, письменно закреплены условия договора по обязательной ратификации всех заключенных послами обязательств. Причем в «верующей» с «полной верой» рекомендовалось лишь «слушать» предлагаемое послами, а в полномочной — «верить» всему, что будут не только «говорить», но и «становить». Отсутствие санкции

указывает на удостоверительный характер грамот, которые не устанавливали имущественных правоотношений и поэтому не могли привести к нарушению их, т. е. нет возможности нарушения — нет и возможности наказания. На вспомогательный вид «верющих» указывает и исчезновение корроборации.

В целом, назначение «верющих» грамот, преподносившихся на первой торжественной аудиенции посольства у местного правителя, заключалось в предварительном удостоверении-рекомендации дипломатов как представителей, выступающих от лица своего государя. Потребность же в полномочных грамотах возникала уже на стадии основных переговоров с уполномоченными чиновниками, когда требовалось закрепление слов и действий послов реальными полномочиями.

Кроме того, анализ грамот показал прямую зависимость в их оформлении и содержании от иерархического статуса правителя. Суверенные властители, несмотря на их политический вес, пользовались бóльшим почетом и уважением. Поэтому случалось, что королевство Дания по официальной актовой документации была важнее для российской политики, чем республики Голландия и Венеция.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ
«ЖИТИЯ СТЕФАНА ПЕРМСКОГО»
В КАЧЕСТВЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА

В. О. Ключевский в своей магистерской диссертации о древнерусских житиях святых писал, что этот вид источников «далеко не так свеж и обилен, как о нем думают <...>, его небогатым историческим содержанием нельзя пользоваться без особого предварительного изучения его в полном объеме...»¹. Закрепление столь негативной оценки повлекло за собой формирование настоящего научного вакуума в изучении агиографической литературы. Среди прочих житий святых до настоящего времени историки уделяли мало внимания и «Житию Стефана Пермского». Между тем это произведение, написанное в конце XIV в. монахом Троице-Сергиева монастыря и другом юности Стефана Епифанием Премудрым, является весьма интересным и информативным источником. Исследователи, в той или иной форме привлекавшие сведения «Жития...», не ставили перед собой задачи комплексного изучения источника, которое должно начинаться с выявления наиболее раннего и полного его списка и решения вопроса о наличии редакций текста.

Протограф, написанный рукой Епифания Премудрого, до нас не дошел или, по крайней мере, еще не найден², а самый ранний из известных списков «Жития...» датируется лишь 1490-ми годами, то есть почти на столетие отстоит от оригинала³. На сегодняшний день известно около пятидесяти списков «Жития...» от конца XV до XVIII в., сохранившихся в составе аскетических сборников, Трефологов, Прологов, Миней Четых и т. д. Двадцать из них могут

---

¹ Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1988. Введение. С. 1.

² Смоленцев Л. Н. Великий Зырянин // Родники Пармы. Сыктывкар, 1993. С. 18.

³ Барсуков Н. П. Источники русской агиографии. СПб., 1882. Стб. 545.

быть признаны полными, а тридцать по-разному сокращены¹. В этой связи необходимо установить, какой из списков наиболее близок к протографу. Данная статья является лишь первым шагом на пути решения поставленной задачи, здесь рассмотрены три наиболее известных опубликованных списка «Жития...», с целью выявить самый полный и древний из них, а также ответить на вопрос о существовании среди этих списков редакций. Важно отметить, что все списки источника, которые были опубликованы, создавались не в рамках простого монастырского переписывания «Жития...», а для включения в состав общерусских агиографических сборников, что делает возможным предположение о внесении в их текст редакционных изменений. Второй проблемой, затронутой в данной статье, стал вопрос уточнения даты рождения Стефана, которая до сих пор остается спорной.

Основной формой существования и популяризации житий святых на Руси являлись Минеи Четьи (то есть «читаемые», для чтения в определенные дни каждого месяца), где рассказы о святых были расположены в календарном порядке. Самыми известными Минеями XV–XVIII вв. были три: так называемые домакарьевские², макарьевские³ и Минеи Дмитрия Ростовского⁴. Домакарьевские Минеи Четьи конца XV — начала XVI в. уже имели в своем составе «Житие Стефана Пермского», причем епископ тогда еще не был канонизирован. Эти сборники включали отрывки из различных патериков и прологов, разрозненные жития святых. Макарьевские Минеи Четьи были составлены после

---

¹ Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV — XVI вв. Л., 1988. Вып. 2. Ч. 1. С. 315.

² См.: *Петров Н. П.* О Четиях Минеях // Памятники древней письменности и искусства. СПб., 1879. Вып. 4. С. 40.

³ Макарий (1482–1563), митрополит Московский, создатель Минеи Четвх, которые объединили большинство житий святых, прологи и патерики, существовавшие ранее в отдельных сборниках. См.: *Петров Н. П.* Указ. соч. С. 41.

⁴ Даниил Сергеевич Туптало (1651–1709), Дмитрий Ростовский, отредактировал и подготовил к печати Минеи Макария. См.: *Смоленцев Л. Н.* Указ. соч. С. 18.

двух волн канонизации 1547 и 1549 гг. Они включили в себя не только старые, уже известные жития святых, но и агиографические произведения, посвященные северным и новгородским подвижникам, причисленным к лику святых в середине XVI в., им была придана более стройная структура. В этих условиях было возможным внесение в текст Епифания некоторых корректив, но было ли это сделано?

Для ответа на поставленный вопрос необходимо обратиться к сравнительной характеристике нескольких списков источника. В нашем распоряжении имеются три опубликованных разновременных полных списка «Жития Стефана Пермского».

1. Список 1490-х гг. — самый ранний из известных списков «Жития...». (Собрание князя П. П. Вяземского № X, л. 129–200 об., всего 71 л.)¹.

2. Признанный в литературе наиболее полным и исправным список XVI в. (Московская Синодальная библиотека, № 420, л. 4–160, всего 156 л.)².

3. Так называемый Макарьевский список XVI в. (Московская Синодальная библиотека, № 553, л. 370–410, всего 40 л.)³.

Столь сильный разброс в объеме списков может быть объяснен форматом рукописи или почерком писца. Нашей задачей в данном случае является обнаружение разночтений, пропусков, сокращений, искажающих смысл текста. Сравнительный текстологический анализ списков позволяет утверждать, что редакций среди них нет, а наиболее полным должен считаться список князя П. П. Вяземского.

---

¹ Опубликован: *Прохоров Г. М.* Святитель Стефан Пермский. СПб., 1995. С. 43.

² *Строев П. М.* Библиографический словарь и черновые к нему материалы / Приведены в порядок А. Ф. Бычковым // Записки Императорской Академии наук. СПб., 1882. Т. 41. Кн. 1. С. 104. Опубликован: *Памятники старинной русской литературы* / Изд. графом Г. Кушелевым-Безбородко. Вып. 4. СПб., 1862.

³ *Филарет (Гумилевский)*, архиепископ Черниговский. Русские святые, чтимые всею церковью или местно. Кн. 2. Чернигов, 1865. С. 533. Опубликован: *Житие Стефана Пермского* / Перевод с древнерусского языка Г. Н. Тираспольского. Сыктывкар, 1993.

Между списком Вяземского и Макарьевским списком существует девятнадцать различий, каждое из которых, однако, не является преднамеренным искажением смысла текста, а порождено, по всей видимости, случайностью. Для иллюстрации данного вывода приведем основные виды обнаруженных разночтений.

Выпадение небольших отрывков (1–2 строчки) в основном из цитат Священного Писания. Например:

Макарьевский список

Желает душа моя скончаться во дворы Твоя, се покой мой во веки веков¹.

Список Вяземского

Желает душа моя скончаться во дворы Твоя. Блажен бо, его же избра и приять вселити я во дворы Твоя, се покой мой во веки веков².

Как видно из примера, данный пропуск не может быть назван намеренным, так как он весьма незначителен и смысла текста не искажает. Разночтений подобного рода выявлено около двенадцати и лишь в двух из них пропущен более крупный отрывок текста. Например:

Макарьевский список

Сам побежен бысть, и всюду посрамлен есть и всячески поруган бысть. — Казнити, но наказати с милостию...³

Список Вяземского

Сам побежен бысть, и всюду посрамлен есть и всячески поруган бысть. И еще к тому неверствует и креститься не хочет. Да како сий несть достоин казни? Не како не должен есть умерети? Да аще сего попустиши жива суца, и не поругана, и не исказнена, то и пуще паки пакостити ему. Отвечал же Стефан и рече

¹ Памятники старинной русской литературы. Вып. 4. С. 122.

² Прохоров Г.М. Указ. соч. С. 60.

³ Памятники старинной русской литературы. Вып. 4. С. 145.

им: «Не убо да не будет тако: и не буди рука наша на нашем вразе! Ни скоро руки моя положити на него, ни скоро казною показною его, и смерти не предам его, не посла бо мне Христос бити, но благовестити и не повеле ни казнити, но учити и увещевати с тихостию; ни повеле казнити, но наказати с милостию...»¹

Пропуск данного отрывка мог бы трактоваться как намеренный, если бы в «Житии...» многократно не повторялись места, где декларируется мирность и богоугодность миссии Стефана, а также, если бы при сокращении этого отрывка сохранился общий смысл эпизода, который, как видно из примера, утерян. Аналогичный вывод можно сделать и в отношении еще одного довольно крупного пропуска в тексте Макарьевского списка:

Макарьевский список

Поставлен же бысть тогда и сий с ним во едино время поставлены быша...²

Список Вяземского

Поставлен же бысть по Тактамышеве рати на другую зиму. Егда и Михаил, епископ Смоленский поставлен бысть. Во едино время поставлены быша...³

Как видно из примера, и здесь смысл утерян: в тексте Макарьевского списка не названо никакого имени, нет указания на Михаила, епископа Смоленского, но тут же о ком-то говорится в третьем лице, что приводит к недоразумению и невозможности понять этот отрывок. В этой связи,

¹ Прохоров Г. М. Указ. соч. С. 156.

² Памятники старинной русской литературы. Вып. 4. С. 148.

³ Прохоров Г. М. Указ. соч. С. 166.

несмотря на то, что в пропущенном эпизоде содержится важное хронологическое указание, вряд ли можно считать его намеренным искажением первоначального текста.

Расхождения в отдельных словах, утрата одного из них в одном из вариантов. Например:

Макарьевский список

Доколе скрываешь светильник под кровом или под одром...¹

Список Вяземского

Доколе скрываешь светильник под кадью или под кроватью...²

Данное разночтение не меняет смысла текста, но придает ему различные стилистические оттенки. Возможно, эти изменения в Макарьевском списке были внесены намеренно с целью «возвысить стиль» (замена просторечного «кровать» на «одр») и могут быть объяснены эволюционными процессами в языке XVI в., но, в силу их единичности, признаком целенаправленного редактирования всего текста они служить не могут.

Рассмотренные выше примеры создают представление о том, что Макарьевский список с его утратами просто восходит к более полному и древнему списку Вяземского, однако, другие разночтения позволяют скорректировать этот вывод:

Макарьевский список

Увы мне, женише мой и песнокрасителю! Где водворяешься, где витаеши, где почиваеши?³

Господь Бог спасе тя <...> еще бы бе надобен еси Ему на дело благопотребно⁵.

Список Вяземского

Увы мне, женише мой добрый, невестокрасителю и песнокрасителю мой! Где витаеши, где почиваеши?⁴

Господь Бог спасе тя <...> еще бы бе надобен еси Ему потребен⁶.

---

¹ Памятники старинной русской литературы. Вып. 4. С. 126.

² Прохоров Г.М. Указ. соч. С. 76.

³ Памятники старинной русской литературы. Вып. 4. С. 162.

⁴ Прохоров Г.М. Указ. соч. С. 222.

⁵ Памятники старинной русской литературы. Вып. 4. С. 167.

⁶ Прохоров Г.М. Указ. соч. С. 246.

Причины подобных разночтений на столь узком материале установить весьма сложно. Возможно, что Макарьевский список ближе к стилю «плетения словес», так как восходит к иному протографу, нежели список Вяземского. Признаком редакторской правки они служить не могут.

По результатам сравнительного анализа списка Московской Синодальной библиотеки (его также называют Археографическим, так как он был опубликован Археографической комиссией в 1897 г.) с двумя рассмотренными можно сказать следующее.

Данный список не столь полон, как предыдущие, и имеет некоторые пропуски, в том числе и информативные. Например, из семнадцати народов Пермского края, перечисленных в Макарьевском и Вяземском списках, здесь упомянуто только одиннадцать:

Археографический список   Макарьевский и Вяземский
списки

А вот названия мест, стран и земель, и иноплеменников, живущих вокруг Пермского края: зыряне, галичане, вятчане, лопари, карелы, югра, печеры, вогуличи, самоеды, пертасы, пермь великая, прозванная чусовая¹.

А се имена местом, и страном, и землям, и иноязычником, живущим вокруг Перми: Двиняне, Оустюжане, Влежане, Вычегжане, Пинежане, Южене, Сырьяне, Гаиане, Виатчене, Лопь, Корела, Югра, Печера, Вогуличи, Самоедь, Пертасы, Пермь Великая, глаголемая Чюсовая².

Очевидно, что при переписывании из длинного списка народов выпала верхняя строка. С другой стороны, в Археографическом списке перечень народов начинается непосредственно с крещенных Стефаном зырян и не названы народы, которые к Перми отношения не имеют, — Устю-

---

¹ Житие Стефана Пермского. С. 20.

² Памятники старинной русской литературы. Вып. 4. С. 123; Прохоров Г. М. Указ. соч. С. 63, 65.

жане, Двиняне. Однако, если бы это было намеренным изменением списка народов, направленным на его сокращение до перечисления только тех племен, которые жили непосредственно в районе проповеди Стефана, то необходимо было бы сократить список и за счет весьма далеких соседей Перми — вогуличей, югры и некоторых других.

Вероятно, Археографический список восходит к тому же протографу, что и список Вяземского:

Археографический список	Вяземский список	Макарьевский спи- сок
Филипп же во Фригии, в Самарии, и в Азоте, и в Эвраполии, и в Алвамех, и в Селевкии, и в Кесарии... ¹	Филипп же от Вифсаиды Галилейской, во Фригии, в Азоте, в Алвамех, в Эвраполии, и в Селевкии, в Кесарии... ²	Филипп же от Вифсаиды Галилейской, во Фригии, в Самарии, во Азоте, и в Селевкии, и в Кесарии... ³

Подводя итог сравнительной характеристике трех наиболее полных списков «Жития Стефана Пермского» конца XV — конца XVI в., можно сделать вывод о том, что в рассмотренный период текст источника не подвергался намеренному редактированию. К подобному выводу пришел и Л. Н. Смоленцев, который считает, что «первоначальный текст Епифания, видимо, не редактировался»⁴, с ним согласен Б. М. Клосс⁵, но оба исследователя не подтвердили свою мысль текстологически.

Теперь рассмотрим третий этап включения «Жития Стефана Пермского» в состав общерусских Миней Четых. Здесь речь пойдет о житиях русских святых, собранных и изданных Дмитрием Ростовским в конце XVII — начале XVIII в. В основу сборника были положены Минеи Макария, отредактированные, дополненные и подготовленные к

¹ Житие Стефана Пермского. С. 22.

² Памятники старинной русской литературы. Вып. 4. С. 123.

³ Прохоров Г. М. Указ. соч. С. 68.

⁴ Смоленцев Л. Н. Указ. соч. С. 18.

⁵ См.: Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 1: Житие Сергия Радонежского. М., 1998. С. 97.

печати. Действительно, это было печатное издание, но столь интересное, что целесообразно будет остановиться на его рассмотрении и в рамках нашей работы. Митрополит Евгений (Болховитинов) назвал его простым сокращением необъятного количества русских житий святых¹. Л. Н. Смоленцев, признавая элемент редактирования, делал упор лишь на то, что Дмитрий Ростовский «сократил Четьи Минеи, в новой редакции дав «Слову о житии святого Стефана Пермского, бывшего в Перми епископом» новое название — «Житие Стефана Пермского». Оно и стало ходовым в церквах и домашнем обиходе»². По мнению исследователя, Дмитрий Ростовский лишь сократил «Житие...» в утилитарных целях. При обращении к тексту публикации³ данный вывод подтверждения не находит.

Во-первых, Дмитрий Ростовский вольно и «поживому» сократил содержательную сторону текста, например, вместо списка народов, населявших Пермский край, он ввел собственные соображения о характере и психологических качествах древних зырян: «смелость, остроумие, терпение, хитрость, любознательность и изобретательность — их неотъемлемые качества...»⁴.

Во-вторых, редактор, не считаясь с авторским текстом, вносит в него свои соображения, например, о возрасте Стефана. «Житие Стефана Пермского» ничего определенного о годах почившего епископа не говорит, ограничиваясь туманной фразой «когда же пришло время окончания лет жизни его...»⁵. Редактор же смело пишет, что Стефан скончался в «маститой старости»⁶.

В-третьих, в тексте намеренно усилен политический аспект деятельности Стефана. Например, «Житие Стефана Пермского» ни о каких охранных грамотах Московского князя не говорит, а у Дмитрия Ростовского мы читаем:

---

¹ Евгений (Болховитинов). Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина Греко-Российской церкви. М., 1995. С. 296.

² Смоленцев Л. Н. Указ. соч. С. 18.

³ Дмитрий Ростовский. Жития святых. Апрель: Репринт, изд. 1906 г. М., 1992.

⁴ Там же. С. 433.

⁵ Прохоров Г. М. Указ. соч. С. 211.

⁶ Дмитрий Ростовский. Указ. соч. С. 445.

«Получив развернутое разрешение от духовной власти (об этом пишет Епифаний. — *И.Л.*), Стефан, как примерный гражданин, озаботился упрочить свое дело законным содействием гражданской власти, и получил от великого князя охранные грамоты...»¹. В дальнейшем именно наличием этих грамот редактор объясняет успех проповеди Стефана и его спасение от разъяренных язычников, которые «опасались погубить человека, пришедшего к ним из Москвы»². В то же время «Житие Стефана Пермского» объясняет спасение Стефана вмешательством Божественной благодати³.

Наконец, в-четвертых, редактор склонен модернизировать текст, меняя в нем некоторые понятия. Например, вместо используемого Епифанием обозначения Московского княжества (Москва), Дмитрий Ростовский применяет термин «Россия»⁴, который для конца XIV в. некорректен.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что публикация Дмитрия Ростовского является редакцией «Жития Стефана Пермского» как утилитарной (значительно сокращает текст), так и политической (обостряет политический аспект деятельности Стефана, делает акцент на поддержке его миссии великокняжеской властью).

Подводя итог анализу списков «Жития Стефана Пермского», отметим, что наиболее исправным и полным списком «Жития...» среди рассмотренных должен быть признан список Вяземского, датируемый 1490-ми гг. Сравнение трех наиболее древних и полных списков «Жития...» не дает оснований говорить о существовании редакций данного источника, первой из которых, по-видимому, стала публикация, осуществленная Дмитрием Ростовским.

«Житие Стефана Пермского» является единственным носителем информации о биографии святого Стефана, и первое затруднение, которое возникает при ее составлении, — вопрос о дате его рождения, рассмотрению которого посвящена вторая часть статьи. Источник практически

---

¹ *Дмитрий Ростовский*. Указ. соч. С. 433.

² Там же. С. 435.

³ *Прохоров Г. М.* Указ. соч. С. 103.

⁴ *Дмитрий Ростовский*. Указ. соч. С. 437.

не содержит указаний на этот счет. В литературе встречается несколько датировок: от 1335 г.¹ до 1345 г.² Все они, как правило, берут за основу возраст пострига Стефана.

В.О.Ключевский установил, что Стефан должен был прийти в монастырь святого Григория Богослова в Ростове около 1365–1366 гг.³ Остальные исследователи строили свою хронологию на соображениях типа: «Стефан должен был принять постриг будучи не старше двадцати пяти лет»⁴, или не младше двадцати, как получается у Е.Е.Голубинского⁵. Однако детальный анализ указаний «Жития...» и некоторых других источников позволяет уточнить эти построения. Во-первых, «Житие...» сообщает, что Стефан «всеми добродетелями украшен бе *отрок* (выделено нами. — *И.Л.*) еще млад буда в уности, отрок, сый верстой, постржеся в чернецы»⁶. Знаменательно, что в данном отрывке Епифаний трижды подчеркивает крайнюю юность Стефана в момент пострижения, называя его даже не юношей, а отроком. Сравнение этого сообщения с аналогичным сюжетом «Жития Сергия Радонежского» показывает что Стефан должен был быть даже моложе двадцати лет. Рассказывая о постриге Сергия Радонежского, Епифаний пишет: «святой же *юноша* (выделено нами. — *И.Л.*), проводив до гроба родителей своя <...> убо велми хотяше облещися в образ чернеческий <...>. Бе же возрастом тогда святой Сергий, егда прият образ иноческий, яко двадцать лет»⁷. Такой возраст никак не мог считаться отроческим. Более того, младший брат Сергия — Петр — ко времени

---

¹ Датировка Г. С. Лыткина. См.: *Смоленцев Л. Н.* Указ. соч. С. 20–21.

² *Голубинский Е. Е.* История русской церкви. М., 1997. Т. 2. Ч. 1. С. 263.

³ Ростовский епископ Арсений, при котором Стефан принял постриг, не числится в списках епископов, рукоположенных митрополитом Алексием, но время его епископства может быть ограничено смертью предшественника (1365 г.) и вступлением на этот пост последователя (1374 г.). См.: *Ключевский В. О.* Указ. соч. С. 92.

⁴ *Словарь книжников и книжности Древней Руси.* Вып. 2. Ч. 1. С. 412.

⁵ *Голубинский Е.Е.* Указ. соч. С. 264.

⁶ *Житие Стефана Пермского.* С. 121.

⁷ *Житие Сергия Радонежского // Жизнь и житие Сергия Радонежского / Составление, послесловие и комментарии В. В. Колесова.* М., 1991. С. 30, 34.

пострига святого был уже вдовцом¹. Наконец, даже сегодня двадцатилетний возраст считается юношеским, что же говорить об эпохе Куликовской битвы, когда люди становились взрослыми гораздо раньше (вспомним хотя бы Александра Невского, который в девятнадцать лет командовал войском). Таким образом, предположение о том, что Стефану в момент пострига было не менее двадцати лет, не выдерживает проверки источником.

В «Житии Сергия Радонежского» есть эмоциональный рассказ того же Елифания о постриге племянника Сергия: «Стефан же, присный брат Сергиев, прииде от града от Москвы, ведый с собой сына своего именем Ивана меншаго. И <...> веля постриже его и нарече имя ему в мнишеском чину Феодор. <...> Старци же видевшие, удивившася вере Стефанове, яко тако не пощаде сына своего, *отрочати суща*, но из младенчества предаст его Богу. <...> Неции же реша, яко *десяти лет* пострижен бысть, и инии же — *двоюнадесяте лет* (выделено нами. — И.Л.)»². Итак, Сергия в момент пострига Елифаный называет «юношей», возраст его племянника определяет как «отрочити сущи», а о Стефане говорит «отрок». Логично предположить, что Стефан ушел в монастырь, будучи младше Сергия и несколько старше Ивана, то есть ему было от двенадцати до семнадцати лет.

Другим аргументом в пользу выдвинутого предположения может служить сама карьера Стефана, которая развивалась весьма неравномерно. Приняв постриг около 1366 г.³, он стал диаконом лишь при епископе Арсении⁴, то есть не ранее 1374 г. Таким образом, целых восемь лет он был лишь простым монахом. Сама по себе такая ситуация не вызывает особого удивления, но если мы учтем высокий уровень развития и способности Стефана, а также его дальнейшую молниеносную карьеру (в 1379 г. он получил благословение на проповедь, а в 1383 г. стал епископом),

---

¹ Житие Сергия Радонежского. С. 30.

² Там же. С. 48.

³ *Ключевский В. О.* Указ. соч. С. 92.

⁴ Житие Стефана Пермского. С. 122.

то покажется странным, что он целых восемь лет никак себя не проявлял в монастыре святого Григория Богослова в Ростове. Это противоречие можно объяснить, только если принять предположение о крайней юности Стефана в момент пострига — он просто должен был выучиться и подрасти, чтобы получить сан диакона.

Наконец, утверждение о том, что Стефан принял постриг, не достигнув восемнадцатилетия, позволяет выстроить остальные события его жизни в логичную цепь. Если в 1366 г. ему было от двенадцати до семнадцати лет, то родиться он должен был между 1349 и 1354 гг., но никак не раньше. По обычаям того времени на обучение грамоте ребенка отдавали в семь лет (об этом свидетельствует «Житие Сергия Радонежского»¹), значит, Стефан стал учиться около 1357 г: «еще детищем сый, измлада вдан бысть грамоте учитию же вскоре извыче, всю грамоту *яко до года* (выделено нами. — *И.Л.*), конархатнему тачей чтец бысть в соборней церкви (где служил его отец. — *И.Л.*)»². Таким образом, около 1358–1359 гг. Стефан начал прислуживать в церкви чтецом. Столь быстрое обучение мальчика не должно казаться чудом. Во-первых, как неоднократно отмечал Епифаний, Стефан был очень способным, а во-вторых, его отец — священник соборной церкви, должен был быть весьма образованным человеком (есть даже предположения, что его перу принадлежит «Житие Прокопия Устюжского»³), а значит, мог заниматься с сыном и сам. Положением отца можно объяснить также и то, что столь юного мальчика взяли в прислужники. Именно в соборе Стефан и мог почувствовать тягу к монашеской жизни и рано принять решение о будущем служении. Здесь же он мог приобрести и первичные навыки и знания Священного Писания, богослужебных и иных книг, а потом и изъявить желание учиться дальше в более подходящем для этого месте. На принятие окончательного решения у него

---

¹ Житие Сергия Радонежского. С. 22.

² Житие Стефана Пермского. С. 121.

³ Величкин В. Святитель Стефан Пермский: (Очерк из истории миссионерства в России). М., б.г. С. 70.

оставалось еще как минимум шесть лет. Таким образом, предложенная дата рождения Стефана между 1349 и 1354 гг. вполне вписывается в общую хронологическую канву его жизни и позволяет снять некоторые противоречия в ней.

В заключение необходимо отметить, что в данной работе были затронуты лишь две важных проблемы, связанные с исследованием «Жития Стефана Пермского». В действительности же данный источник заслуживает комплексного анализа всех содержащихся в нем сведений, который преподнесет немало открытий.

МОНАСТЫРИ И МОНАСТЫРСКИЕ ВЛАДЕНИЯ XVII в. В КОЛЬСКОМ УЕЗДЕ

В состав Кольского уезда в XVII в. входила почти вся территория Кольского полуострова от Паз-реки на северо-западе до р. Кивиканда у Керети на юге, за исключением волостей Умба и Варзуга, которые после опричного погрома 1568 г. стали подчиняться двинскому воеводе¹.

Обострение соперничества России и Дании в этом районе в середине — второй половине XVI в. приводит к сооружению здесь Кольского острога (1550 г.), к усилению административного и военного присутствия Русского государства. Впервые в 1582 г. сюда назначается воевода — Аверкий Иванович Палицын (в будущем келарь Троице-Сергиева монастыря, известный деятель эпохи Смуты), укрепляется острог². Несмотря на предпринимаемые меры, нападения «свейских немцев» 1589–1591 гг. привели к длительному запустению западной части уезда.

В начале XVII в. уезд состоял из Кольского острога и его округа, пяти волостей, двадцати погостов и двух новых (образованных после 1574 г.) «самостоятельных» деревень. Погосты, как правило, были населены лопарями (саами), в то время как в волостях население по преимуществу было русским.

С большой долей вероятности можно предположить, что первые монастырские владения на Кольской земле принадлежали новгородским монастырям. Но самыми ран-

---

¹ Садилов П. А. Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950. С. 191–211; Копанев А. И. Неземледельческая волость в XVI–XVII вв. // Институт истории. Ленинградское отделение. Труды. Вып. 9. М.; Л., 1967. С. 177–180.

² С. Ф. Платонов говорит о строительстве Кольского острога в 1583 г., а Н. И. Ульянов называет дату 1588–1590 гг. В обоих случаях речь, очевидно, идет о восстановлении и укреплении старого острога — см.: Платонов С. Ф. Начало русских поселений на Мурмане // Производительные силы района Мурманской железной дороги. Петрозаводск, 1923. С. 7–10; Ульянов Н. И. Феодалная колонизация и экономика Мурмана в XVII в. // Исторический сборник. Л., 1934. Вып. 1. С. 93–97.

ними документальными свидетельствами монастырской колонизации (без учета Умбы и Варзуги) являются данные Ивана Степанова, Ирины Есиповой с детьми, Тимофея и Дениса Ермолиных 1497/1498–1522 гг., по которым Соловецкий монастырь получил в южной части будущего уезда в Ковдской волости, в Песьем Наволоке тони, пожни и другие угодыя¹.

Древнейшим Кольским монастырем, ссылаясь на летописный рассказ 1526 г., называют Рождественский Кандалакшский монастырь (в источниках иногда встречается название «Кокуев», возможно, это разные монастыри, есть предположение, что он находился в устье р. Порья)², который располагался в устье р. Нивы в Кандалакшской губе. Однако летопись говорит лишь о строительстве церкви: «...Того же лета 34 приехаша ко государю великому князю Василью Ивановичю на Москву Поморцы и Лопяни с моря Окияна, из Кандоложской губе, усть Невы реки, из Дикой Лопы, и били челом государю великому князю, а просили антими́са и священников церковь свящать и просветити их святым крещением; и государь княз великий велел послати богомольцу своему архиепископу Макарию из Новагорода от Соборныя церкви священника и дьякона; и они ехавше свящали церковь Рожество Иоанна Предотечи, и многих лоплян крестиша во имя отца и святаго Духа в нашу православную христианскую святую веру...»³ А самая ранняя грамота этого монастыря датируется 1553/1554 г.⁴

В 30–40-е гг. XVI в. на самом северо-западе Кольской земли, на р. Печенге возникает Троице-Печенгский монастырь, основателем которого был монах Трифон⁵. В это же

---

¹ АСМ. Т. 1. № 15, 18, 24; Сборник материалов по истории Кольского полуострова в XVI–XVII вв. (далее — Сборник материалов...) Л., 1930. С. 27.

² Макарий. История русской церкви. СПб., 1874. Т. 7. С. 45 (Кокуев или Кукуев монастырь).

³ ПСРЛ. Т. 6. СПб., 1853. С. 282. Приобретения в Варзуге и Умбе, относящиеся к Двинскому у., здесь не учитываются.

⁴ РИБ. Т. 2. СПб., 1875. № 170.

⁵ Там же. Т. 16. СПб., 1897. № 49. С. 204. Автор статьи «Русская церковь в Северном Поморье (в XV–XVII в.)» утверждает, что церковь св. Троицы на р. Печенга была освящена в 1533 г. — см.: Православный собеседник. Казань, 1860. Ч. 2. С. 37.

время в кольских пределах (на устье р. Кола)¹ действует игумен Феодорит, которому также приписывают основание Троицкого монастыря. Эта, другая Троица, находилась, возможно, на р. Коле². В 1556 г. в датских документах говорится о существовании на Печенге, «против Варгава» (Варангер фьорда) монастыря в честь чудотворца Николая. А. И. Андреев предполагает, что так назывался Троицкий-Печенгский монастырь до своего первого разорения (второе и третье он относит к 1589 и 1611 гг.)³. С 1584 г. документы говорят о существовании в Лапландии трех русских монастырей. Настоятели и монахи этих монастырей признавали, по словам датских послов, что земля «изстари норвежская», однако дань платить отказывались⁴. Известно, что в Коле в 90-е гг. XVI в. уже существовал монастырь Петра и Павла, основанный местным жителем Семеном Венсиным (Вянзиным (?), в монашестве Сергием) после 1565 г., скорее всего в 70–80-е гг. XVI в., и находившийся на острове рядом с Кольским острогом⁵.

Печенгский монастырь несколько раз менял свое местоположение. Первоначально он располагался в Печенгской губе в устье р. Мана, затем был перенесен ближе к морю. После того, как монастырь был разорен (уже во второй раз?) «свейскими немцами» в 1589 г., а игумен, старцы

---

¹ Русская церковь в Северном Поморье (в XV–XVII в.) // Православный собеседник. Казань, 1860. Ч. 2. С. 28.

² Сказания князя Курбского. СПб., 1833. Ч. 1. С. 174; *Шестаков П.* Просветители лопарей архимандрит Феодорит и св. Трифон Печенгский // ЖМНП. 1868. Июль. С. 282–288. А. А. Савич датирует основание Феодоритом Троицкого Кольского монастыря 1528–1550 гг. — см.: *Савич А. А.* Главнейшие моменты монастырской колонизации Русского Севера XIV–XVII в. // Сборник Общества исторических, философских и социальных наук при Пермском университете. Пермь, 1929. Вып. 3. С. 78–79. А. Тищенко, ссылаясь на грамоту 1582 г. (РИБ. Т. 16. № 49. С. 204), датирует основание Печенгского монастыря 1540 г. — см.: *Тищенко А.* К истории основания Колы и Печенги в XVI в.: (Несколько слов о роли Колы в торговле русского Севера в XVI в.) // ЖМНП. 1913. Июль. Новая серия. Ч. 46. С. 105.

³ *Андреев А. И.* К истории русской колонизации западной части Кольского полуострова // Дела и дни: Исторический журнал. Пг., 1920. Кн. 1. С. 31–36.

⁴ *Щербачев Ю. Н.* Датский архив // ЧОИДР. 1893. Кн. I. Отд. 1, № 453. С. 125.

⁵ *Андреев А. И.* Указ. соч. С. 27–28; *Савич А. А.* Указ. соч. С. 78–79.

и монастырские слуги (95 чел.) убиты, оставшиеся в живых строят «осадный двор» в Кольском остроге. По сути это был целый монастырь: шесть келий, поварня, амбары и другие хозяйственные постройки. Однако в 1606/1607 г. им дается разрешение возвести новый монастырь на месте Петровского монастыря за р. Колой, против Кольского острога¹. В XVI в., следовательно, до разорения 1589–1591 гг. в Кольском уезде действовало не менее четырех монастырей.

В начале XVII в. на территории Кольского уезда зафиксировано два монастыря — Троице-Печенгский и Рождественский Кандалакшский. Самым крупным собственником Кольского уезда в начале XVII в. был Троице-Печенгский монастырь. В самом монастыре по Писцовой книге 1608–1611 гг. значится 59 священников и старцев, включая и тех, кто был на различных службах, 61 трудник и 150 наемных казачков². Он владел полностью тремя погостами — Печенгским, Мотоцким и Китовским (на р. Лица Малая), т. е. всей территорией между р. Печенгой и р. Лицей Большой. Населяли их 44 крещенных лопаря, которые жили в 13 вежах.

Древнейшей монастырской вотчиной, по всей видимости, являлся Печенгский погост. Вся территория его перешла к монастырю по частным актам («данным крепостям») еще до получения жалованной грамоты (до 1574 г.)³. Это было обычной практикой. Монастыри на Севере обычно сначала приобретали у крестьян земельные угодья, а потом обращались к правительству с просьбой дать жалованную грамоту на них. Так же, по-видимому, обстояло дело и с этими владениями Печенгского монастыря. Однако необычность ситуации в том, что «данные крепости», по ко-

---

¹ РГАДА. Ф. 1209. Д. 208. Л. 87–91. П. Шестаков, говоря о разорении в 1590 г. Печенгского монастыря, основанного преподобным Феодоритом на устье р. Колы, называет убитыми 51 инока и 65 слуг и служебников — см.: *Шестаков П.* Указ. соч. С. 288–289. Эти данные скорее всего относятся к двум разным событиям и в двух разных монастырях.

² РГАДА. Ф. 1209. Д. 208. Л. 91 об.

³ Там же. Л. 95.

торым монастырь владел погостом, были даны не местными, печенгскими жителями, а лопарями соседних, Мотецкого и Сошельского погостов¹.

Интересно отметить, что большая часть угодий Мотоцкого и Китовского погостов, до приобретения их монастырем, принадлежала лопарям соседних Литцкого, Муномошского, Урского погостов. Получается, что для лопарей было обычным явлением иметь угодья сразу в нескольких погостах. Печенгские монахи до описания Василия Агалина 1573/1574 г. имели здесь лишь $\frac{1}{2}$ лука («что были прежде Мотоцкого и Китовского погоста лопарей»). Остальные земли были приобретены постепенно в течение тринадцати лет с 1576 по 1588 г. путем частных сделок. Из 29 сделок лишь одна — вклад, остальные — покупка. Всего в монастырь перешло за это время 8,5 луков угодий. Почти три четверти угодий (74,5%) было приобретено за первые пять лет (1576–1580). Больше всего, по шесть покупок, было сделано в 1579/80 г. — 1,58 лука и в 1588/89 г. — 1,48 лука. В 1576/77 г. оформлено только 2 купчих, но по ним монастырь получил 1,36 лука. Обычно продаваемые участки находились в коллективной собственности нескольких человек.

Основным богатством Троице-Печенгского монастыря являлись рыболовные промыслы. На четырех крупнейших реках — Коле, Туломе, Печенге и Пазреке — в 5 «заборах» (сооружения для ловли семги, перегораживающие течение реки) ему принадлежало 4 доли из 5, а в двух «заборцах» на реках Порья и Средняя — 2,5 лука. Практически во всех крупных реках Мурманского побережья и во многих речках и ручьях имелись монастырские рыбные ловли. Некоторые реки целиком принадлежали монастырю (р. Ура и Лица Большая и Малая, р. Утенга и др.). В других монастырь имел половину, часть или отдельные участки. В Кольской губе и по р. Туломе за ним значилось 6 тонн и речка Пайва (2,5 лука), причем только $\frac{1}{3}$ тони и 4-я и 9-я доли речки были приобретены после 1573/74 г. Остальные

---

¹ РГАДА. Ф. 1209. Д. 208. Л. 93–93 об.

владения находились в его собственности еще до описания В. Агалина 7062 (1573/74) г. Из датированных самыми давними владениями в этом районе называются 6-я доля забора на р. Коле, полученная в 7064 (1555/56) г. «по записи», и 9-я доля этого же забора «по данной» 7065 (1556/57) г., а также 6-я часть тони на устье р. Колы «по записи» 7064 (1555/56) г.¹ Всего насчитывается 27 рек, речек и ручьев, которые находились полностью или частично во владении монастыря (без учета рек, которые в Писцовой книге названы в общем — «бобровые гоны по речкам и ручейкам»). Кроме рек, монастырь обладал большим количеством (всего 63) оборудованных удобных для рыбного промысла мест — «тонь», на побережье.

За ним также было закреплено право вытапливать сало из китов, выброшенных на берег в Мотоцкой губе, а также 23 озера с «лешими» озерами (число которых не называется), большое количество сенных покосов, звериные и птичьи ловли и бобровые гоны в Печенгском, Мотоцком и Китовском погостах. Кроме того, монастырь имел две действующие варницы и две мельницы.

Недалеко от Кольского острога у монастыря был скотный двор. Еще один коровий двор находился на прежнем монастырском месте в устье р. Печенги. Здесь, на островках, также содержались монастырские олени. В 1623 г. во время набега датских кораблей на одном из островков было убито 50 оленей². В Кольской губе для работников монастырской варницы был построен «дрововозный» двор с кузницей, конюшней и другими постройками. На рыбных промыслах содержались 13 избышек и «ский»³ для работников и шесть келий. В Кольском остроге за монастырем числился осадный двор. В волости Ковда, на юге уезда, среди чернососшных дворов стоял и один монастырский. В

---

¹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 208. Л. 95 об.–97, 100 об., 103 об.

² Там же. Ф. 53. 1623 г. Стб. 1. Л. 315. По Росписи 1658 г. там содержались 34 коровы и лошади, а на Кильдине острове находилось 140 монастырских оленей (Сборник материалов... С. 93–94).

³ По итогам книги; подсчеты же по тексту книги дают — 11. «Ския» (скея) — помещение для засолки рыбы.

нем был записан «тяглый» человек, вероятно, арендовавший его. Помимо живущих дворов, писцовая книга зафиксировала два пустых места (в Кольском остроге и Порьегубской волости)¹.

Земли в монастырских владениях делились на «луковые» (тяглые) и «оброчные». Печенгские монахи жаловались, что Алай Михалков писал их тонные промыслы не против книг Василия Агалина, а с «многой прибылью». Он прибавил им, по их словам, более 23 луков, в то время как Кандалакшскому монастырю вместо 40 поставил 20 луков. Сам Печенгский монастырь имел тяглые земли и в Кандалакшской волости (2,75 лука)². Среди оброчных владений, т. е. государственных земель, отданных во временное пользование за плату одного оброка, а не всех податей, мы видим забор на р. Коле, варницы, мельницы, несколько тонн, сенные покосы (113,5 копны).

Хотя мы имеем подлинную писцовую книгу Алая Михалкова, ее содержание не вызывает особого доверия. Выясняется, что в качестве официального документа в XVII в. она практически не использовалась. Сначала ее «порочили» печенгские старцы и коляне, которые жаловались на писца, якобы требовавшего у них посулов за то, чтобы написать их промыслы «в луки» легче, чем в прежних книгах Василия Агалина. А когда они ему отказали, написал их луки с «великой прибылью», а промыслы и угоды Кандалакшского монастыря и крестьян, наоборот, облегчил. Основываясь на этих челобитных, А. И. Андреев считал, что книги Алая Михалкова неверны только с точки зрения тяжести оклада, а рост монастырской вотчины в них отражен верно. Однако спорное дело о владениях в Кольском уезде 1697 г. между Печенгским монастырем и колянами, с одной стороны, и Кандалакшским монастырем и Нотозерскими и Сонгельскими лопарями, с другой, выявило неточности в описании владений Печенгского монастыря: 1) в писцовой книге 1608–1611 гг. пожни и рыбные ловли по

---

¹ РГАДА. Ф. 1209. Д. 208. Л. 69 об., 74 об., 89, 90, 93–95 об., 119 об., 197.

² Харузин Н. Русские лопари. М., 1890. С. 401–402, 405.

р. Туломе были крепки монастырю по жалованной грамоте 116 (1608) г., а в представленном списке этой грамоты, кроме указанных угодий, за монастырем значится еще речка Улита, хотя в писцовой книге ее нет¹; 2) в писцовой книге межа рыбных промыслов установлена будто бы по деловой записи всех лопарей 96 (1587/88) г., а такой записи монастырь представить не смог, есть только мировая запись 109 (1600/01) г., но в ней нет межи; 3) по книге Алая Михалкова на р. Туломе рыбные ловли и лесные угодья от Кальнпухи до Падуна и осеннего промысла за монастырем $\frac{1}{6}$ доля, а в выписке из книг Василия Агалина никакой рыбной ловли не написано. По словам лопарей, Алай Михалков многие лопарские угодья и рыбные ловли записал за печенгскими старцами ($\frac{1}{4}$ р. Туломы и амбарцы) «утайкой». В то время, в 1611 г., «свейские немцы» лучших многих людей побили, в полон побрали, а дети тех лопарей остались малы и своими угодьями владеть не могли; 4) по книге Алая Михалкова записаны оброчные и данные рыбные ловли и сенные покосы, а в жалованной грамоте 116-го (1607/08) г. они отсутствуют. Некоторые из них перешли к монастырю после жалованной грамоты, а это противоречит государевой грамоте 96-го (1587/88) г., которую представили лопари. В ней говорится, что рыбными ловлями и всякими угодьями владеть, кроме лопарей, никому не велено; 5) в монастырской мировой записи 109 (1600/01) г. говорится, что лопари били челом о возвращении им всех взятых монастырем рыбных ловель в р. Туломе и в других реках, а также в озерах, и они, не ходя в суд, с монастырем помирились и впредь монастырь обязался платить им 1,5 руб. в год, но в книгах Алая Михалкова об этой мировой ничего не сказано.

Эти разночтения и неточности послужили поводом для того, чтобы в 1697 г. правительство приняло решение книги Алая Михалкова «отставить», так же как и все грамоты,

---

¹ Харузин Н. Указ. соч. С. 406. На самом деле в Писцовой книге за монастырем была записана половина о. Улита по данной старца Закхея. — РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 208. Л. 99.

которые основывались на них, в том числе жалованные грамоты Печенгского монастыря 179 (1670/71), 183 (1674/75), 185 (1676/77) и 195 (1686/87) гг. Основанием для владения были объявлены только записи писцовой книги Василия Агалина 7082 (1573/1574) г. Все последующие приобретения монастыря объявлялись незаконными¹. Фактически под предлогом довольно противоречивых обвинений была произведена секуляризация всех монастырских владений, приобретенных после 1574 г. А между тем известно, что монастырь активно расширял свои владения и в XVII в. Наглядное представление о росте монастырских вотчин по р. Туломе, Кольской губе, р. Лице и далее на восток по рекам Тирибирке, Воронье, Ринде, а также в волости Ковде дает роспись 1658 г.²

Из текста росписи не всегда понятно, являются ли даты документов, по которым монастырь владеет промыслами, временем их перехода в монастырь или это дата приобретения предыдущего владельца (кроме вкладов, сугубо монастырской формы приобретения). Например, «...на Туломе реке пять участков захребетников, кутельные места и сетные ловли везде Соньяльского лопина Федора Григорьева, на Туломе реке под падуном, дал купчую Нотозерский лопин Харитон Юрьев лета 7105 июля в 15 день»³.

Казалось бы, в этой записи все ясно — купчая датирована 15 июля 1597 г., «дал» ее в монастырь лопарь Нотозерского погоста Харитон Юрьев. Но здесь же указан и предыдущий владелец — соньяльский лопин Федор Григорьев. Возникает вопрос, почему в роспись попало его имя? Вероятно, оно фигурировало в купчей, которую представил монастырь. В этом случае вполне возможно предположение, что сама купчая закрепляла переход этих владений от Ф. Григорьева к Х. Юрьеву, а позже попала в монастырь.

---

¹ Харузин Н. Указ. соч. С. 407–409.

² Сборник материалов... С. 92–100. Роспись опубликована по списку Археологической комиссии — Актовые книги № 156. Другой список хранится в: РНБ РО. Ф. 1283. Д. 4. Оба списка без окончания.

³ Сборник материалов... С. 98.

Сомнения относительно даты приобретения усиливаются в связи с тем, что многие владения, полученные вроде бы до переписи 1608–1611 гг., в ней не зафиксированы. Трудно объяснить, почему монастырь, имея на руках крепости, не захотел свои приобретения легализовать в писцовой книге. Неодновременность даты документа и времени перехода угодий в собственность монастыря подтверждается свидетельством другого источника — грамоты 1697 г.¹

Роспись 1658 г. (С. 97)

«...Падуньское згодье по заемной кабале память дал Иван Никитин, Нотозерский лопин, лета 7145-го, июля в 12 день»

«Под падуном же в рыбных ловлях угодья и прикупного и кортомленого пол-8 участка коренных, да 7 участков захребетных, да пол-5 четверти кочных в лахты и под камнем и кутельные места и с нижними тонями и в верхнем заборе».

Грамота 1697 г. (С. 398)

«В кабале 145 году Нотозерский лопарь Ивашка Никитин занял у Антипки да у девки Сусловых пять рублей 23 алтына 2 деньги, а заложил в тех деньгах свое падуновское угодье, чем он владел и промышлял до сроку до Петрова дни 146 году без росту, а по сроке им Антипке и девке та кабала-купчая и отводная впрок без выкупа».

«В данной же 129 году Нотозерский лопарь Киприянко Романов с сестрою Ульяновкою дали вкладом в Печенской монастырь впрок свое угодье, что дал в тот монастырь дед их Дениско Яковлев за себя и за жену свою и за них, внучат, на Туломе реке под Падуном в рыбных ловлях вотчинное свое и прикупленного и наемного полвосьма участка

---

¹ Харузин Н. Указ. соч. С. 395–408.

коренных, да сем участков захребетных, да под Луткою четверть, ночных в лахте и под камнем и котельные места и с нижними тонями и в верхнем заборе против участков коренных, чем дед их Дениско владел изстари».

На первом примере ясно видно, что в росписи стоит дата составления заемной кабалы — 12 июля 1637 г., а попасть в руки монастырских старцев указанные угоды могли не ранее 29 июня 1638 г., когда кончался срок займа, и не от Ивана Никитина, как говорится в росписи, а от колян Антипки и девки Сусловых.

Во втором случае можно говорить, на наш взгляд, о противоположном явлении. Угоды были завещаны (?), «даны» в монастырь Денисом Яковлевым задолго до 10 декабря 1620 г., когда его внуки составили вкладную.

Из 44 датированных приобретений по росписи 1658 г.: 8 (18%) относят к XVI в.; 6 (14%) сделок — к 1601–1620 гг.; 22 (50%) — к 1621–1640 гг. и 8 (18%) — к 1641–1658 гг. По видам сделок акты распределяются следующим образом: 22 купчие (50%), 13 — данные и вкладные (30%) и 9 записей, кабалы и закладные (20%). В сравнении с данными XVI в. следует отметить значительность доли вкладов и кабал. Сравнительную ценность приобретенных угодий установить очень сложно ввиду разнообразия форм измерения и отсутствия цен. Часто владения определяются какой-то долей угодий и промыслов в тех или иных реках: «В Тириберки речки осмая доля, дал колянин Иван Семенов Старицын лета 7144-го апреля в 29 день»¹. Иногда угоды измеряются луками («лук угоды без чети»), участками («полосма участка»), четвертями («полпята четверти»), «песцами» («...на Воронье же реке рыбныя ловля красной

---

¹ Сборник материалов... С. 96.

рыбы семги и бобровые гоны и в сторонних малых речках, куды ставает красная рыба семга — восемь писцов»)¹.

Однако судьба приобретений Печенегского монастыря, как мы уже знаем, была трудной. Местные жители коляне и лопари на протяжении всего XVII в. не прекращали борьбу за возвращение своих угодий, и правительство поддерживало их, неоднократно посылая в Кольский острог грамоты, запрещающие отчуждать землю у местных жителей, требуя сначала вернуть приобретения, сделанные монастырем после письма Алая Михалкова (1608–1611 гг.), а затем, признав недействительными все сделки, совершенные после описания Василия Агалина (1573/1574 г.)².

В Кандалакшском Богородице-Рождественском монастыре в начале XVII в. по писцовой книге Алая Михалкова было 28 старцев и священников, 3 дьячка, 31 трудник и 70 чел. наемных солеваров, дровозовов и дровосеков, которые обслуживали 4 монастырские варницы в Луденской и Колвинской губах. Около монастыря на р. Ниве жили монастырские бобыли (2 двора, 5 чел.). Имелся «коровничий» двор с наемным коровником, келья для трудников, две мельницы (одна из них пустая). На Мурманском берегу за монастырем записана была ¼ промысловой избы в становище Лавышево и дворовое место в Коле.

Монастырю принадлежало в Кандалакшской волости угодий в целом на 18,5 луков³, половина которых перешла ему уже после описания 1573/74 г. Из 22 приобретений 15, т. е. 2/3, перешло в монастырь по купчим; 5 — по данным и 2 — по закладным кабалам. В соседней Ковде, «меж лопарей», монастырь владел по купчей 1/2 Тудоозера и Каллекорги (1 лук). В вотчине монастыря находилось 16 тонь и р. Кянда. Кроме «луковых», монастырь имел ряд оброчных пожень и росчистей⁴. По жалованной грамоте 1615 г. мона-

---

¹ Сборник материалов... С. 95.

² Харузин Н. Указ. соч. С. 397, 407–408.

³ Лук — это не только определенный размер земельных угодий, сенокосов, но и доля участия в рыбных ловлях (заборах, тонях, реках и озерах). См. также: Копанев А. И. Указ. соч. С. 183–184.

⁴ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 208. Л. 185 об.–189, 18, 68.

стырю отводилась в этой волости половина дворов и «незгодных бобылей», которые уже жили или поселятся в будущем. По переписным книгам 1646–1647 гг. там было записано 6 дворов бобыльских (7 чел.) и 5 изб у варниц для работных людей и трудников.

Кроме двух местных монастырей, по данным писцовой книги, в Кольском уезде имели владения Соловецкий, Вааламский, Коневский и каргопольский Кожеозерский монастыри.

По жалованной грамоте Василия Шуйского 7115 (1606/07) г. Соловецкому монастырю были отведены $\frac{1}{4}$ Керетской волости. Эти земли были приобретены Соловецким монастырем в разное время по купчим и вкладным. На монастырской земле в это время был всего один живущий бобыльский двор вдовы и 3 дворовых места (на эти места разрешалось приглашать, «называть» жильцов). На р. Кереть действовала мельница (другую сожгли «немцы»), стоял мельничный двор для старцев и слуг. Во всех угодьях и промыслах, включая рыбный, слюдяной и жемчужный на р. Кереть, монастырь имел четвертую часть.

В соседнем Чюпском погосте у соловецких старцев был монастырский двор для монастырских людей, бобылей, солеваров, дровосеков, две мельницы и две варницы, а также пустые дворы и дворовые места. А в Чернорецком погосте — один двор (один чел.) и два дворовых места. Всего в Керетской волости, Чюпском и Чернорецком погостах ему принадлежало 12 луков угодий и промыслов. Кроме этого, мы находим на Мурманском берегу соловецкую промысловую избу, а в волости Порья Губа — один двор «на приезд» монастырской администрации и три места дворовых с двумя луками в морских, озерных, речных ловлях и в сенных покосах, приобретенные в 1574–1589 гг.¹

В 1635 г. Соловецкому монастырю отвели на оброк оставшиеся $\frac{3}{4}$ Керетской волости (30 дворов). Грамота от

---

¹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 208. Л. 247–267, 68, 139. Следует отметить, что первые и наиболее обширные владения на Кольском полуострове Соловецкий монастырь имел в Варзуге и Умбе, но эти волости относились к Двинскому у., поэтому здесь не рассматриваются.

3 февраля 1635 г. довольно откровенно говорит о причине ее передачи в руки монастыря. Крестьяне платили оброк 15 руб. 30 алт., десятину слюды и таможенные пошлины. Монастырь же обещал давать оброку 18 руб., сохранив размер остальных платежей с этой волости. Этого оказалось достаточно для того, чтобы правительство передало Керетскую волость с крестьянами Соловецкому монастырю¹.

Среди монастырских владельцев Кольского уезда Писцовая книга называет и известные Валаамский монастырь (он имел один двор в волости Ковда, в котором проживали старец и монастырский служка)², а также Коневский Рождественский (за которым записан был лишь пустой двор в погосте Княжья Губа Кандалакшской волости). Двор опустел, поясняет книга, семь лет назад, т. е. в самом начале XVII в.³

Писцовая книга отмечает на Кольской земле и владения каргопольского Кожеозерского монастыря. Он имел 1 и $\frac{3}{4}$ лука угодий и оброчные сенокосы в Керети, а также $\frac{1}{2}$ лука и действующую варницу в Чюпской Губе⁴. Никаких жилых дворов в книге не записано. Непонятно, как монастырь мог вести здесь хозяйство, не имея дворовых построек. Если полны сведения писцовой книги, то можно предположить, что вся эта недвижимость сдавалась в аренду местным крестьянам. Общее представление о населении монастырских владений дает табл. 1 (см. Приложения). Мы видим всего один крестьянский двор (один чел.). В нем записан «тяглый» человек Микитка Юрьев сын Греза, скорее всего не монастырский, а черносошный крестьянин⁵. Лопарей имел только Печенгский монастырь — 13 веж (44 чел.). Бобылей было 5 дворов (9 чел.), включая двор понойской церкви.

---

¹ Сб. ГКЭ. Т. 2. Л., 1929. № 150.

² Там же. Л. 197.

³ Там же. Л. 182.

⁴ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 208. Л. 225–226 об., 228–228 об., 233–233 об., 235–238.

⁵ Там же. Л. 197. Здесь же, в волости Ковда, написан крестьянский двор за Валаамским монастырем, но в нем числятся старец и служка. Поэтому он отнесен к разряду монастырских дворов.

В самих монастырях (Троицком Печенгском и Рождественском Кандалакшском) и монастырских дворах разного назначения — 11 дворов и келий для монастырской приказчиков и слуг, 5 дворов хозяйственных (скотный, дровозвозный и др.), 16^{1/4} изб и «ский»¹ для работных людей, писцовая книга зафиксировала 88 старцев и священников, 4 монастырских служебника, 92 трудника, работавших в монастырях бесплатно, по обещанию или за вклад, и 222 казачка (наемных работника). Следует отметить, что число наемных людей часто не указывается в источнике. Например, в Чюпском погосте о дворе Соловецкого монастыря говорится, что там живут старцы, слуги, бобыли, солевары, дровосеки². В Керети на церковной земле стояли две кельи для нищих³. Всего в монастырских вотчинах и в самих монастырях проживало свыше 460 чел.

Кроме монастырей, населенными землями владела понойская церковь Петра и Павла. На ее земле стояли живущий бобыльский (два чел.) и пустой дворы. Этой церкви принадлежала половина р. Поной (но ^{1/4} часть реки лопари вернули себе)⁴. Другие церкви Кольского уезда — Никольская и Георгиевская в Кольском остроге, порьегубская Никольская, ковдская Никольская и керетская Никольская населенных земель не имели. Кроме церковного причта (девять дворов и одна келья), при церквях жили нищие (одна келья)⁵.

В середине XVII в. по переписи Леонтия Азарьева 155 (1646/47) г. в вотчинах двух Кольских монастырей Печенгского и Кандалакшского числилось 6 дворов бобыльских, 7 чел. и 27 чел. лопарей⁶.

По переписи 186 (1677/78) г. в Кольском уезде попрежнему продолжали действовать только два монастыря: Троицкий Печенгский и Рождественский «Пречистенский»

¹ Мой подсчет по тексту дал — 10 и ^{1/4} изб.

² РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 208. Л. 259.

³ Там же. Л. 210.

⁴ Там же. Л. 156–157, 250.

⁵ Там же. Л. 4 об., 133, 196, 210.

⁶ ДАИ. Т. 8. СПб., 1862. С. 134.

Кандалакшский. Печенгскому монастырю (табл. 2) в тех же, что и в начале XVII в., Печенгском и Мотоцком погостах принадлежало девять лопарских веж с населением 60 чел., из них 23 недоросля. В Кольском остроге был монастырский конский двор, двор «на приезд» промышленных людей и мельничная келья. В монастыре переписная книга называет только шесть работных людей «бельцов» и одного казачка¹. Количество священников и старцев, а также трудников не указывается.

Основные владения Кандалакшского монастыря находились в Кандалакшской волости. В 1678 г. на монастырской земле мы находим два двора крестьянских (14 чел., один из них «пришлый», жил на чужом подворье), десять дворов бобыльских (42 чел., из которых восемь бобылей и три нищих жили на подворьях) и в устье р. Нива, возле монастыря еще три двора бобыльских (16 чел., наш подсчет по тексту книги — 13 чел.). Здесь же отмечено три кельи (наш подсчет — две кельи), в которых жили нищие (их число не указывается) и монастырский «конский» двор. В самом монастыре в этом году переписчик насчитал 17 работников. Кроме этого, в пяти усольях стояли пять монастырских келий для приказных старцев и монастырских трудников (8 чел.) и десять изб для приходящих работных людей².

Помимо местных монастырей Переписная книга фиксирует владения Соловецкого монастыря и патриарха. Соловецкий монастырь заметно расширил свои владения, по сравнению с Писцовой книгой 1608–1611 гг. По Переписной книге 1677/78 г. в Керетской волости у монастыря стало 62 двора бобыльских (239 чел.), десять дворов казачков (31 чел.) и один двор нищей вдовы (два чел., включая вдову). Большое количество людей жило не своими самостоятельными дворами, а на чужих подворьях. Среди них мы видим 6 бобылей, 44 казачка и 4 нищих. Еще один казачок с сыном записан на подворье у церковного дьячка. А в од-

---

¹ РГАДА. Ф. 1209. Д. 15056. Л. 21 об.—24 об.

² Там же. Л. 29–38.

ном из «бобыльских» дворов три года живет кандалакшский казачок Петр Федоров¹. Еще одна интересная особенность переписи Керетской волости — в ней фиксировались старики, обычно отцы владельцев двора. Точный возраст их не указан. Есть только пометы: «древен», «древен, лежит на одре», указания на увечье или болезнь. Эти очень редкие, уникальные для XVII в. сведения указывают на то, что обычно в писцовых и переписных книгах фиксируется не все мужское население двора: пожилые, старики (в данном случае около 10% населения) в книги не включались.

В соловецких усольях (Черная река и Чюпа) постоянного крестьянского населения к 1678 г. уже не было. В них были построены два монастырских двора и девять изб, в которых жили работные люди. Почти все они, правда, были «тутошные родимцы», но своего хозяйства не вели. Всего таких работников насчитывается 24 чел. и 11 недорослей. Из них один назван бобылем, еще один — дьячком, а два человека с детьми отмечены как «выходцы из Олонцака». В 1646/47 г. в этих усольях было семь монастырских дворов, в которых записано 13 бобылей². Еще один монастырский двор стоял в Порьегубской волости. Там жила семья соловецкого бобыля (3 чел.)³. В Елетеозерской волости монастырских дворов нет, но на подворье черносошного крестьянина Ивана Андреева живет крестьянин Соловецкого монастыря Григорий Андреев (возможно, это братья). Имелся монастырский двор и в Кольском остроге⁴.

С 1654 г. в восточной части Кольского полуострова появляются промышленники патриаршего дома⁵. В 1658 г. по жалованной грамоте половина р. Поной и р. Лахта с оброчными рыбными ловлями и половина оброчного погоста Поной, которым владел Никита Иванович Романов, а также половина р. Еконги, чем владел Сийский монастырь, пожалованы были патриаршему Крестному монастырю. А другая

---

¹ РГАДА. Ф. 1209. Д. 15056. Л. 46–61.

² Там же. Л. 59–60.

³ Там же. Л. 42.

⁴ Там же. Л. 153, 8.

⁵ Сборник материалов... С. 12.

половина этих погостов и рыбных ловель передана патриаршему же Новоиерусалимскому монастырю¹. В 1677/78 г. за патриархом было закреплено население всего Понойского погоста — 14 дворов (62 чел., из которых три пришлых и четыре соседа жили на подворьях). По книге 1646/47 г. там было всего шесть дворов (18 чел.)². Кроме крестьянских дворов, в Поное по переписи 1677/78 г. был один двор патриарший, «промышленный», в котором жили два работных человека (один из них был дворовым человеком каргопольца С. Киприянова), и двор священника, попа Михаила, у которого на подворье жил Киприан Иванов сын Игумен.

Кроме населения Понойского погоста, за патриархом были записаны лопари пяти лопских погостов (Пурнецкого, Лундельского, Тулванского, Каменского, Еконского) — десять веж (140 чел., включая 37 соседей и подсоседников и одного нищего). В переписной книге 1646/47 г. этих погостов нет. Всего патриарший дом имел здесь 54 двора и вежи (192 чел.)³, т. е. стал самым крупным феодалом Кольского уезда.

Других духовных вотчинников-дворовладельцев Переписная книга 1677/78 г. не зафиксировала, но промысловые угодья имели в Кольском уезде на протяжении XVII в. еще несколько монастырей: Антониево-Сийский, Троице-Сергиев, Николо-Корельский, Крестный Онежский, Воскресенский Новоиерусалимский⁴.

В целом по переписной книге 1677/78 г. в монастырских владениях было 14 дворов крестьянских (67 чел.), 51 вежа лопарская (202 чел.), 76 дворов бобыльских (282 чел.; наш подсчет — 279), 14 дворов казачков (подсчет по тексту дал результат — 13 дворов) с населением 33 чел. Всего — 155 дворов и веж (584 чел.). Кроме дворов зависимого населения, в вотчинах духовенства насчитывалось 37 монастырских дворов, изб и келий (93 чел., включая 72 чел. работных) и 4 двора церковных (17 чел.).

---

¹ Сб. ГКЭ. Т. 2. № 151.

² РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 15056. Л. 77–79 об.

³ Там же. Л. 78–96.

⁴ Сборник материалов... № 60, 61, 64, 67, 68; Сб. ГКЭ. Т. 1. № 483, 505, 530; Т. 2. № 147, 151.

После переписи в 1684 г. Воскресенскому Новоиерусалимскому монастырю был пожалован Семиостровский погост с лопарями и всеми угодьями (12 веж)¹. А в 1701 г. Печенгский монастырь со всеми своими владениями был приписан к холмогорскому архиерейскому дому².

Сравнивая итоги переписей 1608–1611 гг. и 1677/78 г., мы видим значительный рост монастырских владений в Кольском уезде. Особенно важным представляется значительное увеличение дворов зависимого населения. Количество крестьянских, бобыльских, казачьих и других дворов и лопарских веж, принадлежавших монастырям, увеличилось в 8 раз (с 19 до 155). Сравнить структуру населения по этим двум описаниям практически невозможно. В первой из них очень подробно зафиксировано монастырское население: монахи, трудники, наемные работники. В 1678 г. эти категории отражены слабо. В то же время состав постоянного тяглого населения включает детей и подворников, которые не фиксировались в начале века. Тем не менее, можно говорить о том, что главной фигурой монастырского населения в XVII в. становится бобыль. Их дворы составляли около половины общего количества дворов зависимых людей (в 1608–1611 гг. около 20%). Кроме того, появляются «дворы» казачков и нищих, которых раньше не было (они числились в монастырских дворах, на чужих подворьях или в кельях).

По Писцовой книге (1608–1611 гг.) в Кольском уезде было зафиксировано живущих 397 дворов (1292 чел.) и 46 пустых (не считая 329 промысловых изб для сезонных работников)³. Население же монастырских вотчин равнялось не менее 458 чел. (без церковного причта и церковных бобылей), т. е. его доля во всем населении составит 35,4%. Но эта цифра включает и пришлое население — трудников и казачков (314 чел.). Если же сравнивать только постоянное тяглое население (без монахов, священников и монастыр-

---

¹ Сб. ГКЭ. Т. 2. № 158.

² Там же. № 171.

³ Подсчет наш по тексту писцовой книги 1608–1611 гг. — РГАДА. Ф. 1209. Д. 208.

ских людей), то 18 монастырских дворов и веж (52 чел.) составят во всем тяглом населении уезда (без посада — 242 двора, 566 чел.) 7% дворов и 9% населения.

В 1678 г. все население уезда насчитывало 764 двора и 2758 чел. Зависимое же население монастырей (155 дворов, 584 чел.) ко всему тяглому населению уезда составит 26% дворов и 24% населения¹.

Таким образом, в Кольском уезде к 1678 г. доля монастырского землевладения возросла в три с лишним раза, с 7% до 26% дворов всего тяглого населения уезда при общем росте населения в 1,9 раза. Следовательно, рост феодального землевладения в 1,5 с лишним раза превышал рост тяглого населения. Доля феодально-зависимого крестьянского населения, уровень феодализации Кольского уезда приблизился к самому высокому на Севере показателю Заонежских погостов.

---

¹ Подсчет наш по тексту переписной книги 1677/78 г. — РГАДА. Ф. 1209. Д. 15056. В это число не вошли дворы посадские, церковные, монастырские, административно-служебные, в том числе стрелецкие (102 ¹/₂ дворов и 106 чел.).

ПРИЛОЖЕНИЯ

Таблица 1

Население монастырских владений в Кольском уезде в начале XVII в.

Монастыри	Крестьяне		Лопари		Бобыли		Итого		Пустоши
	дворов	чел.	вежи	чел.	дворов	чел.	дворов	чел.	
Троице-Печенгский	1	1	13	44	—	—	14	45	2
Рождественский Кандалакшский	—	—	—	—	2	5	2	5	2
Соловецкий	—	—	—	—	2	2	2	2	5
Рождественский Каневский	—	—	—	—	—	—	—	—	1

Таблица составлена по тексту Писцовой книги 1608–1611 гг. (РГАДА. Ф. 1209. Д. 208).

Таблица 2

Население монастырских владений в Кольском уезде в 1678 г.

Монастыри и другие владельцы	Крестьяне		Лопари		Бобыли		Казачки		Нищие		Итого	
	дворов	чел.	вежи	чел.	дворов	чел.	дворов	чел.	дворов	чел.	дворов	чел.
Соловецкий	—	1	—	—	63	224	10	31	1	2	74	258
Патриарший дом	—	—	42	142	—	—	—	—	—	—	54	194
Кандалакшский	2	14	—	—	13	58 (55)	—	—	3 (2)	—	18 (17)	72 (69)
Печенгский	—	—	9	60	—	—	—	—	—	—	9	60
Всего*	2	15	51	202	88	334 (331)	10	31	4 (3)	2	155 (154)	584 (581)
%	9	—	33	—	49		6		3		100	

Таблица составлена по тексту Переписной книги 1677/78 г.: РГАДА. Ф. 1209. Д. 15056. В скобках даны результаты нашего подсчета, если они не совпадают с итогами Переписной книги.

* Промысловые ненаселенные владения имели здесь, кроме названных, Троице-Сергиев, Воскресенский, Новоиерусалимский, Крестный Онежский, Антониево-Сийский и Николо-Корельский монастыри.

АБСОЛЮТИЗМ И ДВОРЯНСКОЕ СОСЛОВИЕ (НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВЕКА)*

Проблема механизма воздействия и результативности влияния идеологической доктрины самодержавия на сознание дворянства теснейшим образом связана с такими ключевыми вопросами социально-исторического развития России в XVIII столетии, как становление абсолютизма, формирование бюрократического аппарата, возникновение первых поколений интеллигенции и т.д. Несмотря на отсутствие обобщающих работ, посвященных сословной политике власти по отношению к верхушке общества и особенностям государственного сознания правящего класса, тема идеологического и социо-психологического аспекта взаимодействия самодержавия и дворянства затрагивается во многих правовых, культурологических, литературоведческих и собственно исторических исследованиях.

В историографии единодушно отмечается созидательная инициатива власти в развитии и законодательном оформлении сословного строя и прежде всего социального статуса дворянства. Этот практически не опровергаемый никем из исследователей тезис базируется на признании

---

* Эту работу я посвящаю светлой памяти Александра Александровича Преображенского. Мне не просто посчастливилось работать около десяти лет с А. А. Преображенским в секторе феодализма Института российской истории РАН: Александр Александрович вместе с профессором В. А. Федоровым был рецензентом моей первой монографии. Наши беседы на научные и чисто человеческие темы очень обогатили меня. Почему-то особенно запомнился рассказ Александра Александровича об эвакуации и немолодом уже мастере в цехе, который научил будущего профессора Преображенского делать любую работу максимально добросовестно и с полной отдачей. Последний раз мы виделись с Александром Александровичем у него дома, за несколько месяцев до его смерти. Мы обсуждали возможность издания копий конца XVIII в. неизвестных писем Петра к Апраксину. Будем надеяться, что неосуществленные замыслы А. А. Преображенского будут хотя бы частично реализованы его учениками и коллегами.

огромной роли Российского государства во всех областях жизни общества, его особых политических, хозяйственно-экономических и оборонительно-наступательных функций «гаранта всеобщих условий производства»¹. Однако сходная оценка активного воздействия государства на процесс законодательного оформления социальной дифференциации общества соседствует с самыми различными и порой диаметрально противоположными трактовками сущности сословного строя в России.

В работах дореволюционных российских историков под сословиями понимались большие социальные группы, слои, общественные классы, на которые делится общество по правам и обязанностям. С.М.Соловьев, В.О.Ключевский, Б.Н.Чичерин, Н.П.Павлов-Сильванский, Н.М.Коркунов, П.Н.Милюков, А.А.Кизеветтер и др. полагали, что элементы сословного строя возникли вместе с древнерусским государством в XI в., развивались на протяжении столетий и получили окончательное законодательное оформление в таких документах, как Жалованная грамота городам 1775 г. и Жалованная грамота дворянству 1785 г.² Периодизация формирования сословного строя в работах дореволюционных ученых совпадала с основными этапами социально-политической истории Российского государ-

---

¹ См.: Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 561, 565, 572.

² При этом С.М.Соловьев, В.О.Ключевский, Б.Н.Чичерин, Н.П.Павлов-Сильванский считали формирование сословного строя объективным процессом, поддерживаемым и стимулируемым государственным законодательством. Напротив, Н.М.Коркунов, П.Н.Милюков, А.А.Кизеветтер в сословно-статусной политике власти усматривали много искусственного, не столько соответствующего внутренней логике развития русского социума, сколько воспроизводящего западно-европейские образцы.

См.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1962. Т. VI, VIII; Ключевский В. О. История сословий в России // Сочинения: в 8 т. М., 1959. Т. VI; Чичерин Б. Н. Опыты истории русского права. М., 1858; Павлов-Сильванский Н. П. Государевы служилые люди // Сочинения. СПб., 1909. Т. 1; Коркунов Н. М. Русское государственное право. СПб., 1908. Т. 1; Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. СПб., 1909. Ч. I. Гл. IV: Сословный строй; Кизеветтер А. А. Городовое положение Екатерины II 1785 г. Опыт исторического комментария. М., 1909.

ства¹. Практически все исследователи признавали XVIII в. особым и самостоятельным этапом в развитии социальной структуры русского общества.

В отличие от ученых XIX в., которые довольно легко оперировали такими терминами, как «сословие», «социальная группа», «общественный класс», «чин» и т. п., советская историографическая традиция отличалась стремлением к особой скрупулезности в использовании понятий, характеризующих социальную стратификацию общества. Специалисты фиксировали существование сословий со времен Киевской Руси, понимая под данным термином социально-правовые группы, которые отличались своим юридическим положением, определенными правами и обязанностями в обществе, а в сложившемся виде характеризовались наследственностью, относительной замкнутостью и осознанием собственного единства. При анализе социальной структуры советские исследователи использовали не только термин «сословие», но и категорию «класс-сословие»².

В последние десятилетия под влиянием целого ряда таких обстоятельств, как активизация научных контактов, распространение методологического и концептуального плюрализма исследований, усиление эвристической роли компаративного подхода и т. д., происходит сближение

---

¹ Так, В. О. Ключевский полагал, что в XI–XII вв. основанием сословного деления было завоевание, во время «удельного периода» XIII–XV вв. — «договор с людьми», социальная структура Московской Руси XVI–XVII вв. определялась «различием государственных повинностей», и, наконец, с XVIII в. стратификация российского общества зависела от «государственных и гражданских» прав тех или иных слоев (*Ключевский В. О. История сословий в России. С. 464–466*). Эта периодизация сходна с этапами развития сословного строя, которые выделяли С. М. Соловьев, Б. Н. Чичерин, П. Н. Милуков.

² См.: *Белявский М. Т. Классы и сословия феодального общества в России в свете ленинского наследия // Вестник МГУ. Серия 9. История. 1970. № 2. С. 68–69; Преображенский А. А. Об эволюции классово-сословного строя в России // Общество и государство феодальной России. М., 1975. С. 67–85; Буганов В. И., Преображенский А. А., Тихонов Ю. А. Эволюция феодализма в России. Социально-экономические проблемы. М., 1980. С. 241–268. Проблемы исследования классово-сословного строя в России были также затронуты в ходе дискуссии о русском абсолютизме (*История СССР. 1969. № 1. С. 65–66; 1970. № 4. С. 60–63*).*

проблематики и выводов в работах российских и зарубежных специалистов. Однако эти несомненно продуктивные тенденции спровоцировали восприятие западноевропейского образца как эталонного и соответственно привели к известному «европоцентризму» при интерпретации некоторых процессов развития российской государственности. Так, Б. Н. Миронов признаки «истинного сословия» отождествляет прежде всего с чертами «estate»: «1) каждое сословие имеет специфические права и социальные функции, которые закреплены юридически; 2) сословные права передаются по наследству; 3) представители сословий объединяются в сословные организации; 4) сословия обладают специфическим менталитетом; 5) сословия имеют право на самоуправление и участие в местном управлении или центральном государственном управлении; 6) существуют внешние признаки сословной принадлежности — одежда, прическа и т. п.»¹.

По всей видимости, именно ориентация на западную модель подвела Б. Н. Миронова, А. Инкелеса, М. Конфино, Г. Л. Фриза и др. к выводу о бессловном характере социальной структуры Московского государства, основные категории населения которого не являлись сословиями в европейском смысле этого понятия². Большинство разделяю-

---

¹ *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.) Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 2000. Т. 1. С. 76, 140.

² См.: *Inkeles A.* Social Stratification in Modernisation of Russia // *The Transformation of Russian Society: Aspects of social Change since 1861.* Cambridge (MA), 1960. P. 338–352; *Confino M.* Traditions, Old and New: Aspects of Protest and Dissent in Modern Russia // *Patterns of the Modernity.* Vol. II: Beyond the West. London, 1987. P. 11–15; *Freeze G. L.* The Soslovie (Estate) Paradigm and Russian Social History // *American Historical Review.* 1986. Vol. 91, N 1. February. P. 11–36; *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи... Т. 1. С. 80, 141 и др. А. Б. Каменский полагает, что «термин “сословие” вряд ли адекватно отражает особенности стратификации допетровского периода, которую логичнее было бы определять с помощью понятий “социальная группа” или “сословная группа”» (*Каменский А. Б.* От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века. Опыт целостного анализа. М., 2001. С. 28, 30). Однако автор не раскрывает содержание, которое он вкладывает в эти термины.

щих эту позицию исследователей полагают, что с середины XVII в., а именно с принятия Уложения 1649 г., процесс превращения социальных групп в сословия активизировался, а в XVIII столетии приобрел особую динамику. Политико-правовое статуирование русского общества происходило под влиянием западной модели и завершилось, когда Европа перешла к бессословному структурированию национальных сообществ, пережив расцвет сословного строя еще в XIII–XV вв.¹

В данном контексте важным этапом стала состоявшаяся в 1994 г. международная конференция «Сословия и государственная власть в России: XV — середина XIX вв.», участники которой определили наиболее перспективные направления научного поиска: институты сословной организации и характер юридического оформления сословных структур; сословное представительство и эволюция системы государственных органов России; эпохи реформ, перемены в сословной стратификации общества и сословная политика правительства; сословный менталитет и особенности «политического поведения». Несмотря на «неравномерность в изучении разных сословий на разных этапах истории России позднего средневековья и раннего нового времени», в большинстве докладов признавался сословный характер русского общества, по крайней мере в XVI в., и приоритет социально-сословных категорий над религиозными и этническими в политике Российского государства².

Таким образом, в историографической традиции доминирует мнение о ведущей роли государства в развитии сословий, наиболее конституированным из которых стало в XVIII в. дворянство, превратившись из социальной группы служилых людей в правящий класс, костяк бюрократического аппарата и армии, основную интеллектуальную силу

---

¹ См. об одной из последних дискуссий по проблемам развития сословного строя в России: *Wirtschaftler E. K. Structures of Society: Imperial Russia's 'People of Various Ranks'. De Kalb, Ill., 1994.*

² См., например, доклады Б. Н. Флори, А. Каппелера, К. Стивенса (Сословия и государственная власть в России, XV — середина XIX вв.: Чтения памяти Л. В. Черепнина. М., 1994. Ч. I. С. 3–4; Ч. II. С. 158–164, 215–225, 321–333.

империи, «своего рода несущую конструкцию всей структуры самоорганизации общества (административное и хозяйственное управление, судебное-правовое регулирование, финансы, внутренняя и внешняя безопасность, религиозно-культурная и идеологическая функции и т. п.)»¹. Отношение власти к господствующему сословию, которое являлось главным адресатом официальной идеологии, определяло в значительной степени и приоритетные ценности доктрины русского абсолютизма XVIII в. Однако сущность политики самодержавия, направленной на статуирование дворянского сословия, имеет разнообразные трактовки, которые условно можно было бы объединить в три ведущие историографические концепции: тезис о всеобщем закреплении сословий в XVI–XVII вв. и их постепенном освобождении на протяжении XVIII и XIX столетий; вывод о продворянском характере российской монархии, защищающей интересы господствующего класса; и, наконец, признание относительной независимости политических и правовых институтов власти от интересов различных социальных групп, составляющих российское общество.

Концепция всеобщего закрепления сословий была выработана не без влияния коренных преобразований эпохи великих реформ представителями государственной или юридической школы, наиболее авторитетного направления в российской исторической науке второй половины XIX в. В трудах С. М. Соловьева, К. Д. Кавелина, А. Д. Градовского, Б. Н. Чичерина, Н. М. Коркунова указывалось, что в XVI–XVII вв. рассредоточенное на больших пространствах население было прикреплено государством к месту жительства или конкретной социальной группе в целях контроля за уплатой налогов или выполнением повинностей. Необходимость закрепления обосновывалась в трудах представителей государственной школы и их последователей, как правило, более или менее отчетливо (огромные малозаселенные территории, колонизация, развитие «вширь», на-

---

¹ Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. С. 562.

беги кочевников и т. п.), но причины постепенного освобождения сословий, начиная с верхушки социальной пирамиды, а именно с дворянства, практически не указывались, если не принимать во внимание вскользь упоминаемое снижение внешней опасности. Кроме того, в данной концепции не раскрываются глубинные социально-экономические причины установления крепостного права в России, а личная зависимость крестьян ошибочно отождествляется с обязанностью служить, возлагаемой на дворянина. Тем более некорректно сопоставление Манифеста о вольности дворянства 1762 г., который имел весьма ограниченное влияние на социальный статус и образ жизни дворянского сословия, и глобальной по своему значению реформы 1861 г., приведшей в конечном итоге к кризису государственного масштаба.

Однако, несмотря на развернутую критику данной теории советскими специалистами¹, которые всерьез говорили лишь о закреплении крестьянства и низших слоев посада, выводы русских историков второй половины XIX в. поддерживаются многими современными исследователями. С точки зрения Б. Н. Миронова, к началу XVIII в. «все население России было закрепощено, причем в большинстве случаев на двух или трех уровнях: духовенство — государством и епископами, посадские — государством и посадской общиной, государственные крестьяне — казной и сельской общиной, помещичьи крестьяне — казной, сельской общиной и помещиком, дворянство — государством». Профессор И. Мадариага, избегая слишком обязывающей категории «всеобщего закрепощения», также пишет о зависимости, которая «в той или иной форме пронизывала буквально все слои русского общества: каждый человек был обязан служить какому-либо лицу или государству». Финансовые и военные нужды государства, полагает профессор, примитивность административного аппарата, недостаточно развитая экономика в конечном счете обусловили

---

¹ См, например: *Сахаров А. М.* Историография истории СССР. Досоветский период. М., 1978. С. 141–143.

принадлежность каждого члена общества к одной из правовых категорий — сословий или состояний. Столь жесткое сословное структурирование, по мнению американской исследовательницы Дж.Хартли, являлось не только объективной характеристикой социального развития России, но также признавалось современниками и определяло возникающую в их сознании картину общества¹.

Последователи государственной школы, разумеется, указывали на относительную независимость государства от интересов различных социальных групп, в том числе и дворянства, что сближало их взгляды с позицией многих советских и современных исследователей, не разделяющих собственно теории всеобщего закрепощения. В ходе развернувшейся в советской науке дискуссии об абсолютизме 1968–1975 гг. большинство ученых отказались от господствующего в историографии предыдущего десятилетия положения о «равновесии сил» между дворянством и буржуазией. Так, например, причину «большой политической и экономической силы власти» участник дискуссии С.М.Троицкий усматривал прежде всего в господстве крепостничества и «наличии огромных земельных фондов в руках абсолютного монарха»².

В современной науке постулируется присущее самой политической природе абсолютизма «отчуждение» от требований тех или иных социальных групп; а также устойчивость власти, опирающейся не только на дворянство, но и на крестьянство, городское сословие, духовенство и даже казачество; преданность служилой бюрократии, сдерживающей олигархические устремления землевладельческого нобилитета, и т. д. В то же время некоторые специалисты поддерживают неоднократно высказываемое в советской историографии мнение о продворянском характере россий-

---

¹ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи... Т. 1. С. 361–363, 413; Мадариага И. Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002. С. 137; Hartley J. M. A Social History of the Russian Empire, 1650–1825. London; New York, 1999. P. 52.

² Троицкий С. М. Россия в XVIII веке: Сборник статей и публикаций. М., 1982. С. 5–27.

ского абсолютизма, утверждение которого являлось в отличие от Западной Европы не результатом баланса сил феодального сословия и буржуазии, а скорее последствием слабого развития капиталистических отношений. Свой тезис о единстве интересов самодержавия и дворянства исследователи связывают с целым рядом следующих явлений социальной жизни общества: искусственно насаждаемые властью сословные перегородки и одворянивание чиновничества в целях укрепления положения высшего сословия, обладающего правом на занятие командных должностей в гражданском управлении и армии; свобода от обязательной службы, монополия на владение землей и крепостными и другие исключительные привилегии дворянства; примирение в политике самодержавия устремлений различных элитарных групп в стратегических интересах господствующего класса и т.д. Подобные аргументы породили в научной литературе определение политического строя России XVIII в. как дворянско-чиновничьей или дворянской патерналистской монархии¹.

При этом, на первый взгляд, вызывает недоумение тот факт, что выводы об относительной независимости власти от интересов элиты и всеобщем закреплении сословий, с одной стороны, и продворянском характере политики абсолютизма — с другой, могут присутствовать в рассуждениях одного исследователя. Однако данный историографический казус объясняется не противоречивостью концепции того или иного ученого и даже не ошибочностью идеи всеобщего закреплении или, напротив, тезиса о единстве политических целей самодержавия и господствующего класса. Речь идет лишь о различных акцентах и различных

---

¹ См., например: *Мавродин В.* Петр I. М., 1949. С. 105–108; *Аврех А. Я., Сахаров А. М.* Абсолютизм // Советская историческая энциклопедия. М., 1961. Т. 1. Стб. 45–49; *Троицкий С. М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии. М., 1974. С. 367; а также: *Raeff M.* Origins of the Russian Intelligentsia. The Eighteenth-Century Nobility. San Diego; New York; London, 1966. P. 4, 9, 12 and so on; *Омельченко О. А.* «Законная монархия» Екатерины II. М., 1993. С. 15, 379; *Мионов Б. Н.* Социальная история России периода империи... СПб., 2000. Т. 2. С. 135–136.

ракурсах взгляда на единый, но крайне сложный, детерминированный самой спецификой российской государственности процесс формирования политики власти по отношению к дворянству. В стране с «минимальным совокупным прибавочным продуктом» неизбежно складывался мобилизационный тип развития, который мог осуществляться лишь при ведущей социо-экономической роли государства и высокой степени зависимости всех социальных групп, в том числе и дворянства. С другой стороны, упрощенная система самоорганизации российского общества, обусловленная в конечном итоге экстенсивным характером земледельческого производства и объективной невозможностью его интенсификации, превратила дворянство в главную социальную опору абсолютизма, соучастника государственного управления¹.

Таким образом, сочетание принуждения и гарантии высшего положения в обществе, осложняемое периодическими конфликтами власти с олигархическими притязаниями элиты, определяло сущность политики самодержавия по отношению к дворянству, которой еще предстоит стать предметом всестороннего изучения.

При всем многообразии трактовок данной проблемы в историографии сложилась единая для большинства исследователей оценка Петровского правления как принципиально нового этапа формирования дворянского сословия², которое происходило по инициативе власти, под ее контролем и отвечало прежде всего интересам государства. Подобный вывод исследователи делают на основе законодательства, которое продолжает оставаться в работах исто-

---

¹ См.: Миров Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. С. 559, 562, 565–566.

² Этой точки зрения придерживаются и те специалисты, которые относят окончательное формирование сословного общества в России в западноевропейском понимании этого термина (Ständestaat или, вернее сказать, Ständegesellschaft) к правлению Екатерины II. См.: Stökl G. Gab es im Moskauer Staat «Stände»? // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1963. № 11. S. 321–342; Мадариага И. Россия в эпоху Екатерины Великой. С. 137–230; Hughes L. Russia in the Age of Peter the Great. London; New Haven, 1998. P. 159–160, 498.

риков главным источником, характеризующим взаимоотношения власти и общества. Важнейшими документами первой четверти XVIII в., отражающими политику монархии в отношении дворянства, признаются указ о единонаследии 1714 г. и Табель о рангах, то есть законодательные акты, регламентирующие характер службы высшего сословия и системы вознаграждения за нее.

Указ о единонаследии включал, как известно, два важнейших положения: во-первых, правило передачи поместья только одному из сыновей (а если в семье лишь одна дочь, то ей), с тем, чтобы остальные шли на государственную, гражданскую или военную, службу, и во-вторых, высочайшее решение об окончательном уравнивании статуса поместья со статусом вотчины. Новый порядок «обращения в род» земельных владений лишь формально может быть уподоблен системе западноевропейского майората, строго, а не по выбору завещающего, отдающего первенство старшему сыну. Так, еще В. О. Ключевский писал, что «указ не утверждал исключительного права за старшим сыном; майорат был случайностью, наступавшей только при отсутствии духовной: отец мог завещать недвижимое и младшему сыну мимо старшего; указ устанавливал не майорат, а *единонаследие*, неделимость недвижимых имений»¹. Таким образом, нельзя согласиться с исследователями, связывающими закон 1714 г. с попыткой введения в России правила майората. Вызывают некоторое сомнение и такие весьма противоречивые трактовки социального смысла указа о единонаследии, как обращение части дворянства в третье сословие², с одной стороны, или превращение российского господствующего класса в подобие западноевропейской аристократии — с другой³. Наиболее резонной

---

¹ См. об этом: *Ключевский В. О.* Курс русской истории. Ч. 4 // Собр. соч.: в 8 т. М., 1958. Т. IV. С. 88.

² См., например: *Павлов-Сильванский Н. П.* Государевы служилые люди. С. 225, 231; *Богословский М. М.* Петр Великий и его реформа. М., 1920. С. 94; *Fleischhacker H.* 1730. Das Nachspiel der petrinischen Reform // *Jahrbüher für Geschichte Osteuropas.* 1941. Bd. 6. S. 268–270; и др.

³ См.: *Каменский А. Б.* От Петра I до Павла I. С. 123.

представляется точка зрения специалистов, полагающих, что интересы государственной казны вынуждали власть всячески противодействовать стихии измельчания поместий и экономической деградации высшего сословия¹.

Представление самодержавия о «государственной пользе» в данном случае шло вразрез не только с повседневными экономическими интересами помещиков, но и с реальными возможностями власти обеспечить средствами к существованию лишенных недвижимости дворянских детей. Не случайно владельцы имений игнорировали закон о единонаследии, а в 1731 г. это положение указа под давлением представителей высшего сословия было вообще отменено. Тот факт, что во время петровского правления так и не установилось правило майората, позволил некоторым специалистам прийти к заключению об отсутствии в России «землевладельческого нобилитета» и «класса феодалов» «западного образца». В результате дворянство, как полагает Р. Пайнс, не имело достаточного потенциала, чтобы «сопротивляться наиболее крайним формам абсолютизма»².

С данной точки зрения другая часть закона 1714 г., окончательно уравнивающая в правах статус вотчины и поместья, также призвана была укреплять феодальную собственность на землю. Но в отличие от параграфов о единонаследии, это положение знаменитого указа стало мощным стимулом для развития вотчинного господского хозяйства и было с воодушевлением воспринято высшим сословием. Именно в первой четверти XVIII столетия происходит рост господских усадеб и появляются первые хо-

---

¹ См., например: *Индова Е. И.* К вопросу о дворянской собственности в России в поздний феодальный период // *Дворянство и крепостной строй России XVI–XVIII вв.* М., 1975. С. 277; *Медушевский А. Н.* Утверждение абсолютизма в России: Сравнительное историческое исследование. М., 1994. С. 295; *Hughes L.* Russia in the Age of Peter the Great. P. 176–177.

² См.: *Пайнс Р.* Россия при старом режиме. М., 1993. С. 233. См. также: *Raëff M.* Origins of the Russian Intelligentsia... P. 17; *Jones R. E.* The Emancipation of the Russian Nobility, 1762–1785. Princeton; New Jersey, 1973. P. 7; *Ливен Д.* Аристократия в Европе, 1815–1914. СПб., 2000. С. 97–127.

заявленные инструкции владельцев имений для своих приказчиков¹.

При оценке указа 1714 г. важно уловить глубинную внутреннюю взаимосвязь между двумя его положениями, которые часто в историографии анализируются изолированно. Кроме того, столь значимый в социальной истории дворянства закон продуктивно рассматривать в широком контексте взаимоотношений власти и дворянства и, в частности, мощного и порой деформирующего воздействия государства на эволюцию феодального землевладения.

Развернутый анализ феномена условной формы феодального землевладения, при введении которой политические интересы власти оказались сильнее экономической целесообразности, приведены в монографии Л. В. Милова. Форсированные темпы распространения поместий на великокняжеской земле в XV–XVI вв. были обусловлены объективной необходимостью поиска резервов для внутреннего укрепления государства. Условная форма землевладения устанавливалась верховной властью и потому «влекла за собой резкое усиление политико-экономической роли государства, ставила каждого помещика в прямую зависимость от государя, сделав факт обладания дозированной долей земли лишь следствием его верной службы». Примерно с середины XVI в. и обладание вотчиной было для каждого феодала также обусловлено государственной службой. Несмотря на то, что годы Смуты обнаружили явную неэффективность поместий как формы хозяйства, власть не форсировала обратного преобразования поместий в вотчины. «Слишком важна была условная система землевладения для политического укрепления системы самодержавной неограниченной власти монарха, для форми-

---

¹ См., например: *Веселовский С. Б.* Феодальное землевладение в северо-восточной Руси. М., Л. 1947. Т. I. С. 165–202; *Преображенский А. А.* Структура земельной собственности в России XVII–XVIII вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1966. Таллин, 1971; *Индова Е. И.* К вопросу о дворянской собственности в России. С. 272–292; *Водарский Я. Е.* Дворянское землевладение в России в XVII — первой половине XIX в. М., 1988. С. 3–6, 238–239 и др.

рования дворянства как основы незыблемого государственного единства»¹.

Следовательно, такие мероприятия власти, как уравнение статуса вотчины и поместья указом 1714 г. и введение денежного жалования в качестве вознаграждения сначала военным и позднее чиновникам, означали не уменьшение обязанностей дворянства перед государством, а закрепление одинаковой служебной ответственности и за собственниками наследственных имений, и за владельцами условных держаний. Более того, «верноподданнический долг» служащего дворянина ставился властью выше рачительности хозяина, владеющего процветающим имением и заботящегося о достатке своих крестьян. И с позиции власти, и по собственным ценностным ориентациям вотчинник XVIII в. даже после отмены обязательного характера государственной службы оставался помещиком².

Оформившееся в первой четверти XVIII в. собственно дворянское законодательство, по мнению многих специалистов, свидетельствует, что монархия видела в высшем сословии прежде всего кадровых военных, чиновников, придворных. Возложенная на каждого дворянина обязанность постоянной, всеобщей и «ревностной» службы государству стала единственной законодательной гарантией всех привилегий высшего сословия, и прежде всего владения землей и крестьянами. Еще А. В. Романович-Славатинский писал, что «отличительная черта в истории нашего дворянства, сравнительно с дворянством Западной Европы, состоит в том, что у нас оно всегда было установлением политическим, существовавшим и видоизменявшимся, сообразно целям и потребностям правительства»³.

---

¹ Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. С. 559–561.

² См. об этом, например: Raeff M. Imperial Russia, 1682–1825: The Coming of the Modern Russia. N.Y., 1971. P. 106; Павленко Н. И. Петр I: (к изучению социально-политических взглядов) // Россия в период реформ Петра I. М., 1973. С. 73–74; Марасинова Е. Н. Вотчинник или помещик?: (Эпистолярные источники о социальной психологии российского феодала второй половины XVIII в.) // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). М., 1996. С. 135–145.

³ Романович-Славатинский А. В. Дворянство в России от начала XVIII в. до отмены крепостного права. Киев, 1912. С. 1. См. также, например: Jones R. E. The Emancipation of the Russian Nobility. P. 18.

Другим важнейшим документом, который воплотил «усилия государства» по «модернизации правовых основ службы»¹, специалисты единодушно признают Табель о рангах. Вступивший в действие 24 января 1722 г. этот государственный закон создал своеобразную иерархию служебных разрядов и систему продвижения государственных чиновников, военных и лиц, состоящих при царском дворе. Все должности были поделены на две категории: военные и штатские, включающие 14 рангов или классов, которые строго соотносились между собой таким образом, что каждая штатская должность имела определенный военный эквивалент. Низшие чины, с 14 по 9, давали их носителям на статской службе только личное дворянство, с 8 ступени можно было получить потомственное дворянское звание. Военные становились потомственными дворянами с 12-го класса. За выслугу личные дворяне могли также перейти в потомственные. Отныне принцип приоритета знатности и родовитости при занятии должности навсегда уступал место принципу выслуги и полной последовательности прохождения всех рангов.

Несмотря на то, что Табели о рангах посвящена обширнейшая исследовательская литература, в историографии присутствуют весьма противоречивые оценки этого документа. Одни исследователи в расширении состава господствующего сословия в результате действия принципа выслуги усматривают процесс «размывания дворянства», а другие, напротив, явление постепенного «одворянивания» преуспевающих на службе разночинцев. Последняя точка зрения представляется мне более аргументированной. Речь идет о том, что бывшие церковные служители, купцы, мещане и даже крестьяне в борьбе за карьеру усваивали ценности высшего сословия, в состав которого стремились и образу жизни которого пытались следовать². Е. В. Анисимов пишет, что «недворянин, проходя лестницу чинов, вливался

---

¹ См.: Медушевский А. Н. Утверждение абсолютизма в России. С. 295.

² По мнению М. Раева, открывшиеся возможности дали импульс возникновению «вертикальной мобильности» в обществе, что способствовало распространению индивидуализма среди дворянства, иному уровню социальной динамики и, как следствие, особой восприимчивости к передовым идеям европейских мыслителей (*Raeff M. Origins of the Russian Intelligentsia... P. 40–41, 68–69, 106, 108 and so on*).

в контингент военных и чиновников не как чужеродное тело, а как дворянин»¹. Многие специалисты, и прежде всего советские историки, неоднократно указывали, что и для разночинцев, и особенно для крестьян было очень трудно получить статус, дающий даже личное дворянство².

Наряду с противоречивыми оценками последствий введенного Табеля о рангах принципа выслуги в историографии существуют и различные интерпретации процесса «бюрократизации» высшего сословия. Ряд специалистов, в частности С.М.Троицкий, полагали, что в борьбе с оппозицией феодальной аристократии абсолютная монархия опиралась на среднее и мелкое дворянство и стремилась создать дворянскую бюрократию, что способствовало сохранению и насаждению сословности и задерживало превращение бюрократии в бессословную категорию буржуазного общества³. В то же время в историографии существует и другая точка зрения, согласно которой именно с петровских времен идет процесс постепенного обособления в составе господствующего сословия дворянства бюрократической касты. Так, А.Н.Медушевский полагает, что в результате петровских преобразований «увеличивалась рационализация правящего класса, его организации, которая шла теперь не по линии внутрисословных подразделений, а по чиновному рангу, во-первых, и по функциональному признаку (принадлежность к военной, гражданской или дворцовой иерархии), во-вторых»⁴.

---

¹ Анисимов Е. В. Время петровских реформ. Л., 1989. С. 309.

² См.: Бахрушин С. В. О классовой природе монархии Петра I // Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии. 1944. Т. 1. № 2. С. 90–91; Рабинович М. Д. Социальное происхождение и имущественное положение офицеров регулярной русской армии в конце Северной войны // Россия в период реформ Петра I. С. 170–171, и др.

³ Троицкий С. М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. С. 366.

⁴ Медушевский А. Н. Утверждение абсолютизма в России. С. 295; см. также, например: Демидова Н. Ф. Бюрократизация государственного аппарата абсолютизма в XVII–XVIII вв. // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.) М., 1964. С. 207, 242; Г. М. Гамбург также указывает, что дворянин на службе был прежде всего чиновником, а потом уже дворянином (*Hamburg G. M. Politics of the Russian Nobility, 1881–1905. New Brunswick, 1984. P. 13–15, 67–68*).

Специалистов, признающих феномен «одворянивания» чиновничьей касты или же, напротив, «бюрократизацию» дворянства объединяет признание постепенного процесса консолидации господствующего класса. Исследователи усматривают симптомы известной нивелировки дворянства на основе введения единого юридического статуса двух форм феодальной собственности на землю (вотчины и поместья) и формирования жесткой иерархической структуры сословия, обязанного нести «постоянную» и «всеобщую» повинность государственной службы¹. Однако в данном контексте единственной причиной консолидации господствующего класса признается законодательная воля монарха, а главным показателем этого процесса — формальные юридические критерии. В то время как о консолидации дворянства нельзя говорить без учета социально-психологического фактора и, в частности, механизма внутренней сплоченности высшего сословия. Также остается неясным вопрос о заинтересованности государства в развитии политического самосознания высшего сословия.

В литературе фиксируется упрощение системы вассалитета, когда все дворяне превращаются в прямых подданных императора и между монархом и дворянином исчезают посредствующие звенья, свойственные эпохе уделов и становления централизованного государства². В результате возростала относительная независимость власти от различных групп в среде дворянства и, что особенно важно, его политической элиты. С другой стороны, в историографии существует мнение об обособлении в среде российского общества профессионального чиновничества, представители которого рекрутировались из самых различных сословий, утрачивали связь с определенной социальной группой

---

¹ См., например: *Blum J. Lord and Peasant in Russia from the Ninth to the Nineteenth Century*. Princeton, 1972. P. 350–351; *Hassel J. Implementation of the Russian Table of during the 18-th Century // Slavic Review*. 1970. Vol. 29, № 3. P. 294.

² *Буганов В. И., Преображенский А. А., Тихонов Ю. А. Эволюция феодализма в России... С. 244.*

и ориентировались прежде всего на интересы государства¹. Будучи послушным орудием верховной власти, бюрократия, по мнению Ю.М. Лотмана, не оставила следа в духовной жизни России, не создала ни своей культуры, ни своей этики, ни даже своей идеологии². Признание конфликта между высшим сословием и кадровыми чиновниками легло в основу концепции М. Раева, который полагает, что рост бюрократизации управления в России XVIII в. с его «деперсонализацией» личности оттолкнул от престола часть элиты, дав импульс последующему расколу дворянства и формированию первых поколений русской интеллигенции³.

Несмотря на господствующий в историографии интерес к Табели о рангах как важнейшему этапу формирования профессиональной бюрократии, ряд специалистов усматривают в этом документе своеобразный итог всей политики первого российского императора, направленной на выработку новых принципов структурирования дворянского сословия. Всестороннее изучение социальной истории служилых людей допетровской Руси позволило исследователям последующих эпох прийти к выводу, что действительно «сословие дворянства XVIII–XIX вв. в том виде, каким мы его знаем по литературе, было оформлено, точнее организовано Петром»⁴. На протяжении XVIII столетия происходила ликвидация многочисленных сословно-чиновных групп в составе светских феодалов. Окончательно термин «дворянство» для обозначения всего сословия утвердился при Екатерине II⁵. Но решающим этапом обособ-

---

¹ См., например: *Демидова Н. Ф.* Бюрократизация государственного аппарата абсолютизма... С. 229–230; *Федосов А. И.* Социальная сущность и эволюция российского абсолютизма (XVIII — первая половина XIX в.) // *Вопросы истории.* 1971. № 7. С. 60–61; *Рабинович М. Д.* Социальное происхождение и имущественное положение офицеров регулярной русской армии... С. 159–160.

² *Лотман Ю. М.* Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб., 1994. С. 27.

³ *Raeff M.* *Origins of the Russian Intelligentsia...* P. 43, 52–53, 110 a. oth.

⁴ *Анисимов Е. В.* *Время петровских реформ.* С. 300.

⁵ Термин «шляхетство» не прижился в России. В официальных документах он встречается лишь в конце XVII — первой трети XVIII в. История поли-

ления дворянства в среде исчезающего сословия служилых людей и превращения его в политическую элиту общества исследователи единодушно признают правление Петра I¹.

Работы, посвященные иерархии высшего сословия, принадлежащие главным образом дореволюционным российским авторам, и исследования историков второй половины XX в., в которых анализируется социальная структура бюрократии XVII — начала XVIII в., со всей очевидностью свидетельствуют, что Петр не прибегал к насильственному вытеснению старой аристократии². Тем не менее первый российский император, отказавшись от жестких методов, не только обрек на постепенное исчезновение структуру старой московской элиты, но и кардинально изменил статус титулованного дворянства. Обращает на себя внимание тот факт, что под воздействием социальных преобразований Петра были потеснены не собственно старые фамилии, сколько престиж их чинов и родовая монополия княжеского титула.

В данном контексте некоторая односторонность усматривается в выводах исследователей, полагающих, что социальная политика Петра была направлена на усиление но-

---

тического языка, с помощью которого верховная власть именовала высшее сословие, практически не затрагивается в исследовательской литературе. Исключением является лишь работа Г. Торке, в которой автор проанализировал содержание таких понятий, как «большие дворяне», «московский дворянин», «городовой дворянин», «ратный дворянин» и др. (*Torke H.-J. Crime and Punishment in the pre-Petrine Civil Service: The Problem of Control // Die Staatsbedingte Gesellschaft im Moskauer Reich: Zar und Zemlja in der altrussischen Herrschaftsverfassung, 1613–1689. Leiden; Berlin, 1974. S. 29, 44, 86–99*).

¹ См.: *Буганов В. И., Преображенский А. А., Тихонов Ю. А. Эволюция феодализма в России... С. 243; Анисимов Е. В. Время петровских реформ. С. 301; Назаров В. Д., Ерошкина А. Н., Корелин А. П. Дворянство // Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года: Энциклопедия. М., 1994. Т. 1. С. 682–683; Буганов В. И. Российское дворянство // Вопросы истории. 1994. № 1. С. 30 и др.*

² См., например: *Карнович Е. П. Русские чиновники в былое и настоящее время. СПб., 1897. С. 36–37; Романович-Славатинский А. В. Дворянство в России. С. 191, 210–212; а также: Crummey R. O. Aristocrats and Servitors: The Boyar Elite in Russia, 1613–1689. Princeton, 1983; LeDonne J. P. Ruling Families in the Russian Political Order 1689–1725 // Cahiers du monde russe et soviétique. 1987. N 3–4. P. 233–322; а. oth.*

вой служилой элиты, рекрутирующейся, прежде всего, из среды мелкого и среднего дворянства¹. С другой стороны, не следует абсолютизировать и сохранение политического влияния старомосковской знати, которое, по мнению ряда разделяющих эту точку зрения специалистов, поддерживалось патронажными и брачными связями в среде аристократии, а также личными пристрастиями императора при назначении на высокие должности². Социальная политика Петра в отношении дворянства была направлена не на смену состава элиты, а на принципиальное изменение взаимоотношений власти и верхушки общества.

В историографии отсутствуют работы, непосредственно посвященные влиянию отмены местничества и введения принципа выслуги на сознание дворянства. В то время, как эта проблема представляет особый интерес не только для исследователей петровского времени, но и для специалистов, реконструирующих духовную жизнь высшего сословия на материале более поздних периодов. Так, например, нуждается в глубоком осмыслении актуализация достоинства древних родов в среде фрондирующего дворянства последней трети XVIII — начала XIX в., которое системе личной выслуги противопоставит не претензии старых фамилий на высокие должности, а индивидуальное право не служить вообще и оценивать собственную честь вне степеней чиновной иерархии.

Итак, несмотря на различные трактовки значения Табелли о рангах, большинство исследователей оценивают этот документ и в целом сословную политику Петра в плоскости юридической и социальной проблематики. Иными словами, в литературе детально проанализированы новые для дворян-

---

¹ См., например: *Федосов А. И.* Социальная сущность и эволюция российского абсолютизма... С. 58–59; *Троицкий С. М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. С. 86–87. Также нуждается в дополнительных пояснениях точка зрения Б. И. Сыромятникова, усматривающего в протекционизме Петра намеренное ущемление интересов дворянства (*Сыромятников Б. И.* «Регулярное государство» Петра Первого и его идеология. М.; Л., 1943. С. 139).

² См.: *Crummey R. O.* Peter and the Boiar Aristocracy // *Canadian American Slavic Studies*. 1974. V. VIII. P. 274. См. также: *Meehan-Waters B.* Autocracy and Aristocracy: The Russian Service Elite of 1730. New Brunswick, 1982.

ства условия регулярной, обязательной, пожизненной службы, которая с начала XVIII в. вознаграждалась уже не только земельным наделом, но и жалованием, осуществлялась на основе полной последовательности прохождения всех рангов и предполагала получение образования. Соответственно социальная направленность многих исследований обнаруживается в повышенном интересе ученых к таким процессам, как бюрократизация дворянства, формирование профессионального чиновничества, одворянивание выходцев из непривилегированных слоев, консолидация господствующего класса и т. п. К сожалению, в историографии отсутствуют специальные работы, посвященные результатам воздействия сословной политики Петра I на сознание дворянства, с одной стороны, и методам социального контроля власти, направленным на формирование лояльности представителей элиты — с другой. Безусловно, в исследовательской литературе эти проблемы так или иначе затрагиваются, однако, как правило, главный акцент делается на карательной системе и жестких фискальных мерах.

Повышенное внимание именно к принудительной и регламентирующей составляющей дворянского законодательства не только подвело некоторых исследователей к выводу об ужесточении положения привилегированного класса, но и вновь актуализировало проблему всеобщего закрепощения сословий. «В целом петровская политика в отношении дворянства, — пишет Е. В. Анисимов, — была весьма жесткой, в сущности закрепостнительной, ибо дворяне-чиновники, дворяне-офицеры имели во всех смыслах гораздо меньше свободы, чем служилые “по отечеству” XVII века». Автор с сомнением относится к определению социального статуса дворянства как господствующего класса, поскольку точнее было бы говорить лишь о привилегированном сословии военных и чиновных слуг русского самодержца¹. В связи с этим возникает вопрос — существовала ли вообще у Петра разработанная идея создания сословного строя в России, или же первый император ориен-

---

¹ Анисимов Е. В. Время петровских реформ. С. 310, 313. См. также: Троицкий С. М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. С. 113, 365; Hartley J. M. A Social History of the Russian Empire... P. 55.

тировался лишь на военные и фискальные потребности военного времени.

В данном контексте наиболее резонным представляется признание явного приоритета потребностей расширяющей свои границы державы: сословная политика Петра проводилась прежде всего в интересах государства и была подчинена стоящим перед страной стратегическим задачам. Однако под мобилизационными усилиями российского самодержавия следует понимать не только увеличение служебного бремени, возложенного на дворянство. Интенсификация социального контроля со стороны любой власти не сводится исключительно к прямому принуждению, но предполагает и целенаправленное воздействие на сознание подданных. В этом отношении особенный интерес представляет работа Л. Ф. Писарьковой, где, в частности, указывается, что «воспитать честного чиновника <...> Петр I пытался не только суровыми наказаниями виновных; во многих указах он обращается к христианской и гражданской совести служащего». По мнению автора, одним из методов воздействия власти на сознание новой бюрократии стало четкое определение в законодательстве таких понятий, как «взятка», «сребролюбие», «преступление по службе»¹.

Однако в целом механизмы функционирования идеологии абсолютизма, призванной воспитать государственное мышление у политически активной элиты, не стали еще темой отдельного исследования. В большинстве работ, непосредственно посвященных социальному развитию России в первой четверти XVIII в., затрагиваются преимущественно лишь два аспекта столь обширной проблемы. Авторы отмечают резкий рост значения государственной службы в жизни дворянина и постепенное наполнение новым содержанием этой главной социальной обязанности привилегированного сословия.

В историографии преобладает точка зрения, согласно которой представление о высшем долге служения государю и отечеству сложилось еще в XV–XVI вв. и продолжало

---

¹ Писарькова Л. Ф. Российская бюрократия в эпоху Петра I. Условия службы и характерные черты // Отечественная история. 2004. № 2. С. 12–14.

существовать в XVIII столетии, однако мотивы и смысл государственной службы не оставались неизменными и трансформировались с течением времени. «В начале XVIII в., — пишет Б. Н. Миронов, — идея всеобщей службы государю ради достижения божественной благодати и спасения сменяется идеей всеобщей службы государству ради общего блага. <...> Таким образом, в первой четверти XVIII в. идея государства из преимущественно религиозной превратилась в идею преимущественно светскую»¹. Исследователи усматривают и такие новые явления в развитии общественного сознания, как дифференциация понятий «государь» и «государство», а также провозглашение главенствующей ценности «всеобщей пользы» и «общественного блага»².

Данные наблюдения непосредственно связаны с политическим языком конкретной эпохи, следовательно, они нуждаются в дальнейшем уточнении на основе понятийного анализа текстов источников. Ведь, прежде чем констатировать размежевание понятий «государь», «государство», «отечество», необходимо составить четкое представление о смысле, который вкладывали в них современники. Закономерное усложнение содержания и потому углубление разницы значений тех или иных терминов, которые определяют общественное сознание, еще не означает их противопоставления и поляризации. Известная смысловая дифференциация понятий «государь», «государство», «отечество» в русском языке первой четверти XVIII в. лишь усиливала их роль в качестве приоритетных идеологических ценностей. Абсолютная власть персонифицировалась в личности императора, служба которому сливалась с чув-

---

¹ *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи... Т. 2. С. 132. Усиление светского начала в трактовке основной цели и содержания государственной службы фиксируют и другие исследователи (См., например: *Карпец В. И.* Некоторые черты государственности и государственной идеологии Московской Руси: Идея верховной власти // Развитие права и политико-правовой мысли в Московском государстве. М., 1985. С. 21).

² См., например: *Черная Л. А.* Русская культура переходного периода от Средневековья к Новому времени. М., 1999. С. 188–190.

ством патриотизма и причастности к победам усиливающейся державы¹.

Несколько большее внимание в литературе уделяется реальному наполнению таких терминов, как «государственный интерес», «общее благо», «польза и прибыль общий», «благо отчества» и т. п. Однако даже в наиболее аргументированных исследованиях прежде всего отмечается мобильность содержания этих понятий, смысл которых трансформировался в зависимости от конкретной обстановки и намерений власти. Так, Х. Баггер констатирует емкость и эластичность содержания термина «общее благо», что представляло правительству широкий простор для его произвольных толкований и служило великолепным средством узаконения неограниченных прав монарха». Н. И. Павленко приходит к выводу, что внешнеполитический аспект «общего блага» вырисовывался в официальном языке петровского правления более отчетливо и подразумевал целостность территории, в то время как «содержание общего блага, обращенного внутрь страны» сводилось к способности подданных служить «государственному интересу»². Подобная расплывчатость смысла понятий «общая польза», «государственный интерес», «благо отчества» и т. п. может быть конкретизирована при четком определении функций источников, в которых они упоминались, и сравнительном анализе декларативных текстов, с одной стороны, и указов, призванных непосредственно воздействовать на сознание подданных — с другой.

---

¹ См. об этом подробнее: *Марасинова Е. Н.* Государственная идея в России первой четверти XVIII в.: (К истории формирования понятий и терминов) // Европейское просвещение и развитие цивилизации в России. М., 2004. С. 129–149; *Она же:* Самодержавие и дворянство (Begriffsgeschichte русского XVIII века) // Study Group on Eighteenth-Century Russia. Newsletter. 2004. № 32. P. 21–28.

² См.: *Баггер Х.* Реформы Петра Великого: Обзор исследований. М., 1985. С. 99; *Павленко Н. И.* Петр I: (к изучению социально-политических взглядов). С. 61–65, 77. См. также: *Рейснер М. А.* Общественное благо и абсолютное государство // Вестник права. 1902. № 9–10. С. 5, 14; *Wittram R.* Peter I — Czar und Kaiser: Zur Geschichte Peters des Grossen in seiner Zeit. Göttingen, 1964. Bd. II. S. 122.

Комплексное терминологическое исследование языка исходящих от престола документов представляется важным не только для воспроизведения политической доктрины российского абсолютизма, но и для понимания каналов ее влияния на мотивацию представителей высшего сословия. Это воздействие не был исключительно принудительным, а в сфере идеологической не ограничивалось провозглашением официальной концепции государственной службы, содержание которой остается к тому же недостаточно изученным. Характерная в целом для историографии Петровского времени фрагментарность исследования конкретных механизмов социального контроля создает известный информационный вакуум, препятствующий формированию цельного представления о взаимоотношениях власти и элиты в XVIII столетии.

Остается неясным, почему и спустя более 20 лет после отмены обязательного характера службы и более 60 лет после провозглашения Табели о рангах, основные положения этого знаменитого Петровского документа продолжали оставаться главным принципом структурирования высшего сословия. В «Грамоте на права, вольности и преимущества благородного Российского Дворянства» 1785 г. также был сформулирован приоритет последовательного прохождения всех рангов на основе личной выслуги: «<...> Российское дворянство, входя в службу военную или гражданскую, проходит все степени чиновачалия и от юности своей в нижних узнает основание службы». Как и во времена правления Петра, единственным показателем знатности в Жалованной грамоте признавалась служба государю: «Достигают же до вышних степеней те Российского Дворянства знаменитые особы, кои отличаются <...> службою». И точно также монаршая милость оставалась главным источником и подтверждением родового достоинства: «Обыкла Россия исстари видеть службы, верность, усердие <...> Сему свидетельства подлинныя находятя в древнейших поколениях родов Нашего <...> подданного Российского дворянства»¹. Каким образом российскому абсолютизму удалось провозглашенный в начале XVIII в. высочайший

---

¹ О дворянстве. СПб., 1808. С. ii.

указ об обязательной регулярной службе превратить к 1785 г. в добровольно принятый образ мысли и образ жизни привилегированного сословия?

По всей видимости, в правление Петра I были заложены основы сословной политики власти в отношении дворянства, идеологическая составляющая которых оказалась наименее подверженной изменениям. Именно в этот период перестала существовать социальная группа, именуемая «служилые люди по отечеству», и возникло сословие, которое первый император гордо называл «шляхетство», не забывая, однако, добавлять — «нашею милостью в оную честь возведенное»¹. На это сословие была возложена принудительная повинность обязательной, регулярной, пожизненной службы на основе личной выслуги, ставшая одновременно и почетным правом дворянства. Парадокс, над которым еще предстоит размышлять историкам, заключался в том, что высшее сословие в начале XVIII в. формировалось одновременно и как привилегированное, и как зависимое от престола. Дальнейшее исследование механизмов реализации всех аспектов социальной политики абсолютизма, в том числе идеологического и психологического, обогатит представление о развитии дворянского сословия в XVIII в. и приблизит к пониманию таких феноменов, как «дворянская фронда», «дворянская литература», «поэт и царь» в русской истории.

---

¹ См., например: Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Собрание 1-е. СПб., 1830. Т. VI: 1722. № 3890. С. 492.

КРЕСТЬЯНСКИЙ ДВОР В ПОМЕЩИЧЬЕЙ ДЕРЕВНЕ И ЕГО ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

В 20–30-х гг. XVIII в.

В исторической науке все более обосновывается положение о резком усилении гнета крестьян, в том числе и помещичьих, в период ужесточения крепостного права. В последнее время убедительно раскрыты крайне тяжелые почвенно-климатические условия работы земледельцев восточно-европейской равнины¹. Приведены новые доказательства снижения биологического уровня жизни податных сословий. Оно было связано с повышением казенных налогов и крепостнических повинностей и перераспределением прибавочного продукта в пользу дворянства, резким повышением потребностей высших дворянских слоев при переустройстве своего быта по европейским образцам².

Первостепенным по информативности источником о крестьянском хозяйстве являются подворные описания отдельных помещичьих имений³. Однако в отличие от первой половины XIX в. по изучаемому времени их сохранилось очень мало и в основном они содержат сведения не хозяйственного, а демографического порядка.

И. Д. Ковальченко, в распоряжении которого находилось 289 выявленных подворных описаний первой половины XIX в., пришел к выводу, что «основными условиями производственной деятельности крестьян» следует считать «обеспеченность землей и интенсивность» крепостнической эксплуатации. Тогда размеры посевов и их урожай-

---

¹ Миров Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 17, 27, 554–556.

² Миронов Б. Н. Антропометрический подход к изучению благосостояния населения России в XVIII в. // Отечественная история. 2004. № 6. С. 27–30.

³ Об изучении крестьянского двора и его хозяйства в отечественной историографии по описаниям XVIII в. см.: Тихонов Ю. А. Дворянская усадьба и крестьянский двор в России XVII–XVIII вв.: сосуществование и противостояние. М., 2005. С. 48–76.

ность позволят определить размеры сбора зерновых как хозяйственной основы в расчете на душу обоего пола¹. По источникам XVIII в. придти к этому необычайно трудно, особенно по первой половине и середине столетия.

Несмотря на очевидные успехи, до конкретного представления о хозяйственных возможностях крестьянского двора изучаемого времени, особенно в помещичьих имениях, остается еще далеко². Объясняется это прежде всего почти полным отсутствием источников. Введение в научный оборот новых сведений можно сравнить с находкой редких драгоценностей.

Задача статьи — поделиться открытым недавно новым источником о крестьянском хозяйстве конца 20-х — начала 30-х гг. XVIII в.

Среди членов Верховного тайного совета после воцарения Анны Иоанновны первыми пострадали князья Долгоруковы. Их вотчины, отписанные на имя императрицы, перешли в дворцовое ведомство, а остальные оказались под временным управлением специально созданной Комиссии описи княжеских движимых и недвижимых имений. В фонде Дворцового отдела РГАДА хранятся произведенные комиссией описания владений Долгоруковых³. Переписчиков интересовали в основном численность населения крестьянских дворов и помещичьи доходы всякого рода, барщинные и оброчные прежде всего. Лишь при отписке двух имений князя Алексея Григорьевича Долгорукого комиссия была вынуждена заинтересоваться хозяйственным состоянием крестьянских дворов, в одном случае, из-за задолженности в платеже денежного оброка, в другом — из-за разорения части дворов от пожара. Это были села Лучинское и Тютково Юрьев-Польского уезда⁴ и село Старое Никольское Вологодского уезда⁵.

¹ Ковальченко И. Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М., 1967. С. 259, 298, 315.

² Л. В. Милов пришел к выводу, что «уровень реальной жизни большей частью, по-видимому, располагался между крайней бедностью и состоянием выживания, когда хозяин... поддерживал на плаву свой двор и семью». (Милов Л. В. Указ. соч. С. 399).

³ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 2. Д. 1737. Л. 322–336.

⁴ Там же. Д. 1736. Л. 295–314 об., 599–606 об.

⁵ Там же. Л. 170–171, 287–290, 576–583.

По ведомости, составленной в августе 1730 г., у А.Г.Долгорукова отобрали 14 вотчин. Они находились в 12 уездах. В них отмечено 3774 крестьянских двора с населением 16703 чел. м.п. В среднем на двор приходится 4,4 чел. м.п. Показатели по вотчинам колеблются от 3,0 до 6,3. Основное место среди повинностей занимали отработочная и денежная формы ренты. Площадь полевой барщины указана в двух полях, озимом и яровом. Набор яровых культур обычный (овес, ячмень, пшеница, греча, горох, лен и конопля). К ним в подмосковном селе Горенки и в пензенском селе Никольское добавлено просо; в кромском селе Пенное — просо и мак. Полевую барщину отбывали крестьяне 10 вотчин из 14. Ее площадь 1750,5 дес. в двух полях. Средние показатели: на двор — 0,5 дес., на человека м.п. — 0,1 дес. Самый низкий душевой показатель 0,08–0,1 (в шести владениях). Самый высокий 0,8 относится к подмосковной усадьбе Горенки, где князь принимал императора Петра II (с крестьян села Горенки, обслуживавших усадьбу, денежный оброк не взимался). К барщинным полевым работам присоединялась заготовка сена (она отсутствовала в пяти вотчинах; в четырех из них и полевой барщины не было). Общие средние показатели работ на сенокосных угодьях на двор — 4,7 копен, на человека м.п. — одна копна. Всего крестьяне обрабатывали на сенокосении примерно около 1788 дес. (принято считать 10 копен за луговую десятину).

Платеж денежного оброка значится в 12 имениях¹. В 10 из них в общую величину оброка включен сбор на покупку дров в московский дом помещика: самый высокий в Хатунской волости (66 руб. 120 денег) и в вологодской вотчине (21 руб. 120 д.), самый низкий в каширской (1 руб. 88 д.) и в оболенском селе Шабаново (180 д.). Всего за дрова крестьяне платили 143 руб. 176 д.

В год крестьяне отдавали окладных денег более 5 тыс. руб. В среднем с двора взимали 1,3 руб. (260 д.), с человека м.п. 0,3 руб. (60 д.). Сборы заметно различались. На двор приходилось от 12 до 612,8 д.; в основном показате-

---

¹ Для упрощения расчетов переводим алтыны в деньги: 1 рубль = 200 д., 1 алтын = 6 д., 1 коп. = 2 д.

тели в пределах от 100 до 400 д. На душу м.п. показатели от 1,9 до 103 д. Средние от 1,9 до 3,4 д. отмечены для четырех вотчин, от 28,2 до 103 д. — для восьми.

Неокладные сборы по оброчным статьям с мельниц, речных участков, пустошей, отдаточных земель представлены далеко не по всем вотчинам. Удивительно высоким был сбор с мельницы на р. Луже в оболенском селе Спаское — 90 руб. Для сравнения весь неокладной сбор с Хатунской волости составил 306 руб.

Источник умалчивает о мирских сборах, составлявших в целом значительную долю в платежах.

Продуктовый оброк включал в себя, как правило, сбор «столовых запасов». Среди них мясо свиное, бараны, поросята, гуси, утки, куры, масло коровье, яйца, сукно сермяжное, холст посконный, масло конопляное. Изредка встречаются орехи (Оболенский и Юрьев-Польский уезды), малина сухая (Старицкий), сало ветчинное (Касимовский). Вологодская вотчина давала также рыжики, соленую рыбу, свечи маканые, тонкие полотна. Имеются заметки о повышении оброка. Крестьяне Хатунской волости в дополнение к баранам, холсту и сукнам с 1729 г., «по определению его сиятельства», отвозили 756 кур и тысячу яиц. В мешковской вотчине к 150 пудам мяса свиного добавили еще 50, в старицкой — к 70 еще 30. С касимовского имения к 52 пудам мяса брали «вновь положенного» 100 пудов, итого 152 пуда, а вместо 100 ведер вина крестьяне стали поставлять 70 пудов меда. Оброк зерном (714 четв.) вносили только жители малороссийской вотчины (другие продукты здесь не собирали).

* * *

В вотчине Юрьев-Польского уезда было наличных 233 двора — 928 душ м.п. (в среднем на двор 4,0). Полевой барщины здесь не было. С крестьян взималась денежная рента — 700 руб. оброчных денег да сбор 13 руб. 98 коп. на покупку дров в московский дом князя. В среднем на двор приходилось 3 руб. 13 д., на человека м.п. — 1 руб. 54 д. Помимо денег крестьяне отдавали столовые припасы: 150 баранов, 75 пудов свиного мяса, 6 пудов коровьего

масла, 150 кур русских, 3 тыс. яиц, 20 четв. орехов, 200 арш. холста. Дворцовые власти ряд продуктов перевели в 1731 г. на деньги. За 75 пудов свинины полагалось внести 7 руб. 50 коп. (по 10 коп. за пуд), за 20 четв. орехов 20 руб. (четверть — 1 руб.), за 200 арш. холста 4 руб. (по 2 коп. за арш). Приказчик сел Лучинское и Тютюково с деревнями Старково и Бадалово Юрьев-Польского уезда И. П. Чирков известил Комиссию описи пожитков, что собрал только 82 руб. 1 коп. и «в доимке осталось на скудных крестьянх» 51 руб. 62 коп. Вместе со старостами и выборными он составил и к концу 1730 г. прислал «опись скудным крестьяном»¹.

Чиновников комиссии объяснение приказчика не удовлетворило и в начале 1731 г. в вотчине был составлен дополнительно «реэстр» скудных крестьян с указанием, сколько «в доимке имеется оброку». На 1729 г. в доимке числилось 5 руб. 11 алт. 4 д. (т.е. 5 руб. 70 д.), на 1730 г. — 51 руб. 20 алт. 4 д. (т.е. 51 руб. 124 д.)². Составители «по сему реэстру свидетельствовали» и заявили, что «допрavitь за скудостью невозможно». Их мнение заверил священник («к сему реэстру поп Иаков руку приложил»). Крестьяне напомнили также о «пожарном разорении» девяти дворов в начале 1730 г., когда по указанию А.Г. Долгоорукова платеж с их тягол был уменьшен на 9 руб. 146 д.³

Можно ли предположить, что мы имеем дело с проявлением «сельской хитрости»? Приказчик и крестьяне могли надеяться, что после конфискации сел доводы о недоборе денежного оброка из-за падения хозяйственного уровня значительной части крестьянских хозяйств покажутся убедительными. Однако надежды крестьян на льготы «скудным» дворам не оправдались. 1 февраля 1731 г. последовал приказ об уплате и доимочных денег и половины оброчных уже за новый год. В комиссии посчитали, что население вотчины, которая была прибыльной по денежному оброку,

---

¹ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 2. Д. 1736. Л. 295–304 об.

² Там же. Л. 603–606 об.

³ Там же. Л. 306 об., 602.

будучи свободной от барщины, сможет пережить без льготы малоурожайный год.

В «описи» перечислено 50 «скудных» дворов (они составляли значительную долю — около одной пятой части всех дворов). Сведения даны по следующим статьям: 1) единица тягла; 2) «пожитку», т.е. поголовье лошадей, жеребят, коров, телят, овец, поросят; 3) наличие ржи молоченой и немолотой; 4) наличие овса; 5) посев ржи озимой к 1731 г. в четвертях, осьминах, четвериках; 6) число «рабочих людей» м.п. во дворе; 7) сумма денежного оброка в доимке, т.е. задолженность к концу 1730 г. в рублях, алтынах, деньгах.

Среди дворохозяев три вдовы. В одном дворе указан один работник, в другом — два. По третьему вдовьему двору записано, что в нем «рабочих людей ничего нет». Однако двор выглядит тяглоспособным. В нем лошадь, корова, 2 овцы, имелись запасы и ржи и овса, отмечен и посев озимой ржи. Отметка по второму двору, в котором рабочих людей не было, относительно хлеба гласит: «снято в мир, платить ей надлежит снятого ржаного хлеба». Текст этот можно понимать так: урожай был убран односельчанами, а из причитающейся вдове части ржи ей надлежало уплатить оброк за 1729 г. 74 д., за 1730 г. — 79,5 д. Скот отсутствовал, и этот двор следует считать явно неплатежеспособным. Один двор принадлежал беглому крестьянину молодых лет (он «бегает»). Во дворе отмечен и скот (корова, овца), и посев ржи 6 четвериков, но указано также, что рабочих людей в семье нет.

Все указанные в «описи» 50 дворов зафиксированы также в «перечне», в котором записаны единицы тягла, а также задолженность по денежному оброку за 1729 и за 1730 гг. Дополнительно даны сведения еще по пяти дворам. Однако заметки по двум дворам позволяют предположить, что они к декабрю 1730 г. уже пустовали. Так, за Лаврентием Парфеновым тягло обозначено в прошлом («было тягла четверина») и долг за ним 23 д. проходил по доимке за 1729 г. Трудно объяснить запись по другому двору: после умершего Бориса Емельянова к его родному брату Ивану перешел платеж «за пожитки» на сумму

16 руб. 5,5 д., тогда как в доимке оброка среди сельчан наивысший показатель 3 руб. 14,5 д.

Среди признаков, указанных в описи, наиболее объективными можно считать следующие: 1) число «работных людей» м. п., 2) площадь посева ржи на будущий год, 3) величина долга в уплате денежного оброка.

Два двора (вдовый и беглого) нами исключены из описи. Для расчетов оставлены сведения о 48 дворах. Дворы (48), отмеченные в «описи», отбывали повинности по девяти нормам. У большей части дворов (23) это «крошка». Название многозначительно. На втором месте «четверина» (10). На третьем — «долка» (6), на четвертом — «3 четверины» (4). Остальные единицы (четверик, крошка с получетвериной, долка с получетвериной, полторы четверины, две с половиной четверины») значатся за одним двором каждая. В «перечне» указано, что все крестьянское тягло разверстано на 55,5 осьмаков. Соотнести тягловые названия между собой не представляется возможным.

Приведем сведения о поголовье скота и запасах зерна. Отметим, что приказчик и старосты не обратились с просьбой о выдаче хлебных ссуд «скудным». Вероятно, у крестьян имелись какие-то возможности обойтись без казенного зерна до нового урожая. Поражает низкая обеспеченность «скудных» крестьян скотом. В 19 дворах из 48 никакой скотины не было (39,5%). Только по одной лошади отмечено в 25 дворах (52,0%), по одному жеребенку — в семи дворах (14,5%). Коровьего поголовья еще меньше: 8 коров значилось в 8 дворах, 5 телят — в 5 дворах. Больше было овец: 30 голов в 15 дворах (31,2%). На двор приходилось от одной до трех, причем лишь в четырех дворах отмечено по три овцы. Свиной у скудных не оказалось. Только в одном дворе отметили двух поросят.

Удручающе выглядит обеспеченность дворов хлебом — рожью и овсом. 13 дворов (27,0%) оказались полностью бесхлебными. Запасы ржи молочной отмечены только в 18 дворах (37,5%) — 17 четв. или 136 четвериков¹

---

¹ 1 четверть = 8 четвериков. Четверик по весу был равен пуду.

(в т. ч. в 16 дворах зерно «невейное»). Ржи немолотой нашли в 14 дворах (29,2%) — 15 сотниц снопов и 6 овинов. Немного больше было обмолоченного овса: 38,5 четв. (308 четвериков) в 25 дворах (52,0%), а немолотого почти не оставалось (в двух дворах три сотницы снопов).

По отдельным дворам запасы ржи в зерне не превышали 16 четвериков. В трех дворах их вес колебался от четырех до шести четвериков, в 15 — от 8 до 16 четвериков (в т. ч. в 10 дворах по 8 четвериков и только в одном 16). Овса приходилось на двор от 8 до 20 четвериков. Запас 8 четвериков обозначен для 8 дворов, 16 — для 11.

В посеве всех 48 дворов общий вес зерна в озимых полях, по нашим подсчетам, составил 554 четверика. Если условно принять высев на одну десятину 16 четвериков (2 четв.) ржи, получим площадь около 35 дес. В среднем на двор придется 0,7 дес. в поле. По отдельным дворам посев составил от 4 до 24 четвериков (по одному двору, в котором не было ни скота, ни хлеба, величина не указана).

На первом месте дворы с посевом 12 четвериков — их 18, на втором — с посевом в 6 четвериков — их 10. У 13 бесхлебных дворов (без запасов зерна на конец 1730 г.) высев колеблется от 4 до 14 четвериков, а почти половина таких дворов (10) заседала по шесть четвериков каждый.

Средний показатель на все скудные дворы 11,5. Ниже среднего показателя (до 10) оказалось — 19 дворов, выше (12–24) — 29.

Всего в 47 дворах указан 71 работный человек. В одном вдовьем дворе работников не было, но по другим показателям он мало отличался от других. В другом «своих» работников не значится, но «в найме работных людей один человек». Среди бесхлебных дворов в десяти числилось по одному, в трех по два работника. По три работника отмечено в трех дворах. В последних наивысший посев — 20–24 четверика. В большинстве дворов значилось по одному работнику. Дворов с тремя оказалось очень мало (4).

Общая сумма задолженности по денежному оброку для рассматриваемых 48 дворов составила 10148 д., т. е. 50,7 руб. В среднем на двор 211,3 д.; в среднем на работни-

ка м. п. (их в этих дворах 71 чел.) — 142,9 д. В конкретных показателях дворы можно разделить на три группы. В первой, до одного рубля, оказалось больше всего дворов — 27 (56,3%), во второй, от одного до двух рублей, — 16 (33,3%). Третья группа с доимкой свыше двух руб. (высший показатель 3 руб. 6 алт. 1 д.) малочисленна — 5 дворов (10,4%).

Среди самых скудных крестьян имелись заметные различия в их положении. Для их выявления разделим 48 дворов на три группы по числу работных людей (двор без работников причислим к дворам с одним взрослым тружеником м. п.). Самая многочисленная группа — дворы с одним работником — их 28. Дворов с двумя — 16, с тремя — 4. Соотнесем их с показателями посева озимой ржи и с денежным долгом (см. таблицу 1). Как видно, дворов первой группы более половины, второй — треть, а третьей — менее десятой доли. По посеву в четвериках доля дворов первой группы, которых большинство, менее половины (43,3%). По второй группе, где дворов значительно меньше, доля почти такая же (40,0%). Для третьей группы доля менее пятой части. Этому соответствуют и средние показатели. Средняя на двор первой группы меньше, чем общая средняя (8,6 и 11,5), на двор второй группы — немного выше (13,9), на двор третьей группы — показатель выше общей средней едва ли не вдвое. Такое соотношение понятно. Больше во дворе работников — больше и показатель посева озимой ржи.

Таблица 1

Группировка «скудных» дворов

	Дворы		Посев, четвереки			Доимка, денег		
	чис- ло	%	к-во	%	сред- няя на двор	к-во	%	Средняя на двор
Всего	48	100	554	100	11,5	10148	100	211,4
1 группа	28	58,3	240	43,3	8,6	4900	48,3	175,0
2 группа	16	33,3	222	40,0	13,9	3502	34,5	218,9
3 группа	4	8,4	92	16,7	23,0	1746	17,2	436,5

Процентное соотношение величин задолженности примерно такое же: в первой группе — почти половина, во второй — около трети, в третьей — менее пятой части. Однако возрастают и средние. Общая средняя 211,4 д. (т.е. более рубля). В первой группе средняя ниже (175,0), во второй — почти не отличается от общей, в третьей — превосходит общую в два раза. Как это объяснить? Очевидно, дворы третьей группы (а частично и второй) имеют большую задолженность не в силу своих хозяйственных возможностей, а по причине большей величины возложенного на них оброка. А устанавливала такое неравенство община при раскладке налогов с учетом числа взрослых работников м.п. Таким образом, и дворам, где отмечено 2–3 работника, трудно было вовремя рассчитаться с помещичьими платежами. Показательно, что и численность дворов с тремя работными людьми просто ничтожна и отнесение их к «скудным» свидетельствует о хозяйственной слабости даже многолюдных семей.

Другая изученная нами подворная опись относится к селу Старое Никольское Нежской волости Вологодского уезда. В августе 1730 г. посланный в вотчину сержант Преображенского полка Семен Тихменев составил описные книги господским дворам и имуществу. В селе стоял двор помещиков, в котором жил приказчик Федор Тайшин. Второй господский двор находился в сельце Есюнино. Отмечены дворы скотный и конюшенный. Поголовье скота значительно: стоялых и полевых лошадей и жеребят 73, коров, быков, телят 52, 7 баранов и 47 овец. Здесь же хранилось много зерна (438 четв. ржи, 1145 четв. 2 четверика овса, 44,5 четв. ячменя, 12 четв. 7 четвериков пшеницы, немного льна и конопли) урожая прошлого 1729 г., а также хлеб (204 четв. 2 четверика ржи и 412,5 четв. овса), «которой приуспел» в нынешнем 1730 г. Приказчик представил сержанту «ведение» о крестьянских повинностях, о дворовых людях (два конюха и скотник), о размерах месячины. Самому приказчику «пища дается от крестьянства, а не на месячине»¹.

---

¹ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 2. Д. 1736. Л. 576–581.

Крестьяне вологодской вотчины (360 дворов — 1100 человек м. п.) были обложены А. Г. Долгоруковым всеми видами феодальной ренты. Они обрабатывали в двух полях 150,5 дес. (0,4 дес. в среднем на двор, 0,1 дес. — на душу м. п.). Сена заготавливали 334 воза (171 стог). Денежный оброк составлял 302,1 руб. (в среднем 167,8 д. и 54,9 д.). Разнообразными были продуктовые поборы: 90 пудов свиного мяса, 12 пудов коровьего масла, 6 ведер масла конопляного, 2 чана соленой рыбы, 5 ведер рыжиков, 2 пуда грибов, 10 ведер морошки, 500 арш. тонкого сукна, 140 арш. сукна, 5 пудов свеч маканых. Вместо 70 овчин вносили 4 руб. 30 алт. Рыбу и свечи крестьяне покупали и отправляли помещику в Москву.

Сержант подал в Москве описные книги 8 сентября 1730 г.¹ А несколько ранее, 25 августа, приказчик, старосты и мирские люди написали доношение, что «волею Божьею учинился пожар». Хоромное строение помещикова двора «сгорело все без остатку» и пропали «все домовые письма» кроме «черных» отписок 1728–1730-х гг. В селе полностью было уничтожено огнем 8 крестьянских дворов с хлебными амбарами и немолотым хлебом².

26 сентября 1730 г. приказчик получил из комиссии распоряжение «освидетельствовать» крестьян, у которых «от пожару хлеб весь погорел и могут ли они до нови пропитание иметь; и ежели по следствию у кого из них хлеба не явитца, тем роздать ис казенного наличного имеющаго хлеба до нови, смотря по числу душ против дворовых людей». 19 октября Тайшин послал составленный «резстр», кому «выдано октября с 10 до 1 августа будущего года». Он был подан в Москве 14 ноября.

Согласно составленной переписи, было выдано из казенных амбаров 110 четв. 6 четвериков ржи. Зерно получили жители 23 пострадавших полностью или частично дворов (6,3% от общего числа). Семьям четырех дворов в ссуде было отказано. Видимо, приказчик посчитал, что в трех дворах хлеба имелось достаточно, а Степан Семенов, по словам Тайшина, «писал в челобитье напрасно», т. к. двор и хлеб «не горел»³.

¹ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 2. Д. 1732. Л. 15–164; Д. 1736. Л. 576–582.

² Там же. Д. 1736. Л. 583.

³ Там же. Д. 1736. Л. 287–290.

В начале лета 1731 г. выяснилось, что часть дворов не имела семенного материала. Комиссия разрешила «для их пожарного разорения выдать ис казенных амбаров овса и ржи на семена по тяглам по половине на тягло с запискою и распискою». Крестьяне обязывались, когда «хлеб приспеет», ссуду возвратить. В этот реестр были включены 24 крестьянина и пономарь местной церкви. Разreshалось 14 из них выдать по 2 четв., двум — по 1,5, семи — по 4 четв., одному — 5 четв., пономарю — 1 четв. 7 четвериков. Всего 67 четв.¹

По ноябрьскому 1730 г. реестру в 23 дворах насчитывалось 138 чел. обоого пола (63 чел. м.п., 75 чел. ж.п. с указанием возраста). Среди них взрослых м.п. 44 чел. (дворовладельцы, исключая двух вдов, женатые сыновья, сыновья от 15 лет и старше). Число взрослых во дворе составляло от одного до четырех человек.

В других статьях реестра от 14-го ноября указывалось количество молоченой ржи, а также ярового хлеба, количество выданной из казенного амбара ржи (все дано в четвертях и четвериках).

Для четырех дворов наличие ржи не указано. Однако в них имелся овес, в т. ч. в одном и овес и ячмень. Еще про одного дворовладельца записано, что «хлеба у него никакова нет». В двух дворах оставалась рожь «горелая», а в восьми дворах «неваяная». Всего в 18 дворах отмечено 340 четвериков. В среднем на двор — 18,9. Конкретные данные показывают колебания от 4 до 102 четвериков. Показатель 4 четверика выведен для пяти дворов, 8 — для 2, 12 — для одного, 16 — для пяти. Таким образом, около двух третей дворов не имело минимального количества ржи для одного взрослого (норма потребления ржи в год 24 четверика). Соответственно более высокие показатели 24, 32, 40 и 72 получены всего для пяти дворов (в них значилось по 2–4 взрослых м.п. в каждом). Заметим, что это данные для конца года. До нового урожая оставалось 7–8 месяцев.

---

¹ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 2. Д. 1736. Л. 170–171.

Запасы овса отсутствовали только в двух дворах. В остальных насчитывалось 848 четвериков. В среднем на двор — 44,6. По дворам от 6 до 112 четвериков. У значительной части дворов (7) насчитывалось по 24 четверика. Всего по 24–48 четвериков — 15 дворов. От 64 до 112 — 6 дворов.

Из других яровых отмечены ячмень (164 четверика и только в десяти дворах) и пшеница (всего 2 четверика в одном дворе). Ячменя приходилось на каждый двор от 2 до 16 четвериков. Причем запас в 12–16 четвериков указан для трех дворов, 8 четвериков — для трех, 2–6 — для четырех.

Высокие показатели от 24 четвериков и выше ржи указаны для пяти дворов, овса для 19. В них запасы ржи от 24 до 72 четвериков, овса — 9–10 четв., ячменя — 16 четвериков.

Итак ноябрьская ссуда составила 854 четверика ржи. Для одного двора ссуда не указана. О выдаче по 23 дворам см. таблицу 2.

Таблица 2

Распределение зерновой ссуды

Размер ссуды, четверики	Число дворов	Взрослые м. п.
4	2	2;2
8	1	не ук.
14	2	1;2
16	1	1
24	1	2
26	1	2
28	1	1
30	1	1
36	1	1
40	1	2
42	2	1;2
44	3	1;2;4
50	1	4
60	1	2
66	1	3
68	1	3
74	1	2
88	1	3

От 4 до 16 четвериков получили 6 дворов, от 24 до 50 — 12 дворов, от 60 до 88 — пять дворов. В первой из этих частей — 8 взрослых м.п., во второй — 23, в третьей — 13. Как видно, с увеличением числа взрослых возрастает объем ссудной ржи. На двор с 3—4 взрослыми требовалось и больше зерна. Вместе с тем возрастала уверенность в возврате ссуды после сбора нового урожая.

Каково соотношение числа взрослых м.п. во дворе с количеством наличного зерна и объемом ссуды? По отдельным дворам оно неодинаково. Так, на вдовый двор (4 чел. ж.п.) без мужчин было выдано только 8 четвериков ржи. Видимо, учитывался большой запас ржи, овса, ячменя (52 четверика). То же произошло с дворовладельцем, в семье которого отмечено два взрослых. Он получил только четыре четверика ржи. Но у него насчитывалось 118 четвериков ржи, овса и ячменя. Правда, имеются и другие примеры. В одном дворе (четыре взрослых м.п.) хранилось 148 четвериков ржи, овса и ячменя. Крестьянин же получил значительную ссуду — 50 четвериков ржи.

Обратимся к показателям в зависимости от количества во дворе взрослых м.п. (см. таблицу 3). По численности работников намечены три группы (двор, по которому этот показатель отсутствует, исключен из подсчетов).

Таблица 3

Группировка дворов, получивших ссуду

	Дворы		Ссуда, четверики			Общие запасы зерна, четверики		
	число	%	к-во	%	в среднем на двор	к-во	%	в среднем на двор
Всего	22	100	846	100	38,4	1302	100	59,2
1-я группа	7	31,8	198	23,4	28,3	262	20,1	37,4
2-я группа	10	45,4	322	39,2	33,2	716	55,0	71,6
3-я группа	5	22,8	316	37,4	63,2	324	24,9	64,8

Все 22 двора разделены на три группы по числу взрослых м.п. в каждом дворе. Дворы с тремя (3) и четырьмя (2) объединены в одну, третью группу. Первенство занимают дворы с двумя работниками (10—45,4%). Около трети приходится на первую группу (7—31,8%). По общим запасам

зерна (ржи, овса, ячменя) вторая группа занимает первое место, а третья — второе. Сравнение средних по группам показывает, что показатель ниже общей средней по всем 22 дворам только у первой группы.

По объему ссуды рожью показатели второй и третьей групп примерно равны (39,2% и 37,4%) и они заметно отличаются от первой (23,4%). Средние на двор по третьей группе (63,2) превосходят остальные: вторую в 1,9 раза (33,2), первую — в 2,4 раза (28,3). Таким образом, двор, имевший двух работников, получал зерна больше двора с одним. Двор с тремя работниками — еще больше. Причем дворы второй и третьей групп имели и так больше запасов зерна, чем дворы первой.

* * *

Переход двух вотчин из княжеского владения в новое состояние совпал с тяжелыми испытаниями — неурожаем и пожаром. И то, и другое вынудило крестьян просить уменьшить податное бремя для наименее обеспеченных сельчан или погорельцев. Бросается в глаза немалая численность «скудных» крестьян в одном имении. В другом — число пострадавших от пожара невелико, но они лишились и жилищ, и всего имущества, восстановить которое было бы без льгот невозможно. «Скудные» дворы отличались и низким поголовьем скота, и малыми запасами зерна, а также и небольшими размерами посевов озимой ржи. Среди них преобладали семьи с одним взрослым работником м. п.

Группировка «скудных» и пострадавших от пожара дворов по числу взрослых работников м. п. показывает заметные отличия хозяйств друг от друга. Хозяйственные показатели улучшаются, и даже существенно, с увеличением числа взрослых людей м. п. во дворе.

Различной оказалась реакция московских чиновников на просьбы о снижении денежных сборов. Они считали, что для вотчины с развитыми промыслами можно обойтись без льгот. Другое дело — «пожарное разорение». Хотя оно и затронуло небольшую часть дворов, но нанесло трудно поправимый урон. Для этого требовалось участие всей общины.

СОСТОЯНИЕ МЕСТНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АППАРАТА ПО МАТЕРИАЛАМ СЕНАТОРСКИХ РЕВИЗИЙ 1799–1800 гг.

Короткое царствование Павла I вызывало и продолжает вызывать противоречивые чувства у современников и их потомков. При всей неоднозначности взглядов на итоги правления этого самодержца едва ли кто сможет упрекнуть его в бездействии и отсутствии стремления к преобразованию основ государственной жизни.

Действительно, сразу же по вступлении на престол Павел I со свойственной ему решительностью взялся за реформирование центрального государственного аппарата. Преобразования, согласно утвердившемуся примерно со второй половины XIX в. в отечественной историографии мнению, протекали под флагом реставрации централизаторских начал. На практике же они выразились в сосредоточении практически всех прямых властных полномочий у самого императора и узкого круга его ближайших доверенных лиц. Так, при назначении 4 декабря 1796 г. А. Б. Куракина новым генерал-прокурором ему дополнительно к прежним обязанностям (положение генерал-прокурора по закону не изменялось) было поручено ведение Тайной экспедицией и Комиссией о составлении проекта нового уложения. Генерал-прокурор оставался по-прежнему директором Ассигнационного банка¹. Под его наблюдением находилась и Экспедиция государственного хозяйства. 11 апреля 1797 г. последовало его назначение министром Департамента уделов, а 17 февраля 1798 г. — главным попечителем Вспомогательного банка для дворянства.

Усиление влияния генерал-прокурора не могло не сказаться на положении Сената, упадок которого как высшего правительственного учреждения начал проявляться уже

---

¹ ПСЗ. Т. XXIV. № 17610.

при Екатерине II. Сенат в царствование Павла I окончательно утратил свое прежнее значение. «...Почти все департаменты, занятые судебными делами, да три временных судебных департамента — вот что представляет теперь Сенат; административный элемент, распределенный между влиятельными лицами, фактически не существует уже в этом бывшем средоточии всей высшей администрации России»¹. Павел I последовательно стремился реализовать свой давний план, намеченный задолго до воцарения, в 1793 г.², по превращению Сената преимущественно в судебный орган. Однако, вопреки мнению А. Д. Градовского³, этот план так и не был до конца осуществлен. В сфере компетенции Сената сохранялись вопросы управления: открытие и упразднение учреждений, в большинстве случаев губернских; участие во введении нового административного деления и губернского устройства; организация управления в Лифляндии, Эстляндии, Курляндии, Выборгской губ. и др.; устройство полиции в городах и уездах; штатное назначение чиновников; развитие внешней (преимущественно с Азией) и внутренней торговли; таможенные сборы, расширение и улучшение состояния промыслов, фабрик и заводов; городское и дворянское самоуправление⁴.

Этот далеко не полный перечень говорит о возложенной на Сенат неподъемной ноше в виде огромной массы текущих, часто второстепенных, дел. Он задыхался под их тяжестью. К тому же к декабрю 1796 г. оставались нерешенными 11476 дел прежних лет.

Поэтому когда именным указом от 19 ноября 1796 г. произошло восстановление сначала трех коллегий — Берг-, Мануфактур- и Коммерц-коллегии «на таком основании, как находились до 1775 г.» (позднее к ним присоединилась и Камер-коллегия)⁵, Сенат рисковал окончательно утратить

---

¹ Градовский А. Д. Высшая администрация России XVIII столетия и генерал-прокуроры. СПб., 1866. С. 257.

² Сборник РИО. СПб., 1894. Т. 90. С. 146.

³ Градовский А. Д. Указ. соч. С. 259.

⁴ Клочков М. В. Очерки правительственной деятельности времени Павла I. Пг., 1916. С. 123–124.

⁵ ПСЗ. Т. XXIV. № 17567.

дееспособность. Однако 4 марта 1797 г. реанимированные коллегии были переданы в ведение несколько модифицированной Экспедиции государственного хозяйства, получившей теперь громоздкое название Экспедиции государственного хозяйства, опекунства иностранных и сельского домоводства. Самое примечательное в этом очередном преобразовании заключалось в том, что Экспедиция государственного хозяйства оказалась в подчинении все того же генерал-прокурора. Централизация власти и управления достигла наивысшей отметки.

Скорое изъятие коллегий из сенатского ведения выглядело вполне закономерным, поскольку о полном возвращении к прежнему функционально-отраслевому принципу управления, осуществляемому коллегиями, не могло быть и речи в условиях, когда сам принцип коллегиальности превратился в формальность. Коллегии павловского образца уже мало походили на своих предшественниц, утратив прежнюю самостоятельность в решении всех вопросов в рамках своей компетенции. Теперь последнее слово принадлежало вновь учрежденным главным директорам коллегий. Те же, обладая исключительным правом личного доклада императору и не участвуя в повседневной работе коллегий, выполняли функции передаточной инстанции между ними и царем¹. Роль главных директоров заключалась в общем надзоре, внесении предложений и объявлении высочайших повелений. В данном случае вновь отчетливо прослеживается стремление Павла I к установлению личного контроля над деятельностью правительственного аппарата посредством доверенных лиц и централизации управления на уровне коллегий.

Обеспечить аналогичный контроль над местным госаппаратом в столь же короткие сроки не представлялось возможным. Поэтому состояние местных учреждений могло внушать гораздо большее беспокойство у высшей столичной администрации. Тем более в обстановке, когда оставались неизвестными результаты губернской реформы

---

¹ *Дмитриев Ф.* Сперанский и его государственная деятельность // Русский Архив. 1868. Стб. 1577.

1796 г. По указу «О новом разделении государства на губернии», подписанному Павлом I 12 декабря 1796 г., произошло укрупнение губерний, большей частью окраинных, с явной целью облегчить управление ими. Кроме того, упразднились некоторые низовые судебные инстанции, ряд губернских и уездных чинов ради облегчения нагрузки на государственный бюджет вследствие резко возросших в екатерининское царствование государственных расходов (с 6,5 млн руб. в 1762 г. до 36,5 млн руб. в 1796 г.¹).

Внесенные изменения, однако, не затрагивали основ введенного при Екатерине II территориального принципа управления, опиравшегося на известную самостоятельность существовавших административно-территориальных единиц. Надо полагать, Павел I не мог не замечать противоречия между установленной жесткой централизацией центрального госаппарата и местного, не утратившего прежней самостоятельности и потому не достигаемого для тотального контроля сверху. Ответ на вопрос о необходимости реформирования последнего мог быть получен лишь на основе достоверных сведений о его реальном состоянии. Данное обстоятельство не в последнюю очередь побудило Павла Петровича пойти на беспрецедентный по масштабам «смотр губерний» посредством сенаторских ревизий.

Институт сенаторских ревизий зародился еще при Петре I в 1722 г. Однако вплоть до последней четверти XVIII в. ревизии были мероприятием не только весьма редким, но и локальным, являясь откликом на конкретные вопиющие злоупотребления местной администрации. Их значение несколько возросло после административной реформы 1775 г., когда ослаб надзор верховной власти за губерниями. Свою лепту, безусловно, внесла и Крестьянская война. Оба этих события усилили заинтересованность правительства в достоверной информации о состоянии государственного аппарата на местах. Поэтому в 1785 г. сенаторов С. Р. Воронцова и Л. И. Нарышкина отрядили обследовать 13 губерний центра, юго-запада и запада империи. Объ-

---

¹ Клочков М.В. Указ. соч. С. 158, 424.

занности ревизоров довелось позднее выполнять сенаторам С.И.Маврину в 1795 г., Н.В.Леонтьеву, А.А.Ржевскому, Г.Р.Державину в 1798–1799 гг. (последний оставил интересные подробности своего осмотра Белорусской губ.¹). Ревизорам довелось обнаружить на местах немало злоупотреблений со стороны чиновников разного уровня, дополняя и подтверждая множество жалоб и доносов на этот счет, поступавших в Петербург от частных лиц.

Поэтому не случайно в указе от 6 октября 1799 г., объявлявшем о назначении сенаторских ревизий и еще четко не определявшем их цели, как и полномочия ревизоров, предполагалось при сборе информации ограничиться только тремя «пунктами»: «1) о течении по присутственным местам правосудия; 2) о внутренней полиции; 3) о поборах, лихоимству толь свойственных»². Однако впоследствии круг задач ревизоров был значительно расширен и детализирован.

Примечателен и первоначальный акцент, сделанный на выявлении состояния дел прежде всего в судебных инстанциях. Поэтому вполне закономерен выбор Сената в качестве органа, ответственного за проведение ревизий «...яко первенствующий во всей империи трибунал». Павел I потребовал от Сената избрать и представить ему на утверждение кандидатов в ревизоры от всех департаментов обеих столиц и дать «оним кандидатам в предмет инструкцию»³.

Благодаря непосредственному и весьма деятельному участию в подготовительных работах самого императора они протекали оперативно и заняли менее двух месяцев (50 дней), завершившись в основном к 1 декабря 1799 г. В этот день были окончательно утверждены доклад Сената о кандидатах на проведение ревизии и «пункты, служащие в наставление и руководство гг. сенаторам, избранным для объезда и осмотра губерний»⁴. Утвержденный состав сенаторов-ревизоров впоследствии все же несколько изменился. Изменения в личном составе происходили и в ходе самих ревизий.

---

¹ Записки Г. Р. Державина, 1743–1812. М., 1860. С. 404–410.

² ПСЗ. Т. XXV. № 19212.

³ Там же. № 19139.

⁴ Там же. № 19211, 19212.

Районы	Губернии, входившие в состав района	Сенаторы, производившие ревизию
I	Петербургская, Выборгская, Эстляндская, Лифляндская, Курляндская, Псковская, Новгородская, Тверская	Камынин и Тарбеев, замененный в марте 1800 г. Кропотовым
II	Смоленская, Малороссийская, Новороссийская	Кушелев и Алексеев, замененный на короткое время Энгельгардтом
III	Архангельская, Вологодская, Ярославская, Костромская, Нижегородская	Козлов и Челищев
IV	Московская, Владимирская, Рязанская, Тамбовская, Калужская, Тульская	Трощинский и Щербатов
V	Минская, Волынская, Подольская, Киевская, Литовская, Белорусская, Орловская, Курская, Слободско-Украинская	Голохвастов и Ильинский, замененный в сентябре 1800 г. Багратионом
VI	Вятская, Казанская, Оренбургская	Спиридов и Лопухин
VII	Пермская, Тобольская, Иркутская Петербург, центральные учреждения Москва, центральные учреждения	Ржевский и Левашов Щербатов и Волконский Заборовский и Вяземский

Из представленной таблицы видно, что ревизиями была охвачена вся без исключения территория империи, вплоть до присоединенных при Екатерине II бывших владений Польши и Турции.

Несмотря на широчайший масштаб ревизии 1799–1800 гг. она была профинансирована сравнительно скромно. Не отличался излишеством и штат ревизоров. Каждой паре сенаторов полагались только один секретарь и один курьер из канцелярии Сената. Такими ограниченными силами сенаторам предлагалось выполнить огромный объем рутинной канцелярской работы, о масштабах которой может дать некоторое представление инструкция ревизорам от 1 декабря в виде упомянутых «пунктов».

Инструкция состояла из пяти больших разделов: 1) о правосудии; 2) о внутренней полиции; 3) о поборах; 4) о земледелии и 5) о казенных лесах. Каждый раздел имел значительное количество подпунктов, детализирующих обязанности ревизоров.

В разделе о правосудии к неременной обязанности сенаторов отнесено получение ведомостей от всех губернских учреждений (рекомендовалось по возможности не обходить вниманием и уездные присутственные места) о решенных и нерешенных делах. С их помощью предполагалось составить представление о соблюдении положенных сроков в решении дел, функционировании определенных для каждой губернии законом учреждений и укомплектовании их необходимым количеством чиновников в соответствии со штатным расписанием, соблюдении сроков заседаний, количестве решенных и нерешенных дел.

Второй раздел — «О внутренней полиции», достаточно аморфный по содержанию, требовал от ревизоров собрать в обследуемых учреждениях и представить в Сенат множество не только разнообразных, но и разнородных сведений, преимущественно статистических. Они касались разделения губерний на уезды, согласно новому (1796 г.) административному делению; численности жителей в городах; наличия определенных заводов, фабрик, промыслов и ремесел; характера осуществляемой торговли; уровня цен на продукты питания; присутствия полиции во всех городах и способности обеспечения ею повсеместно «должного спокойствия, безопасности и порядка» и др.

Раздел «О поборах», напротив, подобной нечеткостью и разбросанностью не отличался. Он ставил конкретную задачу установить на основании сведений из Казенной палаты, «...какие по губерниям состоят сборы, и рассмотреть, на точном ли основании законных предписаний оные производятся». Также надлежало «...осведомляться тщательно, нет ли от кого при взыскании установленных поборов каких-либо излишеств, злоупотреблений и лихоимства». Наконец, следовало определить, своевременно ли «вступают в казну доходы», взять «обстоятельные сведения о казенных недоимках и войтить в рассмотрение о причинах их запущения и о средствах, какие употребляются к успешнейшему оных взысканию».

Исходя из содержания названных разделов инструкции, можно отчетливо заметить, что на передний план выдвигались сугубо информационные задачи: сбор сведений

и оценка обстановки. Лишь в крайних случаях ревизорам дозволялось вмешиваться, обнаружив «...какие-либо беспорядки или злоупотребления от мест присутственных и чинов». Однако и в этих случаях их полномочия ограничивались. Сенаторы могли лишь делать представления губернскому правлению о подлежащих суду виновниках и следить, чтобы те понесли определенное законами наказание. Последний пункт инструкции, определявший права и полномочия сенаторов, подчеркивал, что они «...посылаются не яко судьи, но как инспекторы».

Содержание инструкции ревизорам определило и характер отложившихся документальных материалов сенаторских ревизий. Они сосредоточены главным образом в трех фондах Российского государственного исторического архива (РГИА) в Петербурге — I Департамента Сената (Ф. 1341, оп. 1), Канцелярии генерал-прокурора (Ф. 1374, оп. 3) и отдельно образовавшегося фонда из материалов ревизии Московской, Владимирской, Рязанской, Тамбовской, Тульской и Калужской губерний, проводившейся сенаторами Д.П. Трошинским и А.Н. Щербатовым (Ф. 1375, оп. 1).

Документы представляют собой в основном донесения ревизоров императору и в Сенат; ими составлялись два рапорта: краткий — императору и подробный — Сенату.

Рапорты сенаторов чаще всего содержат формальные ответы на «пункты» данной им инструкции без каких-либо комментариев. Редко встречаются записки ревизоров «о недостатках и пользах общих», которые им рекомендовалось составлять. К небольшим донесениям ревизоров прилагались полученные от губернских правлений и других присутственных мест многочисленные ведомости, изобилующие ценными статистическими сведениями социально-экономического характера. Особое усердие в собирании таких ведомостей проявили сенаторы Д.П. Трошинский и А.Н. Щербатов. Они посчитали своим долгом представить Сенату документы не только всех губернских, но и уездных учреждений. Благодаря их стараниям и сформировался отдельный внушительный фонд.

Начало ревизий на месяц отсрочил декабрьский рекрутский набор, потребовавший организационного участия в нем губернского начальства. Поэтому большинство сенаторов выехало для проведения ревизий в начале января 1800 г.

Через два месяца после их отъезда в I департамент Сената начали поступать первые донесения.

Ревизии проводились быстро, если не сказать поспешно. Так, одни из самых добросовестных ревизоров Д. П. Трощинский и П. П. Щербатов, прибыв в Москву для осмотра Московской губ. 10 января, сразу же потребовали нужные им сведения от Губернского правления и других учреждений, заранее оповещенных о приезде ревизоров ими же самими (кстати, еще в ноябре 1799 г. Сенат разослал во все губернские правления и другие присутственные места специальные указы, предписывающие подготовить к приезду сенаторов соответствующие отчеты и ведомости, так что никакой тайны из подготовки ревизий не делалось). Трощинский и Щербатов получили затребованные сведения вместе с рапортами 16 января. 17 января они осматривали Московское губернское правление, Палаты суда и расправы в первом и втором департаментах, 18 января — Казенную палату. В основном везде был найден порядок¹. Впрочем, обнаружить какие-либо упущения при таком беглом осмотре едва ли представлялось возможным.

Тем не менее, несмотря на очевидный дефицит времени, сенаторам удалось обнаружить не только немало упущений по службе, но и прямых злоупотреблений и даже должностных преступлений со стороны чиновников.

Прежде всего ревизорам могло броситься в глаза выявленное ими почти повсеместно большое количество так называемых «нерешенных дел», тянувшихся годами. Но волокита уже давно пустила глубокие корни и стала явлением настолько обыденным, заурядным в бюрократической практике, что сама по себе вряд ли заставляла обратить на себя внимание ревизоров, если бы не соответствующий «пункт» данной им инструкции.

¹ РГИА. Ф. 1375. Оп. 1. Д. 1. Л. 5 об.—12 об.

Так, в Псковской губ. сенаторы Камынин и Кропотов нашли в губернских и уездных учреждениях 1033 нерешенных дела, не заметив в этом ничего необычного. Они довольствовались объяснением причин задержки отсутствием необходимых справок, обширностью делопроизводства, а по гражданским делам — еще и неявкой тяжущихся. Поэтому и вынесли благожелательный окончательный вердикт: «...порядок производства и поспешность в решении дел соблюдены»¹. В Тверской губ. Камынин обнаружил 728 нерешенных дел за 1799 г. и 5236 дел, оставшихся «с давних пор неразобранных». При этом он ограничился простым советом чиновникам Губернского правления, «дабы они усугубили должное попечение о приведении нерешенных дел к скорейшему окончанию»².

В Курской губ. сенаторы Голохвастов и Багратион нашли 1880 нерешенных дел. Из них наибольшее количество приходилось на Палату суда и расправы: в уголовном департаменте — 615, в гражданском — 342. Сенаторы ограничились простой констатацией факта, даже не выясняя причин медленного производства дел и не определяя своего отношения к найденным недостаткам³.

При осмотре Белорусской губ. сенатор Ильинский обнаружил 4504 нерешенных дела по всей губернии, а в Губернском правлении — 965 дел. Тем не менее, он счел, что «течение и производство дел во всех присутственных местах читится законным порядком, с довольною поспешностью...». Причина же их медленного «отправления» заключалась, по его мнению, в запущенности всего делопроизводства, до которого его довели прежние нерадивые чиновниками⁴.

Точно так же, найдя в Симбирской губ. 1337 нерешенных дел, сенаторы Неплюев и Фонвизин в рапорте Сенату не отметили ни малейших недостатков в работе присутственных мест губернии⁵.

---

¹ РГИА. Ф. 1341. Оп. 1. Д. 247. Л. 1–4.

² Там же. Д. 283. Л. 1–1 об.

³ Там же. Д. 2516. Л. 1.

⁴ Там же. Ф. 1374. Оп. 3. Д. 2432. Л. 39 об.–41.

⁵ Там же. Ф. 1341. Оп. 1. Д. 285. Л. 2, 5.

Нет возможности представить сводные данные о количестве нерешенных дел на основании результатов всех ревизий. Не обнаружены документы ревизий Козлова и Челищева (Архангельская, Вологодская, Ярославская, Костромская, Нижегородская губернии), Ржевского и Левашова (Пермская, Тобольская, Иркутская). Далеко не во всех случаях дошли в полном объеме материалы других ревизий. Нет документов по Петербургской, Курляндской и Новгородской губерниям (ревизия Камынина и Тарбеева), Малороссийской (ревизия Кушелева и Алексеева), Минской и Литовской (ревизия Голохвастова и Ильинского), Астраханской (ревизия Неплюева и Фонвизина), Казанской (ревизия Спиридова и Лопухина).

Кроме того, не все сенаторы-ревизоры считали нужным приводить точные данные о количестве нерешенных дел. Так, Трощинский и Щербатов в рапорте о ревизии Московской губ. доносили о найденных нерешенных делах только в Надворном суде, а подобные сведения по Владимирской губ. они вообще опустили, оговаривая при этом, «что есть основательные причины» для задержки в решении дел. Из рапорта Ильинского и Голохвастова об осмотре Подольской губ. также видно, что имелись нерешенные дела в губернских учреждениях, но об их количестве сенаторы не сообщали.

Следует особо сказать о рапортах Спиридова и Лопухина, сохранившихся только по Вятской и Оренбургской губерниям (к тому же не в полном объеме). Они отличаются своеобразием, поскольку их авторы — единственные, кто брал на себя смелость игнорировать установленную форму донесений и вместо предоставления требуемых сведений, соответствующих букве инструкции, предпочитали вникать в существо дел, выяснять наиболее важные, на их взгляд, вопросы и направлять по ним свои соображения в Сенат.

Названные причины обусловили неполноту сведений, вошедших в следующую таблицу. Поэтому они могут рассматриваться лишь в качестве иллюстративного материала.

Губернии	Количество нерешенных дел	Сенаторы, производившие ревизию
Выборгская	315	Камынин и Тарбеев, замененный в марте 1800 г. Кротоповым
Эстляндская	251	
Лифляндская	870	
Псковская	1033	
Тверская	5964	
Смоленская	177	Кушелев и Алексеев, замененный на короткое время Энгельгардтом
Новороссийская	1112	
Московская*	282	Трощинский и Щербатов
Тамбовская	3584	
Волынская	907	Голохвастав и Ильинский, замененный в сентябре 1800 г. Багратионом
Киевская	209	
Белорусская	4504	
Орловская	1895	
Курская	1880	
Слободско-Украинская	1074	
Воронежская	668	Неплюев и Фонвизин
Симбирская	1337	
Саратовская	569	

*Сведения не полные.

Тем не менее, приводимые цифры отчетливо показывают значительный разброс одних и тех же количественных значений по разным губерниям. Причем «лидеры» во много раз обходили по своим показателям остальных. Такое положение, по всей видимости, объясняется влиянием человеческого фактора. Иначе говоря, попустительством глав местных администраций своим чиновникам или полным безразличием к должностным обязанностям. К тому же служебной волоките, как правило, сопутствовали другие упущения (например, в Тамбовской губ.), в числе которых прежде всего следует выделить недоимки.

Недоимки обнаружались во всех губерниях и нередко в таких размерах, из-за которых, вторя Трощинскому и Щербатову, их можно определить как «непомерные». Се-

наторы выказывали различное отношение к этому явлению. Многие из них были склонны смотреть на недоимки сквозь пальцы, но все же относились к фактам такого рода несколько строже, чем к незаконченным и долго тянувшимся делам. Чаще всего ревизоры просто рекомендовали губернскому начальству употребить все возможные средства для ликвидации задолженностей по казенным сборам, считая их недопустимыми. Лишь изредка они взыскивали с виновных в недоборе и, как правило, тогда, когда имелись и другие должностные нарушения.

Все имеющиеся данные о количестве обнаруженных недоимок представлены в следующей таблице:

Губернии	Сумма недоимок (руб.)	Сенаторы, производившие ревизию	
Выборгская	315	Камынин и Тарбеев	
Эстляндская	—		
Лифляндская	2488	Кушелев и Алексеев, замененный на короткое время Энгельгардтом	
Псковская	418641		
Тверская	86629		
Смоленская	182234		
Новороссийская	846610		
Московская	492025		Троцинский и Щербатов
Владимирская	205496		
Рязанская	129280		Голохвастав и Ильинский
Тамбовская	904487		
Калужская	81241		
Тульская	185887		
Подольская	713654		
Киевская	27762		
Белорусская	133970		
Орловская	80957		
Курская	219173		
Слободско-Украинская	12941		
Воронежская	9609	Неплюев и Фонвизин	
Симбирская	332000		
Саратовская	47571		
Всего:	5115107		

Эти данные показывают значительную дифференциацию губерний по количеству недоимок. Если в таких гу-

берниях, как Выборгская, Лифляндская, Киевская, Слободско-Украинская и Воронежская размер недоимок не выходил за допустимые рамки (в Эстляндской недоимки отсутствовали вовсе), то в Псковской, Новороссийской, Московской, Тамбовской и Подольской он достигал огромных величин. Весьма ощутимый урон бюджету империи наносил казенный недобор и в остальных губерниях. Всего же доходная часть бюджета страны недополучила свыше 5 млн руб. только от тех губерний, которые отражены в таблице.

Сравнивая указанную общую сумму недоимок с доходными статьями государства за 1803 г. (этот год является ближайшим, за который имеются сведения в литературе¹), чья величина составляла 97 млн 686 тыс. руб.², получается, что за год казна недосчиталась примерно 5,2% своих доходов. Принимая же во внимание значительную неполноту имеющихся в материалах ревизий сведений о недоимках, касающихся только половины губерний страны, есть все основания предполагать, что за счет другой половины казна недобирала ежегодно вдвое большую сумму. Иначе говоря, российский бюджет из-за хронических недоборов мог лишаться до десятой части доходов.

Показательно различное отношение ревизоров к фактам выявившихся недоимок в особо крупных размерах, высказанное, например, Трощинским и Щербатовым, с одной стороны, и Ильинским и Голохвастовым, с другой.

Трощинский и Щербатов за найденные недоимки в Московской губ. решили прибегнуть к наказанию чиновников. «О взыскании сих последних (недоимок. — А.К.) мы сделали строгое предписание Губернскому правлению, а от него подтверждено городничим и земским судам, у коих велено не только удержать жалование, но и на собст-

---

¹ См., напр.: *Троицкий С. М.* Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в. М., 1966; *Погребинский Л. П.* Очерки истории финансов дореволюционной России (XIX–XX вв.). М., 1954; *Хромов П. А.* Очерки экономики феодализма в России. М., 1957.

² *Печерин Я. И.* Исторический обзор росписей государственных доходов и расходов с 1803 по 1843 г. СПб., 1896. С. 11.

венные имения их наложить запрещение»¹. К аналогичным мерам эти же сенаторы прибегли и в Тамбовской губ. Образование в ней недоимок на сумму свыше 900 тыс. руб. они сочли тем более странным, что «...здешнюю губернию особливо бог благоволил таким избытком хлебородия, что она может назваться житницею, многих других питающую, выпуская от себя на продажу излишнего хлеба ежегодно с лишком полтора миллиона четвертей; к тому же изобилие в скотоводстве и пчеловодстве составляют осязательные богатства жителей»². Поэтому Трощинский и Щербатов усмотрели причину такой «непомерной недоимки» в одном лишь небрежном отношении чиновников к своим обязанностям. Они предложили Губернскому правлению «...у всех без изъятия городничих, земских исправников и заседателей земских судов тех городов и уездов, где таковые недоимки запущены, не только удержать жалованье, но и на собственные их имения наложить секвестр доколе вся та недоимка взыскана не будет, распространяя таковое запрещение на имения не одних настоящих присутствующих в земских судах, но и на тех, которые находились прежде при должностях в то время, с коего сия недоимка продолжается...»³.

Напротив, сенаторы Ильинский и Голохвастов, обнаружив в Подольской губ. недоимок на сумму свыше 700 тыс. руб., ограничились лишь констатацией самого факта, как не выразили и своего отношения к многим другим найденным «беспорядкам и злоупотреблениям». Такая пассивность ревизоров вызвала явное неудовольствие генерал-прокурора П. Х. Оболянинова, обязавшего их «...открываемые ими беспорядки на месте им же строжайше исследовать и представив о всем Сенату, виновных предать суду по законам»⁴. Известие о состоянии дел в Подольской губ. дошло и до Павла I, уполномочившего сенаторов не только подробно расследовать на месте «злоупотребле-

---

¹ РГИА. Ф. 1375. Оп. 1. Д. 1. Л. 37 об.

² Там же. Л. 216–216 об.

³ Там же. Л. 216 об.

⁴ Там же. Ф. 1374. Оп. 3. Д. 2233. Л. 84.

ния и беспорядки», но и «...участвующего в оных вице-губернатора Крыжановского отрешить от должности и вместе со всеми, кои по следствию найдутся виновными, предать суду»¹.

В данном, скорее из ряда вон выходящем случае, чиновники понесли наказание лишь после вмешательства верховной власти. И то лишь потому, что хронические недоимки усугублялись другими должностными нарушениями, такими как назначение Губернским правлением неумеренного сбора дров с крестьян для воинских команд, установление чрезвычайно низкого размера налогов с казенных имений, произвол вице-губернатора Крыжановского, закрывавшего глаза на продажу запрещенного для «партикулярных» сделок казенного имущества².

Большинство ревизоров, подобно Ильинскому и Голохвастову, предпочитало не вникать в причины образования недоимок. Единственными сенаторами, попытавшимися углубиться в рассмотрение этого вопроса, оказались Неплюев и Фонвизин. В результате они пришли к своим вполне определенным выводам, не во всем совпадавшим с мнением Трощинского и Щербатова. В отличие от последних они не стали возлагать всю вину исключительно на бюрократический аппарат, а выявили и другие причины казенных неплатежей. На первое место среди них Неплюев и Фонвизин поставили заметное обеднение части крестьян вследствие значительного имущественного расслоения в деревне («неравное состояние поселян»). Оно, во-первых, вызывалось непропорциональным распределением земли между крестьянами, выраженным не только количественно, но и качественно: «иные, сидя на дурном грунте, хотя и довольны землею (т. е. вполне обеспечены ею. — *А. К.*), но по дурному ее свойству не имеют надлежащего числа пашенной». Во-вторых, «неравное состояние» во многом определялось занятием немалой части крестьян различными промыслами и извозом. В-третьих, оно обуславливалось последовавшим при Павле I запрещением крестьянам, промышлявшим про-

---

¹ РГИА. Ф. 1374. Оп. 3. Л. 86.

² Там же. Л. 85.

даже «лесных изделий», производить порубки казенных лесов. Лишившись столь существенного источника дохода, крестьяне «...не только государственные подати платить не в состоянии, но с нуждою и пропитание имеют».

Что касается ответственности местной исполнительной власти за недоимки, то она, по мнению Неплюева и Фонвизина, целиком лежала на выборных членах Нижних земских судов из-за того, что на эти должности избирались не всегда достойные кандидаты, пригодные к исполнению соответствующих обязанностей. Однако имелись и вполне объективные обстоятельства, препятствовавшие им в этом: необходимость преодолевать большие расстояния для взывания недоимок и полное отсутствие под их началом нижних военных чинов, которых можно было бы оставлять в селениях для экзекуции неплательщиков и отправки собранных денег в казначейство. В результате необходимость исполнения основных служебных обязанностей вынуждала членов этих судов передавать полномочия по казенным сборам сотским. Те же, будучи местными уроженцами, как правило, не проявляли рвения и «надлежащей строгости» к взыванию недоимок со своих односельчан. «...А недоимки более между тем накаплиются...» — сетовали сенаторы¹.

Материалы ревизий отнюдь не изобилуют сведениями, дополняющими те формализованные данные, которые содержатся в ответах на соответствующие пункты предоставленной ревизорам инструкции. Для таких сведений отводился специальный раздел в формуляре сенаторских донесений под названием «О нуждах, недостатках и пользах общих», куда сенаторам предлагалось помещать свои замечания, предложения и рассуждения по поводу увиденного. Однако большинство сочло возможным не отреагировать на подобное предложение ввиду его рекомендательного характера или же отделаться формальными отписками.

Особняком в этом отношении стояли сенаторы Спиридов и Лопухин. Они посчитали своим долгом не только дошито вникать в детали местной административной жизни,

---

¹ РГИА. Ф. 1341. Оп. 1. Д. 265. Л. 7 об.

скрупулезно анализируя все недостатки и упущения, но и готовить собственные предложения. В материалах ревизий сохранился направленный в Сенат обстоятельный доклад «О нуждах, недостатках и пользах общих» в Оренбургской губернии, ставший итогом ее осмотра.

Сенаторы обратили внимание на недостаточную связь вышестоящих губернских учреждений с уездными, как и на ослабленный контроль над последними. Поэтому они предложили ввести нечто вроде прокурорского надзора: «...чтоб в каждом уездном городе учрежден был один чиновник, который бы снабжен был властью наблюдать за судами и за городничим и, не имея права входить в решения и производства дел, ревизионным или апелляционным порядком текущих, имел бы долг наблюдать за правосудием и порядком их отправления». По мысли сенаторов, такой чиновник, превратившись в «орудие губернского начальства», стал бы блюстителем правосудия в уезде, взяв на себя функции директора всех уездных судов и полиции¹. Введение новой должности представлялось авторам доклада необходимым еще и потому, что в работе уездных учреждений не наблюдалось согласованности: «Магистрат не содействует городничему, уездный суд не удовлетворяет требованиям Магистрата, городничий не помогает земскому суду, а сей городничему; земский суд, хотя и подчинен уездному, но закрывается в уклонениях формою и пространством переписки... Один же, предполагаемый нами директор уездный, может все оное согласить и содержать в порядке...»²

В докладе Спиридова и Лопухина сообщалось и о найденных ими серьезных недостатках в работе Оренбургской Межевой конторы, снискавшей своим мздоимством недобрую славу, особенно среди многочисленного нерусского населения. «Незнание российского языка, совершенное непросвещение в законоискусстве и врожденное нерадение о домостройстве иноверных народов, Оренбургскую губер-

---

¹ РГИА. Ф. 1341. Оп. 1. Д. 253. Л. 43 об.

² Там же. Л. 44.

нию населяющих, весьма могут обращены быть неправдою на зло, — писали сенаторы. — И ненасытному корыстолюбию весьма удобно здесь при межевании безгласную бедность нагло приносить в жертву богатству заводчиков и пр.»¹. Как водится, ревизоры обнаружили крайнюю медленность в решении дел. Совершенно не рассматривались чиновниками конторы жалобы населения на землемеров. «И все почти в обиде: каких-нибудь безгласных и безграмотных башкирцев, мещеряков и проч. — в пользу какого-либо заводчика или помещика», — замечают сенаторы. Их беспокоила возможность вызревания взрывоопасной обстановки: «Таковые беспорядки, опричь нарушения и оскорбления святости правосудия, могут, наконец, поселить естественное неудовольствие в оные народы, не умеющие изъяснить его, но вредно питать в себе его способные»².

Однако ни более чем прозрачные намеки и предостережения сенаторов, ни их конкретные предложения не привлекли внимания правительства.

Оставались незамеченными, исчезая в пухлых томах сенатского делопроизводства, предложения и замечания не только Спиридова и Лопухина, но и других сенаторов, впрочем, довольно малочисленные.

Однако в материалах ревизий иногда встречаются весьма любопытные комментарии сенаторов, которые, казалось бы, не могли не привлечь внимания в центре. Они касаются не только выявленных конкретных чиновничьих злоупотреблений, но и стиля работы местного административного аппарата. Так, Трощинский и Щербатов оставили весьма ценное свидетельство на этот счет относительно присутственных мест Тамбовской губ., выходящее за обычные рамки формальных отчетов. Особенно красноречивой выглядит сделанная ими констатация факта умелой имитации чиновниками своих прямых должностных обязанностей. В Губернском правлении, как отмечали сенаторы, «...хотя производство дел видим мы в порядке, согласном

---

¹ РГИА. Ф. 1341. Оп. 1. Д. 253. Л. 47.

² Там же. Л. 47–47 об.

с законами, но, к сожалению, весь сей порядок и заключается в одной наружности. В действительном же отпращивании оных желаемого успеха совсем нет, поелику власть исполнительная до такого доведена ослабления, что подчиненные места вообще почти никакого к предписаниям Губернского правления не имеют уважения...»¹. Примечательно, что многие чиновники, не выполнявшие своих обязанностей, подвергались и раньше не только денежному штрафу, но и отдавались под суд. Тем не менее, они оставались «...при исправлении прежних своих должностей, продолжая оные с тем же небрежением»². Среди найденных многочисленных нерешенных дел одно тянулось с 1792 г. Сроки заседаний в Губернском правлении не соблюдались. Расстроеным оказалось и финансовое управление, о чем свидетельствовала огромная сумма недоимок. Совершенно бездействовали уездные низшие инстанции. Например, как явствовало из журнала Тамбовского уездного суда, «...часто в целое присутствие прослушана была одна какая-либо ничего не значущая бумага и по ней записано: “Приказали отдать в повые для сообщения к делу”. После чего присутствующие, собравшись поутру в 8 часов, вышли в 2 часа пополудни»³.

По существу данная характеристика заставляла усомниться в значении посылавшихся в Сенат материалов как не соответствующих подлинным реалиям в той части, что касалась деятельности местных бюрократических инстанций. Но произвела ли она хоть какое-то впечатление в центре — неизвестно.

Перед Трощинским и Щербатовым встала непростая задача выработки системы действенных и адекватных мер наказания нерадивых чиновников. Было решено не только наложить запрещение на имения части из них, удержав при этом жалованье, но и велеть виновным в «запусчении» дел «остаться при местах своих и на собственном уже своем содержании трудиться под наблюдением вновь избранных чле-

---

¹ РГИА. Ф. 1341. Оп. 1. Д. 278. Л. 10–10 об.

² Там же.

³ Там же. Л. 27.

нов в окончание всего ими запущенного»¹. Этим дело не ограничилось. Сенаторы представили на утверждение императору список чиновников, отдававшихся под суд. Он включал 31 чел.² Список был утвержден полностью. Получили одобрение и прочие употребленные сенаторами меры взыскания³.

В целом же материалы ревизий свидетельствуют о вполне благодушной настроенности большинства сенаторов, не желавших применять без крайней необходимости репрессивные меры в отношении нерадивых служащих. Так, Камынин и Кропотов, найдя в Псковском городском магистрате такие упущения, за которые, по их мнению, виновных следовало предать суду, тем не менее ограничились отеческим порицанием чиновников, «...дабы они впредь остерегались от подобных незаконных поступков»⁴.

Довольно мягкими наказаниями отделались чиновники Смоленской губ. Сенаторы Кушелев и Алексеев довольствовались освобождением от должности гжатского исправника и оставлением на прежних местах без жалования тех должностных лиц, которых нашли виновными в должностных упущениях, обязав их исправить⁵. Следует отметить, что администрация Смоленской губ. и ранее привлекала внимание правительства. В феврале 1800 г. сенатским указом лишились своих мест советники Губернского правления, секретари и другие должностные лица за «все противозаконные поступки, упущения по должности и неисполнение предписаний начальника губернии»⁶.

Однако от благодушия сенаторов не оставалось и следа в случае прямого вмешательства верховной власти, как это случилось в отношении упомянутых выше чиновников Подольской губ. Аналогичный, но еще более драматичный эпизод произошел после реакции Павла I на донесение сенаторов Спиридова и Лопухина, обнаруживших вопиющие «беспорядки» в Вятской губ. Можно представить силь-

---

¹ РГИА. Ф. 1341. Оп. 1. Д. 278. Л. 45 об.

² Там же. Ф. 1375. Оп. 1. Д. 1. Л. 218 об.–219.

³ Там же. Ф. 1341. Оп. 1. Д. 278. Л. 1 об.

⁴ Там же. Д. 247. Л. 5.

⁵ Там же. Д. 264. Л. 3 об., 21 об.

⁶ Там же. Л. 54 об.

нейший гнев императора, получившего такое известие, поскольку чиновники этой губернии уже понесли серьезные наказания после ревизии С.И.Маврина: в декабре 1796 г. было уволено 186 чел. и 12 чел. сослано в Сибирь. К 1800 г. положение ничуть не изменилось. По-прежнему процветали волокита в делах и незаконные поборы. В нижних земских судах подсудимых обвиняли часто по одним оговорам и применяли пытки¹. Выявленных преступлений оказалось так много, что сенаторы не побоялись превысить свои полномочия и самостоятельно снять с должностей 11 чел., а об остальных донести в Петербург. Первый порыв гнева Павла I был настолько силен, что он приказал уволить всех чиновников Вятской губ. (12 апреля 1800 г.) и поручил Сенату рассмотреть дело о предании суду виновных². Впоследствии удалось несколько смягчить распоряжение императора, но уйти от наказаний большинству виновных не удалось.

Крутой нрав императора, безусловно, накладывал свой отпечаток на действия ревизоров, сдерживая их инициативу, заставляя осторожничать из опасения невзначай совершить оплошность и тем самым поставить крест на дальнейшей карьере. Сенатор А.И.Ильинский был отозван в Петербург за то, что однажды превысил свои полномочия. Хорошо не разобравшись в одной тяжбе, он распорядился возвратить имение владельцу, не имевшему на него, как выяснилось впоследствии, законных прав. Ильинского в августе 1800 г. сменил К.А.Багратион. В данном случае Ильинский поплатился за свою ошибку.

Однако и не успевших в чем-либо провиниться сенаторов могла ожидать опала в результате столкновений с местными чиновниками и неизменных интриг. На себе чуть не испытал горячность Павла I И.В.Лопухин, вызвавший за свои распоряжения по Вятской губ. неудовольствие многих влиятельных лиц при дворе, пытавшихся опорочить его действия в глазах императора, о чем сам Лопухин повествовал в

---

¹ История Правительствующего Сената за 200 лет. СПб., 1911. Т. 2. С. 772.

² РГИА. Ф. 1374. Оп. 3. Д. 2233. Л. 10.

своих записках¹. В материалах ревизий также содержатся фрагментарные упоминания о подобных столкновениях. Так, сенатор И. А. Заборовский в своих донесениях генерал-прокурору П. Х. Оболянинову обмолвился о своем достаточно щекотливом положении, в котором он оказался из-за откровенного конфликта с первым членом Московской оружейной конторы Кожиным. Тот всячески препятствовал Заборовскому и Вяземскому в проведении ревизии этой конторы. Когда сенаторы решились письменно доложить о сложившейся ситуации непосредственно Павлу I, сославшись к тому же на дряхлость и слабость Кожина, то в ответ получили «неблаговоление с таковым изъяснением, что по летам его, господина Кожина, и усердной всегда службе иное могло бы и упуститься»². Поэтому, получив от Сената указание собрать сведения по частному вопросу, касавшемуся Оружейной конторы, Заборовский опасался «...навлечь на себя невинным образом вящего гнева»³.

Итоги сенаторских ревизий применительно к состоянию местного административного аппарата выглядят достаточно противоречиво. С одной стороны, они по существу не выходят за рамки обычной бюрократической практики, отдававшей явный приоритет формальной отчетности, в том числе и со стороны самих сенаторов-ревизоров. Ее несоблюдение представляло собой едва ли не главное преступление, за которое могли последовать соответствующие меры взыскания. Однако если учесть, что перед ревизиями 1799–1800 гг. стояла более широкая задача не только по сбору, но, очевидно, и анализу разнообразной информации, то она осталась невыполненной. Сенат устранился от обобщения стекавшихся к нему сведений в виде статистического материала ведомостей и донесений самих ревизоров. Впрочем, скорая смерть Павла Петровича 11 марта 1801 г., быть может, просто избавила сенаторов столичных департаментов от необходимости еще раз, но более внимательно, заглядывать в полученные бумаги. Кроме того, оказались совершенно

---

¹ Записки некоторых обстоятельств жизни и службы действительного тайного советника, сенатора И. В. Лопухина, сочиненные им самим. М., 1884. С. 73.

² РГИА. Ф. 1374. Оп. 3. Д. 2432. Л. 33–33 об.

³ Там же. Л. 33 об.

проигнорированы Сенатом ценные наблюдения отдельных ревизоров, заслуживавшие особого внимания и самостоятельного рассмотрения невзирая на очерченные формуляром инструкции рамки, в которые они не укладывались. Прежде всего имеется в виду заключение Трошинского и Щербатова об очевидной слабости исполнительной власти в Тамбовской губ. и бытовавшей здесь искусной имитации чиновниками своих служебных обязанностей, а также мнение Спиридова и Лопухина о явной несогласованности в действиях различных чиновничьих инстанций Оренбургской губ. Совершенно очевидно, что такие наблюдения не ограничивались пределами отдельных губерний.

С другой стороны, даже облаченные в сугубо формализованную оболочку данные из материалов сенаторских ревизий способны пролить свет на некоторые немаловажные вопросы.

Почти во всех донесениях сенаторов содержится упоминание о практически полной укомплектованности штатов губернских и уездных учреждений. Фиксация данных фактов при разборе поступавших донесений ревизоров не нашла видимого отклика в Сенате. Однако она вызывает немалый интерес.

В литературе последних лет достаточно много внимания уделяется конкретной разработке вопроса об источниках и способах формирования местного бюрократического аппарата. Вырисовывается следующая картина: если вскоре после опубликования Манифеста о вольности дворянской, по данным И. В. Фаизовой, образовался даже некоторый избыток кандидатов, претендовавших на статские должности¹, то после Учреждения о губерниях, повлекшего расширение штатов, обнаружилась нехватка чиновников, особенно низового звена, поскольку существовал жесткий законодательный императив — рекрутировать их исключительно из дворян. Так, при формировании штатов Ярославского наместничества его генерал-губернатору А. П. Мельгунову приходилось переманивать чиновников как из центральных учреждений, так и из других губер-

---

¹ Фаизова И. В. «Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII столетии. М., 1999. С. 125–130.

ний¹. Во многих прочих местах (например, Вятка, Пермь, Иркутская и даже Петербургская губерния) из-за малочисленности дворянства немало штатных должностей оставались вакантными, что отмечал еще В. А. Григорьев².

В этой связи материалы сенаторских ревизий, указывающие на повсеместную укомплектованность штатов, выглядят весьма ценным свидетельством. Правда, нужно иметь в виду, что сами сенаторы совершенно не акцентировали внимание на этом вопросе, останавливаясь на нем мимоходом лишь по необходимости (по велению данной им инструкции).

Сенаторские ревизии представляют не меньший интерес и для выявления болевых точек государственного организма, сильнее всего беспокоивших абсолютизм в тот момент. Сами задачи, сформулированные перед сенаторами, являются достаточно точным индикатором таких точек.

Эти задачи не имели ничего общего с укреплением административно-полицейского аппарата и усилением репрессивных мер, с которыми обычно ассоциируется время правления Павла I. Хотя, казалось бы, недавние крестьянские волнения 1796–1797 гг., отличавшиеся немалым размахом и ожесточением (кстати, до сих пор слабо изученные), могли дать тому повод. По существу, ни одного отголоска данных событий в материалах ревизий не встречается.

На переднем плане оказывается «правосудие», весьма широко трактуемое разработчиками инструкции ревизорам. Фактически под этим определением понимались соблюдение законности в работе правительственного аппарата и его дееспособность. Именно стремление к законности и порядку составляло предмет особой заботы правительства. Однако с самого начала едва ли можно было рассчитывать на получение исчерпывающей информации на этот

---

¹ Амлеева Т. Ю. Реформа местного управления последней четверти XVIII века. М., 1997. С. 65.

² Григорьев В. А. Реформа местного управления при Екатерине II (Учреждение о губерниях 7 ноября 1775 г.). СПб., 1910. С. 315–316, 323; см. также: Мигунова Т. Л. Административные реформы Екатерины Великой: (Исторические предпосылки и результаты). Н. Новгород, 2001. С. 127–128.

счет по формально заданным параметрам, что и подтвердили материалы ревизий.

На втором месте оказались тесно переплетенные административно-хозяйственные вопросы: результаты административного деления 1796 г. и повсеместное наличие полиции интересовали не меньше, нежели численность городских жителей, цены на продукты, состояние торговли, промышленности и ремесла. В достоверной информации о развитии торговли и промышленности правительство, видимо, нуждалось особенно остро, поскольку недавно возвращенные из небытия коллегии были не в состоянии взять бразды правления в свои руки.

К числу задач первостепенной важности отнесено улучшение взимаемости налогов. Вопрос весьма болезненный и трудно разрешимый. Правительству периодически приходилось списывать казенные недоимки без надежды поправить положение, оставляя в бюджете зияющие прорехи. Очередное списание накануне 1797 г. лишило казну 7,5 млн руб. Данные, собранные сенаторами во время ревизий, оптимизма не добавляли, свидетельствуя как о слабости местного налогового аппарата, так и о наличии изрядной доли неплатежеспособного населения среди крестьянства — основного податного сословия.

Сенаторские ревизии, задуманные как постоянный институт государственного контроля, были призваны пополнить не слишком разнообразный инструментарий достижения вожделенного порядка, которым располагала власть. Причем их главное назначение в те годы заключалось не столько в искоренении зла и порока, сколько в его обнаружении и предупреждении. Преждевременная кончина Павла I остановила это начинание на полпути.

АГРАРНАЯ РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ
ЦЕНТРАЛЬНО-НЕЧЕРНОЗЕМНОЙ РОССИИ
НА СТРАНИЦАХ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ 60-х гг. XIX в.

Исследование ключевых аспектов аграрной рационализации сельского хозяйства Центрально-Нечерноземной России в пореформенную эпоху является в настоящее время важной научной задачей отечественных историков-аграрников. После крестьянской реформы 1861 г. крестьяне и дворяне-землевладельцы региона оказались в новой для себя юридической ситуации, однако социально-экономические условия аграрного строя Центральной России, а также традиционный менталитет сельского населения изменялись крайне медленно. Поэтому необходимо выявить не только содержание этих изменений, но и их многообразное влияние на характер, темпы и особенности аграрной рационализации, отражавшей стремление части дворянства быстро и эффективно перейти к высокодоходному и рентабельному буржуазному хозяйствованию. Кроме того, большой научный интерес представляют и вопросы, связанные с изменением форм хозяйственной и социокультурной деятельности отдельных категорий сельского населения региона.

Ряд вопросов, касающихся эволюции аграрного строя Центральной России в пореформенный период, уже нашел подробное освещение в отечественной историографии. Прежде всего, необходимо отметить труды конца XIX — начала XX в.: работы П. Б. Струве, К. Д. Кавелина, В. Г. Бажаева, В. В. Винера, Б. Д. Бруцкуса, П. И. Лященко, и других исследователей¹, в которых поднимался ряд важных про-

---

¹ Струве П. Б. Крепостная статистика: Из этюдов о крепостном хозяйстве. СПб., 1901; Он же. Крепостное хозяйство: исследования по экономической истории России в XVIII и XIX вв. М., 1913; Он же. Попытки артель-

блем: переход к рациональному хозяйствованию и вольнонаемному труду помещиков и крестьян региона, внедрение новейшей земледельческой техники, и другие. Многие из них в дальнейшем нашли освещение в фундаментальных трудах П. А. Зайончковского, Н. М. Дружинина, А. М. Анфимова, П. Г. Рындзюнского, А. С. Нифонтова, И. Д. Ковальченко, а также Л. В. Милова, В. П. Данилова, А. П. Корелина, М. М. Громыко, Л. И. Кучумовой¹. Так, А. М. Анфимов проанализировал условия возникновения крестьянского травопольного хозяйства Центрального Нечерноземья в конце XIX в., рассмотрел эволюцию земской агрономической деятельности. В его фундаментальной работе нашла отражение и проблема перехода к правильным севооборотам². Отметим также ряд общих работ, касающихся узловых вопросов сложной и противоречивой модернизации России в пореформенный период³. В трудах исследователей были

ных организаций // Начало. 1899. № 1, 2; *Кавелин К. Д.* Собр. соч. СПб., 1898. Т. I, II; *Бажаев В. Г.* Крестьянское травопольное хозяйство в нечерноземной полосе Европейской России. М., 1900; *Винер В. В.* Сельскохозяйственное опытное дело. М., 1922; *Бруцкус Б. Д.* Народнохозяйственные основы. Пг., 1924; *Лященко П. И.* Очерки аграрной эволюции России. СПб., 1908. Т. 1; *Шестаков А. В.* Капитализация сельского хозяйства: (От реформы 1861 г. до войны 1914 г.). М., 1924; *Гайстер А.* Сельское хозяйство капиталистической России: (От реформы 1861 г. до революции 1905 г.). М., 1927; и др.

¹ См.: *Зайончковский П. А.* Отмена крепостного права в России. М., 1968; *Дружинин Н. М.* Русская деревня на переломе, 1861–1880 гг. М., 1978; *Кучумова Л. И.* Сельская поземельная община Европейской России в пореформенный период (60–70 гг. XIX в.): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1978; *Рындзюнский П. Г.* Экономический строй крестьянского надельного хозяйства России в пореформенное время // Вопросы истории. 1971. № 11. С. 32–48; *Он же.* Утверждение капитализма в России, 1850–1880 гг. М., 1978; *Нифонтов А. С.* Зерновое производство России во второй половине XIX в.: По материалам ежегодной статистики урожаяев Европейской России. М., 1979; *Анфимов А. М.* Крестьянское хозяйство Европейской России, 1881–1904. М., 1980; *Ковальченко И. Д., Милов Л. В.* Всероссийский аграрный рынок XVIII — начала XX в.: Опыт количественного анализа. М., 1974; *Корелин А. П.* Сельскохозяйственный кредит в России в конце XIX — начале XX в. М., 1988; *Громыко М. М.* Мир русской деревни. М., 1991; и др.

² *Анфимов А. М.* Указ. соч. С. 176–177, 198–199, и др.

³ Особенности аграрного строя России в период империализма: Материалы сессии Научного совета по проблеме «Исторические предпосылки Вели-

подробно рассмотрены многие важные аспекты, касающиеся социально-экономического положения сельского населения Центрального Нечерноземья во второй половине XIX в., а также эволюции его общественного сознания, поскольку именно традиционные («феодалные») нормы мышления и хозяйственной деятельности сельского населения региона оказывали существенное воздействие на содержание, формы и темпы аграрных преобразований¹. К этим работам примыкает группа исследований, посвященных вопросам сельскохозяйственного образования².

кой Октябрьской социалистической революции», май 1960 г. М., 1962; Генезис капитализма в промышленности и сельском хозяйстве: Сб. ст. к 80-летию акад. Н. М. Дружинина. / Отв. ред. С. Д. Сказкин. М., 1965; Великие реформы в России, 1856–1874. М., 1992; Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.): Материалы международной конференции, Москва, 14–15 июня 1994 г. М., 1996; Рынок и реформы в России: исторические и теоретические предпосылки. М., 1995; Власть и реформы: От самодержавной к советской России. СПб., 1996; Традиционный опыт природопользования в России / Отв. ред. Л. В. Данилова, А. К. Соколов. М., 1998; и др.

¹ См.: *Громыко М. М.* Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986; *Милогорова И. Н.* Семья и семейный быт русской пореформенной деревни, 1861–1900 гг. М., 1988; *Тарабанова Т. А.* Волостной суд в России в первое пореформенное десятилетие: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1993; *Йенсен Т. В.* Источники и методы изучения общественного сознания пореформенного крестьянства (на примере Костромской губернии): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1999; *Мионов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 1999. Т. 1, 2; *Шатковская Т. В.* Закон и обычай в правовом быту крестьян второй половины XIX в. // Вопросы истории. 2000. № 11–12. С. 96–105; *Она же.* Правовая ментальность российских крестьян второй половины XIX в.: опыт юридической антропометрии. Ростов н/Д, 2000; и др.

² См.: *Кузьмин Н. Н.* Низшее и среднее специальное образование в дореволюционной России. Челябинск, 1971; *Ефременко А. В.* Сельскохозяйственное образование в России (конец XVIII — начало XX в.). Ярославль, 1997; *Третьяков А. В.* Низшая сельскохозяйственная школа пореформенной России: факторы развития. Курск, 1997; *Он же.* Низшая сельскохозяйственная школа России в конце XIX — начале XX в. Курск, 1998; *Он же.* Региональные аспекты истории низшего сельскохозяйственного образования пореформенной России в отечественной историографии // Региональная история в российской и зарубежной историографии: Тезисы докладов международной научной конференции, 1–4 июня 1999 г. / Отв. ред. А. А. Севастьянова. Рязань, 1999. С. 80–84; и др. См. также: История об-

Следует выделить также группу работ, посвященных общеэкономическим и социальным условиям развития сельского хозяйства страны в пореформенную эпоху¹.

Ряд проблем, касающихся многообразной эволюции сельской дворянской усадьбы после крестьянской реформы 1861 г., нашел отражение в фундаментальной коллективной монографии «Дворянская и купеческая усадьба в России XVI–XX вв.: Исторические очерки»², написанной исследователями Института российской истории РАН.

Вместе с тем, проблемы, связанные с историей собственно аграрной рационализации региона, были затронуты лишь частично. Среди немногочисленных исследований по данной теме необходимо выделить работу И. Т. Довженко³,

---

щеобразовательной и профессиональной школы дореволюционной России: Библиогр. указатель литературы, изданной в советский период / Сост.: Шапкин В. В., Шапкина А. П. Л., 1991.

¹ *Егизарова Н. А.* Аграрный кризис конца XIX века в России. М., 1959; *Китанина Т. М.* Хлебная торговля России в 1875–1914 гг.: (Очерки правительственной политики). Л., 1978; *Она же.* Мировой аграрный кризис 1870–1890-х годов и государственное регулирование сельскохозяйственного производства в России // *Формы сельскохозяйственного производства и государственное регулирование: XXIV сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы.* М., 1995. С. 150–159; *Корелин А. П.* С. Ю. Витте и аграрный вопрос в России в конце XIX — начале XX века // *Экономическая история России XIX–XX вв.: современный взгляд.* М., 2000. С. 24–546; *Слепнев И. Н.* Аграрный кризис // *Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 г.: Энциклопедия.* Т. 1. М., 1994. С. 24–25; *Он же.* Воздействие природных факторов и рыночных отношений на пореформенное крестьянское хозяйство // *Традиционный опыт природопользования в России.* С. 255–262; *Елина О. Ю.* Наука для сельского хозяйства в Российской империи: формы патронажа // *Вопросы истории естествознания и техники.* 1995. № 1. С. 40–61; *Она же.* Земства, центральное правительство и агрономия: страсти вокруг урожая // *Власть и наука, ученые и власть, 1880-е — начало 1920-х годов: Материалы международного научного colloquium.* СПб., 2003. С. 298–314.

² *Дворянская и купеческая усадьба в России XVI–XX вв.: Исторические очерки.* / Отв. ред. Л. В. Иванова. М., 2001. С. 395–496, и др.

³ *Довженко И. Т.* Сельскохозяйственные общества дореволюционной России, их особенности и размещение // *Историческая география России, XII — нач. XX в.: Сб. статей.* М., 1975. С. 207–216. См. также: *Козлов С. А.* 175 лет Московскому обществу сельского хозяйства: традиции и новации // *Научные труды / Международный союз экономистов и Вольное экономическое общество России.* М.; СПб., 1996. Т. 3. С. 232–240.

касающуюся развития сельскохозяйственных обществ в пореформенной России, а также труды В.Г.Чернухи, Д.И.Будаева, О.Д.Будаевой, С.В.Кузнецова и К.И.Юрчук, в которых рассматриваются отдельные вопросы истории аграрно-технических усовершенствований¹. Отметим также фундаментальную работу П.Н.Зырянова, посвященную пореформенной жизни крестьянской общины Европейской России². Она позволила по-новому подойти к решению сложнейших научных проблем — аграрной политики Российского государства конца XIX — начала XX в. и роли общины в процессе модернизации отечественного земледелия³. Из работ последнего десятилетия следует выделить кандидатские диссертации В.А.Нохриной об издательской деятельности Московского общества сельского хозяйства в 1820–1917 гг. и М.И.Дударева о роли МОСХ в общественном и кооперативном движении конца XIX — начала XX в.⁴ Важные аспекты модернизации крестьянского хо-

---

¹ Чернуха В. Г. Комиссия по исследованию сельского хозяйства и сельской производительности России (1872–1874 гг.) // Тезисы докладов и сообщений XIV сессии межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы (Минск–Гродно, 25–29 сент. 1972 г.). М., 1972. С. 58–61; Будаев Д. И. Сельскохозяйственный опыт в Смоленской губернии во второй половине XIX в.: (Опыты А.Н.Энгельгардта, Д.А.Путяты, С.С.Иванова) // Из исторического опыта сельского хозяйства СССР. М., 1969. С. 275–291; *Он же*. К вопросу об особенностях развития аграрного капитализма в нечерноземной полосе // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1968 г. Л., 1972. С. 245–255; *Он же*. Смоленская деревня в конце XIX — начале XX вв.: К вопросу о темпах, уровне и степени развития аграрного капитализма. Смоленск, 1972; Будаева О. Д. Письма «Из деревни» А.Н.Энгельгардта как исторический источник // Сельское хозяйство и крестьянство нечерноземного центра РСФСР. Смоленск, 1976. С. 81–91; Кузнецов С. В. Хозяйственные традиции в земледелии русских крестьян (вторая половина XIX в.) // Крестьянское хозяйство: история и современность: Материалы к Всероссийской научной конференции. Вологда, 1992. Ч. II. С. 125–126; Юрчук К. И. Помещичье винокуренное в Ярославской губернии в XIX в. Ярославль, 1997; и др.

² Зырянов П. Н. Крестьянская община Европейской России в 1907–1914 гг. М., 1992.

³ Подробнее см.: Там же. С. 27–34, 220–223, и др.

⁴ Нохрина В. А. Издательская деятельность Московского общества сельского хозяйства (1820–1917 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1990; Дударев М. И. Московское общество сельского хозяйства в общественном и кооперативном движении (1895–1908 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1997.

зяйства региона были рассмотрены в ряде работ Д. В. Ковалева¹. Повышенное внимание исследователей привлекали различные аспекты социально-экономической и просветительской деятельности Вольного экономического общества². К этим работам примыкает круг научных исследований, посвященных истории пореформенной отечественной кооперации, ее роли в аграрной модернизации центральных губерний страны³. В последние годы повышенное внимание российских исследователей привлекают вопросы, связанные с социокультурными аспектами аграрно-промышленного развития России второй половины XIX в.,

---

¹ Ковалев Д. В. Из истории модернизационных процессов в крестьянском хозяйстве России конца XIX — первой четверти XX века (на материалах Подмосковья) // Отечественная история (далее — ОИ). 2002. № 5. С. 177–187; и др.

² Из истории Императорского Вольного экономического общества. Волгоград, 1999; Гутерц А. В. Императорское Вольное экономическое общество и Николай Васильевич Верещагин // Научные труды / Международный союз экономистов и Вольное экономическое общество России. М.; СПб., 1996. Т. 3. С. 223–231; Корчагова М. Н. Проблемы местного самоуправления в России XIX века в трудах членов ВЭО // Там же. С. 241–248; и др. Отметим также ряд работ по истории ВЭО, вышедших в предшествующие годы: Склюев Н. О. Роль Вольного экономического общества в развитии и распространении сельскохозяйственных знаний России (1861–1900 гг.): Дис. ... канд. экон. наук. Саратов, 1955; Гриценко Н. Ф. Вольное экономическое общество и общественная жизнь России конца XIX в.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1981; Бердышев А. П. Роль Вольного экономического общества в развитии научных основ сельского хозяйства в России: Дис. ... д-ра сельскохоз. наук. М., 1970; Он же. Сто пятьдесят лет служения Отечеству: (Из истории Вольного экономического общества). М., 1992–1993. Т. 1–4.

³ Корелин А. П. К проблеме адаптации западного кооперативного опыта в дореволюционной России // Кооперация. Страницы истории. Вып. 8 / Отв. ред. Н. К. Фигуровская. М., 1999. С. 97–116; Кишкин А. С. Основатель молочного дела России Н. Муравьев // Там же. С. 37–54; Ольховский Е. Р. Н. В. Верещагин // Там же. С. 82–96; Петров В. В., Бородин И. Ф. Предшественники современных кооператоров в России // Потребительская кооперация — социально ориентированная система: Межвуз. сб. Энгельс, 1999. С. 5–11; Козлов С. А. Рационализаторы Центральной России второй половины XIX в. и создание предпосылок аграрной кооперации // Великие кооператоры России: Материалы научных чтений. Энгельс, 2002. С. 26–32; и др.

а также с ключевыми характеристиками культурно-хозяйственного быта сельского населения в этот период¹.

Отдельные аспекты сельскохозяйственной рационализации Центрального Нечерноземья нашли отражение и в трудах зарубежных исследователей. Следует отметить содержательную работу американского историка М. Левина, посвященную психоментальности русской пореформенной деревни², а также исследования А. Станциани и Д. Филда, в которых рассматриваются вопросы сложной аграрной модернизации в губерниях региона³.

В то же время, многие ключевые проблемы еще ждут своего решения. К ним, прежде всего, относятся вопросы соотношения традиций и новаций в процессе пореформенной аграрной модернизации, роли отечественных сельскохозяйственных и экономических обществ в постепенной буржуазной эволюции частновладельческих и крестьянских хозяйств, и ряд других. В отечественной историографии отсутствуют специальные работы, посвященные ком-

---

¹ *Наумова Г. Р., Шемякина О. Д.* Изучение предпринимательства на современном историографическом рубеже: в поиске новых методологических подходов // Информационный бюллетень / Научный семинар «Индустриализация в России». М., 2001. № 12: Декабрь 2001 г. / Отв. ред. С. В. Воронкова. С. 55–64; *Лачаева М. Ю.* Коллективные формы исторического самопознания: (подходы к изучению отечественной индустриализации) // Там же. С. 35–54; *Карагодин А. В.* Аграрный кризис конца XIX — начала XX в. и материальное положение русского пореформенного крестьянства в освещении современного западного россиеведения: новые подходы и текущие дискуссии // Там же. С. 65–75; и др. См. также: *Поткина И. В.* Индустриальное развитие дореволюционной России: концепции, проблемы, дискуссии в американской и английской историографии. М., 1994; *Лачаева М. Ю.* Приглашается вся Россия...: Всероссийские промышленные выставки (XIX — начала XX в.). М., 1997.

² *Левин М.* Деревенское бытие: нравы, верования, обычаи // Крестьяноведение. Теория. История. Современность: Ежегодник, 1997 / Т. Шанин, Гамза Алави, В. П. Данилов и др.; Под ред. В. Данилова, Т. Шанина. М., 1997. С. 84–127.

³ *Станциани А.* Экономика и статистика между политикой и технократией (1861–1930) // Власть и наука, ученые и власть, 1880-е — начало 1920-х годов: Материалы международного научного colloquium. СПб., 2003. С. 133–150; *Филд Д.* Уровни и тенденции модернизации в России в 1870–1905 гг. (на примере Ярославской губернии) // Информационный бюллетень / Ассоциация «История и компьютер». 1997. № 21: Март 1997 г. С. 36–48.

плексному анализу процесса аграрной рационализации Центрально-Нечерноземной России в пореформенный период¹. Недостаточно изучен и ряд вопросов, касающихся отражения процесса сельскохозяйственной модернизации в различных источниках пореформенной эпохи².

Итак, рассмотрим, каким образом процесс сельскохозяйственной рационализации Центрального Нечерноземья нашел отражение в российской экономической печати первого пореформенного десятилетия. Подобный анализ позволит расширить представления об особенностях пореформенного аграрного развития региона, включая формы и методы сельскохозяйственной рационализации. Объектом исследования являются такие авторитетные издания рассматриваемого периода, как «Земледельческая газета», «Труды» Вольного экономического общества, журналы «Сельское хозяйство», «Сельский хозяин», и другие. Они охватывают широкий круг самых разнообразных вопросов: состояние отдельных отраслей сельского хозяйства региона, перестройка местного крестьянского и частновладельческого хозяйства на рыночные рациональные основы, и др. По содержательности информации и ее научной значимости выделяются материалы, обнаруженные в «Земледельческой газете». Именно в этом ключевом отечественном экономическом издании пореформенной эпохи содержится уникальный комплекс сведений о самых разнообразных вопросах развития аграрной модернизации Цен-

---

¹ Частично указанная проблема рассматривается в работе: *Козлов С. А.* Аграрная модернизация Центрально Нечерноземной России в конце XVIII — начале XX в. (основные этапы) // ОИ. 2004. № 2. С. 20–37. Материал по дореформенной эпохе см.: *Он же.* Аграрные традиции и новации в дореформенной России (центрально-нечерноземные губернии) / Отв. ред. А. В. Семенова. М., 2002.

² См. также: *Селина Т. И.* Арендные договоры, как источник для изучения крестьянского хозяйства XIX — начала XX века // Северо-Запад в аграрной истории России: Сб. научных трудов / Отв. ред. Г. П. Жидков. Калининград, 1984. С. 32–37; *Козлов С. А.* Вопросы аграрной рационализации Центрально-Нечерноземной России на страницах журнала «Сельский хозяин» (конец XIX — начало XX века) // Северо-Запад в аграрной истории России: Межвуз. сб. научных трудов / Под ред. В. Н. Никулина. Калининград, 2003. С. 123–135.

трально-Нечерноземной России как в теории, так и на практике. Особую важность имеют аналитические материалы российских ученых, — прежде всего, исследователей-аграрников, активно сотрудничавших с Вольным экономическим обществом и МОСХ. В этих трудах не только содержится уникальная информация о состоянии аграрного развития центрально-нечерноземных губерний, но и даются конкретные научные рекомендации, посвященные усовершенствованию отдельных отраслей сельского хозяйства. Необходимо также отметить многочисленные работы землевладельцев региона, опубликованные на страницах периодической печати: здесь приводятся ценные сведения, касающиеся практики внедрения основ рационального хозяйствования в традиционный культурно-хозяйственный уклад; нередко сообщаются важные данные и о развитии местного крестьянского хозяйства.

Территориальные границы исследования охватывают восемь губерний нечерноземного центра России: Московскую, Владимирскую, Ярославскую, Костромскую, Тверскую, Смоленскую, Нижегородскую и Вологодскую. Хронологические рамки работы — с момента крестьянской реформы 1861 г. до начала 70-х гг. XIX в., когда аграрная экономика региона, в основном, преодолевает последствия острейшего хозяйственного кризиса.

Крестьянская реформа 1861 г. принципиально изменила условия существования всех категорий сельского населения Центрально-Нечерноземной России. Ее приближение вызвало огромный интерес у землевладельцев региона. «Событие, которого мы ждем, одно из тех, которые производят коренной переворот в жизни страны, — отмечалось на страницах “Земледельческой газеты” 7 января 1861 г., — а так как этот переворот может быть только к лучшему, то каждый любящий свою родину не может не приветствовать его глубоким сочувствием»¹. «Крестьянский вопрос кончен! — писал сразу после провозглашения реформы помещик-рационализатор П. Щукин. — Землевладельцы, понимающие поль-

---

¹ Год прошедший и год наступивший // Земледельческая газета (далее — ЗГ). 1861. 7 янв. Хозяйственная летопись. С. 11.

зу свою и пользу общую, не нарадуются окончанию столь важного дела. Скажу и я от души: слава Богу! Наконец я стал дышать свободнее, а вот как совсем развяжусь с этой отвратительной барщиной, перепортившей все и вся, то куда как сделается легко, жду и не дождусь этого желанного времени, жаль только, безденежье одолело, не дает хорошенько поустроиться, волею, неволею приходится мешать обязательный труд с вольнонаемным»¹.

Что же привлекало внимание сельских хозяев в этот период? Их беспокоили, в основном, вопросы, связанные с практикой хозяйствования в новых, еще непривычных экономических условиях: применение вольнонаемного труда, новой земледельческой техники, и т. п. Особый интерес вызвал вопрос об организации в России земских банков: провинциальное дворянство испытывало острый недостаток средств для рациональной перестройки своих хозяйств².

К числу первоочередных хозяйственных задач большинство землевладельцев региона причисляло и уничтожение чересполосицы, ставшей своего рода «камнем преткновения» для нескольких поколений местных рационализаторов. Как писал тот же П. Щукин, в результате многолетней хозяйственной деятельности он пришел к следующему выводу: «заниматься сельским хозяйством на Руси, при чересполосности, нет никакой возможности, это одна мечта. Все хозяйство наше идет старою избитою дорогою и будет идти таким порядком до тех пор, пока не уничтожится чересполосность. Никакие агрономические познания не улучшат положительно нашего хозяйства. Чересполосность, эта злейшая язва хозяйства, отучила уважать чужую собственность...»³. В этих условиях даже у активных и энергичных сельских хозяев проявлялся пессимизм: старые архаичные традиции землепользования все еще оставались неизменными. «Об улучшении в хозяйстве не думайте, они

---

¹ Щукин П. Несколько строк о наших нуждах Московскому обществу сельского хозяйства // Сельское хозяйство (далее — СХ). 1862. № 2. Ч. 2. Размен мыслей. С. 49.

² Подробнее см.: Там же; Крестьянский вопрос. Земские банки // ЗГ. 1861. 7 янв. Хозяйственная летопись. С. 11, и др.

³ Щукин П. Указ. соч. С. 50.

невозможны, — констатировал автор. — Без скотоводства хозяйства быть не может; но может ли быть скотоводство при черезполосности? Где только существуют какие-либо пастбища, все они вытравливаются и выбиваются несвоевременно, без всякого толку и порядку ...не трудитесь убереечь ваше стадо от заразы. Наша скотина толчется вместе и больная, и здоровая, да к тому же у нас не имеют привычки отделять больную от здоровой... Удобрение полей и должная обработка их быть не может. Доходы наши вдвое менее следуемых»¹. Закрадывались сомнения и о правильности самого механизма осуществления крестьянской реформы. «Вопрос крестьянский кончен, — недоумевал рационализатор, — а размежевание должно было бы предшествовать ему, и избавило бы нас от всякого рода неприятностей в настоящем и будущем»².

Усиливается внимание частных землевладельцев, властей и общества в целом к таким вопросам, как улучшение системы податей и сборов, и особенно — к развитию как народного образования в целом, так и специального сельскохозяйственного («агрономического»), в частности³. Исключительно важное значение имело учреждение Петровской земледельческой академии под Москвой⁴. Создаются — при активной поддержке Министерства государственных имуществ — общества грамотности в регионе (в Костромской губ., в Вязьме)⁵, что давало надежду как на успех преобразовательной аграрной деятельности, так и на постепенное сближение отдельных сословных групп русской нечерноземной деревни⁶.

---

¹ *Щукин П.* Указ. соч. С. 51.

² Там же. С. 52.

³ См.: Комиссии об улучшении системы податей и сборов и паспортная. Народное образование. Преобразование сельскохозяйственных и образцовых заведений. Учреждение агрономического музеума // Там же. С. 12–13; *Стебут И.* О науке сельского хозяйства и о сельскохозяйственном образовании: (Вступительная лекция, читанная в Горыгорецком Земледельческом Институте) // ЗГ. 1861. 25 марта. С. 177–184.

⁴ Об учреждении Петровской Земледельческой Академии близ Москвы // Там же. 23 сент. С. 594–599.

⁵ Общество грамотности в Вязьме // Там же. 18 февр. (№ 7). С. 109.

⁶ Год прошедший и год наступивший. С. 12.

Вместе с тем, уничтожение крепостничества пробудило надежды на то, что не только крестьянам, но и частным землевладельцам региона удастся быстро преодолеть исторические пути отсталого и малопродуктивного хозяйствования, а, главное, — найти в себе силы изменить традиционный культурно-хозяйственный менталитет. Отмечая огромное значение реформы на все стороны жизни России, редакция «Земледельческой газеты» писала: «Куда бы не заглянули мы... — везде мы заметим влияние нового духа, везде совершается усиленная работа, везде создаются новые порядки, обсуживаются новые меры к лучшему устройству разных частей общественного государственного и экономического быта русского народа, а исходная точка для всех трудов — крестьянская свобода, разом открывшая возможность к улучшениям на всех путях народной жизни. Таковы первые шаги великой реформы; они обозначаются всеобщей свежей деятельностью...»¹ Таким образом, делался вывод, именно на основе принципа свободы труда между государством и общественными интересами «завязалась... тесная внутренняя связь, а это уже много для успеха развития страны»². Появилась надежда на будущее, а именно: на «положительное сближение в направлениях деятельности народа и правительства, а отсюда — крепость государственного порядка»³.

Рассмотрим один из источников, в котором рельефно отразились указанные настроения. Уже во втором номере журнала «Сельское хозяйство» за 1861 г. появилась статья анонимного помещика, в которой были высказаны практические советы землевладельцам Центральной России по решению одной из ключевых задач — использованию земледельческих орудий в новых экономических условиях. Обращают на себя внимание следующие выводы автора. Прежде всего, он отмечал, что «при новом порядке» кардинально изменится положение крестьянских хозяйств: с

---

¹ Уничтожение крепостного состояния // ЗГ. 1862. 6 янв. С. 12.

² Там же.

³ Там же.

одной стороны, бедняки, не имея возможности обрабатывать свои земли, превратятся в батраков; с другой стороны — «крестьяне же зажиточные, умные и оборотливые, которых найдется довольно, непременно разбогатеют и будут конкурировать помещикам в земледелии», что благоприятно скажется на развитии сельского хозяйства страны¹. По мнению автора, используемые в помещичьих хозяйствах сельскохозяйственные орудия в условиях острой конкуренции с крестьянами «неминуемо введут в убыток» дворян-землевладельцев, поэтому последним необходимо срочно «обзаводиться» усовершенствованными орудиями труда². Отечественные сельскохозяйственные общества должны сыграть важную роль в организации широкой серии опытов по применению усовершенствованной сельскохозяйственной техники³. В целом же, статья отражала чувство оптимизма, охватившее значительную часть землевладельцев в момент провозглашения крестьянской реформы.

Оживают надежды на быстрое преодоление хозяйственной и культурной отсталости, а также на сближение отдельных сельских сословий на основе единых общенациональных задач. «Наконец в хозяйствах наших сошел со сцены обязательный труд, — отмечал в журнале “Сельское хозяйство” в 1861 г. помещик Московской губ. В. Добровольский. — Могучая его сила, убивающая всякую разумную деятельность, прекратилась. ... Помещик и его крестьянин в отношении к производительности стали теперь в одной параллели»⁴. По его мнению, за два года, «оставленных народу для введения в действие новых положений», крестьянину предстоит «приготовиться к самостоятельности», а помещик должен «найти средство изменить свое хозяйство...»⁵, проявляя при этом строгий расчет, контроль и бережливость.

---

¹ Несколько слов о сельскохозяйственных орудиях // СХ. 1861. № 2. Ч. 2. Отд. редакции. С. 35.

² Там же. С. 35–36.

³ Там же. С. 37.

⁴ *Добровольский В.* Несколько слов по поводу предстоящих реформ в русских хозяйствах // Там же. № 6. Ч. 2. Отд. редакции. С. 99.

⁵ Там же.

Однако, буквально через несколько месяцев всеобщая эйфория начинает проходить, и на передний план вновь выступают нерешенные аграрные проблемы. Можно условно выделить две основные их группы: объективные и субъективные. К объективным проблемам относились такие, как слабая техническая оснащенность помещичьих и крестьянских хозяйств; отсутствие средств для их развития как у частных землевладельцев, так и у большинства крестьян-общинников; бедность и малоземелье сельских тружеников. Субъективные же проблемы были не менее остры и коренились, прежде всего, в особенностях традиционного менталитета: пресловутой «обломовщине» у землевладельцев, печально знаменитом крестьянском «авось», неумении и зачастую нежелании работать интенсивно, жить и трудиться в соответствии с рациональными требованиями новых, рыночных отношений (что проявлялось среди представителей как крестьянской деревни, так и «господской» усадьбы). Отсталые формы и методы ведения хозяйства, крайне слабое развитие рыночных отношений, кризис традиций российского деревенского патернализма, отсутствие дисциплины труда среди различных групп сельского населения, стремившихся обособиться друг от друга, — вот лишь некоторые красноречивые показатели аграрно-культурного быта региона как накануне, так и сразу же после провозглашения крестьянской реформы 1861 г.¹ Особенно негативное влияние на развитие сельского хозяйства оказывали пережитки «обломовщины» среди основной массы провинциальных помещиков, а также особенности патриархальной крестьянской психологии, неразрывно связанные с общинными традициями².

Наиболее успешной оказалась деятельность купцов, обладавших значительными денежными средствами. К середине XIX в. хозяйственная деятельность русского купе-

---

¹ См. также: *Козлов С. А.* Аграрные традиции и новации в дореформенной России... С. 77–134, и др.

² Там же. С. 80, 119–128, и др. Отметим при этом значительную роль деятельности рационализаторов и ученых дореформенной эпохи в преодолении отмеченных негативных тенденций. — См.: Там же. С. 260–383.

чества, тесно связанная с повышением его общего культурного уровня и самосознания в целом¹, заметно активизировалась². Однако при этом развитию природной среды нередко наносился значительный ущерб: зачастую купцы скупали земли, вырубали имеющиеся на них леса, выгодно распродавали лесоматериалы, и на этом их «землевладение» заканчивалось. Огромный ущерб крестьянскому хозяйству, а также здоровью сельского населения региона наносило бытовое пьянство, борьба с которым (включая принудительные работы на общественных запашках в волостях) не приносила заметных результатов. Отметим также массовый отток работоспособного сельского населения в города. Описывая трудности первых пореформенных лет, Н. И. Шатилов (сын известного российского рационализатора, президента МОСХ И. Н. Шатилова) впоследствии отмечал, что этих неурядиц переходного периода «не вынесли не одни только легкомысленные или кутящие помещики, но и более культурные и интеллигентные из них»: этим временем воспользовались лишь хозяева-прагматики, среди которых «преобладали наклонности к кулачеству и наживе»³. Результатом этих негативных процессов стало «повсеместное сокращение полеводства и скотоводства» Центрального Нечерноземья и «доведение почвы до полного истощения» в ряде уездов ввиду нерациональной эксплуатации земель и отсутствия удобрений. Об упадке сельского хозяйства региона в первые годы после реформы 1861 г. не раз писала отечественная экономическая печать⁴. При этом обращалось особое внимание на крах традиций деревенского патернализма, а также на новые перспективы, воз-

---

¹ *Преображенский А. А.* Московский купец середины XIX века о времени и о себе // Менталитет и культура предпринимателей России XVII–XIX вв.: Сб. ст. / Отв. ред. Л. Н. Пушкарев. М., 1996. С. 164–179.

² См.: *История предпринимательства в России.* М., 2000. Кн. 1: От средневековья до середины XIX в. / Отв. ред. А. В. Семенова. С. 358–369.

³ *Шатилов Н. И.* Из недавнего прошлого // *Голос минувшего.* 1916. № 1. Отд. II. С. 165.

⁴ *Сельское хозяйство в нынешнем году* // *Труды / ВЭО.* 1863. Т. 4: Земледельческая корреспонденция. С. 397–401; *Березин В.* Новое дело // Там же. Т. 3: Сельское хозяйство, вып. III. С. 1–10; и др.

никшие перед местным помещичьим хозяйством в условиях рынка¹. Сами же землевладельцы региона в большинстве своем испытывали сильную тревогу, в первую очередь, по поводу «вольного труда». Как отмечала в 1865 г. редакция «Земледельческой газеты», в 1862–1864 гг. отношение к вольнонаемному труду существенно меняется: если в 1859–1861 гг. практически никто не сомневался в том, что переход к нему приведет к быстрому увеличению доходности хозяйств («время очарования вольнонаемным трудом»), то теперь, напротив, — все больше сторонников прямо противоположного мнения («время разочарования»)². К числу противников вольнонаемного труда относился и известный общественный деятель и ученый Д. Ф. Самарин, открыто выступавший за его использование лишь в «небольших фермах»³. «В успех его многие положительно не верят, — писали о вольном найме “Труды” ВЭО в 1863 г., — особенно после не очень удачных попыток к выписке иностранных рабочих»⁴. Вместе с тем, использование на практике труда иностранных наемных работников в определенной степени стимулировало внимание отечественных помещиков-рационализаторов и ученых к русскому крестьянину средней полосы, его трудовым качествам, особенностям хозяйственной психологии. «Да, русские фермеры и арендаторы — вот на кого должны преимущественно рассчитывать русские землевладельцы, а иностранцы — самую сущность дела — обречены в настоящем деле играть роль парадного исключения, — отмечала печать. — Русское сельское хозяйство... должно главнейше существовать русскими же средствами, а никак не выписными. ...Итак, — выводилось резюме, — ищите

---

¹ См., напр.: Березин В. Указ. соч. С. 3–5. Как отмечал автор, «перед помещиком, в настоящее время... три пути: выпуск крестьян на издельную повинность, на оброк и на выкуп» (Там же. С. 5).

² Вольнонаемный труд // ЗГ. 1865. 1 мая. С. 273.

³ См.: Там же.

⁴ Думы русских хозяев // Труды / ВЭО. 1863. Т. 1: Сельское хозяйство, вып. I. С. 3. Тем не менее, редакция журнала была настроена оптимистично, указывая на необходимость времени для изменения хозяйственной психологии крестьян, бывших крепостных: Там же. С. 5.

средства для исправления дела не вне, а внутри»¹. Реальный же путь для решения этой задачи был один — тщательное изучение хозяйственных условий отдельных уездов и губерний Центрально-Нечерноземной России и особенностей традиционного культурно-хозяйственного быта местного сельского населения, поиск тех методов, которые могли бы *убедить* его в преимуществах нового, рационального хозяйствования, отвечающего потребностям буржуазной эпохи².

Отношения крестьян и их бывших владельцев складывались, как правило, непросто. Очень часты были случаи погравы крестьянами помещичьих лугов, порчи сельскохозяйственного инвентаря. Массовые масштабы приобрело воровство леса крестьянами, что наносило существенный хозяйственный ущерб землевладельцам Центрального Нечерноземья. «В понятиях крестьян есть убеждение, что лес есть достояние общее: “не вы лес растите — Бог растит”, — “кража леса — не воровство”, — говорят они, — отмечала отечественная печать. — ...Крестьянин идет на риск по нужде, редко по другому влечению; во время сбора податей бывает обыкновенно более самовольных порубок»³. Таким образом, это одновременно была и экономическая проблема, и вопрос изменения традиционного общинного менталитета: поскольку «крестьянам кажется дико и странно *покупать* лес, то должно их приучать к покупке леса, что достигается возможно низкою таксою и строгим преследованием самовольных порубок на месте»⁴.

---

¹ Где и как мы должны преимущественно искать арендаторов и фермеров // Журнал министерства гос. имуществ. 1862. № 8. Смесь. Хроника колонизации. С. 38. При этом определяющим нередко был именно материальный фактор: иностранный работник зачастую обходился на 25% дороже русского работника. — Выписка рабочих из-за границы. С. 204.

² Подробнее о проблеме использования труда иностранных сельских работников в регионе в пореформенный период см.: Козлов С. А. От надежд к краху иллюзий: иностранные сельские работники в Центральной России после реформы 1861 г. // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 3 / Отв. ред. А. В. Голубев. М., 2006. С. 330–347.

³ Ф. По поводу статьи «Мнение костромского помещика к пресечению вырубки лесов и т. д.» // ЗГ. 1863. 23 фев. С. 113.

⁴ Там же.

Кроме того, лишь в отдельных помещичьих имениях региона осуществлялась систематическая работа в области рационального лесного хозяйства. Одним из таких хозяйств являлось имение графа Уварова Можайского у. Московской губ.¹

Пробуждение крестьянской сознательности и частной инициативы являлось не менее важной задачей, чем изменение образа действий и мышления частных землевладельцев региона. Крестьянство, как правило, обладало еще минимальными возможностями для реализации своего огромного экономического и духовного потенциала. Не случайно в российской печати первого пореформенного десятилетия встречаются лишь единичные случаи публикаций самих крестьян (тем более, связанные с проявлением их инициативы и хозяйственной предприимчивости). Выделим одно из таких свидетельств. В письме, направленном в редакцию «Ярославских губернских ведомостей», «пахарь Мышкинского уезда» Д. Кондратов выдвинул идею о необходимости составления «сословного крестьянского капитала для раздачи ссуд и вспомоществований»². Сам автор отмечал, что к этой мысли его привело положение, при котором крестьяне не имели возможности пользоваться существующими кредитными учреждениями. «Поэтому, — писал он, — крестьяне должны замкнуться в самих себя, и, не кланяясь никому, иметь свои крестьянские миллионы, а со временем миллиарды»³. Интересно, что сам Кондратов описал и тот механизм, по которому должен развиваться «крестьянский капитал»: образование (по образцу эмеритальных касс) «особых капиталов ежегодным сбором, по осеням, из урожаев с каждой ревизской души по четверику ржи и овса... что совершенно будет нечувствительно для крестьянина... Мужичок, поняв идею о собственном капи-

---

¹ См.: *Тюрмер К.* Несколько слов о необходимости более тщательного разведения лесов и система полеводства в имении гр. Уварова // СХ. 1861. № 2. Ч. II. Отд. III. С. 136–146.

² Мысль об учреждении крестьянского капитала // ЗГ. 1863. 20 июля. Хозяйственная летопись. Внутренние известия. С. 462.

³ Там же.

тале, из которого может брать за малые проценты на свои обороты, безропотно будет вносить процент из своего урожая»¹. В случае выхода крестьянина из общины его капитал должен был, по мнению автора проекта, переводиться вместе с ним, но если общинник переходил «в мещане, купцы, или другие сословия», то капитал его оставался «в прежнем обществе», как и земля, которая «давала этот процент»².

Разумеется, этот проект носил ярко выраженный утопический характер. Однако, его появление свидетельствовало о начавшемся процессе пробуждения крестьянской инициативы. Позже на страницах той же газеты появилась еще одна статья Д. Кондратова, в которой он отвечал на вопросы, поставленные в связи с его проектом редакцией. Отметим три ключевых момента. Во-первых, крестьянин подчеркивал, что самая удобная для сельского населения система распоряжения указанным капиталом — это традиционные «мирские приговоры», ведающие всеми нуждами крестьянского мира. Во-вторых, автор проекта твердо настаивал на том, что учреждение «крестьянского капитала» должно носить не добровольный, а обязательный характер. И, наконец, в-третьих, он ясно заявил о том, что сами крестьяне крайне заинтересованы в этой инициативе: «Пока крестьян не убедят практически, что капитал из четверика ржи и овса есть его собственность, — он будет недоверчиво почесывать затылок, но все-таки отсыплет, а занявши деньги на свою нужду за легкий процент и увидя, что на тот же процент будут учиться грамоте его же ребята, успокоится. Три года убедят крестьян в пользе нового сбора. Одна беда: больницы и богадельни ужасно антипатичны русскому народу. Надобно было видеть, как в холерные годы они с трепетом отправлялись в больницы. Родные их заживо отпевали, а возвращающихся здоровыми считали призраками, не веря, что они живы»³.

---

¹ Мысль об учреждении крестьянского капитала. С. 462.

² Там же. См. там же о позиции редакции самой «Земледельческой газеты».

³ *Кондратов Д.* О крестьянском капитале // Там же. 14 дек. Сельское хозяйство. С. 785–786.

Проблема влияния традиционного общинного менталитета на хозяйственный быт Центрально-Нечерноземной России выдвигается в 60-х гг. XIX в. на передний план экономической жизни региона. Остановимся подробнее на одном из ее важнейших элементов, а именно: на воздействии патриархальных традиций трудовой этики (включая дисциплину труда) на развитие местных производительных сил. Этот вопрос подробно обсуждался на заседаниях сельскохозяйственных обществ, и, прежде всего, Московского общества сельского хозяйства. При этом было отмечено, что архаичные деревенские обычаи, характерные для феодально-крепостнического строя и связанные с экстенсивными и малопродуктивными методами природопользования, выступают серьезным тормозом сельскохозяйственной модернизации¹. Рационализаторы региона, прекрасно знакомые с культурно-хозяйственными нормами крестьянской жизни, неоднократно указывали на то обстоятельство, что только путем материальной заинтересованности, «личной выгоды», можно постепенно убедить крестьян в важности и необходимости введения тех или иных новаций. Этот вывод разделяли и отечественные ученые. «Наш крестьянин рутинер и консерватор, по преимуществу практический человек, — писал известный аграрник М. В. Неручев, — и он уважает вас только тогда, когда воочию убеждается, что он побежден; ему ничего не докажешь зарядом самых пламенных и логических силлогизмов, но он окончательно отдается доказательству, которое вот тут же, на месте, приведено ему в виде факта»². Именно этот принцип в ряде случаев успешно использовался в деятельности сельскохозяйственных учебных заведений Центральной России³.

---

¹ См., напр.: Чем ограничивается наша деятельность в затруднительных экономических обстоятельствах и как она проявляется в западноевропейских державах // Труды / ВЭО. 1863. Т. 4. Отд. VI. Экономическое обозрение. С. 390–391; и др.

² Неручев М. К вопросу о сельскохозяйственном образовании // ЗГ. 1867. 8 апр. С. 212.

³ Там же.

Вопрос о воздействии общинного менталитета на хозяйственный быт подробно обсуждался на заседании Петербургского собрания сельских хозяев 8 декабря 1864 г. Выступавший со специальным докладом по этой животрепещущей проблеме (особенно значимой в условиях начавшейся перестройки помещичьих хозяйств) кн. А. И. Васильчиков подробно остановился на ее ключевых аспектах, включая и следующий: «насколько развитие сельского хозяйства и земледельческой промышленности замедляется в России народными нравами и обычаями». Он подчеркнул, что причина бедности страны по сравнению с другими европейскими государствами «заключается преимущественно в том, что мы работаем меньше других, меньше производим и чаще гуляем»¹. В подтверждение этого нелицеприятного для россиян вывода он представил ряд статистических данных, из которых следовало, что у русского сельского работника, в среднем, теряется по 50 рабочих дней на празднование воскресных и прочих праздничных дней, что составляет (если оценивать мужской рабочий день в 30 коп.) 22,5 руб. сер. потерь «на каждого тяглого работника» из его годового заработка. Если учесть при этом, что мужское рабочее население составляло в тот период в России около 15 млн чел., то общие потери «нашей народной производительности, — отмечал А. И. Васильчиков, — достигали огромной суммы — 337,5 млн руб.»²

«Несмотря на неотъемлемые достоинства русского работника — ловкость и проворство, — годовой итог его производительности, — подчеркивал один из ведущих аграрников России, — меньше годовой работы немца, англичанина, француза единственно потому, что время, выигрываемое быстротою работы, растрачивается у нас на бесплодное празднотание. Из всего этого следует заключить, что зародыш бедности находится в самом нашем народе и что труд у нас не соотнобразяется с потребностями, но, напротив, потребности подчиняются труду»³.

---

¹ Двенадцатое заседание Петербургского собрания сельских хозяев: «О влиянии праздничных и прогульных дней на сельское хозяйство и сельский быт» // Там же. 1865. 13 фев. Хозяйственная летопись. С. 106.

² Там же. С. 107.

³ Там же.

Чтобы свести к минимуму издержки от этой печальной тенденции, по мнению А.И.Васильчикова, необходимо было, прежде всего, «поощрять всякий труд производительный, всякое предприятие полезное и преследовать праздность во всех ее видах»¹. Как он подчеркнул, крестьянская реформа привела, наряду с положительными, и к отрицательным последствиям: так, «переход от обязательного труда к вольному» был излишне форсирован. В итоге же это выразилось «в каком-то отрицательном стремлении русского человека не работать, а праздновать», что нанесло огромный ущерб и сельскому хозяйству России (особенно центральным губерниям), и «нравственным силам народа»².

При обсуждении доклада члены собрания подтвердили (исходя из собственного многолетнего хозяйственного опыта) вывод автора «о вреде прогульных дней для сельского хозяйства»³. Интересно, что при этом обсуждение вопроса вышло за рамки чисто сельскохозяйственного аспекта и рассматривались общие проблемы аграрного развития: основы национального менталитета и их влияние на экономическую жизнь, «вредное влияние» пьянства на хозяйственный быт и «народные нравы». Был затронут и вопрос о стачках рабочих, проходивших к тому времени в других европейских странах, но еще не «докатившихся» до России. Примечательно, что, по мнению того же А.И.Васильчикова, «подобные стачки весьма благодетельны и что с развитием здравых политико-экономических понятий они должны принять вид законного и правильного обсуждения интересов рабочих между собою»⁴. Вместе с тем, докладчик несколько наивно полагал, что необходимо всего лишь «вразумить» сельских рабочих, убедив в том, что их интересы связаны с «поземельным владением», и, следовательно-

---

¹ Двенадцатое заседание Петербургского собрания сельских хозяев. С. 106.

² Там же. Этот вывод подтверждается и современными исследованиями. См., напр.: *Миронов Б. Н.* «Всякая душа празднику рада»: труд и отдых в русской деревне второй половины XIX — начала XX в. // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX веков: Сб. статей памяти В. С. Дякина и Ю. Б. Соловьева. СПб., 1999. С. 200–210.

³ Двенадцатое заседание Петербургского собрания сельских хозяев. С. 107.

⁴ Там же.

но, «сельскохозяйственные нужды и польза... суть интересы всего Отечества»¹. В подобном подходе наглядно проявилась историческая инерция отживающих традиций русского сельского патернализма.

Как же осуществлялась перестройка помещичьих хозяйств Центрального Нечерноземья накануне крестьянской реформы и в первые годы после нее? Прежде всего, отметим заметную активизацию деятельности частных землевладельцев. Выделим два ключевых ее направления: с одной стороны — «стремление к преобразованию своих хозяйств на началах вольного труда»; с другой — работу, направленную на «введение в употребление лучше устроенных орудий и машин»². При этом, как отмечала пресса, хотя примеров вольнонаемных хозяйств было еще немного, большинство местных землевладельцев было настроено вполне оптимистично: они, как правило, склонялись к тому, что «свободный труд у нас обещает большие выгоды»³. Вместе с этим убеждением, постепенно приходило и осознание необходимости изменить существующую традиционную трехпольную систему полеводства. Быстрыми темпами шло развитие «механических заведений», торгующих сельскохозяйственной техникой; их торговые обороты постоянно возрастали⁴. Однако целый ряд ключевых вопросов аграрного развития оставался нерешенным: усовершенствование паспортной системы, слабая трудовая дисциплина, и, главное, — недостаток квалифицированных вольнонаемных рабочих⁵. Серьезным препятствием на пути аграрной модернизации являлось слабое развитие путей сообщения. Так, помещик сельца Волковойно Ковровского у. Владимирской губ. А. А. Налетов, отмечая исключительную важность этого вопроса для сельского хозяйства Центральной России, подчеркивал, что «для коренных деревенских жителей неоспорима следую-

---

¹ Двенадцатое заседание Петербургского собрания сельских хозяев. С. 107.

² Частная деятельность хозяев // ЗГ. 1861. 7 янв. С. 12.

³ Там же. С. 14. См. также: *Додонов И.* Отчет за 1860 г. по обработке участка вольнонаемным трудом // Там же. 4 марта. С. 133.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

щая истина: усовершенствование, или, по крайней мере, улучшение проселочных дорог зависит не от невозможности или трудности, а чисто от нежелания нововведений, хотя и полезных, как со стороны владельцев, так и со стороны крестьян»¹. Однако, несмотря на то, что неудобства и прямые хозяйственные убытки от плохого состояния проселочных дорог были для всех очевидны, ни местные власти, ни сами сельские жители не хотели заниматься решением этой задачи. Автор с горечью писал, что «год от году проселочные пути становятся все хуже и хуже...»².

В источниках первого пореформенного десятилетия содержится мало описаний удачной перестройки помещичьих хозяйств региона на рациональные рельсы высокоэффективной рыночной деятельности. Рассмотрим один из таких примеров подробнее. Это позволит выяснить механизм аграрной рационализации, его объективные и субъективные факторы.

Хозяйство Е. Яковицкого находилось в сельце Никольском Вышневолоцкого у. Тверской губ. «Труды» Вольного экономического общества содержат интересный материал о функционировании этого хозяйства в начале 60-х гг. XIX в.³ Оно являлось одним из немногих местных хозяйств, сумевшим за короткий срок добиться серьезных успехов в деле рационализации. За счет чего же это было сделано? Выделим две главные составляющие этого процесса: 1) строжайший учет и контроль; 2) перестройку земледелия с традиционного трехполья на многопольные севообороты⁴. При этом процесс аграрной рационализации тормозился почти поголовной крестьянской неграмотно-

---

¹ Налетов А. А. Кое-что о проселочных дорогах в зимнее время // ЗГ. 1861. 1 июля. С. 408.

² Там же. С. 409. См. также: Аврамов В. Нечто о зимних дорогах // Там же. 22 июля. С. 449–452.

³ Яковицкий Е. Описание и учет хозяйства сельца Никольского, Тверской губернии, Вышневолоцкого уезда // Труды / ВЭО. 1863. Т. 2. Отд. I. Сельское хозяйство. Вып. V. С. 345–359; Вып. VI. С. 429–440.

⁴ См.: Там же. С. 351–359, и др. См. также: Астауров А. Устройство хозяйств на новых основаниях // ЗГ. 1862. 7 июля. С. 417–419. Именно на внедрение в хозяйства многопольных севооборотов обращалось в тот период особое внимание.

стью, а также сильным распространением бытового пьянства. Среди сельского населения был высок удельный вес карел, многие из которых плохо говорили по-русски. Кроме того, как и почти повсеместно в Центральной России, сельские дороги находились в плачевном состоянии¹, что также серьезно затрудняло как процесс внедрения новаций, так и сбыт продукции. Как отмечал сам рационализатор, приступая к рационализации хозяйства, он оказался в тяжелой ситуации: «производительность земли» была «удовлетворительной», однако скотоводство находилось «в самом жалком состоянии» по причинам как падежа скота и неурожаев от засухи, так и «мелкого пахания земли, дурной обработки и плохих семян, которые крестьяне никогда не переменяют»². Не обращали внимания местные крестьяне и на улучшение породы скота. Вместе с тем, как отмечал Е. Яковицкий, крестьяне хорошо понимали «пользу хороших семян и скота», однако лишь тогда, когда и то, и другое «приобреталось даром». Осознавая «полезность» улучшенных земледельческих орудий и машин, крестьяне, однако, не желали расстаться «с своею вековою сошкою и никуда негодными боровами»³. Землевладельцу стоило «неимоверных усилий» для того, чтобы «завести у своих крестьян хорошие семена и вспашку поглубже»⁴. В результате, с удовлетворением констатировал он, «у крестьян в настоящее время овес в 6 пуд — не редкость»⁵. Вызывают интерес и те причины, которые, по его мнению, обуславливали отставание русского сельского хозяйства в начале 1860-х гг.: 1) «леность рабочих», как закономерное явление переходного периода; 2) «слабость властей к поддержанию порядка»; 3) отсутствие банковских кредитов; 4) поправки крестьянами помещичьих угодий⁶.

---

¹ Труды / ВЭО. Вып. V. С. 346–348.

² Там же. С. 346.

³ Там же. С. 347.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Вып. VI. С. 439. См. также: О мерах к охранению земельных угодий от потрав и других повреждений // ЗГ. 1862. 11 авг. Распоряжения правительства. С. 497–499.

Проблеме организации «земских банков» для выдачи кредитов был посвящен целый ряд выступлений землевладельцев региона в начале 1860-х гг.¹ В ряде случаев они вызвали широкий общественный резонанс. Так, в своей речи на дворянских выборах в г. Нижний Новгород в начале 1861 г. местный помещик-рационализатор Н. И. Русинов отмечал: «...отечество наше переходит из системы первообразного земледелия в систему рационального земледельческого хозяйства», признаком которой является «вольный труд»². В новых экономических условиях меняется и роль провинциального дворянства, которое должно «без особых потерь встретить бодро, доверчиво эпоху... возрождения нашего отечества». Для этого дворянство обязано «встать во главе массы рабочих рук» и заменить «первобытные приемы земледелия» «стройною системою хозяйства, при постоянном учете производства предметов первой потребности»³. Одна из главных проблем на этом пути — острый недостаток капиталов, поэтому «главная нужда дворянства, а с ним вместе и крестьянства, возникающая из нового порядка хозяйства, состоит в правильно обеспеченном кредите»⁴. Отметим, что решению этой непростой задачи содействовала и работа особой комиссии по вопросам поземельного кредита, образованной в конце 1859 г. Комиссия закончила свою работу 30 января 1860 г., придя к выводу о необходимости создания «системы частных банков на началах частных товариществ» в качестве наиболее рациональной формы решения проблемы земельного кредита⁵.

---

¹ См., напр.: *Салов В. В.* О кредите для помещиков до повсеместного учреждения земских банков // СХ. 1861. № 6. Ч. II. Отд. редакции. С. 85–96. В работе был выдвинут ряд комплексных мер для решения указанных задач. См. также: Таблица оценочных и выкупных сумм за земли, отданные в пользование крестьянам в великороссийских губерниях // Там же. С. 94–95.

² *Русинов Н. И.* О преобразовании Нижегородского Александровского банка в земледельческий Александровский банк // Там же. № 3. Ч. II. Отд. редакции. С. 64.

³ Там же. С. 65.

⁴ Там же. С. 66.

⁵ См.: Там же.

Н. И. Русинов выступил с конкретными предложениями по преобразованию Александровского банка, учрежденного в 1837 г. в Нижнем Новгороде с благотворительной целью, в земледельческий банк «на правилах товарищества за круговым поручительством нижегородских дворян и их имений»¹. В задачи нового банка входили выплаты долгосрочных и краткосрочных ссуд. При этом под долгосрочными ссудами подразумевались ссуды под залог как помещичьих имений традиционного типа, так и для организации отдельных хуторов, на которых велось хозяйство с помощью вольнонаемного труда².

К подобным выводам приходили и другие рационализаторы Центральной России³. Они отмечали огромные трудности на пути практической реализации указанных замыслов: «Предпринятая правительством реформа достаточно ознакомила уже нас с мыслию, что только одни денежные капиталы могут отвратить ожидаемый кризис нашими хозяйствами; каждый из помещиков постигает их насущную потребность; но каждый... стремится предотвратить его для своего лишь круга действий, нисколько не заботясь об общем интересе, и это очень понятно: разъединенные один от другого, мы, помещики, привыкли действовать отдельно... не подчиняясь никаким уставам или условным правилам; каждый из нас... жил отдельною жизнью, мало заботясь о том, что делалось у его соседа и подчас радуясь его неудачам. Это исключительное положение, представляемое нам существовавшим крепостным состоянием, усвоило то равнодушие, с каким большинство из нас смотрит на общественные нужды...»⁴

---

¹ Подробнее см.: *Русинов Н. И.* О преобразовании Нижегородского Александровского банка в земледельческий Александровский банк. С. 67–70.

² Там же. С. 68. См. также: *Александров Н. И.* Материалы для учреждения землевладельческих банков // СХ. 1860. № 10. Ч. II. Отд. редакции. С. 55–62; Вопрос о земских банках // *Русский вестник*. 1860. Т. 26. Март. С. 74–86.

³ См. также: *Александров Н. И.* Об образовании дворянской денежной ссуды // СХ. № 3. Ч. II. Отд. редакции. С. 71–78.

⁴ Там же. С. 71–72. См. также разработанный Н. И. Александровым «Устав дворянской денежной ссуды»: Там же. С. 74–78.

Помимо проблемы поземельного кредита, землевладельцы Центрального Нечерноземья отмечали и такие аспекты, тормозящие переход к рациональному хозяйствованию, как «непроизводительность почвы», «несовершенство рабочих сил», и особенно — «несовершенство земледельческих орудий», а, следовательно, и низкое качество работ¹.

Быстро и с минимальными потерями перейти к вольному найму сумели после крестьянской реформы лишь немногие помещики. Неудивительно, что именно их опыт привлекал наибольшее внимание современников. Эти статьи активно публиковались в отечественной сельскохозяйственной печати, нередко вызывая широкий общественный резонанс. В то же время, в них приводились ценные сведения, позволявшие понять причины этих достижений. Характерный пример сочинения подобного рода — статья анонимного автора, посвященная перестройке хозяйства в имении Крузенштерна Покровского у. Владимирской губ.² В работе приводятся следующие данные. С 1 марта 1861 г. помещик отменил в своем имении барщину, а все полевые работы и хозяйственные должности перешли в руки наемных работников из Ярославской и Нижегородской губерний. Они обошлись владельцу имения достаточно дорого (по 100 руб. серебром в год за человека), однако уже первый год «хозяйствования по-новому» наглядно показал несомненные преимущества новых хозяйственных отношений: более рациональное и эффективное использование рабочих сил³, хорошую обработку полей, и т. д. Главным затруднением являлись значительные расходы на покупку

---

¹ См., напр.: *Крубер В.* По поводу вопросов по введению в хозяйства вольнонаемного труда // ЗГ. 1862. 5 мая. С. 278, и др. По мнению автора, подробно описавшего два хозяйства — усадьбу Васильевскую близ Костромы и в Тименской волости Вязниковского у. Владимирской губ., землевладельцы, нуждающиеся в хороших работниках, должны *сами* воспитать их: Там же.

² *Н. Н.* Хозяйство вольнонаемным трудом // Там же. 17 марта. С. 164–165.

³ В статье отмечалось, что при обработке 40 дес. земли 10 человек полевых рабочих, 10 человек «хозяйственной прислуги» (включая скотников и караульных) и до 400 «поденно нанятых баб» (по 30 и 40 коп. в день) вполне заменяли 10 тягл прежней барщины: Там же. С. 164.

усовершенствованных земледельческих орудий, а также локомотива в 8 лошадиных сил, который с успехом использовался в хозяйстве в качестве постоянного двигателя для двух мельниц и круговой пилы¹. Однако в целом эти расходы полностью себя оправдали².

В условиях, когда вольнонаемный труд очень медленно доказывал свои преимущества, важную роль сыграла деятельность президента МОСХ, известного российского рационализатора И. Н. Шатилова, который неустанно пропагандировал новые трудовые отношения между землевладельцами и крестьянами³. Много усилий предпринимали для решения этой задачи и члены сельскохозяйственных обществ региона. Так, в первой половине 1860-х гг. Юрьевское общество сельского хозяйства собирало подробные сведения об особенностях вольнонаемного труда в отдельных уездах Владимирской губ. В отчете общества 1865 г. отмечалось, что «невозможно вести вольнонаемное хозяйство без убытка при удержании трехпольной системы», поэтому необходимо изменение архаичного и малопродуктивного землепользования в соответствии с местными условиями, в частности, «соединение земледелия с техническим промыслом» (включая учреждение малых винокурен)⁴. Для «возбуждения в рабочем самолюбия и уважения к труду» общество решило ежегодно выдавать по окончании полевых работ премии (деньгами или вещами) лучшим сельским работникам⁵. Вольный найм приобретал все больше сторонников среди сельских хозяев региона⁶.

Большое значение имела также и перестройка на «рациональные рельсы» другой важнейшей сельскохозяйственной отрасли региона — животноводства. Исключитель-

---

¹ И. Н. Хозяйство вольнонаемным трудом. С. 165.

² См. также: Несколько слов об одном имени // ЗГ. 1862. 15 сент. Хозяйственная летопись. Внутренние известия. С. 590.

³ Подробнее см.: Вольнонаемный труд // Там же. 1865. 1 мая. С. 274–275, и др.

⁴ Из отчета Юрьевского общества сельского хозяйства // Там же. 8 мая. С. 301, и др.

⁵ Там же.

⁶ См. также: *Скворцов С. А.* О малопродуктивности имений в настоящее время и средствах к устранению ее. М., 1865.

ная важность решения этой задачи хорошо осознавалась многими хозяевами-практиками; в отечественной печати отмечалось, что «это сознание вселяется в них, овладевает ими... помимо их воли»¹. Между тем, значительную часть землевладельцев этот переход пугал, и они стремились, если не избежать его вообще, то хотя бы «отдалить на возможно длиннейший срок времени вперед»². Подобные настроения, являющиеся пережитками традиционной «обломовщины», не только являлись серьезным препятствием на пути аграрного прогресса, но и оказывали негативное влияние на общественное мнение. В частности, как отмечалось в печати, именно вследствие такого подхода появляются публикации, в которых настойчиво проводилась мысль о том, что «наши хозяйственные условия столь исключительны, что к ним неприменима наука»³. Однако это был ложный, а, главное, — убыточный для хозяйства путь⁴.

Отметим и такой весьма показательный момент: в отдельных уездах региона по-прежнему продолжали существовать культурно-хозяйственные традиции, которые несли на себе отпечаток глубокой архаики. О трехпольном землепользовании здесь уже говорилось. Однако, бытовали и гораздо более варварские обычаи. Так, в конце 60-х гг. XIX в. в Новоторжском у. Тверской губ. для удобрения местных полей использовалась кровь животных: «назначенную для этого лошадь выводят в поле, распарывают у ней брюхо, разрезают жилы и затем гоняют по полю до тех пор, покуда она не падет»⁵. Вследствие того, что данный обычай получил освещение в российской печати, правление Российского общества покровительства животным, «находя, что существование подобного варварского обычая, вопреки установленным правительством правилам,

---

¹ *Медведский П.* Какое значение могла бы иметь ветеринарная наука для сельскохозяйственной деятельности? // ЗГ. 1867. 1 апр. С. 196.

² Там же.

³ См., напр.: *Королькевич Т.* Земство и ветеринария // Там же. 14 янв. С. 26–27; К вопросу об устройстве ветеринарной части земством // Там же. С. 19–21.

⁴ Подробнее см.: *Медведский П.* Указ. соч. С. 196–198.

⁵ Живое удобрение полей // Там же. 1869. 3 мая. С. 284.

воспринимающим всякое дурное и вообще жестокое обращение с животными, должно быть строжайшим образом запрещено, с преданием виновных в подобном беспримерном злодействе, законному преследованию»¹. Общество обратилось к тверскому губернатору с просьбой о принятии мер к прекращению данного обычая и наказании виновных. В результате проведенного расследования факты «удобрения полей кровью и падалью» подтвердились, однако виновные (в том числе новоторжский купец Вишняков) так и не были подвергнуты наказанию, поскольку их действия были признаны «не противоречащими закону»².

Не успели «сбросить с себя прежние привычки» и помещики Центральной России, большинству которых был чужд «промышленный расчет». Сразу после реформы проявилось слабое знание многими из них собственных хозяйств. В итоге при составлении уставных грамот, со стыдом признавала редакция газеты, некоторые помещики отыскивали свои усадьбы «по документам, как какие-нибудь древние развалины, о которых остались темные предания»³. Конечный же результат оказался вполне закономерен: многие землевладельцы либо бросали хозяйство, либо занимались им «в чистый убыток».

Зачастую как крестьяне, так и землевладельцы Центрального Нечерноземья проявляли поразительную неуступчивость по отношению друг к другу, не желая идти на какие то ни было хозяйственные компромиссы. С одной стороны, крестьяне диктовали цены на вольнонаемный труд (нередко превышающие разумные), а, с другой — их бывшие владельцы не желали уступать земли в аренду по приемлемой для обеих сторон цене. В результате, как правило, такие землевладельцы разорялись и оставались «не у дел»⁴. Подобный максимализм (в значительной степени являвшийся олицетворением одной из особенностей на-

---

¹ Живое удобрение полей. С. 284.

² Там же.

³ По поводу того, что нужно нашему земледелию // ЗГ. 1865. 2 янв. С. 4.

⁴ См., напр.: В — в. Влияние 123 ст. местного Великокороссийского Положения на сельское хозяйство // Там же. 1863. 9 марта. С. 151–152.

ционального менталитета) дорого обходился сельскому хозяйству региона. Не случайно именно на эту проблему обращала особое внимание отечественная экономическая печать. Характерен следующий красноречивый призыв: «К вам, гг. богатые землевладельцы, имеющие в своем распоряжении много земли, обращаю свою речь, примите мой совет... Если вы желаете, чтоб земля приносила вам доход, — не назначайте дорогой цены на землю; сдавайте ее за что бы то ни было; а если захотите сразу взять дорогую цену, то не получите и дешевой. Натура русского крестьянина упряма; сломить ее нельзя крутыми мерами, а нужно действовать исподволь, не торопясь. Сначала пустите землю за полцены, потом постепенно и понемногу, с каждым годом, надбавляйте и будьте уверены, что в убытке не останетесь. А если будете дорожить, то земля ваша заростет негодными травами и залужает, а тогда крестьянин ее не возьмет и даром...»¹

На передний план в хозяйственной практике 60-х гг. XIX в. выдвигается также проблема применения разнообразных удобрений, в решение которой внес особенно заметный и ощутимый вклад российский ученый А.Н.Энгельгардт, еще только начинавший свою многолетнюю подвижническую деятельность в области аграрной модернизации нечерноземной России². Важное значение имели также сельскохозяйственные опыты, проведенные в Подмосковье Д.И.Менделеевым в начале 1860-х гг. и в 1867 г.

---

¹ В — в. Влияние 123 ст. местного Великороссийского Положения на сельское хозяйство // ЗГ. 1863. 9 марта. С. 152.

² См.: Применение костяного удобрения в России. Обстоятельства, препятствовавшие до сих пор распространения у нас удобрения костями. Способ обработки их смесью золы с известью, предложенный г.Энгельгардтом // Там же. 1865. 13 марта. Хозяйственная летопись. С. 170–171; *Энгельгардт А.* Применение костяного удобрения в России // Санкт-Петербургские Ведомости. 1865. № 12, 17. См. также: *Козлов С. А.* Рационализаторская деятельность А. Н. Энгельгардта в области землепользования: социально-хозяйственные аспекты // *Землевладение и землепользование в России (социально-правовые аспекты): Материалы XXVIII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы.* Калуга, 2003. С. 184–193.

по инициативе Вольного экономического общества¹. Особое внимание при этом обращалось на развитие травосеяния, производство искусственных удобрений, а также устройство винокуренных и «масляных» заводов². Вместе с тем, в подавляющем большинстве как помещичьих, так и крестьянских хозяйств региона удобрения использовались очень плохо³. Исключения здесь были в 60-х — начале 70-х гг. XIX в. крайне редким явлением. В то же время, постепенно меняется отношение к природным богатствам: приходит осознание необходимости заботиться о восстановлении природных ресурсов. «Я не сомневаюсь, — писал тверской помещик в “Земледельческую газету”, — что такое костяное удобрение должно иметь весьма благотворное влияние не только на наши поля, но и на луга. В самом деле, смесь костей с древесною золою и известью содержит в себе все нужное для питания всякого рода растений»⁴. Далее он дает весьма квалифицированную (для того времени) характеристику «костяного» удобрения с точки зрения его химического состава, заключая при этом: «Надо полагать, что удобрение будет и удобовоспринимаемо для корней растений, потому что фосфорнокислая известь заключается в нем в виде мельчайшего порошка, а кали в соединении с органическими частями костей, образуемый при этом аммиак также хорошо действует»⁵. Характерно, что помещик не удовлетворился полученным результатом, а провел и серию опытов «в отношении растворимости и состава этого удобрения»⁶.

В то же время, большинство помещиков региона не проявляло такого интереса к повышению плодородия полей. Явно недостаточное внимание уделялось разработке

---

¹ См.: Менделеев Д. И. О значении сельскохозяйственных опытов // Журнал Русского химического общества. Отд. химии. 1869. Т. 1. С. 227–230; Костычев П. Выводы г. Менделеева «О значении находящихся в почве питательных веществ» // ЗГ. 1869. 20 дек. С. 804–806.

² См.: Костычев П. Указ. соч.

³ Там же. С. 819–820.

⁴ Там же. С. 117.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

ряда практических вопросов, связанных с использованием удобрений, и российскими учеными-аграрниками¹.

В большинстве как помещичьих, так и крестьянских хозяйств Центрального Нечерноземья переход к рациональному землепользованию сдерживался ввиду отсутствия средств, а также отсталой аграрной техники и архаичной технологии. Так, владимирский священник В. Романовский, член-корреспондент Юрьевского общества сельского хозяйства, подробно описывая хозяйство Покровского у., отмечал, что, кроме навоза, крестьяне «ничем другим не удобряют; более старательные земледельцы, взамен большей кладки навоза троют землю, т. е. пашут ее лишней раз пред вывозом навоза, и это очевидно приносит много пользы»². Вся крестьянская «рационализация» сводилась к следующему: «Лучший зажиточный крестьянин старается года через три, по обходе всех трех полей своих, переменить семена, взяв их с другой какой-либо земли, что производит гораздо лучший урожай хлеба и многими испытано это неоднократно во всех родах здешних посевов»³. В условиях, когда строгий хозяйственный учет, как правило, отсутствовал, даже «определить положительно — сколько крестьяне имеют в своем пользовании десятин на ревизскую душу пашенной и луговой, удобной и неудобной земли», оказалось невозможно: сами крестьяне этого не знали⁴.

---

¹ Лишь немногие из них уделяли научной разработке указанных вопросов серьезное внимание. См. также: *Стебут И.* Известкование почвы: Рассуждение, представленное в физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета агрономом Стебутом, для приобретения ученой степени магистра сельского хозяйства. СПб., 1865; Известь как средство восстановления плодородия полей: Диссертация г. Стебута на степень магистра сельского хозяйства // ЗГ. 1865. 3 июля. С. 426–428. При этом работе И. А. Стебута давалась высокая оценка, что во многом было обусловлено ее практической значимостью (обобщение и анализ фактов, собранные автором за десятки лет хозяйственной практики).

² *Романовский В.* Хозяйственно-статистическое описание прихода погоста Борисо-Глебского и смежных с ним местностей в Покровском уезде Владимирской губернии // СХ. 1862. № 2. Особое прил. Записки Юрьевского общества сельского хозяйства. С. 20.

³ Там же. С. 21.

⁴ Там же. С. 18.

После реформы 1861 г. заметно возрос интерес землевладельцев региона к усовершенствованным сельскохозяйственным орудиям и машинам. Если всего три года назад жатвенные машины в России использовались еще очень редко, а «большинству хозяев жнейки представлялись какими-то утонченно-хитрыми инструментами, которые... хороши за границу, но не под силу нам», отмечала отечественная печать в 1868 г., то теперь они «сильно стали идти в ход; их не только покупают, как бывало и прежде, но ими работают, причем работают с выгодой»¹. Использование улучшенных сельскохозяйственных машин и орудий «распространяется все сильнее и сильнее», и к концу 60-х гг. XIX в. молотилки (особенно конные), веялки, сортировки «сделались почти необходимою принадлежностью всякого порядочного помещичьего хозяйства»².

Вместе с тем, широкое и повсеместное распространение новейшей техники (а, следовательно, и передовой аграрной технологии) по-прежнему сдерживал целый ряд объективных и субъективных факторов, из которых прежде всего необходимо отметить отсутствие средств для покупок, чрезмерную (по общему мнению современников) дороговизну подобной техники, а также недостаточное знакомство потенциальных покупателей с ее особенностями, включая достоинства, недостатки и наладку³. Решению последней задачи способствовало появление на страницах отечественных периодических сельскохозяйственных изданий ряда специальных публикаций, посвященных популярному, и, вместе с тем, — квалифицированному знакомству землевладельцев с «сельской механикой». Отметим работу анонимного автора «Механические заметки для сельских хозяев», опубликованную в начале 1862 г. в ряде номеров «Земледельческой газеты»⁴. В этой публикации

---

¹ Распространение употребления жатвенных машин в России // ЗГ. 1868. 28 сент. С. 609.

² Там же.

³ Подробнее см.: Несколько слов по поводу дороговизны машин и орудий // Там же. 1862. 3 марта. Хозяйственная летопись. Внутренние известия. С. 138–139.

⁴ Н. С. Механические заметки для сельских хозяев // Там же. 10 марта. С. 149–154; 7 марта. С. 165–171; 24 марта. С. 179–183; 31 марта. С. 198–201; 1 апр. С. 214–217; 4 апр. С. 230–233.

особое внимание обращалось на значимость информации о земледельческих машинах для современного «просвещенного хозяина», для которого она сделалась столь же необходимой, как изучение химии и других наук, тесно связанных с сельским хозяйством¹. «У нас в России, — подчеркивал автор, — распространение механических сведений между нашими сельскими хозяевами более нужно, чем где-либо», поскольку «не к кому обратиться за советами, какую именно машину приобрести, как ее сложить, пустить в ход», и т.п.² Необходимость подобной «культуртрегерской» работы была очевидной ввиду крайне скупой, а нередко и противоречивой информации, получаемой землевладельцами-практиками. «Мы еще до сих пор не пришли к положительным убеждениям — что полезно нам заимствовать у заграничного хозяйства, — отмечалось в прессе. — Мы еще о весьма немногих машинах можем утвердительно сказать, что они обещают нам действительную несомненную выгоду. Причин этому много, но есть одна важная и почти постоянно повторяющаяся, это — недостаток беспристрастия в оценке машин. Слишком скорые приговоры — это общая черта критики наших хозяев и потому-то так часто случается об одном и том же орудии читать совершенно противоположные отзывы»³. Чисто рациональных, профессиональных заключений экспертов почти не было. Таким образом, на повестку дня ставились следующие задачи: во-первых, «отрешиться окончательно от всяких предубеждений» (например, о том, что «всякая заграничная машина не по плечу нам, или наоборот, что в заграничных машинах все наше спасение»), а, во-вторых, начать комплексные профессиональные исследования всех используемых в России сельскохозяйственных машин. Лишь в этом случае, отмечали специалисты-аграрники, можно будет делать обоснованные выводы об эффективности использования той или иной машины в условиях конкретной губернии и уезда⁴. Необходимо было также ис-

---

¹ ЗГ. 1862. Механические заметки для сельских хозяев. С. 149.

² Там же. С. 150.

³ Опыты над сельскохозяйственными машинами // Там же. 4 апр. С. 234.

⁴ Там же.

пользовать возможности как местных сельскохозяйственных обществ, так и земств¹.

Выделим еще один значимый момент. Вместе с усовершенствованными орудиями труда из-за рубежа в Россию поступают в 60-х гг. XIX в. и различные подделки, а также техника, изначально не пригодная к отечественным природно-климатическим условиям. Об этом также писала экономическая пресса тех лет. Так, анонимный автор отмечал: «Вместе с истинными усовершенствованиями к нам, как и следовало ожидать, начинают переходить из-за границы и те паразитные изобретения, которые под покровом науки и во имя ее легко заманивают к себе неопытных хозяев»². К таким, по меткому выражению автора, «сельскохозяйственным заманкам», относились «корм Торлея», «удобрительный порошок Бикеса», а также широко рекламируемые на страницах российской печати середины XIX в. «удобрение Бутена и Сына». Последнее, с учетом перевозки из Франции, обходилось русскому хозяину не менее 18–20 руб. на удобрение одной пшеничной или ржаной десятины. Между тем, его эффективность была довольно низкой и явно не оправдывала этих высоких денежных затрат³. Таковы были неизбежные издержки аграрной рационализации, связанные с приобщением населения традиционного «самодостаточного» феодального общества к нормам европейской научной мысли и жесткой конкуренции буржуазного строя.

Материалы экономической печати красноречиво свидетельствуют, что со стороны правительства практически ничего не было сделано для того, чтобы хоть как-то предохранить помещичьи хозяйства от неминуемого разорения

---

¹ См. также: *Север Н.* К вопросу о покупке сельскохозяйственных машин и орудий небогатыми сельскими хозяевами // ЗГ. 1873. 15 дек. С. 789–792. Автор, помещик Пошехонского у. Ярославской губ., убедительно доказывал необходимость активного участия землевладельцев, земств и сельскохозяйственных обществ в процессе внедрения новейшей сельскохозяйственной техники, а также в конкурсах сельскохозяйственных орудий, организуемых в эти годы в России.

² *Н. С.* Предостережение для земледельцев // Там же. 1863. 4 мая. С. 278.

³ См.: Там же. С. 279.

после крестьянской реформы. Отсутствовала система финансового обеспечения частновладельческого хозяйства, и, прежде всего, предоставления краткосрочного кредита. Не нашли законодательного урегулирования многие спорные вопросы, возникавшие в пореформенный период между землевладельцами и вольнонаемными сельскими работниками. Но главное, все же, заключалось в том, что реформа 1861 г. практически ничего не сделала для того, чтобы укрепить частнособственнические тенденции как в российском крестьянстве, так и в среде провинциального дворянства. В результате все попытки организовать широкомасштабный переход к рациональному и рентабельному рыночному хозяйству в отдельных губерниях Центрально-Нечерноземной России потерпели неудачу.

Таким образом, материалы отечественной экономической печати 60-х гг. XIX в. содержат исключительно важный материал, позволяющий подробно изучить сложный и во многом трагический для сельского населения региона период перехода от традиций феодального, «самодостаточно» хозяйствования (тесно связанного с экстенсивным природопользованием) к рациональному хозяйству буржуазного типа. Публикация этих материалов сыграла также важную роль как в процессе широкой пропаганды разнообразных аграрно-технических новаций, так и в преодолении хозяйственной инерции землевладельцев и крестьян региона, формировании частной предприимчивости и инициативы.

ЗИМИНЫ: ОТ ТЕКСТИЛЬНОЙ МАНУФАКТУРЫ ДО СОТОВОЙ СЕТИ «БИ ЛАЙН»

При упоминании об обширной династии русских предпринимателей Зиминых, прежде всего, вспоминают имя Сергея Ивановича (1876–1942), сына Ивана Никитича (1818–1887), основателя «Товарищества Зуевской мануфактуры И. Н. Зимина». Он принадлежал к тем русским купцам, которые связали свою жизнь не с профессиональной деятельностью своего сословия, а с отходом от нее. В XVIII в. заветной мечтой российского купца было дворянство, приобретение которого предоставляло известную словную и, следовательно, семейно-родовую устойчивость и независимость. В XIX в. происходит медленное, но неуклонное изменение купеческой ментальности. Купец все более осознает себя творцом экономического и социального развития. Вкупе с укреплением сословного статуса меняются купеческое самосознание и психология. Расширяется круг их интересов. Прагматические представления дополняются эстетическим мировосприятием. Все явственней обнаруживается тяга к образованию и образованности. Ясно обозначается тенденция «обинтеллигентивания», так ярко проявившаяся в том вкладе, который внесли русские купцы в отечественную культуру. К этой плеяде и принадлежал Сергей Иванович Зимин. Он, в отличие от своих братьев, оставляет торгово-предпринимательскую деятельность, увлекшись музыкальным искусством, на развитие которого употребляет все свои средства, принадлежащие ему как пайщику Зуевской мануфактуры и члену ее ревизионной комиссии. Обладая незаурядными вокальными данными, он и сам выходил на сцену и, главное, выступил крупнейшим финансистом и организатором новой русской частной оперы. Об этом написано довольно много, и здесь нет необходимости повторяться. Отмечу главное. Итогом его деятельности стало создание в 1904 г. Оперного театра

Зими́на, которому Сергей Иванович посвятил всю свою жизнь. Уже в советское время он продолжал работать в «Экспериментарном театре», преобразованном из его частной оперы¹. Конечно, Сергей Иванович, как значимая фигура в истории русской музыкальной культуры, скорее явление исключительное, подтверждающее правило формирования купеческой интеллигенции. И четыре его родных брата, и двоюродные братья, и их дети вполне довольствовались ролью предпринимателей. Но и среди них все более заметную роль начинают играть люди, прекрасно образованные, пополняя ряды набирающей силу русской технической интеллигенции. Но вернемся к истокам династии.

Купеческий род Зиминых происходил из помещичьих крестьян деревни Зуево Богородского у. Московской губ., давшей России знаменитых Морозовых и ставшей впоследствии крупнейшим центром текстильной промышленности. Здесь ткаческим промыслом занимались с 60-х гг. XVIII в. большинство крестьян на кустарном (работая на других) или ручном (работая на себя) уровне. История деревни Зуево характерна для большинства селений Московской губ., в особенности ее восточной части. Еще М. М. Щербатов писал, что из-за перенаселенности Московской губернии «многие деревни так безземельны остаются, что ни с каким прилежанием не могут себе на пропитание хлеба достать и для того принуждены другими работами оный ссыскивать»². Это и породило широкое распространение вначале так называемого безуказного крестьянского шелкоткачества в деревнях Зуево, Щелково, Коренево, Прокунино, Жеребцово, Кузнецы, Медвежьи Озеры, селах Павлово и Гребнево, наравне с подгородными селами и деревнями Измайлово, Тайнинское, Черкизово, Покровское, слободами Преображеская, Семеновская и др. Борьба за выживание с привилегированными указными предприятиями со стороны мелко-товарного, в основном крестьянского, производства, а также фискальные интересы государства вынуждали прави-

---

¹ Боровский В. Московская опера С. И. Зими́на. М., 1977.

² Щербатов М. М. Сочинения. СПб., 1896. Т. 1: Статистика в рассуждение России. Ч. III: Плодородие. С. 480.

тельство к допущению свободного развития промышленности. Указ 1767 г. прекратил борьбу с безуказным производством, а указ 1769 г. юридически узаконил фактически существовавшее крестьянское производство, обложив его налогом. Отныне на каждый стан «вне фабрик» устанавливался двухрублевый денежный сбор, взамен которого Мануфактур-коллегия выдавала билеты на право ткачества. Указ этот был подтвержден и дополнен указами 1775–1777 гг.¹

Деревня Зуево была вотчиной князей Всеволожских, а затем принадлежала крупнейшему рязанскому купцу, откупщику, фабриканту и меценату, впоследствии действительному статскому советнику Н. Г. Рюмину (1793–1870)². Мелкое ручное предприятие по выделке шелковых тканей завел в конце XVIII в. и зуевский крестьянин Семен Григорьевич Зимин (1760–1840). Предприятие это, как и все другие в округе, носило сугубо семейный характер, и в нем принимали участие его сыновья Никита (1796–1866), Иван (1799–1889), Куприян (1805–1859) (в более поздних изданиях его имя пишется — Киприян), которые, женившись, стали основоположниками отдельных ветвей Зиминых.

Наиболее известной и сильной из них стала линия Никиты Семеновича. Как старший сын он унаследовал отцовское дело и в 1852 г. был владельцем шелковой и полушелковой фабрик при деревне Зуево Богородского уезда³, числясь при этом в купечестве уездного центра Владимирской губ. городе Покрове⁴. Явление для того времени обычное — крестьянин, выкупившись от помещика, приписывается в местное покровское купечество, приобретая, таким образом, иной сословный статус. Так же, кстати, откупился от того же Рюмина, но несколько ранее, и Савва

---

¹ Мешалин И. В. Текстильная промышленность крестьян Московской губернии в XVIII и первой половине XIX века. М.; Л., 1950. С. 64–78.

² Там же. С. 79, 229–236, 246; Кусова И. Г. Рязанское купечество: Очерки истории XVI — начала XX века. Рязань, 1996. С. 61–62, 78–81, 96–97, 102.

³ Нистрем К. М. Указатель селений и жителей уездов Московской губернии, составлен по официальным сведениям и документам К. Нистрем. М., 1852. С. 105.

⁴ История московского купеческого общества. М., 1914. Т. 5. Вып. 2. С. 196–197.

Васильевич Морозов, превратившись в богородского 1-й гильдии купца¹. О Москве никто из них еще не мечтал.

С 1852 г. Никита Семенович Зимин начинает также ткать хлопчатобумажные ткани, а в 1858 г. открывает еще фабрику для крашения пряжи и тканей². Значительно расширил производство его сын, Иван Никитич (1818–1887), который уже в качестве павловопосадского 1-й гильдии купца в 1884 г. утверждает Устав «Товарищества зувеской мануфактуры Ивана Никитича Зимина» с основным капиталом в 2 млн руб.³, на котором действовали паровая машина и 700 рабочих. Уже его сыновья открыли в 1897 г. в поселке Дрезна Нижегородской железной дороги бумагопрядильную и ткацкую фабрики с основным капиталом в 7,5 млн руб. и с 4880 рабочих⁴.

Активными предпринимателями, а в дальнейшем и видными представителями технической интеллигенции, были дети и внуки двух других ветвей Зиминых — по линиям Куприяна и в особенности Ивана Семеновичей. Их успехи не были столь громкими, как у предыдущих, но все же внушительными. Не имея возможности получить основной капитал в виде производственных мощностей, они объединили свои усилия и действовали совместно. Иван и Куприян, как младшие сыновья, не надеясь на отцовское наследство, раньше старшего брата Никиты проявили самостоятельность, выделившись из семейного капитала. Они первыми поняли и перспективу бурно развивающейся хлопчатобумажной промышленности и уже с 1838 г. не только сами начали выделывать бумажные ткани на ручных станах, но и организовали отдачу пряжи на выделку мелким кустарям. Хотя при этом не забывали и шелковое

---

¹ Мешалин И. В. Указ. соч. С. 229–232.

² Иоксимович Ч. М. Мануфактурная промышленность в прошлом и настоящем. М., 1917. Т. 1. С. 300.

³ Справочная книга о лицах, получивших на 1898 год купеческие свидетельства по 1-й и 2-й гильдиям в Москве (далее — Справочная книга ... на 1898 год). М., 1898. Раздел IV. С. 48; Иоксимович Ч. М. Указ соч. С. 300.

⁴ Сборник сведений о действующих в России акционерных обществах и товариществах на паях. СПб., 1914. С. 6–7; Список фабрик и заводов г. Москвы и Московской губернии. М., 1916. № 1202. С. 118.

дело, специализируясь на окраске кумача, что впоследствии принесло им большую пользу при открытии отбельно-красильной и отделочной фабрики в селе Крестовоздвиженском на Подгорной мануфактуре. После смерти Куприяна в 1855 г. номинальным владельцем дела стал его старший брат Иван Семенович, но непосредственное участие в налаживании фабричного производства приняли его сын Макарий и племянники, сыновья Куприяна, Петр (1830–1878), Яков (1844–1917) и Филипп (1831–1916)¹.

Поскольку заведение фабрики разрешалось только лицам купеческого звания, крестьяне, как было сказано выше, приписывались в купечество близлежащих городов, уплачивая здесь налог по объявленному ими гильдейскому капиталу. В ведомости о состоящих в 1854 г. временно в московском купечестве иногородних купцах, «принадлежащих к русскому расколу старообрядчества по беспоповщинскому согласию», значится двое Зиминых: Петр Куприянович, а также упоминавшийся выше по другой линии двоюродный брат Иван Никитич, записавшиеся в Москву по паспортам Покровской городской думы и числившиеся в ней «купеческими сынами»². А это значит, что в покровском купечестве состояли их отцы, братья Иван и Никита Семеновичи. Здесь мы наблюдаем своего рода проторенную семейную стезю, характерную для старообрядцев. Позже, когда понадобится более высокий гильдейский статус (в покровском купечестве не было в то время 1-й гильдии), они припишутся в купечество Павловского посада. И уже на уровне конкурирующих фирм, получая купеческие свидетельства на 1898 г. в Москве, владелец «Товарищества Зуевской мануфактуры Ивана Никитича Зимина» ее отец-основатель, а также представитель Торгового дома «И. М., П. Я. и Ф. К. Зимины» Яков Куприянович Зимин будут числиться «павловопосадскими 1-й гильдии купцами»³.

¹ *Иоксимович Ч. М.* Указ соч. С. 305; Список фабрик и заводов города Москвы и Московской губернии по данным 1916 г. М., 1916. С. 118. № 1201.

² История Московского купеческого общества / Под ред. В. Н. Сторожева. М., 1914. Т. 5. Вып. 2. С. 196–197, 200–201.

³ Справочная книга ... на 1898 год. Раздел III. С. 280; Раздел IV. С. 48.

Ну а в 1867 г. Иван Семенович с сыном Макарием и племянниками Петром, Яковом и Филиппом Куприяновичами открыл в селе Зуево бумаготкацкую фабрику, зарегистрировав ее под упомянутой фирмой Торговый дом «И. М., П. Я. и Ф. К. Зимины». Ее торговое представительство располагалось в Москве, в Городской части в Юшковом переулке, в доме Купеческого общества, что и зафиксировала ведомость Московской городской управы иногородних купцов, торгующих в Москве¹.

Фирма эта существовала до революции, хотя приоритеты отдельных лиц в ней менялись. Еще при жизни Ивана Семеновича, в 1868 г. недалеко от Зуево в Подгородной (позднее именовавшейся Подгорной) слободе села Крестовоздвиженского была заведена механическая ткацкая фабрика, а при ней в 1867 г. красильное отделение.

После его смерти и безвременной кончины Макария Ивановича и Петра Куприяновича, главенство в руководстве торгового дома перешло к Якову Куприяновичу, который как фабричный владелец фирмы получил на нее промысловое свидетельство в Москве среди иногородних купцов на 1898 г.² Юридически в числе отцов-основателей в титуле фирмы числится и Филипп Куприянович, получивший позднее в Москве звание потомственного почетного гражданина³. Но его влияние с сыновьями Евгением и Сергеем на деятельность фирмы не прослеживается.

Особая судьба у сына Петра Куприяновича, Николая Петровича Зимина (1849–1917). Получив блестящее техническое образование, он стал выдающимся инженером-ме-

---

¹ *Иоксимович Ч. М.* Указ. соч. С. 305; Сборник адресов фабрик и заводов Европейской России, Царства Польского и Финляндии, купцов I и II гильдии обеих столиц, агентов, комиссионеров, обществ, товариществ, компаний, банков, нотариусов, присяжных поверенных и прочее со многими для торговли и промышленности полезными сведениями. Около 40000 адресов / Сост. А. Граге. М., 1889. Изд. 1. С. 375.

² Справочная книга... на 1898 год. Раздел III. С. 280; Раздел IV. С. 48.

³ *Нистрем К.* Указ. соч. С. 153, 156; *Иоксимович Ч. М.* Указ. соч. С. 305; Фабрично-заводские предприятия Российской империи / Под наблюдением редакционного комитета членов совета съездов представителей промышленности и торговли; Сост. инженер Л. К. Езиоранский. СПб., 1909. Отд. К. № 212.

хаником в области водопроводных систем, автором ряда монографий. В 1870-х гг. по поручению Московской городской думы он занимался изысканием и проектированием нового Мытищинского водопровода. В 1883 г. он, заведя городским водопроводом Москвы, резко выступил против его передачи в концессию, отстаивая право города на его строительство¹. В 1893 г. он вступил в 1-ю гильдию московского купечества, а в 1898 г. совместно с К. П. Карельским (другим известным водопроводным инженером) получил купеческое свидетельство на техническую контро-ру под фирмой «Нептун», располагавшуюся на Елоховской улице в Разгуляе, в доме Зиминых. Она прекратила свое существование 15 ноября 1902 г.²

С января 1902 г. «ученый инженер-механик» Николай Петрович Зимин выступает учредителем Товарищества инженеров «Н. П. Зимин и К»³. Его научно-технический авторитет столь высок, что он выбирается председателем Постоянного бюро русских водопроводных съездов. Значительное место в его жизни занимала благотворительная и гуманитарно-просветительская деятельность: он член Совета детской больницы св. Ольги и Общества распространения полезных книг⁴. Активно участвует в работе органов местного самоуправления. Как почетный гражданин Николай Петрович Зимин избирается в гласные Московской городской управы на 1905–1908 гг. На этом поприще его сменил сын Николай, тоже инженер-механик (он закончил МВТУ) и почетный гражданин, который будет избираться гласным Московской городской управы на два срока подряд: 1913–1916 и 1917–1920 гг. (правда последний срок оказался, увы, усеченным). Он же с братом Борисом унас-

---

¹ Современное хозяйство города Москвы / Изд. Моск. гор. управления под ред. И. А. Вернера. М., 1913. С. 350.

² ЦИА г. Москвы (далее — ЦИАМ). Ф. 3. Оп. 4. Д. 4818. Л. 34; Справочная книга... на 1898 год. С. 21.

³ Справочная книга о лицах, получивших на 1904 год купеческие и промышленные свидетельства по г. Москве. М., 1904. С. 206, 308; То же ... на 1898 год. С. 292; ЦИАМ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 4818. Л. 33.

⁴ Вся Москва на 1904 год. Алфавитный указатель. С. 165.

ледовал фирму отца после его смерти¹, тоже, увы, ненадолго и скорее номинально, поскольку сведений о ее деятельности после 1917 г. не имеется.

Не остались не у дел в Торговом доме «И.М., П.Я., И.Ф.Зимины» и подросшие сыновья Макария Ивановича — Иван (1870–1917) и Николай (1868–1909). Младший, Иван Макарович, по воле судьбы уже после смерти Николая Макаровича, о котором несколько позже, занял достойное место в управлении Торгового дома. И если при начале этой фирмы Иван Семенович взял под крыло своих племянников — Петра, Якова и Филиппа Куприяновичей, то в начале 1910-х гг. такую же миссию принял на себя Яков Куприянович в отношении двоюродного племянника Ивана Макаровича, введя его в состав правления фирмы², которая к тому времени владела двумя мануфактурами: Подгорной в с. Крестовозвиженском, где располагалась бумагопрядильная, ткацкая, отбельно-красильная и отделочная фабрики с паровой машиной, дизелями и 900 рабочими; Зуевской в с. Зуево, где была небольшая бумаготкацкая фабрика с 19 рабочими³.

Надо отметить, что перед войной у фирмы возникли трудности из-за резкого расширения внешнего финансирования, связанного с крупными затратами на постройку новых и преобразование старых предприятий. Долг фирмы составил 2,6 млн руб., и банки-кредиторы учредили официальную администрацию под председательством лидера Торгового банка А.Н.Найденова. Сюда вошли директор-распорядитель фирмы Я.К.Зимин и член совета «Купеческого банка взаимного кредита» Н.П.Калашников. Предполагалась реорганизация Торгового дома в паевое товарищество⁴, но война изменила конъюнктуру на мануфак-

---

¹ Писарькова Л. Ф. Московская городская дума, 1863–1917. М., 1998. С. 466, 487, 498; ЦИАМ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 4818. Л. 33.

² Иоксимович Ч. М. Указ. соч. С. 305.

³ Список фабрик и заводов... в 1916 г. М., 1916. С. 118. № 1201; С. 120. № 1214.

⁴ ЦИАМ. Ф. 143 (Московский биржевой комитет). Оп. 1. Д. 521. Л. 1–2, 5; Ф. 450 (Московский комитет Госбанка). Оп. 8. Д. 145. Л. 49, 52; Петров Ю. А. Коммерческие банки Москвы, конец XIX–1914 г. М., 1998. С. 79.

турном рынке, и фирма просуществовала до 1917 г. Кстати, сходную проблему с расстройством финансов в 1912 г. испытало и «Товарищество Зуевской мануфактуры Ивана Никитича Зими́на». Тогда кредиторы-банки учредили над ним официальную администрацию, в состав которой, между прочим, вошел Яков Куприянович Зимин, в руках которого, по мнению современных исследователей, оказалось практическое управление фирмой, «что позволило ему не потерять семейного дела»¹. Так разделившиеся 80 лет назад ветви обширного рода Зиминых нашли родственную поддержку в трудную минуту.

Наконец, в линии Ивана Семеновича следует осветить фигуру Николая Макаровича. В известной степени он пошел по стопам своего старшего троюродного брата Николая Петровича и стал инженером-механиком и личным почетным гражданином. Именно его усилиями была запущена в с. Крестовоздвиженском бумагопрядильная фабрика, и весь комплекс приобрел характер Подгорной мануфактуры по выпуску пряжи и тканей (молескина, репса, сатина и др.)².

В самом расцвете сил Николай Макарович вступил в брак с представительницей знаменитого старообрядческого рода московских предпринимателей Гучковых — Верой Николаевной. И здесь точно надо сказать, о ком идет речь. В современной публицистике, как и среди ныне живущих потомков Зиминых, существует заблуждение, будто Вера Николаевна была близкой родственницей знаменитого думского деятеля Александра Ивановича Гучкова (1862–1936) и, следовательно, дочерью его брата Николая Ивановича (1860–1935). Последний, как и его брат, был одной из крупнейших буржуазных политических фигур и влиятельнейшим деятелем московского городского самоуправления: в течение 1893–1916 гг. он — гласный Московской городской думы (одновременно гласный Московского губернского

---

¹ *Барышников М. Н.* Деловой мир России: Историко-биографический справочник. СПб., 1998. С. 175.

² *Иоксимович Ч. М.* Указ. соч. С. 305; Список фабрик и заводов... в 1916 г. С. 118. № 1201; *Вся Москва...* на 1905 год. М., 1905. Алфавитный указатель... С. 168.

земства от Москвы и Звенигородского уездного земства; один из основателей и член ЦК партии «Союза 17 октября»); в 1905–1913 гг. — московский городской голова.

Действительно, у Николая Ивановича Гучкова, как это видно из посемейного списка московских купцов Садовой Набережной слободы 1897 г., была дочь Вера, родившаяся 23 марта 1892 г.¹ Но, поскольку брак Николая Макаровича Зими́на с девицей Верой Николаевной Гучковой состоялся 15 декабря 1901 г., значит, ей было всего 9 лет, что исключало возможность быть невестой. Но дело в том, что у отца Николая Ивановича Гучкова, Ивана Ефимовича, был брат Николай Ефимович, умерший между 1881 и 1887 гг., как это можно заключить из посемейного списка купцов г. Москвы 1887 г. Из него же следует, что у Николая Ефимовича было два сына, Николай (род. 1877) и Василий (род. 1881), и дочь Вера (род. 1879)². Вот она-то и стала женой Николая Макаровича Зими́на (1868–1909) и матерью его детей, Александра (1903–1930) и Бориса (1904 — репрессирован 1935).

Здесь мы вступаем уже в сферу потомков Зиминых, которым выпало жить в другую, послереволюционную, эпоху. Удивительный парадокс — в советское время купеческих потомков как бы и не существовало, кроме тех, кто находился в эмиграции. Оно и понятно: говорить об этом в 1920–1930-х годах было опасно, в 1950–1960-х — не принято, а позднее текучка жизни притупила и воспоминания. Лишь в последние лет двадцать, с появлением научных (а затем и любительских) изысканий по истории и генеалогии русских купцов обнаружилось и их здравствующие потомки не только за рубежом, но и на родине. Причем, не только знаменитых родов, как Морозовы, Третьяковы, Рябушинские, но и менее известных (серпуховские Коншины, дмитровские Толченковы) и даже совсем неизвестных, большей частью провинциальных. Выяснилось, например, что в бывших губернских и особенно уездных центрах до

---

¹ ЦИАМ. Ф. 3. (Московская городская управа). Оп. 2. Д. 3039. Л. 25–25 об.

² Там же. Д. 1402. Л. 193–193 об.

сих пор определенную долю коренного населения составляют именно выходцы из купечества.

В их числе не последнее место занимают и Зимины. Среди них около трех десятков представителей, живших в советское время, родились еще до революции и, примерно, столько же — уже при советской власти, объединяющие четыре поколения новой генерации¹. В большинстве это обычные советские и российские граждане самых разных специальностей, по преимуществу с высшим инженерным образованием. Но наложенная на судьбы эпоха нынешнего капитализма рекультивировала среди них и современных предпринимателей. Примеры этого известны и по другим фамилиям: успешно развивается водочное «дело» Смирновых, предпринимательством занят А. Д. Коншин и т. д. Не исключение и Зимины.

Мы оставили род Зиминых на представителях не самой сильной его ветви Ивана Семеновича, а именно Николая Макаровича, в моменты рождения у него сыновей Александра и Бориса. Не хочу умалить человеческих достоинств рано умершего (в 27 лет) Александра. Он оставил после себя сына Михаила (1928–1982) и двух ныне живущих внуков, Татьяну (род. 1952) и Наталью (род. 1955). Но взглянем пристальнее на судьбу Бориса. Он родился, как об этом свидетельствует выписка от 5 марта 1905 г. из метрической книги Богородского уездного полицейского управления², 27 декабря 1904 г. По возрасту он не смог

---

¹ Из родословной Зиминых, составленной историографом и генеалогом рода Верой Михайловной Зиминой (род. 1934), прямым потомком по линии Никиты Семеновича. Она правнучка Леонтия Ивановича, являвшегося, в свою очередь, правнуком основателя рода (родословная любезно предоставлена автору Дмитрием Борисовичем Зиминим).

² В моем распоряжении имеется ксерокопия этого документа. Подлинник копии этой выписки хранится в семейном архиве Д. Б. Зимина. Я процитирую: «Тысяча девятьсот пятого года марта третьяго дня, личный почетный гражданин инженер-механик Николай Макарович Зимин... заявил, что от него и состоящей с ним в браке Веры Николаевны двадцать седьмого декабря прошлаго тысяча девятьсот четвертого года родился младенец мужского пола, которому дано имя — Борис. Причем Зимин в удостоверение своего брака с Верою Николаевной представил выписку из метрической книги, выданную из Богородского уездного полицейского управления пятнадцатого декабря тысяча девятьсот первого года за номером тридцать шестым...»

принять участия в предпринимательской деятельности до революции. Фирма «И.М.П. и Ф.Зимины» продолжала функционировать и в военное время, последнее известие о ней встречается в картотеке торговых домов, акционерных обществ и товариществ Московской купеческой управы 3 мая 1917 г.¹, то есть при Временном правительстве. Но уже никаких известий о ее капиталах и торговле, увы, не имеется. Дальнейшая жизнь Бориса Николаевича связана уже с другой эпохой. В сохранившемся отрывке его автобиографии² написано: «Родился в 1904 г. в г. Москве. Отец инженер-механик Н.М.Зимин. Среднюю школу окончил в 1920 г. С 1920 г. по 1925 г. работал рабочим и техником на заводах. В 1925 г. поступил в Госуд. Электро-машино-строит. Институт, который окончил в 1928 г. по механической специальности. С 1927 г. работал цеховым инженером Механического Инструментального Отдела Электростроительного завода по 1929 г. С 1929 г. по 1931 г. работал инженером Лекального Бюро ВСНХ. 1931–1932 г. работал техническим директором Инструментального завода РСМО и Заместителем главного инженера завода “Калибр”. С июня 1932 г. работаю заведующим лабораторией технических измерений Московского научно-исследовательского института метрологии и стандартизации (Гранатный пер. 4). Преподавательскую деятельность в высшей школе начал в 1929 г. в...». Ему было отпущено еще шесть лет... Он успел жениться на Берте Борисовне Рокшицкой (1899–1994), которая родила ему в 1933 г. сына Дмитрия. За два года до ареста, о котором Дмитрий Борисович, по его признанию, в анкетах «никогда потом не упоминал. Иначе не видать бы мне радиофакультета МАИ», в который он поступил в 1951 г. Но и его знания о собственном роде, вплоть до последнего времени, ограничивались догадками: до войны, по его словам, он жил в Лосинке у бабушки, той самой Веры Николаевны, урожденной Гучковой, в деревянном доме, в котором еще хранились книги с экслибрисами Гучко-

---

¹ ЦИАМ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 4818. Л. 22.

² Полстраницы машинописного текста под названием «Жизнеописание Зимины Б. Н.» (Личный архив Д. Б. Зимины).

вых и столовые приборы с их вензелями. Часть книг, по признанию Дмитрия Борисовича, он перетаскал в букинистический магазин, всерьез занимаясь радиоделом, которое стало и его профессией (он доктор технических наук) и его бизнесом. Будучи авторитетнейшим разработчиком крупных радиолокационных комплексов, в начале 1990-х гг. он ушел в бизнес, построил компанию «Вымпелком» и создал сотовую сеть связи «Би-Лайн»¹. Ныне Дмитрий Борисович Зимин — 63-й в списке 100 богатейших бизнесменов России 2004 г. с капиталом в 390 млн долларов². Важнее другое. В 2001 г. он продал большую часть своей доли в сотовом бизнесе, то есть отошел от предпринимательства и посвятил себя общественной и благотворительной деятельности (фонд «Династия»). И это невольно наводит на размышления — есть ли перспективы у потомков старых русских предпринимательских династий в условиях нынешнего капитализма? Сыграют ли они роль своих предков? Или это удел новоявленных нуворишей?

---

¹ Вечерний клуб. 1999. 22–28 мая (№ 19); Компания. 2000. 24 июня.

² Forbes. 2004. № 2. Май. С. 63.

Х. Г. РАКОВСКИЙ
И СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ
В РОССИИ (конец XIX — начало XX в.)

Зарождение болгарского социалистического движения произошло в результате значительного воздействия русского народнического социализма. Интересно, что сотрудничество болгарских и русских социалистов наладилось не только на территории Балканского полуострова и России, но и в странах Западной Европы, о чем имеется довольно значительная литература¹. Примерно такая же картина наблюдается и при изучении самых первых этапов становления болгарского социал-демократического движения. То же самое прослеживается и при изучении участия в социал-демократическом движении Христиана Раковского. Он не был самым первым болгарским социал-демократом, у него уже были выдающиеся предшественники, прежде всего Д. Благоев и Н. Габровский, но его связи с международной социал-демократией не уступали связям этих двух виднейших болгарских марксистов, а, может быть, превосходили их. Не менее значительными были его связи с русскими социал-демократами, которые он поддерживал и в Болгарии, и в России, и в других странах Европы.

Уже позднее Х. Раковский писал: «С раннего детства у меня развилась сильная и горячая симпатия к России, — не только потому, что революционная деятельность моих дедов и дядей большей частью была связана с Россией, но еще и потому, что я был свидетелем русско-турецкой вой-

---

¹ *Поглубко К. А.* Очерки истории болгаро-русских революционных связей (60–70-е годы XIX века). Кишинев, 1972; *Гросул В. Я.* Российские революционеры в Юго-Восточной Европе (1859–1874 гг.). Кишинев, 1973; *Дайирбекова Р. А.* Российская политическая эмиграция в Болгарии 80–90-е годы XIX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1986; *Чижов А. П.* Деятельность российских революционеров в Болгарии (1878–1917 гг.) Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Харьков, 1989; и др.

ны»¹. Русское влияние он ощутил и в гимназии болгарского города Габрово, где он обучался в конце 80-х гг. Там преподавали многие учителя, получившие образование в России и ставшие распространителями русской культуры и науки. Один из учителей — Смилов — приходился товарищем выдающемуся болгарскому революционеру и поэту Христо Ботеву. Преподававший русский язык Иванов переводил на болгарский язык сочинения Н. В. Гоголя. Благодаря Иванову гимназисты получили хорошее знание русского языка, да и нехватка пособий на болгарском языке побуждала пользоваться русскими учебниками. Уже в гимназии Христиан познакомился с социалистическими идеями и, в частности, с идеями Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, Д. И. Писарева.

Товарищи Раковского той поры — Г. Бакалов, Д. Бояджиев, С. Ноков² оставили о нем свои воспоминания, которые позволяют составить представление о том, в каких условиях приходилось жить и учиться Христиану в Габровской гимназии. На поворот Раковского и его друзей к социализму оказал влияние проживавший в Габрово один из первых болгарских марксистов — Е. Дабев, осуществивший первый перевод одной из работ К. Маркса на болгарский язык. Это было сочинение К. Маркса «Наемный труд и капитал», вышедшее в еженедельной болгарской газете «Росица» в 1886 г. Перевод был сделан с русского издания, выпущенного группой «Освобождение труда»³. Впоследствии взгляды Дабева явно сдвинулись вправо, но в конце 80-х годов он был одним из виднейших деятелей социал-демократического движения, способствовавшим созданию в Болгарии первой социал-демократической партии вообще на Балканах. Именно Дабев пробудил интерес к марксизму не только у Х. Раковского, но и у С. Балабанова и С. Нокова, сыгравших заметную роль в распростране-

---

¹ Энциклопедический словарь Гранат. Т. 41. Ч. 2. Вып. 4. С. 170.

² Ноков С. Студентски спомени от Женева (1889–1894 гг.) // Исторически преглед. 1959. № 4. С. 81–103.

³ Шнитман А. М. Развертывание Д. Н. Благоевым марксистской пропаганды в Болгарии во второй половине 80-х годов XIX столетия и русское освободительное движение. Мурманск, 1960. С. 56.

нии в Болгарии марксистских идей. За их пропаганду по решению учительского совета Х.Раковский и С.Балабанов были исключены из гимназии¹.

В 1890 г. Х.Раковский направляется в Швейцарию, где поступает на медицинский факультет Женевского университета. В Женеве в то время проживало примерно 150 болгарских студентов. Было там много и студентов, прибывших из России. Почти все они не только посещали тот или иной курс, но активно изучали сочинения выдающихся революционеров. Одни стали сторонниками М.Бакунина, другие следовали за П.Л.Лавровым или П.А.Кропоткиным. Лишь немногие из русских студентов разделяли в то время марксистские взгляды и поддерживали Г.В.Плеханова и его товарищей по группе «Освобождение труда». Не было единства и среди болгарских студентов. Большая часть из них придерживалась официальных позиций и создала свой отдельный союз. Другие, человек 35, образовали самостоятельный кружок социалистического направления. Часть членов этого кружка вступила в тесный контакт с Г.В.Плехановым и отношения между ними стали столь близкими, что Плеханов читал им специальные лекции. Видя бедственное положение своего наставника, молодые болгары пытались устроить его преподавателем Софийского университета. С этой целью С.Балабанов, а затем Г.Бакалов выезжали в Болгарию, но вскоре поняли, что диктатор С.Стамболов не позволит Плеханову получить профессорскую кафедру.

Вокруг Г.В.Плеханова сложилась тесная группа его болгарских последователей, в которую входили Х.Раковский, С.Балабанов, С.Ноков, Г.Бакалов. Впоследствии Г.Бакалов вспоминал: «Плеханов, со своей стороны, ценил этот круг своих молодых болгарских учеников. Особенно восторженно он отзывался о Раковском. Его высокая оценка Раковского видна из писем, в которых Плеханов рекомендовал его Вильгельму Либкнехту и Жюлю Геду»². Дей-

---

¹ Спомени на инженер Димитър Цветков Бояджиев // ЦК БКП. Партархив. Спомени. № 2098. Л. 11–12.

² Бакалов Г. Плеханов в Болгарии // Летопись марксизма. М.; Л., 1928. Т. 5. С. 46.

ствительно, близость Х.Раковского к Г.В.Плеханову, П.Б.Аксельроду, В.И.Засулич прослеживается по многим материалам. В частности, сохранились письма С.Балабанова в Болгарию, в которых передается и общая атмосфера, сложившаяся в кружке болгарских студентов, и ряд интересных деталей их связей с Г.В.Плехановым¹.

Одновременно Раковский встречался с видными деятелями европейской социал-демократии, со многими из которых он познакомился благодаря рекомендациям Г.В.Плеханова и его соратников. В 1922 г. Раковский вспоминал: «Ровно 30 лет тому назад совсем молодым человеком я прибыл в Париж, имея рекомендательное письмо Плеханова к Геду»². И уже тогда, в 1922 г., болгарский социал-демократический журнал «День» сообщал, что Х.Раковский перевел с французского на болгарский язык книгу «Коллективизм» Жюль Геда³. Кроме Ж.Геда и В.Либкнехта Раковский сближается и с рядом других видных марксистов того времени, например, с К.Каутским и Р.Люксембург.

Хотя Раковский находился за рубежом и проживал в Женеве, Цюрихе, Берлине, Нанси, Монпелье и других европейских городах, где он изучал социалистическое движение той поры, особенно близкие отношения у него сложились с русскими марксистами. С Россией он был связан и через свою первую жену — Е.П.Рябову, и через своих товарищей в Киеве и Петербурге, и, конечно, через членов группы «Освобождение труда», активным сотрудником которой он был многие годы.

Уже с начала 90-х годов Х.Раковский начинает популяризировать в Болгарии сочинения Г.В.Плеханова. Проживая за пределами Болгарии, он, как и Балабанов, были редакторами болгарского журнала «Социал-демократ», издававшегося в болгарском г. Севлиево в 1892–1893 гг. и публиковавшего сочинения К.Маркса, Ф.Энгельса, Г.В.Плеханова, П.Лафарга. Известно, что Ф.Энгельс выражал глубокое

---

¹ ЦК БКП. Партархив. Ф. 187. Оп. 1. Д. 10. Л. 2–23.

² Раковский Х. Жюль Гед и коммунизм // Коммунистический Интернационал. 1922. № 23. С. 6305.

³ Ден. Година II. 1892. Май. № 1. С. 85–87.

удовлетворение тем, что осуществляется перевод работ Плеханова на болгарский язык¹. Среди тех, кто переводил эти работы, был и Раковский. Он же стал одним из первых читателей и комментаторов известной работы Г.В.Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». По поводу выхода этой книги он написал в марте 1895 г. обширное письмо Плеханову, где называл его своим учителем и подчеркивал, что книга «написана чудесно» и «крайне полезна для всех нас, уже марксистов, потому что она не только укрепляет нас в нашей вере, но дает нам новое оружие в борьбе как против “эклектизма-паразита”, так и против буржуазии»². Раковский готовит по этой книге специальный реферат для болгарского журнала «День»³. Эту книгу болгарские марксисты поспешили перевести на болгарский язык и издать в Болгарии. Поскольку из-за цензурных соображений Плеханов дал русскому изданию заведомо сложное название, с его согласия болгарские марксисты назвали работу — «Философско-исторические взгляды Карла Маркса»⁴. Эта книга имела значение и в полемике болгарских марксистов с местными народниками. В этой связи Раковский в письме Г.Плеханову сообщает, что «книга Бельтова (псевдоним Г.В.Плеханова. — В.Г.) явилась кстати»⁵.

Группа «Освобождение труда» имела широкие международные связи⁶, и среди тех, кто способствовал их расширению, был и Х.Раковский. Его сотрудничество с группой было многогранным и весьма плодотворным. Он помогал ей материально, способствовал перевозке ее изданий в Россию и на Балканы, налаживал непосредственные связи с Россией. Даже в энциклопедиях отмечается, что В.Засулич

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 22. С. 424; см. также: Там же. Т. 39. С. 71.

² Группа «Освобождение труда». Сб. 6. М.; Л., 1928. С. 138.

³ Там же.

⁴ Бакалов Г. Плеханов в Болгарии // Летопись марксизма. М.; Л., 1928. Т. 5. С. 53.

⁵ Группа «Освобождение труда». Сб. 6. С. 139.

⁶ См.: Гросул В. Я. Международные связи группы «Освобождение труда» (80-е годы XIX в.) // Группа «Освобождение труда» и общественно-политическая борьба в России. М., 1984.

в 1899–1900 гг. нелегально побывала в России по заграничному паспорту и познакомилась там с В.И. Лениным, но при этом не упоминается о том, кто достал для известной революционерки этот паспорт. В действительности же этот паспорт принадлежал тетушке Х. Раковского. Более того, незадолго до этого сам Раковский побывал зимой 1899 г. в Петербурге и в письме к Плеханову подробно рассказал о деятельности петербургских марксистов, о взглядах местных «экономистов» и общественных настроениях в российской столице. Он отмечал: «Я присутствовал на некоторых собраниях и удивился, с какой непримиримостью наши товарищи на публичных собраниях относились к крестьянам и давали повод народникам обвинять марксистов в том, что они игнорируют крестьянскую массу»¹. Раковский, таким образом, тонко уловил умонастроения многих русских социал-демократов той поры.

В 1904 г. Раковский помог Плеханову вернуться в Париж. Как известно, Г. В. Плеханов был выслан из Франции. По воспоминаниям Раковского, в начале 1904 г. ему удалось с помощью Клемансо, который тогда находился в оппозиции, добиться этого разрешения. Вместе с Плехановым и Л. Г. Дейчем он на митинге по случаю начала русско-японской войны выступил с осуждением империалистической схватки на далеких восточных границах².

Х. Раковский принимал самое активное участие в русском революционном движении конца XIX — начала XX в. По имеющимся данным, он привлек внимание царской охраны в 1893 г., когда находился в Берлине. Здесь Раковский продолжал свое медицинское образование и сотрудничал с немецкими социал-демократами, был корреспондентом их газеты «Форвертс», где помещал статьи по балканским проблемам. Как он вспоминал, «в Берлине вся моя студенческая политическая жизнь разворачивалась в русской колонии»³. В Берлине существовали два нелегальных студенческих общества под названием «Наука и жизнь» и «Самопомощь», за-

---

¹ Группа «Освобождение труда». Сб. 6. С. 145.

² Там же. С. 146.

³ Энциклопедический словарь Гранат. Т. 41. Ч. 2. Вып. 4. С. 173.

нимавшийся, среди прочего, доставкой в Россию революционных изданий. Однако всяческое соблюдение правил конспирации, о которых писал сам Раковский своим друзьям, не помогло¹. В конце февраля 1893 г. берлинская полиция произвела массовые обыски у проживавших в городе иностранцев, прежде всего, у русских, которых она подозревала в причастности к социалистическому движению. У Раковского была обнаружена переписка с Плехановым, Аксельродом и другими социалистами, что было использовано для высылки его и некоторых русских студентов из Берлина². Таков первый по времени агентурный источник в специальном деле, заведенном на Раковского в российском департаменте полиции под названием «О румынском подданном-враче Кристе Раковском»³. Это дело также позволяет выяснить некоторые малоизвестные стороны связей Раковского с Россией в рассматриваемое нами время.

В Россию Раковский впервые приехал в 1897 г. Он сам писал, что после получения медицинского образования в Монпелье и защиты диссертации по психиатрии на степень доктора медицины, «отправился на международный съезд врачей в Москве, где и пробыл около двух недель, находясь все время в доме отца моей невесты, артиста императорских театров Павла Яковлевича Рябова»⁴. С Елизаветой Рябовой Раковский познакомился еще в Швейцарии. Сохранилась фотография, которая датируется началом 1893 г., где Е. П. Рябова снята с группой болгарских студентов — Г. Бакаловым, С. Ноковым, Х. Раковским, С. Балабановым⁵. Медицинское образование она также получила во Франции одновременно с Раковским, и в 1897 г. в Россию они отправились, будучи уже женихом и невестой. За-

---

¹ Атанасова П. Крыстю Раковский, 1873–1941. София, 1988. С. 16.

² ГА РФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 102. ОО. Оп. 277 (1898). Д. 15. Ч. 29. Л. 17, 27; Гросул В. Я. Х. Г. Раковский — революционер, дипломат, публицист // Новая и новейшая история. 1988. № 6. С. 157.

³ ГА РФ. Ф. 102. ОО. Оп. 227 (1898). Д. 15. Ч. 29. Л. 17.

⁴ АБВ. 11(115). София. 17. III. 1981. С. 2.

⁵ Conte Fr. Christian Rakovski (1873–1941): Essai de biographie politique. T. I–II. Lille; Paris, 1975. P. 42.

тем они выезжают в Румынию, в Добруджу, к родителям Раковского, где 30 августа того же года состоялась их свадьба¹. Интересно, что об этом члены группы «Освобождение труда» были оповещены, во всяком случае, где-то осенью 1897 г. В.И.Засулич писала Г.В.Плеханову: «Получила письмецо от Рябовой. Обвенчались с Раковским и уезжает с его сестрой, едущей на курсы в Петербург. Пишет, что много говорила с Раковским, и что это он так пожелал»². Рябова, участвовавшая в российском революционном движении, была в близких отношениях и с Засулич, и с Плехановым, что уже отмечалось в литературе.

Однако вскоре Рябова вместе с сестрой Раковского А.Г.Раковской выехали в Россию. Рябова была москвичкой, но поселилась в Петербурге, куда ожидался переезд и самого Раковского на постоянное место жительства. Точные причины отъезда Рябовой из Добруджи не совсем ясны, но по архивным материалам следует, что она не могла привыкнуть к балканским условиям, чему мешало незнание местных языков, да и обстановка весьма отличалась от российской. Несомненно, что Раковский твердо решил для себя переехать в Россию. В феврале 1899 г. он получил двухнедельный отпуск и приехал в Петербург, где пробыл с 9 по 15 февраля. Но и этих дней было достаточно, чтобы привлечь к нему внимание охранки. Начальник Петербургского охранного отделения в мае 1899 г. сообщал, что во время пребывания Раковского в Петербурге он неоднократно посещал квартиру М.И.Туган-Барановского, известного представителя так называемого легального марксизма³. О сестре Раковского в материалах охранки говорилось, что последняя замечена в сношениях с лицами, прикосновенными к «рабочей пропаганде», и что за участие в последних студенческих беспорядках она была уволена из числа слушательниц Высших женских курсов⁴. В

---

¹ Первая марксистская организация России — группа «Освобождение труда», 1883–1903. М., 1984. С. 288–289.

² *Панайотов Ф. Ф.* Доктор Кръстю Раковски. София, 1988. С. 118.

³ ГА РФ. Ф. 102. ОО. Оп. 226 (1898). Д. 15. Ч. 29. Л. 2 об., 8 об.

⁴ Там же. Л. 5; Ф. 3. Д. 4107 (1899). Л. 71 об.

материалах охранки сохранились также сведения и о том, что Раковский «произнес выдающуюся речь в клубе экономистов на первом докладе литератора Оболенского». Речь, по-видимому, шла о докладе Л. Е. Оболенского «Экономические факторы и классовое сознание в истории»¹. В донесении из департамента полиции, направленном в министерство иностранных дел, об этом приезде Раковского в Петербург, сказано следующее: «Раковский обратил на себя внимание постоянными сношениями с главнейшими представителями здешней так называемой марксистской группы, а накануне своего отъезда в “Клубе экономистов” на докладе литератора Оболенского произнес речь крайнего революционного содержания с призывом к борьбе против правительства»².

В деле Раковского, хранящемся в архиве департамента полиции, об этой поездке Раковского в Петербург больше ничего не говорится. Подробнее пишет об этом биограф Х. Раковского Д. Сверчков. Вспоминает этот приезд и сам Раковский, сообщая некоторые детали, не отраженные в официальных материалах. Сверчков пишет о выступлении Раковского в большом зале Вольного экономического общества в Петербурге, считая, что полиция на этот доклад внимания не обратила, и что она не знала тогда о сотрудничестве Раковского с петербургскими революционными подпольными организациями³. По данным Сверчкова, полиция обратила внимание на Раковского после выступления на одном из диспутов в «Обществе покровительства русской торговле», где председательствовал граф Игнатьев. Уже на следующий день полиция принялась искать Раковского, чтобы арестовать и выслать его за пределы России. Однако Раковский уехал по своей инициативе⁴, поскольку истек срок его отпуска. В архивах охранки пока не удалось обнаружить материалы, которые подтвердили бы утверждения Сверчкова о намерении полиции арестовать Раковского уже в этот его приезд в Петербург. Но он все

---

¹ ГА РФ. Ф. 102. ОО. Оп. 226 (1898). Д. 15. Ч. 29. Л. 11.

² *Сверчков Д.* На боевом посту. М., 1923. С. 12.

³ Там же.

⁴ ГА РФ. Ф. 102. ОО. Оп. 226 (1898). Д. 15. Ч. 29. Л. 18 об.

же привлек внимание полиции, и не только своим выступлением, но и связями с петербургскими марксистами. Охранка узнала о его деятельности в Румынии, а также о публикации им в польской газете «Пшедствит» («Рассвет») в августе 1899 г. статьи «Беглый взгляд на политическое и общественное развитие Болгарии», прямо направленной против царизма и содержащей призыв к объединению сил социалистов разных стран¹. Знала также охранка и об участии Раковского в Лондонском конгрессе II Интернационала 1896 г. Больше всего всполошило ее то, что Раковский оказывал содействие прибывавшим в Румынию русским революционерам и способствовал поддержанию связей российской революционной эмиграции с их единомышленниками в самой России².

Таковы были сведения, которыми тогда обладала охранка, позволившими ей сделать вывод о том, что «названный Раковский представляется смелым и убежденным революционером»³. Не обладая всей полнотой данных о деятельности Раковского, в том числе о его причастности к русскому революционному движению, охранка, в целом, сделала весьма точные выводы. Раковский, действительно, был революционным социал-демократом. Это не означало, что он использовал только нелегальные способы борьбы и был далек от легальных действий. Например, выехав в Петербург, Рябова передала рукопись его статьи — «Политические партии в Болгарии» — одному из лидеров «легальных марксистов» П. Б. Струве. Под псевдонимом Радев эта статья вышла в ноябрьском номере за 1898 г. редактировавшегося Струве журнала «Новое слово». Это была первая работа Раковского, опубликованная в России. Раковский, таким образом, не был единственным революционным социал-демократом, прибегавшим к изданиям легальных марксистов. На их страницах выступали и Плеханов, и Ленин, и другие деятели революционного движения,

---

¹ ГА РФ. Ф. 102. ОО. Оп. 226 (1898). Д. 15. Ч. 29. Л. 2 об.

² Там же. Л. 18.

³ Волковинский В. М., Кульчицкий С. В. Христиан Раковский: Політичний портрет. Київ, 1990. С. 23.

в то время активно полемизировавшие с народничеством. Одновременно Раковский начинает выступать и в румынской социал-демократической печати, в частности, в газете «Лумя ноуэ» («Новый мир»)¹.

В самом начале 1900 г. Раковский занялся вопросом переселения в Россию. В соответствующем официальном прошении он, говоря о России, счел необходимым записать следующие слова: «Я как болгарин, считаю ее более родною себе, чем Румынию, подданным которой стал в силу Берлинского трактата». И далее добавляет, что в России воспитывались его сестра, двоюродный брат, Анастас Раковский, майор болгарской артиллерии, окончивший Павловское военное училище, некоторые из товарищей Раковского, ставшие офицерами русской армии².

5 марта 1900 г. Раковский вновь прибыл в Петербург, но уже 26 марта он получил уведомление от Петербургского градоначальника, запрещавшее ему проживание в пределах Российской империи. Попытки как-то изменить решение властей успехом не увенчались. Не помогло ни прошение супруги Раковского, ни его самого, ни хлопоты друзей. За Раковского хлопотали актриса Яворская, поэтесса Т. Л. Щепкина-Куперник, в его судьбе принимал участие писатель Н. Г. Гарин-Михайловский и другие, но удалось лишь отсрочить выезд из Петербурга на две недели, до 15 апреля. Затем последовала высылка в Ревель, откуда 23 апреля 1900 г. он на германском пароходе «Траве» выехал в Любек³.

Но супруги Раковские продолжают свою борьбу за новый переезд Христиана в Россию. Следуют новые прошения, например, в октябре и декабре 1900 г., но главную роль, по словам самого Раковского, сыграла, по-видимому, определенная денежная сумма, переданная им для лиц, от которых зависело решение подобных дел⁴, и ему позволили вернуться в Россию. 4 января 1901 г. Директор департа-

---

¹ ГА РФ. Ф. 102. ОО. Оп. 226 (1898). Д. 15. Ч. 29. Л. 31 об.

² Там же. Л. 29.

³ Там же. Л. 22, 34.

⁴ Там же. Л. 44.

мента полиции С.Э.Зволянский предложил отменить высылку Раковского и разрешить ему проживание в России, поскольку жена его «по болезненному состоянию не может последовать за мужем за границу». При этом следовало добавление, «что малейшее проявление им агитационной деятельности вызовет немедленное и уже окончательное удаление его вновь за границу»¹. Х.Раковскому позволили приехать в Россию, хотя в департаменте хорошо знали, что он пользовался в передовых кругах петербургского общества большим авторитетом и характеризовался как «человек убежденный, талантливый, крайне живой и деятельный»².

Новый приезд Раковского в Россию последовал в апреле 1901 г. через Вержболовскую таможенную. Одновременно был отменен параграф циркуляра Министерства внутренних дел от 18 августа 1900 г., запрещавший ему въезд в Россию. Впоследствии он описывал это время в своих мемуарах, подчеркивая, что в Петербурге после студенческих волнений весны 1901 г. последовали массовые аресты и высылки, и единственная связь, которая у него осталась, «была с подпольным миром, где скоро на очереди дня стала брошюра Ленина “Что делать?”»³.

В это же время он налаживает непосредственные связи с В.И.Лениным, которые были довольно значительными, не случайно им посвящен специальный параграф двухтомной монографии Ф.Конта⁴. По словам Х.Раковского, он намеревался встретиться с В.И.Лениным, когда тот находился в Пскове⁵, то есть весной 1900 г. По-видимому, эта попытка не удалась из-за высылки Раковского. Но именно к 1900 г. можно отнести начало плодотворного сотрудничества В.И.Ленина с Х.Раковским. О том, что В.И.Ленин знал о Х.Раковском, свидетельствует письмо В.И.Засулич В.И.Ленину и А.Н.Потресову, которое датируется 15 октября 1900 г. В этом письме упоминается и сам Раковский, и

---

¹ ГА РФ. Ф. 102. ОО. Оп. 226 (1898). Д. 15. Ч. 29. Л. 44.

² Там же. Л. 47.

³ Энциклопедический словарь Гранат. Т. 41. Ч. 2. Вып. 4. С. 178.

⁴ *Conte Fr.* Op. cit. Т. I. P. 186–195.

⁵ Энциклопедический словарь Гранат. Т. 41. Ч. 2. Вып. 4. С. 176.

его жена, причем в таком контексте, что не остается сомнений в том, что пишется о личности хорошо знакомой адресатам¹. Сам же Ленин впервые упоминает Раковского в письме к Плеханову от 9 ноября 1900 г. В нем идет речь о привлечении Раковского к написанию статьи для газеты². Можно определенно утверждать, что имелась в виду «Искра», ибо как раз в это время полным ходом шла подготовка ее первого номера. В нем, действительно, была помещена статья Х. Г. Раковского «Международный социалистический конгресс в Париже», посвященная не только этому конгрессу, но вообще истории международного социалистического движения. Автор передал личные впечатления о выступлении Ф. Энгельса на Цюрихском конгрессе, которого он назвал «нашим великим учителем», о Вильгельме Либкнехте и акцентировал основное внимание на теме, вызвавшей особенно острые дебаты на Парижском конгрессе, а именно: вправе ли социалисты войти в буржуазное правительство³. Раковский, таким образом, принимал участие в издании «Искры», оказывая ей также и материальную поддержку⁴.

Первая личная встреча Х. Раковского с В. И. Лениным состоялась в конце 1902 г., когда Раковский после скоропостижной (во время родов) смерти жены уехал из России, где он пробыл приблизительно полтора года, и поселился в Париже. Об этой встрече свидетельствует письмо Ленина Ю. О. Мартову 30 ноября 1902 г., а сам Раковский оставил о ней воспоминания, опубликованные в 1924 г. Он рассказал, что Ленин в помещении русского ресторана выступил с рефератом об отношении марксистов к восстанию. По этому вопросу развернулась дискуссия, Раковский считал, что восстание должно быть спонтанным актом, Ленин же отстаивал необходимость всесторонней практической подго-

---

¹ Первая марксистская организация России... С. 175.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 46. С. 31.

³ Искра. № 1–52, декабрь 1900 — ноябрь 1903. Вып. 1. Л., 1925. С. 23–25.

⁴ Волковинский В. М., Кульчицкий С. В. Указ. соч. С. 28; Гросул В. Я. Еще одно возвращенное имя: Христиан Раковский // Revista de istorie a Moldovei = [Молдавский исторический журнал]. Chişinău–Кишинев, 1991. С. 39.

товки восстания. Впоследствии Раковский признал полную правоту Ленина в этом вопросе¹. По мнению биографов Раковского, его встречи с Лениным в то время могли быть неоднократными².

Вообще, до 1917 г. Раковский и идейно, и в личном плане был ближе к Плеханову, чем к Ленину, но при этом сотрудничество с Лениным отнюдь не прекращалось. Х. Раковский, действительно, оказывал «Искре» существенную финансовую помощь³, содействовал ее транспортировке в Россию. Активное участие Раковского в российском революционном движении опять привлекло к нему внимание царской охранки, В 1903 г. его имя вновь помещается в циркуляр департамента полиции, по которому в случае возвращения в пределы России за ним надлежало установить секретное наблюдение⁴.

В начале XX в. Раковский, по-видимому, в равной мере сотрудничает и с зарождающимся большевистским течением русской социал-демократии, и с сформировавшимся тогда меньшевизмом. У него были связи не только с Плехановым и Лениным, но и с П. Аксельродом, Л. Троцким, с Ю. Мартовым⁵ и другими русскими социал-демократами. Важной стороной связей с Россией было довольно активное его участие в русской легальной печати. Как отмечалось, первым выступлением Раковского в русской прессе, по-видимому, была статья в органе «легальных марксистов» «Новое слово». Статья посвящалась борьбе политических партий в Болгарии в конце прошлого века. Раковский сотрудничал и в других русских журналах, помещая там свои статьи под псевдонимами «Инсаров» и «Григорьев»⁶. Ему удастся издать в России ряд работ отдельными книгами. Прежде всего, он публикует там свою докторскую диссертацию по медицине, существенно сократив ее и перера-

---

¹ Раковский Х. Ленин и Маркс // Молодая гвардия. 1924. № 2–3. С. 441.

² Панайотов Ф. Указ. соч. С. 146.

³ Conte Fr. Op. cit. Т. 1. P. 187.

⁴ ГА РФ. Ф. 102. ОО. Оп. 226 (1898). Д. 15. Ч. 29. Л. 53–55.

⁵ Об отношении Ю. О. Мартова к Х. Г. Раковскому: Урилов И. Х. Ю. О. Мартов. Политик и историк. М., 1997. С. 296, 451–452.

⁶ Энциклопедический словарь Гранат. Т. 41. Ч. 2. Вып. 4. С. 178.

ботав. Так, в 1900 г. он напечатал лишь сокращенный вариант ее под псевдонимом «женщины-врача Е. Станчевой», используя свою настоящую фамилию.

Интересно, что уже в предисловии, ссылаясь на такие авторитеты в области психиатрии, как Ломброзо и Ферри, автор подчеркивал, что не может с ними согласиться «по многим даже основным вопросам». Не отрицая некоторых биологических основ преступности, Раковский отвергает учение Ломброзо о «врожденной преступности» и приходит к выводу, «что преступление больше всего зависит от общественных условий»¹. В том же 1900 г. Раковский издает в Петербурге крупную монографию «Современная Франция», которую он подписал псевдонимом «Инсаров», подсказанным ему русскими друзьями. Сердцевина монографии — три главы, специально посвященные истории Парижской коммуны 1871 г. Они носили названия: «Провозглашение Коммуны», «Господство Коммуны» и «Падение Коммуны», которые по объему составляют лишь немногим более десятой части книги, но представляют особый интерес. Неслучайно и то, что именно главам по истории Коммуны предпосланы слова Цицерона «Историк не смеет сказать ни единой лжи, ни скрыть ни единой истины»².

Коммуна «представляет теперь далекий исторический факт. Автор поставил перед собой задачу рассказать правду о Коммуне, в описании которой историческая правда должна одержать верх»³. В русской легальной печати начала XX в. о Коммуне не было еще специальных исследований, и существовали только нелегальные издания П. Лаврова и З. Ралли, известные весьма узкому кругу революционеров. Благодаря этому исследованию, русский читатель получил возможность ознакомиться с основными этапами истории Коммуны, ее главными деятелями и политическими течениями, декретами и конкретной деятельно-

---

¹ Станчева Е. Несчастенькие, О преступлениях и преступниках: Очерк по общественной патологии и гигиене. СПб., 1900. С. 3, 27.

² Инсаров. Современная Франция. История третьей республики. СПб., 1900. С. 214.

³ Там же. С. 215.

стью в области политики, экономики и общественных отношений. Раковский также подробно рассказал о гибели Коммуны, зверствах версальцев и попытался разобраться в причинах поражения коммунаров. Симпатии автора к Коммуне не подлежат никакому сомнению, хотя порой не все трактовки поддаются однозначной оценке. Вот одна из них: «Коммуна напоминает блуждающую звезду, которая не находит, к какому созвездию ей пристать, и огненной пылью рассыпается в мировом пространстве»¹. В этой же книге идет речь и о других важнейших событиях французской истории нового времени, в том числе и о Великой французской революции XVIII в.

Тема Великой французской революции звучит и в другой его книге, выпущенной в России в 1905 г. и посвященной К. Меттерниху, выступавшему противником революции, любой революции². Один из столпов Священного союза неслучайно заинтересовал молодого марксиста, показавшего, что даже такая, несомненно, крупная личность, как Меттерних, бессильна перед революцией. Неодолимость революционных преобразований, прозвучавшая и в этой книге Раковского, особым образом воспринималась тогда в России, вступившей в полосу революции.

Впоследствии, все более увлекаясь делами балканского социал-демократического движения, Раковский не переставал интересоваться событиями в России, нередко принимая в них непосредственное участие. Отрицательное отношение к политике царизма он изложил в своей ранней работе «Россия на Востоке», вышедшей на болгарском, румынском и французском языках. При этом, как вспоминал сам Раковский, он «следовал директивам Плеханова. Царскую Россию нужно изолировать в международном отношении»³. Известно, что подобную установку Г. Плеханов отстаивал еще в 1895 г. в первом майском приветствии к болгарским рабочим, подчеркивая, что болгарская социал-

---

¹ *Инсаров*. Современная Франция. История третьей республики. С. 234.

² *Он же*. Князь Меттерних. Его жизнь и политическая деятельность. СПб., 1905.

³ Энциклопедический словарь Гранат. Т. 41. Ч. 2. Вып. 4. С. 173.

демократия «выполнит свой международный долг, сочувствуя русскому революционному движению и поддерживая его всеми зависящими от нее средствами»¹.

Х.Раковский высоко ценил русское революционное движение и с восторгом приветствовал революцию 1905 г. Сегодня уже широко известно, что, когда к берегам Румынии подошел восставший броненосец «Потемкин», то именно Раковский, преодолевая все трудности, в том числе и морской стихии, поднялся на его борт и принял участие в переговорах с матросами. Хорошее знание русского языка, благожелательность и причастность к революционному движению быстро расположили к нему моряков, и он, таким образом, помог высадке на румынский берег 700 матросов. Произошло это 25 июня 1905 г. В защиту восставших моряков Раковский выпустил ряд работ, первая из которых была опубликована уже 26 июня². Интересна в этой связи и реакция царских властей. По данным русского посольства в Румынии, работа Х.Раковского «Приключения броненосца “князь Потемкин Таврический”» была издана на русском, немецком и голландском языках. По тем же данным, «Раковский первый взошел на судно и, владея русским языком, стал руководить бунтовщиками в их переговорах с румынским правительством»³.

Действительно, именно Раковский, имея соответствующие полномочия, выступил посредником между русской революционной эмиграцией в Швейцарии и восставшими моряками. Именно он поместил в газете французских социалистов «Юманите» воззвание экипажа броненосца ко всем цивилизованным народам, которое затем было перепечатано во многих странах. Он организовал сбор средств в пользу матросов броненосца, а вместе с матросом Кириллом (псевдоним А.П.Березовского) подготовил книгу «Одиннадцать дней на “Потемкине”», где выступил автором двух разделов. Действительно, эта книга вышла в 1906 г. на немецком и голландском языках, а в

---

¹ Литературное наследие Г. В. Плеханова. М., 1935. С. 58.

² *Racovski Cr. Scieri social-politice* (1900–1916). București, 1977. P. 55–56.

³ ГА РФ. Ф. 102. ОО. Оп. 226 (1898). Д. 15. Ч. 29. Л. 66, 70.

1907 г. на русском языке в Петербурге, в издательстве «Слово». Большая часть тиража этого петербургского издания была конфискована по настоянию цензуры¹. Раковский был причастен и к другим событиям Первой русской революции. Например, в 1906 г. ему пришлось заниматься известной историей с транспортом оружия, доставлявшимся из Варны в Батум по инициативе М. М. Литвинова, но выброшенного на берег черноморского побережья Румынии². В этой связи Раковский знакомится и налаживает сотрудничество с известным революционером Камо (С. А. Тер-Петросяном). В том же 1906 г. Раковский совершает нелегальную поездку в Россию, видимо, связанную с налаживанием революционной работы³. Уже много позднее, в 20-х гг., Раковский опубликовал специальную статью в советской печати о событиях Первой русской революции, где поведал и о некоторых деталях своего участия в этой революции⁴.

Важной формой сотрудничества Раковского с российским общественным, не только социал-демократическим, движением было его постоянное взаимодействие с российской революционной эмиграцией в Румынии. Румыния была одним из центров этой эмиграции, и Раковский поддерживает связи с родственником В. Короленко — В. Ивановским, с бывшим сподвижником М. А. Бакунина — З. Ралли (Арборе), с выходцем из России, одним из руководителей румынской социал-демократии, — К. Доброджану-Геря и другими эмигрантами из России. Например, в 1906 г. Х. Раковский опубликовал статью о Доброджану-Геря, в которой рассмотрел деятельность русских революционных эмигрантов в Румынии и их сотрудничество с румынскими социалистами⁵. Вместе с тем, как писал сам Раковский, «с 1904 по 1917 г.

---

¹ Волковинський В. М., Кульчицький С. В. Указ. соч. С. 36.

² Там же. С. 37.

³ Фатеев П. С. Х. Г. Раковский: Краткий очерк жизни и деятельности. Киев, 1989. С. 20; Сверчков Д. Указ. соч. С. 17.

⁴ Известия. 1925. 27 июня.

⁵ Цит. по: Мельниченко В. Христиан Раковский. Неизвестные страницы жизни и деятельности. Київ, 1992. С. 12.

главные свои силы посвятил румынскому рабочему движению»¹. И, тем не менее, его участие в российском социал-демократическом движении было столь значительным, что небольшой статьи явно недостаточно, чтобы осветить его с необходимой исследовательской полнотой.

Современные биографы Раковского отмечают, что есть, по крайней мере, четыре крупных этапа в жизни и деятельности Раковского, которые заслуживают монографического анализа, и среди них — участие его в болгарском, румынском, российском и международном социалистическом движении конца XIX — начала XX в.² Однако, деятельность Раковского в Болгарии и Румынии уже отражена во многих монографиях, а написание монографии об его участии в российском общественном движении в указанные годы еще остается серьезной исследовательской задачей. Но и современная изученность этого вопроса позволяет сделать вывод о значительной вовлеченности Х. Раковского в российское социал-демократическое движение. Он был тесно связан с российской революционной эмиграцией во многих странах Европы, активно занимался популяризацией идей первых российских марксистов, непосредственно участвовал в издании газеты «Искра», выступал в печати внутри самой России, жил в России и имел там связи с революционным подпольем. Раковский также популяризировал российское революционное движение в зарубежной печати, подвергал резкой критике деятельность царского самодержавия. Составной частью его деятельности было также оказание материальной помощи российскому революционному движению в различных формах. Он может считаться и непосредственным участником революции 1905–1907 гг., хотя не все стороны этого участия и получили должное исследовательское отражение.

---

¹ Calendarul munciei pe anul 1907. București, 1906. P. 152–160.

² Головки В. А., Станчев М. Г., Чернявский Г. И. Между Москвой и Западом: Дипломатическая деятельность Х. Г. Раковского. Харьков, 1994. С. 4.

ПОЛЕМИКА ПО ВОПРОСАМ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ В ЭМИГРАНТСКОЙ ПРЕССЕ*

Идейная жизнь эмиграции была чрезвычайно насыщенной и разнообразной. Из России в эмиграцию, по существу, переместился весь спектр политических партий и настроений. Соответственно определялись и взгляды на события российской и эмигрантской жизни. Ученые, писатели, представители интеллектуальных профессий, насильственно изгнанные из своей страны, глубоко задумывались над произошедшим, пытались ответить на мучившие их вопросы: что произошло с Россией, в чем причина краха российской империи и как Россия может возродиться.

В аудиториях учебных заведений и созданных в эмиграции учреждений и союзов, на страницах эмигрантской печати («Последние новости», «Возрождение», «Руль», «Дни», и др.) ставились острые вопросы, проходили оживленные дискуссии о России, ее истории, современном режиме Советской власти, международном положении и прогнозах на будущее.

В стремлении понять и осмыслить причины гибели российской монархии естественен был интерес к белому движению, неотъемлемой части истории России, органически спаянной с самодержавной Россией. Как проявление контрреволюции белое движение являлось такой же закономерной стороной российской истории, как и революция.

В 1923 г. в Белграде была опубликована книга В. Даватца и Н. Львова «Русская армия на чужбине». Авторы справедливо признавались идеологами белого движения. В. Даватца называли «рыцарем белой идеи», он был ученым-математиком и писателем, автором многих статей о белой армии; в июне 1941 г. призывал эмиграцию поддер-

---

* Работа выполнена при поддержке гранта Отделения историко-филологических наук РАН «Власть и общество в истории».

жать нападение Германии на СССР, вступил в сформированный нацистами Русский охранный корпус и погиб в Сербии в борьбе с партизанами Тито. Н. Львов — член ЦК партии кадетов, трех Государственных дум, издавал газету «Великая Россия», в 1926 г. выступал от Югославии на открытии в Париже Зарубежного монархического съезда.

В книге довольно подробно была изложена история эвакуации из Крыма белой армии, отмеченной «духом стойкости и преданности России», показаны тяжелые условия ее существования, настроения в военной среде. Судьба белой армии рассматривалась как трагическая страница гибели Российской империи.

В отдельном разделе книги была предпринята попытка раскрыть общественную атмосферу этого времени, отношение различных общественно-политических течений к «белому делу» как составной части самодержавной государственности.

Авторы отмечали, что левая печать эсеровского толка «Воля России», «Современные записки» «вела кампанию» против белой армии и ее трагическую эвакуацию из Крыма считала «паническим бегством», закономерно обусловленным военной диктатурой и кризисом социальных проблем.

Резкой критике за аналогичную точку зрения Даватц и Львов подвергли и П. Н. Милюкова, обвиняя его в клеветническом отношении к белому делу, упрекали за отказ от союзнической и переход к германской ориентации, за так называемую «новую тактику», союз с эсерами.

Авторы книги сокрушались, что Милюков и его единомышленники, утверждая нежизнеспособность и непригодность белого движения, пренебрегли гибелью сотен тысяч добровольцев, отдавших свою жизнь за Россию в борьбе с большевиками.

Критиковали Милюкова и за его человеческие качества: нечуткость, бестактность, обращение с людьми, как с фигурами на шахматной доске.

Выражая общую для монархических и праволиберальных деятелей точку зрения, Даватц и Львов признавали Милюкова виновным в расколе и дискредитации эмигра-

ции. Его нежелание бороться с большевиками единым фронтом, объединяя усилия правых и левых сил, ставила Милюкова, особенно в глазах правых, чуть ли не пособником советской власти¹.

Республиканско-демократическая позиция Милюкова была направлена на объединение не всех, а только демократических сил в борьбе с большевизмом, исходила из реальных условий совершившейся революции и советской действительности, отвергала интервенцию и делала ставку на эволюцию внутрироссийских процессов. Милюков полагал, что советская Россия, в силу несостоятельности как политических, так и экономических основ, неумелой политики по отношению к крестьянству, сама обнаружит свою нежизнеспособность без вмешательства извне, в том числе со стороны эмиграции.

Эта «линия перспективы», как ее называли некоторые сторонники Милюкова, встречала непонимание и ожесточенное осуждение правой части эмиграции. Характеризуя атмосферу эмигрантской жизни, авторы книги приводили слова идейно им близкого, поддерживающего правую часть эмиграции чешского политика, первого премьер-министра ЧСР Крамаржа. Картина общественной жизни эмиграции производила на него «грустное и тяжелое» впечатление. «Спорить сегодня о том, — говорил Крамарж, — кто имеет больше права говорить именем русского народа — думцы или члены Учредительного Собрания с его жалкой историей — совершенно излишне» (имеется в виду собрание в Париже сторонников Милюкова и эсеров под лозунгом Учредительного Собрания); надо «жертвовать собою, партийными лозунгами, партийной ненавистью и личными интересами»². Это впечатление о противоречиях и спорах в эмигрантской среде подтверждалось многими источниками.

За полтора года до выхода книги «Россия на чужбине» генерал Врангель дал указание знакомить армию не только

---

¹ Даватиц В., Львов Н. Русская армия на чужбине. Белград, 1923. С. 36–39, 46.

² Цит. по: Там же. С. 39.

с героями, но и с предателями, которыми в его глазах являлись две газеты — эсеровская «Воля России» и «Последние новости» Милюкова. Книгу Даватца и Львова «Общество галлиполийцев», составившее позднее ядро «русского обще-воинского союза», массовой эмигрантской организации, рассылало по всему миру.

Книга Даватца и Львова послужила поводом для дискуссии о белом движении. Несомненно, что Милюкова как политика, историка и современника событий глубоко затрагивала эта тема. Документы основанного Милюковым в Париже республиканско-демократического объединения (1920), его статьи этого времени отрицали возможность старой тактики вооруженной борьбы, «белого догматизма» и призывали к отрыву от старых тезисов и кадров белого движения, к новым мирозерцанию и тактике. Но столь же безусловно, что односторонняя и апологетическая трактовка белого движения, а также выпады против него побудили его к ответному действию.

Третьего августа 1924 г. в Париже в Большом зале Географического общества Милюков выступил с докладом «О белом движении». «Перед входными дверьми на улице собравшаяся толпа тщетно пыталась проникнуть в до конца переполненный зал. Значительную часть публики составляли участники белого движения, в том числе большая группа галлиполийцев», — писала газета «Последние новости». Интерес к этому докладу был огромен не только со стороны военных, перебравшихся в Париж, но и всей эмигрантской массы.

Милюков предпослал своему докладу краткое введение, в котором сказал, что к белому движению возможен подход с точки зрения «внутренних переживаний» и с точки зрения исторического явления. К сторонникам первой точки зрения он отнес теоретиков белого движения И. Ильина, Н. Львова и В. Даватца, которые его «канонизировали». Здесь же Милюков раскрыл и мотивы этой канонизации: верность дисциплине, долгу, морали, праву, религии, идее государственности, а также верность идеализируемым началам прошлого — монархическому принципу и

верность союзникам. При этом Милюков говорил о постоянных и временных элементах этих мотивов. К постоянным он относил чувство долга, морали, права, государственности, которые единят белое движение с антибольшевистским; к временным — оценка меняющейся международной обстановки, внутренней эволюции России и изменение тактических приемов.

Итак, эти предварительные замечания уже определяли характер и направленность доклада.

Милюков рассматривал белое движение как «звено в историческом процессе», как конкретно-историческое явление, свойственное определенному времени, подчеркивая его ценность. Он видел различия в оценке белого движения как антибольшевистского в целом, в которое входили социалисты, демократы, либералы, консерваторы, реакционеры, и как движения в более тесном смысле — защитников старых начал монархии и национализма, сторонников монархической реставрации.

Белое движение, по Милюкову, объединяло «оскорбленное и униженное офицерство», правые политические течения, политические партии, побежденные в революции, бюрократию, привилегированные слои, оказавшиеся в эмиграции, казачество.

Характеризуя в целом белое движение, Милюков указывал на ошибочную тактику вождей белых армий, на сужение белого движения до исключительно монархического и реставрационного, действующего устарелыми методами.

Он сформулировал и причины поражения белого движения, при отсутствии которых, по его утверждению, белое движение могло бы победить. К их числу относились недостаточная и несвоевременная, руководимая узкокорыстными соображениями помощь союзников, усиление реакционных элементов и разочарование народных масс в белом движении, связанном с классовой подоплекой, неясностью аграрной политики.

В докладе была дана периодизация белого движения, которое Милюков разделил на четыре периода: 1) подготовительный, складывающийся (февраль—октябрь 1917 г.);

2) этап объединенной борьбы (социалисты и несоциалисты) — до осени 1918 г.; 3) дифференцированное движение по территории России — Юго-Восток, Сибирь, Запад, Крым (1919-1920); 4). эмигрантское движение (1921–1924).

Первый период революции Милюков характеризовал как сложное, противоречивое время. Начало революции, по его словам, всех «ошеломило и объединило». Главнокомандующий армиями, Государственная дума выступали глашатаями этого объединения. Милюков помнил великого князя Кирилла Владимировича, явившегося в Думу с красным бантом; он подчеркивал, что в этот отрезок времени отрицательное отношение к руководителям революции еще не исключало положительного отношения к самой революции. «В последнем смысле еще все вместе, от к.-д. до крайних правых». В составе «Союза общественных деятелей» он «заседал на крайнем левом фланге, Родзянко и Струве в центре, Ильин и крепостник Кропоткин на крайнем правом». Но уже чувствуется разница настроений «из-за эксцессов революции и отсутствия государственного опыта у возобладавших белых групп», начинается дифференциация, разброд и разъединение общественных сил.

Второму периоду объединенной борьбы сопутствует эгоистическая тактика союзников, которые вначале пытаются сговориться с большевиками, а затем осуществить создание «восточного фронта» (поддержка, организация антисоветских выступлений и высадка иностранных войск в Архангельске, Мурманске, Владивостоке). Интенсифицируется процесс дифференциации, у правых возникает теория «свободных рук» и происходит поворот к Германии.

Третий период Милюков начинает с осени 1918 г., который знаменуется организацией антибольшевистской борьбы в разных районах России: на Юге, в Сибири, на Дону и др. Милюков признавал Деникина, в управлении которого находился, по существу, весь юг России, в сравнении с другими военачальниками, «уравновешенным вождем», способным понять политические перспективы. Однако «преобладание военного взгляда на военное движение, усиление реакционного элемента», «топтание на мес-

те», разложение в армии, недоверие населения определили потерю Деникиным власти. По мнению Милюкова, с уходом Деникина белая борьба кончается и остается лишь эпилог — защита Крыма Врангелем, которая завершается эвакуацией белой армии.

Четвертый зарубежный период белого движения, по Милюкову, характеризовался возникновением в военных кругах чувства патриотического оскорбления и непонимания глубокого изменения обстановки, невозможности иностранной интервенции в борьбе с большевизмом¹.

Своим докладом Милюков, по его словам, стремился доказать, что освобождение России от большевизма должно осуществляться новыми методами. «Надо научиться, — говорил он, — знать новую Россию, отречься от злобы и ненависти, отречься от мысли, что мы одни добродетельны, а вся Россия погрязла в грехе»². Он полагал, что в борьбе с советской властью «монархически окрашенный обломок армии» не сыграет никакой роли. Однако не следует разрывать с белым движением, необходимо «сохранить его идеализм, идею жертвы и подвига, принести их в Россию со смыслом и пониманием, отбросив претензии на монополию». Милюков рассчитывал, что «лучшие элементы белого движения» примкнут к сторонникам республиканско-демократической организации, основанной им в зарубежье.

В ноябре этого же года Милюков повторил свой доклад в Праге и Брно.

Он часто бывал в Чехословакии, где действовало республиканско-демократическое объединение его единомышленников.

Следует отметить, что доклад Милюкова был первым комплексным аналитическим исследованием проблемы белого движения. Он был лишен эмоциональной окраски, чем отличались почти все работы сторонников белого движения. К сожалению, этот доклад не упоминают современ-

---

¹ Последние новости. 1924. 6 авг.

² Там же.

ные авторы многих работ по истории белого движения. Как правило, ссылаются на изданную в Париже в 1937 г. двухтомную монографию Милюкова «Россия на переломе». Но эта работа содержит, главным образом, корректировку и уточнение положений, высказанных в докладе. Так, очевидно под влиянием размышлений и мнений сторонников белого движения, он писал о том, что белое движение было «гораздо сложнее» односторонних определений, которых придерживался и он сам (широкое антибольшевистское и в узком смысле — монархически-реставрационное). Теперь Милюков утверждал, что белое движение меняло свой состав и свою тактику, что только часть противобольшевистского движения можно назвать белым, контрреволюционным и реставрационным, но все же постепенно антибольшевистское движение становилось белым, а из белого — контрреволюционным¹.

Оценка Милюковым белого движения с республиканско-демократических позиций вызвала большой резонанс в эмигрантской среде. В полемике о белом движении принимали участие известные общественные деятели, публицисты и писатели — Е. Д. Кускова, В. А. Оболенский, Г. Фальчиков, А. И. Ильин, П. Б. Струве и др. В дискуссии затрагивался широкий спектр проблем о содержании понятия «белое движение», о его социальном составе, направленности и тактике, о причинах поражения белой армии, об условиях ее возможной победы и т. д.

Кускова отмечала разноречивость понятия белого движения, она не соглашалась с публицистом Г. Фальчиковым, опубликовавшим в журнале «Воля России» заметку по поводу доклада Милюкова. Для Фальчикова белое движение «являлось объединением политических и военных сил, направленных на восстановление монархии в России»². Кускова справедливо полагала, что из его схемы выпадают социалисты и демократы, на первом этапе принимавшие участие в белом движении. В определении белого

---

¹ Милюков П. Н. Россия на переломе. Антибольшевистский период русской революции. Париж, 1937. Т. 2. С. 85–89.

² Воля России. 1924. № 18, 19.

движения Кускова солидаризировалась с галлиполийцами, квалифицировавшими его как движение добровольческих армий против красных¹.

Споры вызывал вопрос о социальном составе белого движения, его перспективах, об участии в нем интеллигенции.

В. А. Оболенский, автор многих известных публикаций о крымских событиях времен гражданской войны, не остался безучастным к этим спорам. Он рассматривал белое движение как патриотическое, стоявшее на защите «попранных чести и достоинства Родины», разрушавшихся национальной культуры и единой и неделимой России. По его мнению, белое движение, в противовес утверждению Кусковой, не было фатально обречено на гибель. В течение гражданской войны оно меняло свой облик, одновременно менялось отношение широких масс населения к большевикам, хотя народной поддержки не имели ни белые, ни красные, поскольку народ не был достаточно сознательным и не обнаруживал понимания государственных интересов. Одной из главных причин крушения белой армии Оболенский видел в стихийности контрреволюционного процесса, который переродил психологию белой армии².

Вызывал разногласия и вопрос об отношении интеллигенции к гражданской войне. Если Оболенский считал, что интеллигенция, обозначив свой нейтралитет, в действительности втайне сочувствовала либо добровольцам, либо большевикам, то Кускова, соглашаясь с тем, что в гражданскую войну нельзя занимать нейтральную позицию, не разделяла мыслей об этом выборе интеллигенции: либо добровольцы, либо большевики. Она утверждала, что большевики «прекрасно знали», что интеллигенция не на их стороне, ибо нельзя сочувствовать насилию и ломке того, что еще должно жить, ни тому идеальному плану «будущего счастья», которое обещали большевики. «Таких

---

¹ Кускова Е. И до сих пор... // Последние новости. 1925. 8–9 янв.

² Оболенский В. А. Да, до сих пор // Там же. 23 янв.; Он же. Еще несколько слов о белом движении: (Ответ Е. Д. Кусковой)// Там же. 11 февр.

нет, — заключала она, — несмотря на переряженных и приспособленных».

Рассуждая на эту тему, Кускова выступила против однопланового, догматического подхода к оценке любого политического противостояния. По ее мнению, отрицание белых и красных методов в борьбе не обязательно должно привести к приобщению к одному из них. В гражданской войне и в подобных ситуациях возникают новые тактики и новые движения. Кускова приводила в пример Колчака и противоколчаковское движение внутри белого фронта, Деникина, Врангеля и противодобровольческое движение в Грузии, выступления казачества и т.д. Люди, боровшиеся против Колчака, Деникина и Врангеля, писала она, не являлись нейтралами по отношению к большевикам, но вели с ними борьбу под другими лозунгами¹. В этом с очевидностью проявлялась собственная позиция Кусковой, стоявшей во время гражданской войны на позициях третьей силы. Не случайно, ее называли «нинисткой»: «ни Ленин, ни Колчак» — таков был ее политический лозунг той поры.

В полемику с Милюковым активно включился один из авторов книги «Армия на чужбине» Н. Львов. Он соглашался лишь с одной из причин неудачи белого движения, указанных Милюковым: поведением союзников, их нежеланием поддержать царскую монархию и, соответственно, белую армию. Его категорический протест вызывал тезис о том, что в белом движении усиливались реакционные элементы; наоборот, считал он, белое движение окончательно оформилось лишь в Галлиполи, оно не было достаточно реакционным и не порвало связей с революцией. Его гибель была обусловлена тем, что «не сложилась белая диктатура»; этому помешали «центробежные силы, вздутые революцией и элементами, связанными с ней»².

Со Львовым во многом солидаризировался Струве. Ему было «глубоко сочувственно то напряжение белого духа», которым были исполнены труды и речи Львова, его «неиссякаемая непримиримость» по отношению к больше-

---

¹ Кускова Е. Указ. соч.

² Последние новости. 1924. 16 октября.

викам и безграничная преданность Белой армии, ее традициям и заветам.

Публикуя в своей газете «Возрождение» «Очерки о ледяном походе» Львова, Струве характеризовал белое движение как эпопею героизма и жертвенности, как «неотделимое и драгоценное достояние национальной России», которое Львовым «закреплено в правдивом и честном изображении»¹. В противовес Милюкову, Струве считал, что «исторически правильнее» констатировать, что белое движение, «если смотреть из “правого угла”», с начала своего возникновения в эпоху революции получило левую окраску и в нем никогда не преобладала «полностью» и «прямо» монархическая идея. Как участник и современник событий, Струве свидетельствовал, что рядовое добровольческое офицерство, настроенное монархически, никогда не имело власти в движении и не накладывало на него идейного отпечатка. Кроме того, он считал безосновательным и недопустимым называть военачальников Корнилова, Алексеева, Колчака реставраторами и реакционерами. Воздавая им дань уважения, Струве публиковал о них статьи, в которых называл их защитниками национального долга, чести и борцами за Россию.

В позиции Милюкова Струве пронизательно усматривал политическую подоплеку, т.е. принятое им после крымской катастрофы решение «отпасть от белого движения и отвернуться против него как против реставрации и реакции»².

Линию защиты белого дела горячо отстаивал известный философ Ильин. «Мы, белые изгнанники, — писал он в своей известной брошюре “Родина и мы”, — не беглецы и не укрывающиеся обыватели. Мы не уклонились от борьбы за Россию», но приняли ее «драгоценное наследие» — белых патриотов, белую традицию и белую идею. Он писал о «стойкости белого сердца» и надеялся, что белая армия станет цементом русской национальной армии в

---

¹ Струве П. По поводу окончания очерков Н.Н. Львова // Возрождение. 1926. 25 февр.

² Там же. 1925. 8 июня.

будущем. Борьбу с большевиками он считал ошибочным сводить к политике и экономике: «это прежде всего вопрос религии, духа и патриотизма».

В этом, полном апологетики, памфлете Ильина содержался и политический выпад против милюковской идеи эволюции советской власти: «если мы услышим еще этот лепет о том, что “сатана” эволюционировала... будем спокойно слушать и делать выводы: ибо говорящий это сам выдает себя с головой»¹.

Милюков напряженно и пристально следил за ходом этой полемики, комментировал отдельные высказывания оппонентов, акцентируя внимание на положениях, поддерживающих его точку зрения. Так, он не соглашался с утверждением Кусковой о том, что белое движение не могло победить. Он считал, что был шанс, который белая армия не сумела использовать: привлечь на свою сторону крестьян в момент, когда они не переходили на сторону большевиков; подчеркивал, что классовость армии, «защита поместий» также обрекла белую армию на гибель. Основная задача армии должна была состоять в том, чтобы защищать российскую государственность.

Милюков настаивал и на своем тезисе о том, что белое движение эволюционировало, став в конце концов монархическим и реакционным, хотя его последовательные защитники являлись монархистами с самого начала.

Особое внимание Милюкова привлекла тема участия интеллигенции в гражданской войне. Он поддерживал Оболенского в мнении о неоправданности нейтральной позиции в борьбе с большевизмом, и его мысль о том, что в начале гражданской войны дифференциация в обществе делила его в основном на два лагеря — добровольцев и большевиков, а их нейтральность практически сводилась к поддержке большевиков. В этом, как очевидно, проявлялось и несогласие с точкой зрения Кусковой.

Но с Кусковой Милюков был солидарен в главном, поддерживающим его по существу. Передовая статья «По-

---

¹ Ильин И. Родина и мы. Белград, 1926. С. 3–16.

следних новостей» (1925, 9 января) называлась «Третий фронт» и начиналась с наиболее важного для Милюкова положения: непризнания «ни белого, ни красного решения». Это означало поддержку концепции эволюции советской власти, ставки в борьбе с нею не на вмешательство извне, а на развитие внутренних процессов, ведущих советскую власть к разложению. В эмиграции этот вопрос был чрезвычайно актуален, так как от его решения зависело создание общего союза эмигрантских сил в борьбе с большевистской Россией.

Выступления Милюкова в Чехословакии также сопровождались дискуссией. Среди ее участников — Д. И. Мейснер, сотрудник газеты «Последние новости», впоследствии автор известных воспоминаний «Миражи и действительность», В. А. Харламов, член ЦК партии кадетов, в эмиграции — представитель Объединенного совета казаков Дона, Кубани и Терека, В. Я. Гуревич, публицист, эсер, председатель Пражского Земгора, управляющий Русским заграничным историческим архивом и др.

В русле рассматриваемой темы представляет интерес позиция Гуревича. Он предлагал свое определение белого движения, направленного не на «преодоление большевизма», а на «преодоление революции». Милюков парировал это утверждением, что первоначально «борьба шла не против самой революции, а против ее эксцессов», сама революция «очень широким фронтом принималась», как «неизбежный исторический исход из тупика, искусственно созданного непониманием власти», впоследствии стихию революции невозможно было «канализировать и ввести в законные рамки», к чему стремились кадеты. Милюков отвергал и упреки, адресуемые кадетам за отход от белой борьбы, ссылаясь на изменение обстановки и связанной с этим тактикой поведения политических партий¹.

Своеобразным итогом активной полемики стала статья «Пережитки белой идеологии», опубликованной в «Последних новостях»². В ней содержались две основные мыс-

---

¹ Последние новости. 1924. 15 ноября.

² Там же. 1925. 14 авг.

ли. Первая из них состояла в признании гибели белой борьбы, которая «отжила свой век». «Мы покончили, — писал Милюков, — с “легендой и мифом” о белом движении, признали, что белое дело как “религиозное служение монархической идее” потерпело крах». Львова, Ильина, Струве он называл «упрямыми фанатиками белой идеи». Вторая мысль в очередной раз утверждала необходимость новых форм, методов и новой тактики борьбы с советской Россией, т. е. отречения от интервенции и сосредоточения внимания на внутрироссийском развитии, содержащем тенденцию к разрушению.

Патриотический «жертвенный порыв» белого движения Милюков считал возможным сохранить для будущего, но «влиять» его в новые рамки и использовать в борьбе республиканско-демократического объединения.

В дальнейшем труды Милюкова, также как и сторонников белого движения Ильина, Струве и др., развивали высказанные в этой полемике мысли.

СМЕНА ПОКОЛЕНИЙ ИСТОРИКОВ И ИННОВАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ В XX ВЕКЕ

Для исторической науки России XX век оказался периодом, весьма насыщенным методологическими и концептуальными изменениями, сложными инновационными процессами. Начало века было ознаменовано интенсивными гносеологическими поисками в рамках позитивистского подхода к изучению истории, в двадцатых — тридцатых годах началось активное внедрение марксистской парадигмы, которая в последующие десятилетия была существенно дополнена достижениями историко-юридической школы. Дважды — на рубеже 1950–1960-х и 1980–1990-х гг. — советская историческая наука делала попытки обращения к истинному, недогматическому марксизму, а в конце прошедшего столетия перешла к методологическому плюрализму и смешанным исследовательским подходам, сочетающим особенности нескольких концептуальных основ.

Так сложилось, что каждая генерация в сообществе российских историков XX в. начинала свою профессиональную деятельность на новом парадигмальном витке развития исторической науки, становясь его созидателем и своеобразным олицетворением. С поколением советских историков «старой школы» (С. В. Бахрушин, С. Н. Валк, С. Б. Веселовский, Б. Д. Греков, М. К. Любавский, Д. М. Петрушевский, В. И. Пичета, С. Ф. Платонов, А. Е. Пресняков, Н. А. Рожков, Б. А. Романов, Е. В. Тарле, М. Н. Тихомиров и др.) непосредственно связано сохранение традиций предшествовавшей историографии, образа «профессорской» науки.

Историки «старой школы» в своем большинстве являлись представителями разночинной интеллигенции, в их кругу не было женщин. Как правило, они были выпускниками столичных и ведущих провинциальных университетов, наследниками созданных там научных школ. Они получили блестящее образование — классическое гимназиче-

ское и университетское, изучали древние языки и владели не менее чем двумя иностранными языками. Нормой была игра на музыкальных инструментах. Музыка для многих историков этой генерации была не только увлечением, но и утешением. Откомандированный осенью 1916 г. в Пермь во вновь открытое Отделение Петроградского университета Б. Д. Греков, оказавшийся без собственных книг и даже письменного стола, писал оттуда: «Играю немножко. Тут оказалось несколько музыкантов тоже, и мы уже один вечер проиграли трио. Это самое лучшее в Перми»¹.

Образ жизни историков «старой школы» непременно включал в себя ознакомление с отечественными и зарубежными книжными новинками, чтение газет и журналов, посещение театров, различную общественную деятельность (участие в различных обществах, в том числе исторических, комитетах и т. д.), свободу от бытовых забот в современном понимании.

Это поколение историков отличал особый стиль общения, включавший в себя довольно тесные контакты с коллегами, активное неформальное обсуждение новых исследований, обширную переписку, ведение дневников. Даже достаточно широкое распространение телефонов к середине 1950-х гг. не вытеснило привычки писать письма. Б. А. Романов в своем неотправленном письме Е. Н. Кушевой от 19 февраля 1953 г. говорил о переписке, что «эта форма общения на расстоянии мне симпатичнее, чем телефон. Говорить труднее...»². Переписка для этой генерации историков — это не только обмен информацией, а часто размышления и раздумья над жизнью и научным творчеством.

Историки «старой школы» сохраняли традицию патронирования учеников, приглашая их к себе домой для обсуждения проблем истории, создавая домашние научные кружки, сплачивая тем самым научное сообщество. Например, именно в доме видного медиевиста Д. М. Петрушевского, который, по профессорской традиции того времени, был открыт для близких учеников, Б. Д. Греков по-

---

¹ Цит. по: Горская Н. А. Борис Дмитриевич Греков. М., 1999. С. 43.

² Цит. по: Панеях В. М. Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб., 2000. С. 8.

знакомился и подружился с еще одним талантливым учеником Петрушевского — будущим историком-медиевистом Е. А. Косминским, теплые отношения с которым Б. Д. Греков пронес через всю жизнь¹.

Учителя внимательно наблюдали за профессиональным ростом своих учеников. Когда прекрасные впечатления о курсе лекций А. С. Лаппо-Данилевского привели тогда еще студента Б. А. Романова в 1909–1910 учебном году в его семинарий, этот выбор был одобрен учителем Романова А. Е. Пресняковым, «который, следя за работой своего ученика, с известной долей беспокойства писал: “Интересно, какую репутацию заработает Романов у Лаппо-Данилевского”»². Надо заметить, что ученик не подвел своего учителя. Не только научная карьера, но и обывденная жизнь молодого поколения волновали учителей. В качестве примера вновь обратимся к отношениям Б. А. Романова с А. Е. Пресняковым. «Учитель был в курсе всех жизненных обстоятельств своего ученика, — пишет в своей книге о Романове В. М. Панях. — Б. А. Романов часто и запросто приходил к нему домой, обедал у него, советовался по различным вопросам»³. Так же впоследствии сам Б. А. Романов заботился о своих учениках, которых называл «сынами»: «В основном живу радостями и интересами моих сынов, у которых у всех происходит движение вперед», — писал он в письме Е. Н. Кушевой 8 января 1954 г.⁴

Конечно, после 1917 г. повседневность российского историка стала изменяться, и весьма резко. Особенно трудными были годы революции и гражданской войны. Вопрос стоял зачастую о физическом выживании оставшихся в России историках. 2 января 1919 г. С. Б. Веселовский записал в своем дневнике: «Все ходят и держат себя, как приговоренные к медленной, но неминуемой смерти. Некоторые поддерживают еще с трудом свой туалет, но другие уже не скрывают своей нужды и полного упадка духа. Очень тяжело приходится Любавскому. Он сам приготовляет себе

---

¹ Горская Н. А. Указ. соч. С. 22–23.

² Панях В. М. Указ. соч. С. 27.

³ Там же. С. 41.

⁴ Там же. С. 344.

пищу, вероятно, сам стирает себе белье и т.д.; ходит нестриженный и непричесанный»¹. Подводя в апреле 1920 г. скорбные для российской интеллигенции итоги, С. Б. Веселовский замечал, что «поучительно будет со временем издать книгу небольших некрологов ученых, писателей и вообще людей мысли. Будет хороший памятник, — с горечью констатировал он, — социальной революции»².

В таких материальных условиях изменения в сфере науки и преподавания, предпринимаемые новой властью, воспринимались уже без демонстрации несогласия. Примирение с ее политикой становилось вопросом жизни и смерти. Политика же большевистского правительства в отношении историков «старой школы» была стратегически нацелена на минимизацию их роли в изучении общественных наук. Профессура отстранялась от преподавательской деятельности путем простого увольнения по политическим мотивам или вследствие реорганизации университетских факультетов и кафедр, высылалась за рубеж, ограничивались ее возможности публикации. Даже само преподавание в традициях «старой школы» воспринималось уже как борьба с новым строем.

Многие представители русских историков избрали себе путь внутренней, духовной эмиграции. Духовными эмигрантами ощущали себя большинство оставшихся в советской России историков «старой школы»; в этом же их обвиняли историки-марксисты, глава которых, М. Н. Покровский, писал 19 сентября 1928 г. в редакцию журнала «Историк-марксист»: «Между ним (Е. В. Тарле. — Л. С.), Ростовцевым и Платоновым по существу нет никакой разницы, а формальная разница, что один эмигрант “внешний” (Имеется в виду М. И. Ростовцев. — Л. С.), а другие “внутренние”»³.

Действительно, с позиций воинствующего марксизма не было принципиальных отличий между историками «старой школы» внутри страны и за ее пределами. Занятия

---

¹ Вопросы истории. 2000. № 8. С. 87.

² Там же. № 9. С. 130.

³ Евгений Викторович Тарле. Биографический очерк // Академическое дело 1929–1931 гг. СПб., 1998. Вып. 2: Дело по обвинению академика Е. В. Тарле. С. XCIV.

наукой становились для них своеобразным щитом, защищающим их от действительности. «Сегодня воскресенье, я свободен и с удовольствием сижу дома и отдыхаю за книгами, — записал в своем дневнике С. Б. Веселовский 5 апреля 1919 г. — Вообще за последнее время я никуда не хожу, много читаю и делаю выписки. Только за чтением отдыхаешь от кошмаров современности»¹.

Такая позиция позволяла сохранять иллюзию недавнего, но канувшего в лету прошлого, находиться в пределах своей духовной автономии, отстраняясь от чуждых идеалов. Она смягчала трагизм положения историков «старой школы», но одновременно создавала и новые душевные переживания, связанные с утратой своего положения в обществе. Уже в апреле 1917 г. С. Б. Веселовский писал в своем письме С. Ф. Платонову: «Как я пережил последний месяц? В общем — как все. Разница, пожалуй, та, что не поддерживала и не поддерживает вера в возрождение, в поворот к лучшему. Сознаюсь в своем пессимизме. Некоторым оправданием или смягчающим обстоятельством мне служит то, что я стал пессимистом давно, еще с 1904—1905 года»². Отвечая на это письмо, С. Ф. Платонов признавался С. Б. Веселовскому, что разделяет его опасения: «Пессимист и я. Не пугают меня теоретические кликуши, пугает “стихия” некультурная и слепо-злая и эгоистичная. Очень она стала заметна...

Ну, да что же можно делать нашему брату, кабинетному человеку, в настоящую минуту? Только ждать»³.

Такие же печальные выводы из современной действительности делал и Н. П. Лихачев, добавляя, что «отчаяние заползает в душу». Он писал в письме А. В. Орешникову: «Царство небесное Михаилу Васильевичу (Никольскому (1848—1917)). — Л. С.)! Очень добрый и оригинальный был человек. Теперь в России нет ассириолога. По-старому судя очень горько, а по-новому — для обращающегося в первобытное состояние народа — жалеть нечего — наука и

---

¹ Вопросы истории. 2000. № 8. С. 98–99.

² С. Б. Веселовский — С. Ф. Платонову, Татаринковка, 5 апреля 1917 г. // Переписка С. Б. Веселовского с отечественными историками. М., 2001. С. 188.

³ С. Ф. Платонов — С. Б. Веселовскому, Петроград, 12 апреля 1917 г. // Там же. С. 189.

культура — предмет роскоши — ни рабочим, ни солдатам, ни крестьянам не нужный и не понятный»¹.

Вместе с тем, в той действительности, что шла на пользу исторической науке, многие историки «старой школы» участвовали самым активным образом. Начатая в июне 1918 г. декретом «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР» архивная реформа нашла живой отклик среди историков. С. Ф. Платонов стал руководителем Петроградского отделения Главархива. Несмотря на его резко отрицательное отношение к новым властям и неверие в успех социализма, С. Ф. Платонов с удивлением обнаружил, что на него «вдруг начался спрос». «Я встал рядом (и в согласии) с “левым с[оциал]-д[емократом]” и “революционным марксистом” Рязановым-Гольдендахом, который ведет ... управление, — писал он 20 июля 1918 г. — Это ученый, порядочный и добрый еврей, революционер-теоретик, к которому все члены управления относятся с признанием и расположением. После упорной двухмесячной работы в Петербурге и Москве мы наладили Главное и два областных архивных управления... Благодаря уму и такту Рязанова дело попало в ученые руки, руководится коллегиями и руководствуется только интересами дела безо всякой политики. Много архивов спасено и охранено, много работников возвращено к делу и обеспечено. После суеты строительства чувствуешь себя удовлетворенным и не боишься дальнейших осложнений. Они, конечно, неизбежны. Но историки их не убоялись, и, Слава Богу, все встали к делу»². Рядом с С. Ф. Платоновым трудились А. Е. Пресняков, Б. А. Романов, Б. В. Александров, С. Н. Валк, К. Д. Grimm, Е. В. Тарле, Б. Д. Греков и др. Однако так продолжалось не долго. В 1920 г. Д. Б. Рязанова сменил М. Н. Покровский, изменилась и политика в отношении архивного дела, во главу которой была поставлена идеология. Это повлекло за собой чистку архивных кадров от «чуждых советской власти элементов». По окончании гражданской войны и до 1928 г. глава исторического фронта М. Н. Покровский в тактических целях на-

---

¹ Н. П. Лихачев — А. В. Орешникову, 12 июля 1917 г. // Река Времени: (Книга истории и культуры). М., 1995. Кн. 2. С. 163.

² *Панях В. М.* Указ. соч. С. 48.

чал поощрять процесс «возрождения... буржуазного обществоведения», в противовес «монополизму» марксистской литературы: марксистское обществоведение должно было крепнуть в борьбе¹. Однако нельзя ни в коей мере преувеличивать степень допущения и «поощрения» немарксистских историков.

Марксистская парадигма должна была стать главенствующей и единственной для исторической науки советской России. Ее главными проводниками и носителями стало второе поколение отечественных историков XX века (Э.Б. Генкина, Е.Н. Городецкий, И.И. Минц, М.В. Нечкина, А.М. Панкратова, А.Л. Сидоров и многие другие), ставшее «первым марксистским». Эта генерация существенно отличалась от поколения своих старших коллег. Историки-марксисты в своей массе были выпускниками новых марксистских учебных заведений, нацеленных не только на обучение набору гуманитарных дисциплин, но на формирование у своих слушателей единой марксистской концепции, на подготовку «красной профессуры», призванной сменить старую буржуазную профессуру. Более пестрая по социальному и национальному составу, включавшая уже не только мужчин, но и женщин-историков, эта генерация, за отдельными исключениями, не получила изначально столь глубокого и систематического образования.

Образовательная цепочка (рабфак — Институт красной профессуры или иной вуз) была весьма распространенной. Профессор Герценовского педагогического института историк Г.М. Дейч в своих воспоминаниях рассказывал, как в самом начале 1930-х гг. начался его путь к высшему историческому образованию. «В Харькове я поступил на Рабфак, хотя знания мои были весьма слабыми, — писал Г.М. Дейч. — Я работал тогда на заводе и числился рабочим, а это для поступления на рабфак являлось почти решающим. На приемных экзаменах мне почему-то поставили высокую оценку и зачислили сразу на 3-й курс. Мои однокашники оказались почти все моего уровня, и я весьма успешно учился и получил по окончании диплом и право

---

¹ Цит. по: *Мягков Г. П.* Научное сообщество в исторической науке. Казань, 2000. С. 34.

поступления в высшее учебное заведение». Осенью 1932 г. Г.М. Дейч поступил в ЛИФЛИ (Ленинградский институт истории, философии, литературы и лингвистики)¹. Пробелы начального и среднего образования приходилось ликвидировать, уже находясь в вузах, что требовало больших усилий и труда, однако немалое число историков этого поколения с задачей справилось. И все же общий уровень образовательной подготовки историков-марксистов в 1920–1930-е гг. уступал качеству образования, полученному их предшественниками.

Формирование представителей первого марксистского поколения как личностей пришлось на начало XX в., революционная агрессия которого не могла не наложить своего отпечатка даже на тех историков, которые не были непосредственно вовлечены в классовые сражения. Историческая наука в восприятии и риторике историков-марксистов рисовалась как фронт со всеми соответствующими атрибутами — наличие противника, которого необходимо повергнуть, определение новых высот, которые необходимо завоевать, и т. д.

Партийность становилась частью стиля мышления и образа жизни. Ради интересов партии историки-марксисты могли пренебречь научностью в исторических исследованиях, объясняя это тем, что они выполняют свой партийный большевистский долг, когда в известной мере приукрашивают историю². Марксистское поколение оказалось более консолидированным по своим мировоззренческим установкам, чем представители «старой школы».

С генерацией «красных профессоров» в отечественную историческую науку прочно вошла методологии марксизма. Приоритет, главенство методологии в исторических исследованиях — это уже характерная и неотъемлемая черта поколения историков-марксистов, как и сознательное отрицание наследия дореволюционных историков и историков старшего поколения. Сам процесс обучения в Институте красной профессуры, главной кузнице марксистских кадров, система преподавания в котором включала научно-иссле-

---

¹ Дейч Г. М. Воспоминания советского историка. СПб., 2000. С. 46.

² Архив РАН. Ф. 697. Оп. 2. Д. 70. Л. 303.

довательскую, педагогическую, организационную и партийную работу, был подчинен задаче обособления историков-марксистов от всего исторического сообщества, формирования их как непримиримых борцов с буржуазной наукой. По словам ректора ИКП М.Н.Покровского, речь шла «отнюдь не просто о подготовке марксистски образованных преподавателей... Этого мы могли бы достигнуть и не создавая Института красной профессуры, а просто поставив аспирантам на кафедры факультета общественных наук определенные экзаменационные требования по части теории и истории марксизма. ...Нам нужно не это, — это лишь само собой разумеющийся минимум; нам нужна молодежь, глубоко проникшаяся принципами революционного марксизма...»¹.

Свою задачу ИКП успешно выполнил. Его слушатели претворяли в жизнь поставленную перед ними «большую партийную задачу — подготовить себя, как марксистски выдержанную профессуру, для наших советских вузов, где орудовали враждебные нашему делу старые буржуазные профессора, либо саботировавшие, либо вредившие в то время нам, не желающие принимать ни нашего строя, ни нашей идеологии»².

Начало профессиональной деятельности первого выпуска студентов Института красной профессуры вызвало существенные изменения в исторических кругах основных научных центров страны, каковыми являлись Москва и Ленинград. В сообществе историков росло и укреплялось его марксистское направление, пестуемое руководством исторической науки.

Наиболее активные молодые «красные профессора» первого выпуска ИКП были «мобилизованы на идеологический фронт», каковым в 1926 г. стал город на Неве, когда началось «наступление» историков-марксистов на позиции историков «старой школы», проходившее в условиях острой борьбы против «троцкистско-зиновьевской оппозиции». В

---

¹ Покровский М. Н. Институт красной профессуры: (К первой годовщине) // Труды Института красной профессуры. М.; Л., 1923. Т. 1: Работы семинариев философского, экономического и исторического за 1921–1922 гг. (1 курс). С. 10.

² Архив РАН. Ф. 697. Оп. 2. Д. 186. Л. 29.

их числе была ученица М. Н. Покровского А. М. Панкратова. Она начинает преподавать в Военно-политической академии им. Толмачева и одновременно работать в Институте истории при Ленинградском университете (филиал Института истории РАНИОН).

Панкратова активно переписывается с Покровским, сообщая ему о состоянии дел в историческом сообществе Ленинграда и получая от него инструкции. В центре внимания — проведение выборов в действительные члены Ленинградского отделения Института истории, имевших своей целью пронизать старую профессуру марксистскими кадрами. Панкратова жестко подразделяет кадры историков: есть «из их лагеря», «из беспартийных марксистов» и, наконец, «из наших коммунистов»¹.

Окрепшая к концу 1920-х гг. марксистская школа, подготовившая свои кадры историков и образовавшая свои учреждения, мириться с положением подмастерьев у мастеров буржуазной исторической науки больше не желала. Сбивались предостережения историков-эмигрантов, потерявших, казалось бы, свою остроту к середине 1920-х гг., что большевики терпят Академию, университеты, пока у них нет ничего своего, чтобы заменить старое образование и науку (так писал в «Times» М. И. Ростовцев 5 апреля 1921 г.)².

Существенные изменения претерпела проблематика исследований, которой отдавала предпочтение вторая генерация историков России XX в. по сравнению с первой: в центре внимания оказались сюжеты, связанные с народными движениями и революционной борьбой или посвященные социально-экономическим вопросам. Интерес к этому кругу проблем логически вытекал из особенностей общественной жизни России, переживавшей грандиозные социально-экономические и политические трансформации, притом что классическая русская историческая наука XIX в. основное внимание сосредотачивала на истории государства.

---

¹ А. М. Панкратова — М. Н. Покровскому. 14 марта 1927 г. Цит. по: Историк и время. 20–50-е годы XX века. А. М. Панкратова. М., 2000. С. 269.

² Ростовцев М. И. Наука в большевистской России // Ростовцев М. И. Избранные публицистические статьи, 1906–1923. М., 2002. С. 90.

Содержание учебных курсов, сконцентрированное вокруг изучения истории классово-борьбы, вызывало активный интерес молодых исследователей. А. М. Панкратова вспоминала: «Когда я поступила в ИКП в 1922 году, то там для меня самым ценным было то, что мы стали изучать историю революций, а не старые исторические эпохи. Мы, ученики Покровского, в течение многих лет изучали не весь ход исторического развития, а те эпохи, которые мы считали наиболее актуальными: революции 1905 г., 1917 г., историю гражданской войны и т. п.»

Однако у такого подхода к преподаванию оказались существенные изъяны — «вырастали и выходили из ИКП люди, не знавшие фактов, не изучавшие фактической истории в целом. Наш ИКП нередко выпускал таких историков, которые приезжали в провинцию, им нужно было читать исторический курс, и они не могли читать его, т. к. истории они не знали, цельного исторического миросозерцания не выработали, зная отдельные “кусочки истории”»¹.

Конечно, это замечание Панкратовой относится далеко не ко всем выпускникам ИКП, но особенности профессиональной подготовки первого марксистского поколения советских историков в нем подмечены верно. Ему прививалось отношение к исторической науке как к «самой политической науке из всех существующих»², в нем воспитывалась убежденность в приоритете марксистской теории перед историческим фактом.

Такая система подготовки научных и преподавательских кадров, распространившаяся на все советские вузы, не могла не сказаться на характеристике поколения историков-марксистов. Со студенческой скамьи вырабатывался навык идти от установленной схемы исторического процесса, подтверждая ее фактами и отвергая те из них, которые ей противоречили.

Возвратившийся в 1941 г. в Москву Р. Ю. Виппер (до того времени он был профессором университета в Риге после эмиграции в 1924 г. в Латвию) удивлялся, как совет-

---

¹ Цит. по: Историк и время... С. 208.

² Покровский М. Н. Историческая наука и борьба классов. М.; Л., 1933. Вып. 2. С. 360.

ский студент легко овладевает марксизмом: «У студента получается, а у меня, профессора, ни черта не получается. Правда, студенту ничего не мешает, он мало знает, ему схему строить легко, мне труднее, но это люди, для которых история не то, что была для нас в свое время — мешок с фактами»¹. Одновременно эти слова известного историка свидетельствовали, как трудно шло приобщение дореволюционной профессуры к марксизму, особенно в его догматическом прочтении.

Особое, подчас сродни мистическому, отношение к цитате (ленинской или сталинской, это не суть важно в данном аспекте) приобретало с конца 1920-х гг. все большее и большее распространение. В первую очередь оно покоилось на вере в эвристическую мощь любого марксистского положения, характерной для второго поколения российских историков XX в.

Сражения цитатами, вытеснявшие научную полемику, становились непременным атрибутом профессионального бытия советского историка. Конечно, были исключения из правил и здесь. Молодой историк-марксист М. А. Гудошников «с раздражением отмечал вульгаризаторскую бесцеремонность обращения с марксизмом М. Н. Покровского: “Говорит так, как будто обучался в хедере Талмуду, сравнивает цитаты... показывает эквилибристическую ловкость”»².

На смену индивидуализированного первого поколения шла генерация коллективистов, переносившая этот принцип и в научную работу. Отсюда — изменение в стиле научной работы, включение в него многоступенчатой системы обсуждений готовящихся исследований.

Молодые советские историки, отвергая во многом наследие «отцов», тем не менее вбирали в себя их творческий опыт. Особенно это стало проявляться с середины 30-х гг.,

---

¹ Цит. по: Архив Научного совета по историографии и источниковедению РАН. Стенограмма совещания авторского коллектива IV т. «Очерков истории исторической науки в СССР» 1 декабря 1959 г.

² Цит. по: *Колеватов Д. М.* Исторические взгляды М. А. Гудошникова // История и историки, 2001: Историографический ежегодник / Под ред. А. Н. Сахарова. М., 2001. С. 233.

когда после постановления 1934 г. о преподавании гражданской истории стало меняться отношение к трудам дореволюционных историков России, укрепилось положение первой генерации советских историков. Несмотря на методологические ограничения, лучшие представители марксистского направления из поколения «красных профессоров» и их учеников создавали фундаментальные работы, основанные на глубоком знании источников, вводили последние в научный оборот.

Преимственность первого и второго поколения советских историков можно проследить даже при сравнении образа жизни корифеев «старой» и «красной» профессуры. Когда постепенно исчезли объективные материальные трудности, вызванные войнами и революционными потрясениями, и сознательный коммунистический бытовой минимализм, организация труда и жизни ведущих представителей марксистского поколения все более и более воспроизводила образ жизни старшего поколения историков. Стиль их жизни, в значительной степени освобожденной от быта, также был подчинен научному творчеству. Более того, «красные профессора» входили в элиту советского общества.

После окончания Великой Отечественной войны в историческую науку страны начало вступать новое поколение советских историков, составившее третью генерацию российских историков в XX в. Послевоенная генерация историков испытывала на себе влияние двух таких разных предшествовавших поколений, формируя собственную позицию. Ее консолидации в достаточно четко очерченную группу в немалой степени способствовала Великая Отечественная война, ставшая гранью, в том числе и в сообществе советских историков.

С началом деятельности этой генерации историков совпала очередная смена политико-идеологической парадигмы, вызванная идеями хрущевской оттепели. В отличие от своих более старших коллег, историки послевоенного поколения выросли и сложились в советское время. Они родились в СССР и обучались в советских школах и вузах, воспитывались в духе коллективизма, участвуя в пионерских и комсомольских организациях. Многие из них явля-

лись членами коммунистической партии. Страна Советов была той повседневной реальностью, которая окружала их, формировала их представления и взгляды. Идеалы эпохи — политическая активность, убежденность в социальной справедливости советского строя, национальное равенство — становились органической частью сознания большинства историков послевоенного поколения.

Профессиональная подготовка послевоенной генерации советских историков изначально включала в себя изучение достижений русской, а не только советской исторической науки, освоение приемов и методов работы с источниками, внимание к историческим фактам. Марксистская непримиримость поколения «красных профессоров» уступала место более взвешенному отношению к партийности в исторических исследованиях. Поиск исторической объективности был включен в число исследовательских задач.

Эта генерация историков отказывалась от недавно ею освоенных положений «Краткого курса», от сталинского прочтения отечественной истории. Происходившие в стране и науке перемены требовали от послевоенного поколения историков определения своего отношения к ним, выработки собственной общественной и научной позиции. В целом они с увлечением поддерживали идеи, вошедшие в историческую науку после XX съезда КПСС, хотя отказ от сталинизма для многих из них не был мгновенным.

Новые тенденции в исторической науке поддерживали и многие историки предшествовавшего поколения. Не случайно, что А. М. Панкратова оказалась во главе «мятежных» «Вопросов истории», а вокруг А. Л. Сидорова сформировалось «новое направление».

Послевоенное поколение историков оказалось увлечено задачей приложения к изучению прошлого марксизма-ленинизма, освобожденного от напластований сталинской эпохи. Несмотря на признание идеологической значимости исторической науки, эти историки проявляли стремление отделить науку от конкретной общественно-политической ситуации, не приспособливать к ней свои труды.

Хотя кардинальным направлением методологического поиска у историков послевоенного поколения в советский

период было новое прочтение классиков марксизма-ленинизма, получило импульс к развитию и другое направление, в основании которого лежало изучение достижений современной западной историографии, ее гносеологии и эпистемологии, в первую очередь историко-антропологического метода.

Свертывание оттепели привело к возникновению в среде историков послевоенного поколения конформизма, к ужесточению «цензуры собственной головы», смягченной в годы оттепели.

Это поколение дважды становилось непосредственным участником концептуальных и методологических перемен в отечественной исторической науке, в целом позитивно отзываясь на них. Его младшая ветвь продолжает активно работать в современной науке.

Смена исторических вех, произошедшая в исторической науке России в 1990-х гг., стала объективной реальностью, в которой уже прошло профессиональное становление новой генерации исследователей, сформировавшихся в условиях методологического плюрализма, существенного расширения источниковой базы исследований, включенности в мировую историческую науку.

Таким образом, каждое из поколений историков России XX в. было непосредственным образом связано с проходившими в науке инновационными процессами, в значительной степени определявшими общий облик генерации в целом. Однако деятельность в рамках единого сообщества российских историков позволяла и позволяет историкам разных генераций, сохраняя свою самобытность, отвечать на все новые вызовы времени.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ААЭ — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедиции Академии наук, СПб.
- АЕ — Археографический ежегодник
- АИ — Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией Академии наук, СПб.
- АН — Академия наук
- АРИ — Архив русской истории, М.
- АСЭИ — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси, конца XIV — начала XVI в. М.
- АФЗХ — Акты феодального землевладения и хозяйства, М.
- БЛДР — Библиотека литературы Древней Руси, СПб.
- ВИ — Вопросы истории
- ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины, Л. (СПб.)
- ВКТСМ — Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря / Изд. подгот. Е. Н. Клитина, Т. Н. Манушина, Т. В. Николаева. М., 1987.
- ВМОИДР — Временник Московского общества истории и древностей российских
- ГИМ — Государственный Исторический музей
- ГЭ — Государственный Эрмитаж
- ДАИ — Дополнение к Актам историческим, собранным и изданным Археографической комиссией Академии наук, СПб.
- ДР — Древняя Русь, журнал
- ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
- ЗОРСА — Записки Отделения русской и славянской археологии Археологического общества, СПб.
- ИА — Исторический архив
- ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
- ИИ — Институт истории
- КПНВ — Майков В. В. Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI в. СПб., 1911.
- КСИА — Краткие сообщения Института археологии
- КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
- ОИ — Отечественная история

- ОПИ — Отдел письменных источников
ОР — Отдел рукописей
ПИ — Памятники источниковедения, М.
ПКР — Привилегированное купечество России во второй половине XVI — первой четверти XVIII в.: Сборник документов. Т. 1 / Сост. Т. Б. Соловьева (отв. сост.), Т. А. Лаптева. М., 2004.
ПЛДР — Памятники литературы Древней Руси, М.
ППС — Православный палестинский сборник
ПРП — Памятники русского права
ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РА — Российская археология
РАН — Российская Академия наук
РГАДА — Российский государственный архив древних актов
РГБ — Российская государственная библиотека, М.
РИБ — Русская историческая библиотека, издаваемая Археологической комиссией, СПб.
РНБ — Российская национальная библиотека, СПб.
РФА — Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI века, М.
СА — Советская археология
Сб. ГКЭ — Сборник грамот Коллегии экономии
Сб. МАМЮ — Сборник Московского архива Министерства юстиции
Сб. РИО — Сборник Русского исторического общества, СПб.
СГГД — Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел, М.
СДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI — XIV вв.), М.
СККДР — Словарь книжников и книжности Древней Руси
Сл. РЯ XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв., М.
СР — Средневековая Русь, периодическое издание
ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом). Л. (СПб.)
Тр. ГИМ — Труды Государственного исторического музея
ЧИОНЛ — Чтения в Историческом обществе Нестора летописца
ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете
ЧОЛДН — Чтения в Обществе любителей духовного просвещения

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
<i>А. В. Демкин, Н. И. Никитин, Н. М. Рогожин.</i> Александр Александрович Преображенский (1925–2002): ученый и гражданин	5
<i>Н. М. Рогожин.</i> Роль церкви в формировании и развитии русского центрального епархиального города XVI–XVII вв.	31
<i>В. Б. Перхавко.</i> Материалы о купеческом быте средневековой Москвы	51
<i>А. В. Демкин.</i> Промышленность и торговля Русского государства в XVI–XVII вв.	87
<i>Г. А. Санин.</i> «Забыв отчизны давний плен, Богдана счастливые споры...»	99
<i>Л. Е. Морозова.</i> Сочинения англичан о России XVI века: правда или вымысел?	132
<i>М. Г. Ракитина.</i> Чин объявления наследника престола в России XVI–XVIII вв.: проблема изучения	155
<i>Д. В. Лисейцев.</i> К вопросу о времени возникновения «Записки о царском дворе»	186
<i>А. Г. Гуськов.</i> Источники Великого посольства 1697–1698 гг.: грамоты	208
<i>И. А. Лушина.</i> Некоторые проблемы исследования «Жития Стефана Пермского» в качестве исторического источника	241

<i>В. И. Иванов.</i> Монастыри и монастырские владения XVII в. в Кольском уезде	255
<i>Е. Н. Марасинова.</i> Абсолютизм и дворянское сословие (некоторые проблемы историографии первой четверти XVIII века)	277
<i>Ю. А. Тихонов.</i> Крестьянский двор в помещичьей деревне и его хозяйственные возможности в 20–30-х гг. XVIII в.	303
<i>А. В. Ковальчук.</i> Состояние местного государственного аппарата по материалам сенаторских ревизий 1799–1800 гг.	318
<i>С. А. Козлов.</i> Аграрная рационализация центрально-нечерноземной России на страницах отечественной экономической печати 60-х гг. XIX в.	344
<i>А. И. Аксенов.</i> Зимины: от текстильной мануфактуры до сотовой сети «Би Лайн»	382
<i>В. Я. Гросул.</i> Х. Г. Раковский и социал-демократическое движение в России (конец XIX — начало XX вв.) ...	395
<i>М. Г. Вандалковская.</i> Полемика по вопросам белого движения в эмигрантской прессе	414
<i>Л. А. Сидорова.</i> Смена поколений историков и инновационные процессы в отечественной исторической науке в XX веке	428
Список сокращений	443

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

СВЯЗЬ ВЕКОВ:

Исследования по источниковедению истории России до 1917 г.
Памяти профессора А. А. Преображенского
Сборник статей

Редактор Г. Я. Данилина
Художественное оформление А. В. Кубанов
Корректор О. А. Пруцкова
Компьютерная верстка А. В. Ковальчук

Утверждено к печати Институтом российской истории РАН
Подписано в печать 22.05.2007. Формат 60×90¹/₁₆. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 28. Уч.-изд. л. 20,57. Тираж 500 экз. Заказ № 4522

Издательский центр Института российской истории РАН
117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Издательство «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН)
117393, Москва, ул. Профсоюзная, д. 82. Тел.: 334-81-87 (дирекция)
Тел./факс 334-82-42 (отдел реализации)

Налоговая льгота — общероссийский классификатор
продукции ОК–005–93, том 2: 953000 — книги, брошюры
Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного оригинал-макета в типографии

ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14